

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРЮКСКИЕ ЗОРЬ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3

2021

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии

Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ

В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2021 — 3(64)

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

Творчество не об руку с жизнью (к 200-летию со дня рождения Н. А. Некрасова).....	3
К ЮБИЛЕЮ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА НЕКРАСОВА	
Валерий Ганский. «Моя душа в Саратовской губернии...».....	23
Александр Петренко. Миллионы литератора.....	29
Валерий Акимов. К 200-летию Н. А. Некрасова: мой поэтический венок русскому классiku.....	34
НАШИ ТРАДИЦИОННЫЕ ГОСТИ ИЗ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СОЮЗА «ПОЛОЦКАЯ ВЕТЬ»	
Алексей Горбунов. Вступительное слово.....	36
Ольга Шипилова. Пиксели души.....	37
Алексей Горбунов. Новолуние.....	40
Татьяна Бестужева. Маяк «Души».....	46
Николай Василевский. Центр мира.....	51
Надежда Тухто. Материнство по заказу, или Счастливое несчастье.....	57
Лариса Поликарпова. Мама, я байкера люблю!	63
Любовь Михайлова. Станция «Вологда» (эссе).....	68
Леонид Пулькин. Микеланджело (сцены из пьесы).....	70
Олег Зайцев. «И иней серебрят поляны...».....	77
Светлана Каленчукова. Белая трость.....	79
Александр Милов. Осеннее настроение.....	80
Елена Цейко. Бабье лето.....	82
Екатерина Соболева. Знаешь, автор... ..	83
Анатолий Мозгов. Триолеты.....	86
Елена Стрижак. Муж на час.....	88
Мария Зайцева. Беларусь моя.....	89
Наталья Литвинова. Марку Захаровичу Шагалу (акrostих).....	91
Татьяна Потапович. Краденое счастье.....	92
Юлия Агранович. Седые мальчики.....	94
Александра Лесковец. Речь Александра Невского перед боем.....	97
Вадим Салеев. Поэзия и поэты «Полоцкой ветви».....	98
Юрий Клеванец. Некоторые тенденции в развитии русской и русскоязычной литературы	
Республики Беларусь последних тридцати лет.....	120
Николай Хохлов. Джек.....	130
Екатерина Ларионова. Где Лежа?	136
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: ОЧЕРК	
Николай Черняков. Экваториальная экспедиция особого назначения — 1967 г. (ЭЭОН-67).....	143

Борис Григорьев. Рабы с Востока (советские военнопленные в Норвегии (1941—1945)).....	159
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ	
Владимир Королев. Переправа — ад и слава (главы из повести).....	171
Николай Макаров. Мичуринск (из цикла «Воспоминания батальонного врача»).....	181
Яков Шафран. Кое-что из жизни хищных и травоядных (притчи).....	187
Мстислав Казанский. Жаворонков и Ермаков (отрывки из книги).....	192
Алексей Яшин. Из цикла новелл «Болдинское межсезонье».....	202
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ	
Анатолий Белинский. Свет надежды.....	220
Андрей Новиков. Перекрестье.....	223
Валерий Сухов. Исход (цикл стихов).....	226
Владислав Бусов. «Божьей дудки» слышу грусть.....	231
Валерий Кулешов. Слеза и свет.....	236
Валерий Румянцев. Плоды победы раздарив.....	241
Владимир Резцов. Лампагия и Мунуза.....	245
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Людмила Воробьева. Одухотворенная земля сибирская.....	248
Александр Балтин. К 160-летию Чехова.....	275
Наши интервью: Надежда Мейхер-Грановская: интервью Николая Тимохина.....	279
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	283

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Евгений АСТАШКИН (Омск) — зав. отделом прозы
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Москва) — зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Тула)
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам. председателя Правления АРЛ
Валентин СОРОКИН (Москва)
Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
Вадим ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
— альманах «Московский Парнас»
— газета «Русскоязычная Америка NY»
— газета «День литературы» (Москва)
— поэтическое издательство «Образ» (Москва)

Журнал издается при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульского государственного университета.

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: <http://www.pz.tula.ru> (в PDF формате).
См. также на сайте «Русское поле»: <http://priokskie.ruspole.info> и на сайте «Megalit: евразийский журнальный портал»: <http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html>
Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах: <http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html>, <http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html> и <http://priokskie.ruspole.info>

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов:

<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori>
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg>

Адреса страниц журнала «Приокские зори» и «Ковчег» в Фэйсбуке:
<https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/>
<https://www.facebook.com/groups/830445600458209/?fref=ts>

© «Приокские зори», 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

ТВОРЧЕСТВО НЕ ОБ РУКУ С ЖИЗНЬЮ (к 200-летию со дня рождения Н. А. Некрасова)

*Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой...*

В пору моей учебы в средней школе, в блаженные 70-е годы прошлого, естественно, века, на обложках тетрадей для занятий русским языком, что о двенадцати листах, что о восемнадцати, практиковалось размещать портреты классиков отечественной литературы (включая и советскую, конечно же), графические такие, с приведением, под парсуной самого автора, какой-либо поучительной цитаты из какого-либо его произведения, широко известного, конечно же. Помните, господа, а равно и дамы, ровесники мои? Так вот, тетрадь с портретом Николая Алексеевича Некрасова была «снабжена» именно тем четверостишием, коим «оснастил» аз грешный сию колонку редакторскую в качестве эпиграфа. К чему я это вспомнил, спросите? Надо же как-то и самому в тему втягиваться, и читателя в оную вводить. А казенщина, официоз, словом, канцелярские преамбулы, порядком, признаться, надоели. Скажу лишь, что в годы моих детства-отрочества-юности творчество Н. А. Некрасова, да и сама его личность, трактовались советским литературоведением вполне однозначно, а именно, как пламенного и чистого душой певца народной доли и апологета революционной гражданственности и свободы. Что-то там вскользь упоминали о некоторых «странных» качествах натуры поэта и гражданина, так, неясным мычанием, парой предложений, эскизно, намеками, но и только. А его отношения, в частности, с семейством Панаевых преподносились легко и непринужденно, мол, экая несуразность, недоразумение, то ли еще бывало. Во многом и поэтому ныне считаю, что прошедшее с той поры время дает нам право и возможность сказать о выдающемся русском художнике слова взвешено и без излишней экзальтации, без «перетягивания каната» вправо-влево, исключив огульность и случайные эмоции. Будем проповедовать диалектический подход, дамы и господа, а именно, как призывал в одной из своих известных песен Ю. Визбор: «Спокойно, дружище, спокойно...».

И то верно, двести лет со дня рождения Николая Алексеевича, исполняющиеся в конце сего года, прекрасное основание для уважительного и по возможности объективного взгляда на жизнь и творчество выдающегося русского поэта, создавшего свой неповторимый поэтический стиль и обогатившего отечественную и мировую литературу прекрасными, талантливыми произведениями, являющимися образцами истинного, не показушного гуманизма, кто бы и что бы там не говорил. Другое дело, что художник и человек масштаба Некрасова не может быть, да и в реалиях не был, извините, таким ангелочком, представителем Создателя на грешной земле, нет, он-то как раз был подвержен и страстям, и сомнениям, и, как любой другой человек, совершал ошибки, а некоторые его действия и поступки вызывали у современников и коллег весьма негативную и бурную, до предельного накала эмоций, реакцию. Чего

только не ставили в вину Некрасову его коллеги-современники: и некие спекулятивные манипуляции с рукописями известных авторов, и в целом коммерческую успешность его литературных «предприятий», и очень расчетливую, можно сказать заранее спланированную, удачливость в карточной игре... И, конечно, же главное — саму его поэзию, о коей не судил в свое время только ленивый литератор или равнодушный критик (ежели сие возможно).

Поэзия Некрасова уже тем, по самой меньшей мере, интересна, что способна до сей поры вызывать неоднозначную реакцию как в читательской среде, так и в литературной, профессиональной. Одни талдычат, что это вообще не стихи, а рифмованная проза (они еще, глядишь, объявят это тенденцией и проведут в части, касающейся техники изложения, «линию» к творчеству того же Семена Кирсанова), другие кричат, де, он о народе стонал, а сам был вполне себе обеспечен и сыт, какое право тогда имел, и вообще, аморальный тип, то чуть ли не шведской семьей жил, то крестьянку себе в карты выиграл, как наложницу... публицистика, а не поэзия, проза, сплошной агитпроп... Кстати, едва ли не мощнейшее в творчестве поэта произведение, художественная панорама «Кому на Руси жить хорошо» была попросту не понята множеством коллег и читателей и определена была ими как некое недоразумение. Впрочем, вспомните практически аналогичную реакцию общественности на «Преступление и наказание», а тем более на «Братьев Карамазовых» и «Бесов» Ф. М. Достоевского, что позволяет сделать пусть не вывод, но предположение об опережающем характере лучших, передовых, произведений литературы относительно развития общественного сознания и позволяет сделать первый шаг к исключению полемики о значимости творчества Н. А. Некрасова. В связи с этим нельзя не упомянуть и о крайне негативной реакции его, с позволения сказать, «единомышленников», революционных демократов, на выход в свет романа «Война и мир» графа Л. Н. Толстого. Одна сатира Дмитрия Минаева, «короля русской рифмы», написанная в размерности лермонтовского «Бородино», чего стоила.

И в этой связи нельзя проигнорировать один вопрос, коему, кстати, К. И. Чуковский посвятил первую часть своего фундаментального труда «Мастерство Некрасова», отмеченного в 1962 г. Ленинской премией (сие, впрочем, можно трактовать очень и очень по-разному). Что это за вопрос? Да, собственно, весьма простой: является ли творчество Николая свет Алексеевича продолжением и развитием традиций, заложенных Александром свет Сергеевичем и Николаем свет Васильевичем? Уж не знаю, стоит ли сегодня тратить силы и время на доказательство вполне очевидного, а именно прямой творческой связи Некрасова с Пушкиным и Гоголем, но еще лет шестьдесят назад, очевидно, поиск аргументов в пользу утверждаемого не оценивался как пустая трата времени. Странно, не правда ли? Но тот же Чуковский вообще начинает с опровержений «реакционных критиков» века XIX, причислявших или якобы причислявших Пушкина к представителям школы чистого искусства.

Хочется перекреститься и воззвать искренне, мол, Господи помилуй, и далась же кому-то эта школа «несчастливая», французского и британского разлива, в России толком и не прижившаяся. Западноевропейские пииты, до крайности утомленные гражданской лирикой на злобу дня, обусловленной коллизиями политической жизни своих государств и Западной Европы в целом, вовсе не от жизни бежали, а попытались вернуть поэтическому творчеству эстетическую составляющую в качестве главной, основной. Но и с учетом несомненной суггестивности, условность причисления Пушкина к школе чистого искусства столь очевидна, что и опровержений-то не требует. А равно и связь творчества Некрасова с творчеством его великих предшественников. Тем более, что ранние стихи Николая Алексеевича наполнены аллюзиями и реминисценциями пушкинских образов и даже просто строками, весьма напоминающими строки Александра Сергеевича. *«И в действии пустом кипящий ум...»* (фельетон «Новости», 1845)) и *«...умом, // Кипящем в действии пустом...»* (строфа XXII гл. 7

«Евгения Онегина»). «...Наносит холодный свет // Неотразимые обиды... (А. С. Пушкин, «Воспоминание») и у Некрасова в сатире «Современники», даже в 1875 г. «Все под гребенку подстрижено, // Сбито с прямого пути, // Неотразимо обижено...» (2).

А что вы скажете, дамы и господа, сопоставив некрасовское четверостишие из «Поэта и гражданина», уже приведенное здесь в качестве эпиграфа, и строфу пушкинскую из его воззвания «К Чаадаеву»:

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

Это же гражданская лирика одного порядка. Строфы сии возможно даже скопировать в единое целое и они будут весьма гармонировать, ежели не вполне метрически и ритмически, то смыслово вне всякого сомнения.

Подобным примерам можно посвятить, как минимум, отдельную статью. Некрасов вообще очень часто обращается к Пушкину в течение всей своей творческой деятельности. И это нормально, и вполне объяснимо. У кого же еще сначала учиться было изящной словесности, как не у Пушкина (вспомните, а лучше перечитайте «Кавказского пленника», написанного 16-летним М. Ю. Лермонтовым: там же практически калька с А. С. Пушкина. И ничего страшного. Напротив, все правильно. Это просто такой период в становлении творчества, период учебы), а впоследствии и сверяться с ним, ибо связь устанавливается, в творческом плане, практически кровная. Ну, не на пустом же месте, не из воздуха, не по щучьему веленью» возникли у двадцатисемилетнего Некрасова такие вот прекрасные и полные драматизма строки обращения «К музе»:

*Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.
Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»*

Две строфы всего, но каких! В них целый мир, галактика, вселенная, жизнь, боль, страдание, безысходность и величие. Вот, оказывается, какая сестра у Музы! А ведь это далеко не тривиальный взгляд. Так до Некрасова, по-моему, никто еще не говорил. Никто не осмеливался столь высоко оценить так называемое «подлое сословие», собственно, кормившее всю державу Российскую. Эти восемь строк — поистине прорыв в новое поэтическое пространство. И представив себе все происходящее, вдруг понимаешь, что это действительно так. Именно с этого короткого, но столь глубокого, стихотворения, как утверждалось, и начинается истинный поэт Некрасов. Поэт, невзирая ни на какие прочие обстоятельства, абсолютно самобытный, яркий, искренний, совестливый и сострадательный, тот Некрасов, стихи коего мы читаем, любим и чтим, несмотря ни на какие инсинуации и клеветы со стороны слишком дошных его биографов, страдающих явным перекосом в интересе к нетворческим нюансам жизни ярчайшего мастера русского слова.

И, казалось бы, вступительная часть закончена, все ясно, пора перейти к более подробному изложению жизни и творчества выдающегося русского поэта, революционного демократа, борца с ненавистными язвами царизма. Все, да не все. Чуть вы-

ше аз грешный практически, хоть и не дословно, пересказал вам, многоуважаемые читатели, сцену из снятого Григорием Козинцевым по сценарию Юрия Германа в 1951 г. фильма «Белинский». Там действительно все показано так, будто бы Некрасов до своего стихотворения «К музе» ничего путного и не создал. А вот знаменитый критик увидел два четверостишия и ободрил неопита, до сей поры занятого скупкой и уничтожением тиража первой, откровенно неудачной, своей книжечки «Мечты и звуки», дескать, вот Николай Алексеевич, можете же, когда хотите. И дело пошло...

Увы, увы нам, дамы и господа, не так все было, совсем не так. Между первой книжкой Некрасова и стихотворением «К музе» пролегли довольно насыщенные восемь лет, в течение коих, под мощнейшим влиянием неистового В. Г. Белинского, и сложились морально-нравственная и творческая позиции молодого Некрасова, писавшего в то время преимущественно прозу и обретавшего свой поэтический стиль, нащупываемый им в немногочисленных стихотворениях, таких как «Чиновник», «Современная ода», «Колыбельная песня», а также начинавшего проявлять, кроме прочего, прекрасные организаторские способности, выпустив литературные сборники-альманахи «Физиология Петербурга» в двух частях и «Петербургский сборник», где были опубликованы как его собственные произведения, так и сочинения Герцена, Достоевского, Григоровича, Тургенева, Гребенки и непременно статьи Белинского. А в 1847 г., через десять лет после смерти А. С. Пушкина, Некрасов встал во главе пушкинского же «Современника». Так что процесс формирования мировоззрения и творческой позиции шел у молодого Николая Алексеевича вполне осмысленно и логично.

Но вот, что меня с определенных пор настораживает и не устраивает в столь, казалось бы, чистом, искреннем, исполненном неподдельного гуманизма, творчестве нашего выдающегося поэта, чьи стихи, по утверждению, например, К. И. Чуковского, стали к тому же новым этапом развития «гоголевского направления», критического реализма, революционного протеста и некоей, не вполне, впрочем, мне понятной, «мужичьей демократии», вот что меня, повторяю, настораживает и не устраивает: отчего-то все эти пропагандируемые «борьба» с реакцией, «протест» против угнетения народа, «революционная демократия», имеющая целью борьбу за «счастье народное», и прочая, и прочая, привели на деле не к светлому будущему, а к преступному, террористическому народничеству и к откровенно уголовной «нечаевщине» с жутким по содержанию, бесчеловечным «Катехизисом революционера». Отчего, преследуя на бумаге чистые и гуманные цели, вся эта срамная революционная камарилля ничего из поэзии Некрасова не усвоила, а выродилась в Ставровиных, в Иванов Карамазовых, а в реалиях — отнюдь не в книжных зловещих Каракозовых, Желябовых, Перовских, Засулич, Фигнер и прочая, и прочая?

И еще одно, весьма существенное, на мой взгляд обстоятельство. Белинский в первую очередь, а вслед за своим наставником и Некрасов, объявили Гоголя и его творчество неким «знаменем борьбы с существующим строем», причем сделали это абсолютно против воли Гоголя, вынужденного в ответ на столь «лихое» действие выпустить в качестве, если угодно, опровержения «Переписку с друзьями». Вы думаете, что явное отмежевание Николая Васильевича от «пламенных борцов» и провозглашаемых ими идеологических принципов литературного творчества смутило великого критика и его ученика? Ни в малейшей степени. Они объявили «Переписку с друзьями» произведением «просто человека» Гоголя, а не Гоголя — писателя, то есть сочинением, не имеющим к творчеству Гоголя никакого отношения, и продолжали везде и всюду «токовать» о «Мертвых душах», «Шинели» и других гоголевских шедеврах, как о «знамени революционной сатиры и борьбы». С моральной точки зрения, по моему, подобное поведение не вызывает ни малейшего сочувствия. Говоря простым языком, зарвались господа ревдемократы. Впрочем, их последователи в веке двадцатом пошли гораздо дальше, нисколько не чинясь моральными и прочими препонами.

Не это ли свидетельство определенного духовного кризиса «прогрессивной» части общества, современного творчеству Некрасова, да и не миновавшего во многом и его самого? Кризис этот ширился и углублялся, пожалуй, с тех времен, когда незабвенный государь-император Петр Алексеевич стал насаждать, в пику православной культуре, протестантские «ценности» на Руси Великой, что спровоцировало впоследствии моду на масонство, распустившегося махровым цветом вплоть до откровенного и неблагодарного провокатора Новикова и уж совсем не разобравшегося в русской жизни Радищева, затем наивное, если не инфантильное, очарование французским левачеством некоторых представителей офицерского корпуса Русской императорской армии, участвовавших в заграничном походе против Наполеона в 1813—1814 г.г., а также наших «философов», вроде Александра Тургенева и Петра Чаадаева... Именно отсюда пролегла прямая дорога к «революционным демократам» в том числе и от литературы. Мода хаять все русское и национальное была «завезена» на родину теми, кто, не испытав влияния родной православной культуры, попадал, обучаясь на Западе, под влияние культуры европейской и объявлял родину отсталой, ибо она западным ценностям привержена не была. Хаять и обличать империю всегда легко и просто, ведь масштабы оной во многом определяют искажение повседневности и ее отличие от идеальных о нем представлений, а сами цели и задачи имперского существования зачастую идут вразрез с обывательским представлением о счастливой и безоблачной жизни. И уж несомненно, что и чиновному диктату, и мздоимству, и прочим порокам, общественным и человеческим, здесь раздолье, поскольку и впрямь «до Бога высоко, а до царя далеко». Поэтому давайте не будем спешить и постараемся немного разобраться во всех предлагаемых обстоятельствах не с позиции советского литературоведения, а взглянув на оные под достаточно критическим углом, хоть и с незыблемым почтением к столь неповторимому и абсолютно самобытному художнику слова, каким является Н. А. Некрасов. Тем более, что именно его творчество, особенно в сороковые-пятидесятые годы XIX столетия, является ярчайшим доказательством того, что Николай Алексеевич в литературном плане вырос как продолжатель пушкинской поэтической традиции, а в идейно-эстетическом направлении и по глубинной сути своей поэзии, страстно желая быть продолжателем «гоголевской сатиры», он на ее основе создал совершенно новый, уникальный, хоть и не всегда однозначный, литературный стиль, не имевший, пожалуй, явных аналогов в будущем.

* * *

*Труд этот, Ваня был страшно громаден,
Не по плечу одному...*

Итак, будущий классик русской и мировой литературы родился «28 ноября (10 декабря) 1821 г. в г. Немирове, Подольской губернии, где в то время квартировал полк, в коем служил его отец, поручик и зажиточный помещик Алексей Сергеевич Некрасов». Дворянский род Некрасовых происходил из Ярославской губернии, и был некогда весьма и весьма богатым, однако материальное благополучие семьи существенно подтачивала наследственная страсть к карточной игре,— так, дед Николая Алексеевича спустил в карты большую часть своего состояния, да и отец будущего поэта был записным картежником.

Мать Некрасова, Елена Андреевна Закревская, дочь богатого арендатора из Херсонской губернии, явно имела некоторую часть польской крови, воспитывалась в римско-католической традиции, и перешла в православие перед браком, в который вступила против воли родителей. Брак оказался далеко не счастливым. Некрасов, вспоминая мать, говорил о ней как «о жертве грубой и развратной среды»(1). Однако светлый образ матери, «своим благородством скрасившей непривлекательную

обстановку его детства»(1), сопровождал поэта всю жизнь, он посвятил Елене Андреевне, рано ушедшей из жизни, целый ряд произведений: «Мать», «Рыцарь на час», «Последние песни», а сама идея материнства и образ матери — одна из главнейших положительных сторон некрасовской поэзии. Кстати, по словам поэта, мать очень сочувствовала, в частности, польскому восстанию 1831 г., и «воспевала» его участников. Не здесь ли кроются истоки того весьма спорного «свободолюбия», которое позже получило столь мощное воплощение и развитие в творчестве Некрасова?!

Детство Николая Алексеевича прошло в имении Грешнево, на Ярославской земле, куда отец, выйдя в отставку, перебрался, чтобы избежать допросов о своих контактах с представителями Общества Соединенных славян и Южного общества декабристов в Тульчине, где находилась штаб-квартира 2-й армии, а сам Алексей Сергеевич, будучи участником наполеоновских войн, в которых он потерял трех братьев, и вдобавок, исполняя должность бригадного адъютанта, тесно общался с будущими бунтовщиками и государственными преступниками, нарушившими впоследствии присягу и посягнувшими на устои государства Российского, совершившими не только государственное, но и уголовное преступление.

Однако, несмотря на столь «одиозные» и «крамольные» контакты, в быту отставной офицер, владелец сорока крепостных душ, глава огромного семейства (у будущего поэта было 13 братьев и сестер), вел себя самым неприглядным образом: зверски расправлялся с крестьянами за их «провинности» и недоимки, устраивал бурные оргии с крепостными любовницами и весьма жестоко обращался с законной супругой. Отец Некрасова вообще много сутяжничал, в частности, судился с сестрой за одну крестьянскую душу, позже занял место исправника, в разъезды брал с собой Николая. И тому с детства довелось и часто видеть мертвых, и быть свидетелем наказания крестьян, и одновременно оттачивать свое «чистописание», переписывая деловые бумаги Алексея Сергеевича. Безусловно, подобные детские впечатления также не могли не сказаться впоследствии на умунастроениях поэта.

В 1832 г. Некрасова отдали в Ярославскую гимназию; учился он откровенно плохо, без интереса, конфликтуя с гимназическим руководством, в основном из-за сочиняемых им сатирических стишков. Там же в гимназии он стал записывать свои романтические-подражательные вирши в тетрадку. Из пятого класса отец его забрал, он всегда мечтал о военной карьере для сына, и в 1838 г. семнадцатилетний юноша был отправлен в Санкт-Петербург, для поступления в дворянский полк (Константиновское артиллерийское училище). Однако Некрасов, встретив гимназического товарища, уже студента, свел многочисленные знакомства в студенческой среде, пренебрег волею отца и стал готовиться к поступлению в университет. Экзамена он не выдержал, поступил вольным слушателем на филологический факультет и провел в университете с 1839 по 1842 г.г., оставшись без средств к существованию и посвящая практически все время поискам заработка.

«Он стал давать уроки и печатать небольшие статьи в «Литературном прибавлении к «Русскому инвалиду» и «Литературной газете». Кроме этого, сочинял для лубочных издателей азбуки и сказки в стихах, писал водевили для Александринского театра (под именем Перепельского). Это позволило ему снимать приличную комнату в складчину с двумя юнкерами. Увлечись литературой, Некрасов несколько лет усердно работал над прозой, стихами, водевилями, публицистикой, критикой («Господи, сколько я работал!..») — вплоть до середины 1840-х годов. Его ранние стихи и проза отмечались романтической подражательностью и во многом подготовили дальнейшее развитие некрасовского реалистического метода. У него начали появляться собственные сбережения, и в 1840 году при поддержке некоторых петербургских знакомых он выпустил книжку своих стихов под заглавием «Мечты и звуки» (1).

«В стихах можно было заметить подражание В. А. Жуковскому, В. Г. Бенедиктову и другим. Сборник состоял из псевдоромантически-подражательных баллад с

разными «страшными» заглавиями наподобие «Злой дух», «Ангел смерти», «Ворон» и т. п. Готовящуюся книгу Некрасов отнес Жуковскому, чтобы узнать его мнение. Тот выделил два стихотворения как приличные, остальные посоветовал молодому поэту печатать без имени: «Впоследствии вы напишете лучшие, и вам будет стыдно за эти стихи». Некрасов укрылся за инициалами «Н. Н.». Литературный критик Н. А. Полевой похвалил дебютанта, в то время как В. Г. Белинский в «Отечественных записках» отозвался о книге пренебрежительно. Книга начинающего поэта «Мечты и звуки» совершенно не раскупалась, и это так подействовало на Некрасова, что он, подобно Н. В. Гоголю (который в свое время скупил и уничтожил «Ганца Кюхельгартена»), стал также скупать и уничтожать «Мечты и звуки», ставшие поэтому величайшей библиографической редкостью (в собрание сочинений Некрасова они не вошли)» (1).

«Тем не менее Белинский, при всей суровости своего мнения, упомянул в рецензии на сборник «Мечты и звуки» о стихах, как о «вышедших из души». Однако неудача поэтического дебюта была очевидна, и Некрасов пробует себя в прозе. В его ранних повестях и рассказах отразились собственный жизненный опыт и его первые петербургские впечатления. В этих произведениях действуют молодые разночинцы, голодные поэты, проживающие в нужде чиновники, бедные девушки, обманутые столичными хлыщами, ростовщики, наживающиеся на нуждах бедняков. Несмотря на то, что его художественное мастерство еще было несовершенно, раннюю некрасовскую прозу можно смело причислить к реалистической школе 1840-х годов, во главе которой стояли Белинский и Гоголь» (1). Однако, не стоит столь явно и тесно объединять двух ярчайших представителей русской словесности, уж больно они разняться и по характеру, и по убеждениям, и по творческим установкам. Белинский, безусловно, искренне и глубоко ценил, уважал и любил творчество Гоголя, но когда он в своем неистовстве провозгласил Николая Васильевича и его произведения символом «революционной борьбы с существующим строем», «знаменем и голосом, зовущим чуть ли не на баррикады», Гоголь счел нужным отмежеваться от столь радикальных почитателей, что, впрочем, последних несколько не смутило и не остановило.

«Некрасов же обратился и к юмористическим жанрам: таковы были балагурная поэма «Провинциальный подьячий в Петербурге», водевили «Феоктист Онуфриевич Боб», «Вот что значит влюбиться в актрису», мелодрама «Материнское благословенье, или бедность и честь», повесть о мелких петербургских чиновниках «Макар Осипович Случайный» и др.» (1).

Вскоре, в 1842 г., происходит сближение Некрасова с кружком Белинского, а через год они знакомятся друг с другом лично. Некрасов начинает работу в библиографическом отделе «Отечественных записок». Белинский, не отмечая Некрасова как достойного прозаика, восторженно отозвался о его стихотворении «В дороге».

— Скучно? скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, расскажи,—
Буду, братец, за все благодарен.
«Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам...

И ведь совсем не зря рецензия великого критика была восторженной. Уже в этом стихотворении двадцатичетырехлетнего поэта проявились отличительные особенности некрасовского стиля: беспощадный реализм с одной стороны и тончайшее сострадание к человеческому горю, живость чувств, присущих не только людям «благородного происхождения», и та ничуть не унижающая жалость к страдающим людям, та жалость, что имеет в подоплеке любовь к человеку. Именно эти качества и увидел Белинский, именно они и вызвали его безоговорочное одобрение. Следует заметить, что Виссарион Григорьевич уже при знакомстве с Некрасовым *«высоко оценил достоинства его ума»* (1).

«Вскоре после знакомства с Белинским и начала работы в «Отечественных записках» Некрасов стал активно заниматься издательской деятельностью. Ему пришла в голову коммерческая идея: собирать и издавать альманахи с участием знаменитых писателей, не платя им гонорары. Белинский откровенно просил известных литераторов подарить Некрасову повесть, рассказ или стихотворение, чтобы помочь выбраться из стесненных финансовых обстоятельств. Таким образом тот выпустил в свет ряд альманахов: *«Статейки в стихах без картинок»* (1843), уже упомянутые выше *«Физиология Петербурга»* (1845) и *«Петербургский Сборник»* (1846), *«1 апреля»* (1846), в которых дебютировали Д. В. Григорович и Ф. М. Достоевский, выступали И. С. Тургенев, А. И. Герцен, А. Н. Майков. Самыми успешными стали сборник *«Физиология Петербурга»*, в которую Некрасов дал собственный роман *«Жизнь и похождения Тихона Тростникова»* (*«Петербургские углы»*), и *«Петербургский Сборник»*, где были напечатаны *«Бедные люди»* Достоевского. Когда же Белинский решил составить собственный альманах *«Левиафан»* и не смог договориться с авторами, Некрасов перекупил за спиной Белинского все авторские права. Белинскому же он предложил учредить собственный журнал и поместить туда все материалы *«Левиафана»*, на что Белинский согласился» (1). Молодой литератор и ученик оказался в делах издательских и коммерческих предприятиях куда удачливее своего маститого учителя. Очевидно, деловая хватка была у Николая Алексеевича врожденной, он вообще смолоду был весьма расчетливым и мог очень трезво заранее определять перспективы и просчитывать результаты своих действий. А действовать и на литературном поприще он умел быстро и решительно.

Успехи в издательском деле позволили Некрасову совместно с журналистом и литератором Иваном Панаевым приобрести на рубеже 1846—1847 г.г. у П. А. Плетнева на правах аренды журнал «Современник», основанный еще А. С. Пушкиным, куда из «Отечественных записок», оставив редактора-издателя А. А. Краевского, перешла не только «литературная молодежь», но и сам В. Г. Белинский, имевший в новом журнале, впрочем, как и в прежнем, статус рядового журналиста, что нередко ставили Некрасову в упрек. Некрасов был не только редактором и корректором журнала, взвалив на себя огромный объем работы: для составления очередного нового журнала он прочитывал около 12 тысяч страниц рукописей, писал до ста страниц корректуры, переписывал тексты, не прошедшие цензуру; он был еще и одним из основных авторов «Современника». Говоря современным языком, Николай Алексеевич смолоду зарекомендовал себя трудоголиком, пахарем от литературы, признаваясь, что писать, уже в «Современнике», порой приходится более суток подряд, и удивляясь, как, мол, до сей поры паралич не хватил еще правую руку.

В «Современнике» публиковали свои произведения, нашли славу и признание И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Д. В. Григорович, А. И. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский. *«Популярности журнала способствовал ряд коммерческих приемов. Подписная цена была ниже, чем у «Отечественных записок»; кроме того, у журнала были бесплатные приложения (так, к первому номеру прилагалась отдельной книжечкой повесть Герцена «Кто виноват?»)»* (1). Од-

нако развивать темы, интересные Н. А. Некрасову и его единомышленникам, революционным разночинцам-демократам, очень мешало «мрачное семилетие», как принято именовать период 1848—1855 г.г., от череды революционных бунтов в Западной Европе до кончины государя-императора Николая I, чьим радением была спасена, в частности, Австро-Венгерская монархия, когда корпус русской императорской армии под водительством генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича, по слезной просьбе австрийцев, наголову разбил венгерских повстанцев и прекратил кровавую национал-коммунистическую замятню в соседней с нашей державе. Ужесточение цензуры в России было напрямую связано с западноевропейскими тревожными событиями, к тому же, Николай Павлович не забыл изменников-декабристов, поэтому удивляться тут, собственно, было нечему, а негодовать абсолютно бессмысленно, ибо безопасность Отечества во любые времена всего превыше.

Некрасов, совместно с Авдотьей Панаевой (псевдоним Станицкий), формально супругой И. И. Панаева, ставшей к тому времени гражданской женой Николая Алексеевича, написал и опубликовал в «Современнике» длинные приключенческие романы «Три страны света» и «Мертвое озеро», закрывая ими лакуны, образовавшиеся от цензурных запретов. В середине 50-х годов он серьезно захворал «горловой болезнью» и лечился в Италии, надо сказать, весьма успешно. А вот дела в «Современнике» складывались не столь радужно, ибо в редакции обострился конфликт между двумя литературными группировками: либерального дворянства, возглавляемой И. С. Тургеневым, Л. Н. Толстым, В. П. Боткиным и др., и ратовавшей за умеренный реализм и эстетическое начало в литературе, именуемое тогда «пушкинским», и приверженцами революционной, сатирической, русской «национальной школы» сороковых годов, которую ее представители с гордым упрямством продолжали называть «гоголевской». Некрасов поддержал, конечно же, второе направление, то есть «революционных разночинцев», идеологов «крестьянской демократии» (как хотите, дамы и господа, но лишь один Господь, очевидно, знает, что эти пламенные трибуны под-разумевали под данным определением!!! — прим. авт. В.Т.). Именно в эти годы политического подъема и создаются Николаем Алексеевичем столь знаковые произведения как «Поэт и гражданин» (1856):

*...Нет, ты не Пушкин. Но покуда
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...*

«Размышления у парадного подъезда» (1858):

*...И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И покуда я видеть их мог,
С непокрытыми или головами...
А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,*

*Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...*

«Рыцарь на час» (1862):

*...Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!..*

«Железная дорога» (1864):

*...Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?
Чу! восклицанья слышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!
То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!
Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.
Грабили нас грамотей-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Все претерпели мы, божии ратники,
Мирные дети труда!..*

Едва ли кого-то оставят равнодушным эти строки, вряд ли не вызовут они в чьей-либо душе сострадания. Ни на миг не может возникнуть сомнение в искренности автора, в его личных, глубоких переживаниях и в искреннем сочувствии к страдающим,— Некрасов, как никто, пожалуй, умеет поставить себя на место героев своих стихотворений и поэм, при этом не «перебирая» с пафосом и патетическими интонациями. Опять-таки, многие, писавшие о его литературном стиле, от «реакционных» критиков, вроде О. Колядина (псевдоним А. И. Рыжова) до Г. В. Плеханова, стремились втиснуть творчество Некрасова в рамки одной единственной поэтической манеры, не понимая или не желая понимать, что поэт обладает способностью работать в совершенно разных стилистических направлениях. Мало того, критики просто напросто спекулировали восторженным отзывом Белинского в письме Тургеневу от 19 февраля 1847 г.: «Некрасов написал страшно хорошее стихотворение!.. Что за талант у человека! И что за топор его талант!». (В. Г. Белинский, *Избранные письма*,

т. 2, М. 1955. Спр. 297) (2). И вот из-за этого «топора» даже Плеханов объявлял поэзию Некрасова «топорной» и «прозаичной». Что уж говорить об устойчивых недоброжелателях поэта.

А ведь всем своим творчеством Некрасов доказывал и доказал в итоге совершенно обратное. В этой связи, как мне представляется, очень показателен ответ Н. С. Гумилева на вопрос, как он относится к тираде И. С. Тургенева, будто «в стихах Некрасова поэзия и не ночевала»? Николай Степанович ответил кратко и ясно: «Прозаик не судья поэту» (Н. С. Гумилев. Письма о русской поэзии, М. Современник, 1990. Стр. 279. Ответы на анкету об отношении к поэзии Н. А. Некрасова). Там же Гумилев говорит о стихотворной технике Некрасова, отмечая «замечательно глубокое дыхание, власть над выбранным образом, замечательную фонетику, продолжающую Державина через голову Пушкина», а также о том, что в период отрочества (14—16 лет) поэзия Николая Алексеевича была для него дороже поэзии Пушкина и Лермонтова.

Очень важное, на мой взгляд, замечание. Именно в отрочестве и юности, когда формируется характер, отношение к жизни, к общественным явлениям, к людям вообще и к человеку в частности, гражданская лирика Некрасова просто необходима, ибо проповедует она честность, гуманизм, совесть и сострадание, борьбу с несправедливостью, за правду и счастье народа-труженика. Николая Алексеевича, несомненно и с полным правом, можно считать одним из «столпов» гражданской лирики в отечественной поэзии, ведь именно в произведениях Некрасова гражданские мотивы обрели новое звучание, свежее и мощное, даже яростное порой. А неприятие подобной поэзии многочисленными «критиками» было, на мой взгляд, обусловлено либо неприкрытой завистью и враждебностью к подобным темам и к поэту лично, либо абберрацией близости современников, ведь большое, как известно, видится... ну, сами знаете, дамы и господа.

Теперь я хотел бы сказать вот о чем: в данном своем повествовании аз грешный не имею ни малейшего желания рассматривать и препарировать личную жизнь Н. А. Некрасова и намерен говорить в целом о поэтических его заслугах. Ежели кого-то интересует так называемый «Панаевский цикл» стихотворений поэта, то исполать вам, читайте себе спокойно, там множество искренних и проникнутых истинным чувством стихотворений. Я лишь хочу обмолвиться, что отношения Некрасова с Авдотьей Панаевой не вызывают у меня никаких положительных эмоций, учитывая тот факт, что 16 лет они прожили втроем, т.е. «на одной жилплощади» (прошу прощения за намеренный канцеляризм) с законным мужем Иваном Панаевым, коему Некрасов даже, по свидетельству некоторых, «закатывал сцены ревности». Замечу лишь, что у гражданских супругов дважды рождались дети, увы, умершие во младенчестве. Очевидно здесь проявилась некоторая тяга к эпикурейству или попросту врожденный гедонизм Некрасова, который умел любить жизнь во всех ее проявлениях, и в определенных удовольствиях себе не отказывал. На мой взгляд, в данном «треугольнике» положительных сторон попросту не было, но, впрочем, Господь им судья, поскольку подобное «недоразумение» отнюдь не уникальное явление. Творческое же сотрудничество Авдотьи Яковлевны и Николая Алексеевича оказалось в определенной степени плодотворным, о чем я уже упоминал выше. Но с кончиной И. И. Панаева в 1862 г., отношения гражданских супругов и литературных соавторов прекратились навсегда.

Начало 60-х годов XIX в. вообще стало для Некрасова временем потерь и испытаний. Умер Н.А. Добролюбов, были сосланы Н. Г. Чернышевский и М. И. Михайлов, кстати, вполне справедливо и за конкретные антигосударственные шаги. Но и Добролюбов, и Чернышевский были практически абсолютными единомышленниками Некрасова, они поддерживали и его творчество, и творческую направленность «Современника», поэтому смерть одного и ссылка второго стали чувствительными «ударами» для Некрасова. Общественно-политические события также не радовали поэта.

«В 1861 году государь-император Александр II упразднил крепостное право. Некрасов резко отрицательно воспринял Манифест 19 февраля 1861 года, откликнувшись на реформу стихотворением «Свобода», в котором отразились его собственные наблюдения над переменами в деревне: «Родина мать! По равнинам твоим // Я не ездил еще с чувством таким!» Эти чувства были вызваны надеждами на улучшение жизни крестьянина, а новую крестьянскую реформу он считал лишь еще одними «сетями» для крестьянства: «Знаю: на место сетей крепостных // Люди придумали много иных...». В дальнейшем он неоднократно возвращался к этой теме. Самым известным его высказыванием на эту тему были строчки из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

*Распалась цепь великая!
Распалась и ударила
Одним концом по барину,
Другим — по мужику!*

Некрасов благополучный выход для крестьянства видел в индивидуальном хозяйстве. Он был сторонником американского пути развития капитализма в России, выступал за ликвидацию пережитков крепостничества, за передачу крестьянству помещичьей земли, за политический и культурный рост мужика» (1).

Вот только не вполне понятно, как себе представлял Николай Алексеевич «политический рост мужика»? Это нечто из той же эфемерной, с позволения сказать, области, что и «мужицкая демократия», поскольку о какой демократии может идти речь у единоличного хозяина земельного надела? А в столь консервативном общественном институте, коим являлась крестьянская община, и подавно, невзирая на якобы возможность решения любого вопроса всем «обществом», стесненном вековыми нормами жизненного уклада. Утопические надежды на неосуществимые преобразования, вообще увлечения различного рода социалистическими, абсолютно утилитарными по сути, «утопиями», принесли огромный вред развитию русского общества в целом и существенно дезориентировали творческих «революционных демократов», не ощутивших, что в своем крайнем выражении утилитаризм приводит к тоталитаризму с весьма существенной составляющей уголовной преступности, в качестве средства решения любых задач и достижения конечной цели, и никуда более.

Напряженная творческая деятельность Некрасова продолжалась и в столь сложные для него времена. А предшествующие годы были очень и очень плодотворными: цикл «Последние элегии» (1853), первая книга «Стихотворения Н. Некрасова» (1856); и одновременно Николай Алексеевич помогал А. А. Фету с изданием второй книги стихотворений и приветствовал новое издание коллеги очень теплой и вдумчивой рецензией на страницах «Современника»; поэма «Коробейники» и второе издание «Стихотворений Н. Некрасова (1861), поэма «Рыцарь на час», стихотворения «Зеленый шум», «В полном разгаре страда деревенская» (1862), поэма «Мороз, красный нос», стихотворения «Орина, мать солдатская», «Памяти Добролюбова», «Железная дорога» (1863—1864), и, наконец, через год выход в свет первой части поэмы «Кому на Руси жить хорошо», несомненного поэтического шедевра, не имевшего аналогов в отечественной поэзии.

*...Эх! эх! Придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера*

*И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой, люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...*

Интересно, что «стилистика у Некрасова всецело подчинялась тематике. Каждая тема определяла собою характер отбора тех или иных... вариантов» (2). Причем стилем «народной песни» Николай Алексеевич владеет мастерски, ведь те же «Коробейники» и начинаются всем известными строками «Ой, полным полна коробушка...», это ли не лучшее доказательство глубочайшего понимания поэтом народного песенного стиля. Причем и в «Коробейниках», и другой, полной трагизма поэме «Мороз, Красный нос», «новелла сливается с песней или перерождается в песню...» (2).

*...Голубчик ты наш сизокрылый!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел,
Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил...*

Жанровое разнообразие творчества Некрасова несомненно, его произведения говорят сами за себя. Поэт был одинаково силен и в пафосной лирике, и в народной песне, и стихотворной новелле, и в журнально-злободневных стихах, а также и в торжественной ораторской речи, и в обличительной сатире. Недаром же в 1858 г. Некрасов и Добролюбов основали сатирическое приложение к журналу «Современнику» — «Свисток». Первые два номера составил Добролюбов, а с третьего уже Некрасов стал участвовать в «Свистке» самым активным образом, писал памфлеты, стихотворные фельетоны, умело пользуясь сарказмом, гротеском, и даже придавая некоторым произведениям водевильный характер. Так в 1865—1866 гг. были написаны сатирические «Песни о вольном слове», и, пожалуй, венцом творческой деятельности поэта на сатирическом поприще стала поэма «Современники» (1875).

«Но как бы ни были разнообразны те жанры, которыми определялись стилистические особенности каждого произведения Некрасова, существовал один общий закон, которому были подчинены они все,— закон типизации поэтических образов. Закон этот предъявляет к каждому художнику (в какой бы области он ни творил) самые суровые требования, и, только исследуя работу поэта над рукописями, мы получаем возможность увидеть... каковы были его усилия в борьбе за типическое... Случайные, третьестепенные, нетипичные мелочи жизни могут временами заслонять от писателя основное и главное... писателю приходится отбрасывать от себя весь этот мусор, мешающий осмыслить те факты, которые подлежат обобщению» (2). И ведь можно и должно для художника слова предугадывать нарождаю-

щуюся типизацию, что ярчайшим образом продемонстрировано Некрасовым в эпосе «Кому на Руси жить хорошо»: поскольку *«в исторической обстановке шестидесятых-семидесятых годов ни Савелий, богатырь святорусский, ни Яким Нагой, ни Григорий Добросклонов не олицетворяли собой часто повторяющихся, обыденных явлений. Но они выражали сущность своей социальной среды, в их образах поэт запечатлел те процессы, которые явно намечались в жизни тогдашней многомиллионной «вахлачины», и оттого эти образы приобрели такой громадно-обобщенный характер»* (2).

Но творчеством, даже столь широкого диапазона и во многом новаторским, увы, не исчерпывалась жизнь Н. А. Некрасова. Первая половина 60-х годов XIX века была в Российской империи временем весьма сложным и даже тревожным. Ведь отмена крепостного права и последовавшие за ней либеральные реформы, например, та же судебная, повлекли за собой гигантскую, если угодно, «турбулентность» общественных процессов, дворянство переставало быть господствующим классом, спонтанно становясь на путь оппозиционный правительственному курсу, определяемому инициативами государя-императора, стремительно нарождалась буржуазия, становившаяся новым господствующим классом, сосредотачивая в своих руках прежде всего мощнейшие финансовые инструменты влияния на все, в империи происходящее, разночинное «свободомыслие» зашкаливало в крайние формы, правда, ведущие лишь к одному, а именно к неизбежному кровопролитию, к террору. Странное свойство неконструктивной оппозиции, что либеральной, что революционно-демократической,— любые даруемые государством свободы почитать за слабость одного государства и стремиться использовать эти свободы в целях борьбы с государственным строем, избирая для этого коварные или откровенно кровавые способы. В такой сложной общественно-политической обстановке институт цензуры не ослабил давления на литературу «революционных демократов», и, как мне кажется, государь-император Александр Николаевич (Александр II Освободитель) был здесь совершенно не при чем. Ему попросту было в те годы не до цензуры, которая действовала по уже отработанным схемам и канонам, не испрашивая новых установок и наставлений свыше.

В 1862 г. журнал «Современник» был *«остановлен за вредное направление»* (2) на восемь месяцев, а в 1866 г., после покушения на жизнь самодержца, совершенного террористом, недоучившимся студентом Дмитрием Каракозовым (членом тайной, якобы учрежденной для народного просвещения, революционной секты «Организация»), журнал закрылся навсегда. О готовящемся закрытии Николая Алексеевича 14 апреля уведомил тайной запиской Ф. М. Толстой, который кроме своих занятий музыкальной критикой и литературой состоял и в должности цензора. А через два дня Некрасов, очевидно дошедший до крайней степени отчаяния в попытках спасти «Современник», публично читает на обеде в Английском клубе написанную им оду генералу от инфантерии М. Н. Муравьеву-Виленскому, которого за решительные и весьма крутые меры по подавлению польского восстания 1963 г. представители и либералов, и народников звали не иначе как Муравьев-вешатель, Муравьев-людоед, Муравьев-палач. Оценка этого государственного деятеля лежит за пределами темы данного повествования, поэтому хочу лишь обмолвиться, что восстания против государственного строя необходимо прекращать именно упомянутыми мерами, то есть круто и решительно, и никак иначе, поэтому одиозность генерала, лишь честно и без колебаний выполнившего свой долг, была весьма преувеличена сумасбродными крикунами и трепачами самого разного толка, готовыми вопить благим матом как по любому поводу, так и вообще без него. А если честно, то основным «крутым» методом генерала Муравьева было введение усиленного налогообложения польских помещиков и лишение тем самым восставших финансовой базы, чего последние вполне ожидали и не могли ему «простить».

Кроме оды Некрасова, кстати, было ведь еще и стихотворение Ф. И. Тютчева, его

возмущенный ответ, даже своего рода отповедь, хоть и весьма интеллигентно изложенная, генерал-губернатору Санкт-Петербурга А. А. Суворову, назвавшему Муравьева людоедом. Но стихи Тютчева отнюдь не вызвали столь бурного негодования как строки оды Некрасова и последующих его оправданий:

*Бокал заздравный поднимая,
Еще раз выпить нам пора
Здоровье миротворца края...
Так много ж лет ему... Ура!*

*Пускай клеймят тебя позором
Надменный Запад и враги;
Ты мощен Руси приговором,
Ея ты славу береги!*

*Мятеж прошел, крамола ляжет,
В Литве и Жмуди мир взойдет;
Тогда и самый враг твой скажет:
Велик твой подвиг... и вздохнет.*

*Вздохнет, что, ставши сумасбродом,
Забыв присягу, свой позор,
Затеял с доблестным народом
Поднять давно решенный спор.*

*Нет, не помогут им усилъя
Подземных их крамольных сил.
Зри! Над тобой, простерши крылья,
Парит архангел Михаил!*

Безусловно, эта ода обошлась Николаю Алексеевичу очень и очень дорого. Тем паче, что журнал все одно был закрыт. Многие единомышленники Некрасова, поклонники его творчества, сотрудники «Современника» и даже члены Английского клуба навсегда отвернулись от поэта и остаток жизни он провел в очень непростой обстановке, когда отношение к нему определенной части общества было откровенно отрицательным и неуважительным. Порицания, доходящие до шельмования и оскорблений, не просто огорчали Некрасова, но наверняка отняли у него не один год жизни. Критическими высказываниями, и довольно жестокими, не погнушались даже такие полярные по взглядам литераторы, как А. А. Фет и А. И. Герцен. Реакционно настроенные люди глумились и злорадствовали, некоторые «горячие головы» рвали публично портреты Некрасова или, написав на них слово «подлец», высылали поэту по почте. Затравленный Некрасов ответил всем так: «Да, я подлец, но и вы подлецы. Оттого я подлец, что я ваше порождение, ваша кровь. Вашего суда я не признаю, вы такие же подсудимые, как и я» (1). Однако же эта мука оставалась с ним до последних его дней. В конце жизни он даже признавался, что ему кажется, будто висящие в его кабинете портреты Белинского и Добролюбова смотрят на него укоризненно. Но как бы то ни было, а через два года после закрытия «Современника», вновь сблизившись в А. А. Краевским, Николай Алексеевич арендует у него журнал «Отечественные записки» и вновь делает его органом «боевого народничества», активно сотрудничая, в частности, с М. Е. Салтыковым-Щедриным, который руководил в журнале отделом беллетристики. С «Отечественными записками» сотрудничали А. Н. Островский, Г. И. Успенский, А. Н. Плещеев, В. А. Слепцов, Н. Н. Златовратский и другие представители народнического и крестьянского направления в литературе.

Конечно, опасаясь за судьбу «Отечественных записок», Некрасов вынужден был быть сдержаннее при составлении номеров журнала, но дух свободомыслия сдерживать было весьма сложно, о чем свидетельствует стихотворение 1868 г.

*Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!*

*Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплещи!..*

Поэт продолжает работу над поэмой «Кому на Руси жить хорошо» и пишет своих знаменитых «Русских женщин», сначала поэму «Княгиня Трубецкая» (1871), а позже «Княгиня М. Н. Волконская» (1872). Поэт стремится создать героические образы самоотверженных женщин, которые должны послужить идеалом для революционной молодежи семидесятых годов и обессмертить их подвиг, на который они решились движимые силой любви... Вот тут, на мой взгляд, опять явно видно основное противоречие между православной моралью и культурой и всяческими «революционными» постулатами и теориями, занесенными, как зловредные плевелы, протестантским ветром с запада. Революция никакой любви не предусматривает, она благословляет подлость, смерть, кровь, уголовщину; кто не согласен, читайте внимательно биографии и «сочинения» Бакунина и Нечаева; а уж подвиг жен декабристов, то есть верных подруг людей, в большинстве офицеров, дворян, порой весьма и весьма родовитых, столбовых, изменивших присяге и долгу, государственных преступников, планировавших не только кровавое истребление царствующей фамилии, но и развал Российской империи, подвиг этих великих женщин и был обусловлен и совершен огромной любовью и следованием Божьим заповедям.

*Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.
Навряд версты четыре в час
Закованный идет;
Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,
А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...*

.....

*Под караулом казаков,
С оружием в руках
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалют,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут
Трудненок путь! Да вот-с каков:*

*Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И трети не дойдет!
Они как мухи мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам, княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!*

Работа над «Русскими женщинами» была основана на подробнейшем изучении «Записок» княгини М. Н. Волконской и на их глубоком анализе, на отборе самого существенного для поэтического повествования, так как Некрасов не желал «зарываться в нетипичные мелочи», в бытовые подробности, явно помешавшие бы создать монументальное и многоплановое полотно, руководствуясь своей же эстетической заповедью: «...важен в поэме // Стиль, отвечающий теме», «придав сказанию о замечательных русских подвижницах тот торжественно-приподнятый (но нисколько не напыщенный) стиль, который из всех его прежних поэм встречается однажды: в поэме «Мороз, Красный нос», особенно во второй его части» (2). Огромную работу, тщательную селекцию фактов, проделанную Некрасовым при изучении первоисточников, на основе которых писалась поэма, еще при жизни автора отмечал критик «Отечественных записок» А. М. Скабичевский, но ему представлялось что «всю эту селекцию фактов, это воссоздание типических черт «в несколько преувеличенном виде» Некрасов произвел бессознательно: «не то, чтобы сам он все это искусственно, преднамеренно проделал, но как-то это само собой совершилось, силою его творческого пафоса» (2).

Однако подобный подход был для Некрасова осознанным принципом, ибо «сознательное начало всегда руководило его творчеством» (2). Кстати сказать, столь же осознанный и продуманный отбор материала лежит и в основе работы поэта над поэмой «Кому на Руси жить хорошо». Я считаю это произведение не просто поэмой, а эпопеей, панорамой, где главные ее герои сознательно идеализированы и лишены тех «бытовых и неприглядных» черт, присущих в определенных ситуациях человеку вообще и русскому крестьянину в частности. К тому же несколько наивная «мечта о богатстве крестьян, свободных от помещичьего гнета и обладающих достаточным земельным наделом», (2) неотступно владела умом и сердцем поэта, скорее всего не вполне осознающего всю глубину и сложность аграрного вопроса и невероятную трудность его разрешения в Российской империи, требующего прежде всего времени и довольно смелых, зачастую новаторских и последовательных шагов правительства при обязательной общественной поддержке, что подтвердилось уже в веке XX, в процессе сельскохозяйственных реформ, проводимых премьер-министром П. А. Столыпиным, по воле государя-императора Николая Александровича.

Некрасов, будучи сыном своего века и представителем своего класса, отнюдь не был свободен от характерных сословных черт и, несмотря на всю приверженность «революционной демократии», от многих интеллигентских заблуждений тех лет. К великому сожалению, он не вполне, к тому же, осознавал силу своего пламенного слова и призывов к борьбе за так называемую свободу, а также их влияния на молодежь той поры, на студенческую среду прежде всего. А ведь провозглашаемая в его стихах борьба за идеалы справедливости и свободы привела к тому, что избранное средство очищения общества оказалось жутким и кровавым. Конечно, кроме «Народной воли», был еще и вполне мирный «Черный передел», но именно в 60-е и 70-е годы XIX в. начался в России тот кровавый и преступный путь безответственных «бунтовщиков», который прямоком привел их к боевой организации эсеров и неминуемому кровопролитию в начале XX века с не менее преступным и кровавым продолжением, а именно крушением империи Российской и прерыванием естествен-

ных процессов этно, социо и культурогенеза русского народа. Как однажды, хоть и по иному поводу, выразился Л. Н. Гумилев, «лекарство оказалось страшнее болезни». И, надо полагать, поэзия Некрасова играла для неустойчивых умов и душ роль своеобразного катализатора в переходе от слов к преступным деяниям.

Николай Алексеевич — человек весьма противоречивый и совмещавший в себе взаимоисключающие, казалось бы, черты и привычки, наверное, во многим заслужил двойственное отношение к нему современников, в особенности его коллег, друзей, многие из которых (А. А. Фет, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой и др.) со временем порвали с ним отношения. Наряду с провозглашаемыми идеалами добра и справедливости, призывами к борьбе за счастье народное, обличением общественных язв и пороков, наконец, наряду с изнурительным литературным трудом, в повседневной жизни Некрасов очень даже был непрочь пожить и в свое удовольствие, мало в чем себе отказывая, а для сего всегда был готов на разного рода предприятия, ведущие к умножению состояния, к элементарному обогащению. Это и весьма расчетливая, выверенная и очень трезво совершаемая карточная игра в Английском клубе по детально разработанной схеме: где играть, в какие игры играть, с кем играть и в каком состоянии; это и различного рода манипуляции на издательском поприще, использование рукописей других авторов в откровенно коммерческих целях, участие, например, вместе с А. Я. Панаевой в тяжбе о наследстве супруги поэта Н. П. Огарева, что привело, опять-таки, к разрыву с Тургеневым, откровенно барские привычки к псовой охоте, его весьма эпикурейское отношение к прекрасному полу... Я ни в малой степени не стремлюсь осуждать талантливейшего представителя русской литературы, но что было, то было.

Кстати, существует мнение, одними подтверждаемое, иными нет, что свою вторую супругу, крестьянскую девушку Феклу Анисимовну Викторovu, Некрасов выиграл в карты у некоего купца Лыткина, причем, партия сия состоялась спустя девять лет после отмены крепостного права. В результате Фекла Анисимовна стала Зинаидой Николаевной Некрасовой — законной женой поэта, несмотря на двадцатипятилетнюю разницу в возрасте. Некрасов, судя по всему искренне полюбивший молодую супругу, однако же никогда не скрывал, что сохраняет чувства и к Авдотье Панаевой, и к французской актрисе Селин Лефрен, роман с которой у него вспыхнул в 60-е годы и которой он оставил по завещанию три тысячи рублей. Надо сказать, что второй жене он оставил гораздо большую сумму наследства. Пылкость нрава тут наверное соединялась в определенной привычке или врожденном свойстве мало в чем себе отказывать, все-таки природное барство, в самом неприглядном толковании сего понятия, и тягу к вседозволенности очень трудно изжить сразу, в одном поколении, да еще при столь «нравственно распушенных» предках. Вот такой клубок противоречий и самых взаимоисключающих страстей, получается, и не давал покоя душе выдающегося художника слова, и весьма осложнял ему жизнь.

«Наиболее серьезным с творческой точки зрения было обвинение Некрасова в том, что он не верит в то, за что борется, то есть что он просто обманщик. Такое мнение было тоже весьма распространенным. В частности, это утверждали Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой, А. А. Григорьев, В. П. Боткин, композитор П. И. Чайковский, композитор Ю. К. Арнольд, историк Н. И. Костомаров и многие другие. «В стихах печалится о горе народном, а сам построил винокуренный завод!» — возмущались А. И. Левитов, Я. П. Полонский, М. В. Авдеев. А. К. Голубев в своих воспоминаниях о Некрасове изумлялся, что тот клеймит существовавшее в Петербурге «Обжорное общество», описывает для контраста голодных, замученных бурлаков, а через несколько лет выясняется, что сам Некрасов состоял в этом обществе и объедался там наравне со всеми. Фет описывает, что Некрасов, порицая в литературе тех, кто вбивал от мальчишек гвозди острием вверх на запятках экипажа, сам имел ровно такие гвозди на своей коляске» (1). Неспроста же в свое время тот же Фет

нарек именем Некрасов своего ослика, запрягаемого в повозку, на которой Афанасий Афанасьевич объезжал угодыя своего имения.

Да, в поэзии тех же 60-х годов XIX сформировалась так называемая «некрасовская школа». К ней, в частности, можно отнести «короля русской рифмы» Дмитрия Минаева, Ивана Никитина, Василия Курочкина. Безусловно, сам Некрасов и его творчество гораздо мощнее всего, что сделали в литературе его последователи, однако наряду с гражданскими и революционными мотивами поэзия Николая Алексеевича, несомненно, была в большинстве своем и «поэзией сердца», как говорил о ней Белинский, искусством искренним и душевным. Именно эта особенность и привлекала к его стихам читателей. И когда в 1875 г. стало известно о смертельном недуге Некрасова, у него обнаружили рак кишечника, в его адрес стали приходить многочисленные письма с теплыми словами поддержки и участия, что придавало ему определенные силы и вдохновило на новые свершения на литературном поприще, я имею в виду «Последние песни».

*Борюсь с мучительным недугом,
Борюсь — до скрежета зубов...
О муза! ты была мне другом,
Приди на мой последний зов!
Могучей силой вдохновенья
Страданья тела победы,
Любви, негодования, мщенья
Зажги огонь в моей груди!*

Одним из тех, кто раньше прочих познакомился с «Последними песнями», был выдающийся русский художник И. И. Крамской, написавший знаменитый портрет смертельно больного Некрасова в постели, но с листком бумаги в руке, и с таким пронзительным, мудрым, устремленным в себя взглядом. Истинный поэт, русский литератор Божьей милостью, встречал неумолимо приближающуюся кончину мужественно, в ясном уме и с редкой твердостью духа, о чем свидетельствует Ф. М. Достоевский, навещавший Некрасова за месяц до его ухода из жизни. Перед самой смертью Николая Алексеевича разбил паралич, но он покинул этот мир с высоко поднятой головой. Это случилось 27 декабря 1877 года (8 января 1878 года) в 8 часов вечера.

*Непобедимое страданье,
Неутолимая тоска...
Влечет, как жертву на закланье,
Недуга черная рука.
Где ты, о Муза! Пой, как прежде!
«Нет больше песен, мрак в очах;
Сказать: умрем! конец надежде! —
Я приобрела на костылях!»...*

*...Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной.
Не бойся горького забвенья:*

*Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой,
Баю-баю-баю-баю!..»*

Проводить поэта в последний путь пришло огромное количество людей. Его похороны стали первым случаем всенародной отдачи последних почестей писателю. Прощание с поэтом началось в 9 часов утра и сопровождалось литературно-политической демонстрацией. Несмотря на сильный мороз, толпа в несколько тысяч человек, преимущественно молодежи, провожала тело поэта до места вечного его успокоения на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга. Молодежь даже не дала говорить выступавшему на самих похоронах Достоевскому, который отвел Некрасову (с некоторыми оговорками) третье место в русской поэзии после Пушкина и Лермонтова, прервав его криками: «Да выше, выше Пушкина!» Этот спор затем перешел в печать: часть поддерживала мнение молодых энтузиастов, другая часть указывала на то, что Пушкин и Лермонтов были выразителями всего русского общества, а Некрасов — одного только «кружка». Были и третьи, которые с негодованием отвергали самую мысль о параллели между творчеством, доведшим русский стих до вершины художественного совершенства, и «неуклюжим» стихом Некрасова, по их мнению лишенным всякого художественного значения.

В погребении Некрасова принимали участие представители «Земли и воли», а также другие революционные организации, которые возложили на гроб поэта венок с надписью «От социалистов» (1).

Основное противоречие Н. А. Некрасова пролегло, конечно же, между его поэтическими идеалами и его линией жизненного поведения, которую определяла и жесткая порой повседневность, и слабости его человеческой натуры. Мне думается, что Николай Алексеевич, как настоящий художник, был искренен во всех своих проявлениях, и в лучших, и в неприглядных. Такой вот получился симбиоз воспеваемой силы духа и лучших душевных качеств человеческих и откровенной слабости и неразборчивости того же человека в предлагаемых реалиями обстоятельствах. Но каков бы ни был Некрасов человек или, если кому-то угодно, помещик, картежный игрок и прочая, никто не может отрицать истинного его литературного таланта, духовной силы его поэзии и влияния его творчества на читательскую, в особенности молодежную, аудиторию, длящегося уже в течение практически ста восьмидесяти лет. Высокое страдание и сострадание, гневная отповедь казенщине и канцелярщине, искренние призывы к борьбе за счастье народное, до сих пор звучат очень свежо и убедительно. Просто нужно помнить и понимать, читая Некрасова, что все вышеозначенное, в особенности народное счастье, никогда не достигается на баррикадах и вообще никаким кровопролитием, но только совместным трудом, трудом тяжелым, кропотливым, и, к великому сожалению, весьма и весьма длительным.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) — по материалам электронной энциклопедии «Википедия» (свободный доступ в сети Интернет).

(2) — по материалам К. Чуковский. Мастерство Некрасова, Государственное издательство художественной литературы, М. 1962. Стр. 728.

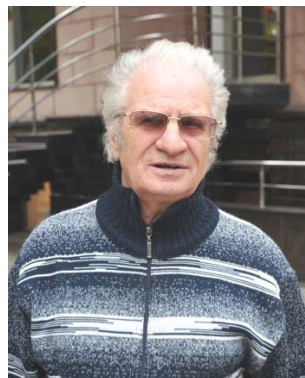
**Вадимир Трусев,
г. Мончегорск**

К ЮБИЛЕЮ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА НЕКРАСОВА

Валерий Ганский
(г. Саратов)

«МОЯ ДУША В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ...»

Ганский Валерий Михайлович. Окончил Саратовский политехнический институт, профессия — инженер-строитель. Корреспондент газеты «Саратовские вести», член Союза журналистов России. Печатается в литературных журналах «Волга XXI век», «Сура», «Новый ренессанс» (Германия), альманахах. Автор книг поэзии и прозы: «И мой Пушкин», «Мой саратовский причал», серии книг «Дорогие мои саратовцы», «Витте против Столыпина». Дипломант и лауреат литературных конкурсов и премий: «Золотое перо Руси», «Русский stil», премия Артема Боровика, «Моя малая Родина».

В школьные годы я заучивал некрасовские строки из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

*В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,*

*Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобищина.
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож,
Сошлись — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?*

Позже, став взрослым, слушал пародии этих стихов на советское время типа: «А Брежневу — по-прежнему» и тому подобные. Да и ныне слагаются частушки на стихи российского классика Николая Алексеевича Некрасова:

*Хочешь плач, а хочешь пой,
Вывод сделал я такой:
Хорошо жить на Руси —
Щукам, мы-же... караси!*

Хотя названия деревень некрасовской поэмы созвучны саратовским, не думал я, что классик упомянет в своих стихах мой Саратовский край.

И вот случайно, благодаря Интернету, я наткнулся на такие поэтические некрасовские строки 1840 года:

*Гляжу с тоской на розы я и тернии
И думой мчусь на край миров:
Моя душа в Саратовской губернии,
У светлых волжских берегов.*

Я обрадовался, и, недоумевая, изумился, как душа автора оказалась в моем родном городе или около него, хотя поэт никогда не был в Саратове. И стал искать...

Эти строки из стихотворения с многочисленным восклицательным названием «К НЕЙ!!!!», напечатанном в десятом номере «Пантеона» 1840 года (ценз. разр.— 30 окт. 1840 г.) с примечанием: «Помещаем это оригинальное стихотворение для того только, чтобы утешить друга нашего Н. А. Перепельского: Грибовников — без вести пропавший пиита — отыскался» — и подписью: «Иван Грибовников». Это примечание нельзя понять, не прочитав рассказ Некрасова, помещенный в предыдущем номере журнала. Рассказ назывался «Без вести пропавший пиита». Н. А. Перепельский — псевдоним Некрасова. Иван Грибовников — персонаж рассказа Некрасова «Без вести пропавший пиита», бездарный молодой поэт. Сообщение, что Грибовников «отыскался», объясняется в связи с содержанием этого рассказа: потеряв надежду разбогатеть при помощи литературных занятий, Грибовников бежал неизвестно куда; Некрасов с иронией писал от имени Перепельского, порицающего себя за то, что слишком сурово обошелся с Грибовниковым: «Желая загладить свою ошибку, я всеми мерами решился отыскать Ивана Ивановича, благословить его на литературное поприще, и вот уже четырнадцать лет не проходит дня, в который бы я не искал его, не вспоминал о нем и не укорял себя за необдуманный поступок». Автор смеется над нелепыми виршами Грибовникова, смеется и над самим нелепым честолубцем. Но за этим смехом, достаточно безжалостным, слышна исповедь Некрасова в собственных литературных грехах, смеясь над бездарным графоманом, он смеялся и над самим собой.

А стихотворение «К ней!!!» — пародия на любовную лирику эпигонов романтизма. Заглавие это Некрасов оценивал как «самое пошлое название, так истасканное нашими поэтами»; в своих статьях он неоднократно насмехался над стихотворениями, обращенными «к ней». В выражении «мечт моих ходулями» этого стиха некрасоведы усмотрели автопародийный намек на название сборника «Мечты и звуки».

В основу рассказа «Без вести пропавший пиита» легли «петербургские мытарства» молодого Некрасова. В рассказе нашли отражение переживания поэта в связи с неудачей, постигшей его при издании первого поэтического сборника «Мечты и звуки».

Некрасовский рассказ опубликован в предыдущем девятом номере «Пантеона» (ценз. разр.— 8 окт. 1840 г.) с подзаголовком: «Рассказ Н. Перепельского». «Если

отрывки, приведенные здесь из различных сочинений Ивана Ивановича, будут признаны не лишенными достоинства ~ их у меня достанет на девять томов!» К этим словам в публикации «Пантеона» было дано примечание: «Мы благодарим автора за доставление нам этого интересного рассказа и с удовольствием и впредь поместим в «Пантеоне» опыты Ивана Ивановича, если они все будут так удачны, как этот. Ред.».

Вот такая предистория стихотворения «К Ней!!!». Но при чем здесь была Саратовская губерния, осталось загадкой. Загадка мироощущения Николая Некрасова: «край миров». Возможно, он думал о саратовской грибоедовской глуши, а не душе («В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов»).

И не думал тогда девятнадцатилетний Некрасов, что поэтические строчки пародийного стихотворения «К Ней!» окажутся пророческими.

*Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой,
Баю-баю-баю-баю! — Признавался поэт перед смертью,
в 1877 году.*

Двести дней и ночей у постели больного Некрасова находилась его жена Зинаида Николаевна (она садилась на пол и уставлялась на зажженную свечу, чтобы не заснуть), которой поэт писал: «Зина! закрой утомленные очи! Зина! усни!». А оказалось, что он сам уснул вечным сном, и его «милый друг» Зиночка (Фекла Викторова) закрыла ему глаза.

«Милый и единственный друг Зина» оказалась в Саратове, прожила в городе 17 лет и похоронена на Воскресенском кладбище. Так что можно с полным правом сказать, что душа поэта Николая Алексеевича Некрасова в «Саратовской губернии, у светлых волжских берегов».

*От Воскресенского монастыря
до Воскресенского кладбища
Я посетил твое кладбище,
Подруга трудных, трудных дней!*

Н. Некрасов

В 1915 году священник Воскресенской кладбищенской церкви Сергей Троицкий отпевал Зинаиду Николаевну Некрасову, вдову поэта Николая Алексеевича Некрасова. Точнее священник провозглашал об упокоении новопреставленной шестидесяти восьмилетней Феклы. Так от рождения звалась жена и друг великого поэта. Фекла Анисимовна Викторова.

Газета «Саратовский листок» рассказывала о похоронах Некрасовой так: «После отпевания гроб на руках отнесли к могиле. На могиле стихи свои прочитал Добржинский, небольшие речи сказали студенты Полтавский и Свечин. Возложены четыре венка, от семьи Озолиных, от «Саратовского листка», от «Саратовского вестника» и от саратовской почты».

Когда-то Борис Пастернак писал:

*Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?*

Так кто такая и откуда взялась эта Фекла Викторова, она же Зинаида Некрасова? Впервые в жизни поэта она появилась в 1870 году. В доме на Литейном, в некрасовско-панаевской квартире, где почти 20 лет жила писательница Авдотья Яковлевна Панаева, так и не ставшая Панаевой-Некрасовой. Не сложилась семья у Некрасова и актрисы французской труппы Михайловского театра Селиной Лефрен. Зато ей остались в наследство от Некрасова 10500 рублей. Близкий тогда поэту В. М. Лазаревский отметил в своем дневнике, что Некрасов увел Феклу от какого-то купца Лыткина. Возможно, Фекла напоминала Некрасову жену Н. Г. Чернышевского Ольгу Соколовну, такую же жизнерадостную, прямодушную, хорошо разбирающуюся в людях. Девятнадцатилетняя девушка оказалась милой, доброй, веселой и умной, несмотря на то, что она была простого звания, дочь солдата, сирота, родом из Вышнего Волочка. Вместо чересчур простонародного имени Некрасов называл ее и представлял друзьям Зинаидой Николаевной, дав ей отчество от своего имени. Племянник поэта так рисовал портрет Зинаиды Николаевны: «Я помню голубоглазую блондинку с очаровательным цветом лица, с красиво очерченным ртом и жемчужными зубами. Она была стройно сложена, ловка, находчива, хорошо стреляла и ездила верхом. Так что иногда Николай Алексеевич брал ее на охоту». Вот как вспоминала сама Зинаида Николаевна одну из охотничьих утех: «На охоту чаще всего в Чудовскую Луку ездили. Сели на лошадей. А чудовские крестьяне со сворой собак и с ружьями за нами следом. Только свою любимую легавую Кадо Николай Алексеевич при себе оставил. Подъехали мы к первому озеру. Я с коня спрыгнула, взяла ружье, патроны и к прибрежному лозняку поспешила. Чуть ветки качнулись, я вскинула ружье и нажала курок. И тут вижу, что выстрел угодил не в утку, а в Кадо, пробежавшую сквозь кусты». Вскоре недалеко от некрасовской охотничьей дачи в Чудове появился памятник — гранитная плита с надписью: «Кадо, черный понтер, был превосходен на охоте, незаменимый друг дома. Убит случайно на охоте. 2 мая 1875 года».

Пять лет совместной жизни Некрасова и Викторовой были беззаботны и веселы. Театры, концерты, выставки, магазины, песни, музыка, шутки. Некрасов не только изменил имя своей гражданской жены, но и поменял образ ее жизни. Он занимался с ней российской грамматикой, и со временем она стала помощницей в чтении корректур; приглашал преподавателей французского языка, а перед приездом в Карабиху Некрасов просил брата взять напрокат рояль для Зины: она и музыкальна, и с голосом. Медовый месяц длился до самой болезни Николая Алексеевича. Зинаида Николаевна, по наблюдению некрасовского кучера, смотрела на Николая Алексеевича не просто как на мужа, а как на существо неземное... «Он ее своей лаской пригрел». Зина с поэтом везде и постоянно. Он нашел любовь. Некрасов с его умом и проницанием не мог ошибиться. И это подтвердила жизнь.

Страдания начались весной 1876 года, когда консилиум во главе со Склифосовским вынес окончательный диагноз: рак прямой кишки. «Боже, как он страдал! — вспоминала через много лет Зинаида Николаевна. — Какие несравнимые ни с чем муки испытывал!» А как страдала Зина, Зиночка, можно судить по строкам поэта: «Глаза жены сурово нежны», Ты еще на жизнь имеешь право», «Зина, закрой утомленные очи!», «Помоги же мне трудиться, Зина!», «Труд всегда меня животворил». Предчувствуя свою кончину, Некрасов решил узаконить свои отношения с Зинаидой церковным обрядом. У больного Некрасова не было сил ехать в церковь, и тогда у его друзей появилась мысль исполнить венчание на дому. Достали церковную палатку, поместили ее в зале, здесь же, поддерживая его за руки, обвели три раза

вокруг аналая уже полумертвого от страданий. «Он был босой и в одной рубашке», — писал позже библиограф П. А. Ефремов. Перед смертью поэта Зинаида Николаевна приготовила примирение с Тургеневым — их встречу. «Ни слова не было сказано во время этого свидания, — вспоминала она. — А сколько перечувствовали оба». И. С. Тургенев писал: «Эта женщина соединила наши руки. Она навсегда примирила нас. Да, смерть нас примирила». Едва гроб был засыпан землей, Зинаида Николаевна обратилась к настоятельнице монастыря с просьбой продать ей место рядом с могилой мужа для своей будущей могилы. Вот этот документ: «Квитанция № 163. Данная сия от Санкт-Петербургского Воскресенского Первоклассного Девичьего монастыря в том, что полученные деньги от вдовы дворянина Феклы Анисимовны Некрасовой за одно место подле могилы мужа ее 400 рублей, записаны в книгу монастырской. Настоятельница монастыря игуменья Евстафия. 30 декабря 1877 года».

Но не суждено было Некрасовой лежать рядом с мужем. Получив в наследство имущество в петербургской квартире, она все раздала, а имение Чудовская Лука подарила брату покойного мужа Константину. «Болезнь Николая Алексеевича открыла мне, какие страдания на свете бывают. А смерть его, что он за человек был, показала». После похорон Зинаида Николаевна впервые, без мужа, решила поехать в Карабаху, но брат Некрасова Федор Алексеевич встретил ее грубо, не пустил даже во флигель, принадлежавший мужу, так же к ней отнеслись все родственники мужа. Униженная, в отчаянии она поехала вначале в Ярославль, а затем в Москву с намерением постричься в монахини. В душевном смятении она едет то в Петербург, то в Крым, то в Одессу, то в Киев, то вновь в Петербург. Друзья Некрасова, привечавшие Зинаиду Николаевну при жизни поэта, совсем забыли ее после его смерти.

Успокоение Некрасова нашла, поселившись в 1898 году в Саратове. Благодаря саратовскому журналисту Н. М. Архангельскому и редакции «Саратовского вестника», она стала получать пенсию от Литературного фонда. Зинаида Николаевна часто бывала в гостях у Архангельских. И, как вспоминала дочь Николая Михайловича Антонина, подарила отцу часы Некрасова, карманные с охотничьим свистком, купленные поэтом в Париже. Зинаида Николаевна часто рассказывала о встречах с Салтыковым-Щедриным, Михайловским, Львом Толстым, Плещеевым. В 1911 году Некрасову посетил Корней Иванович Чуковский, тогда она жила на Малой Царицынской, дом 60, ныне улица Слонова.

В 1914 году в гостях у Некрасовой побывал исследователь творчества поэта В. Е. Евгеньев-Максимов. «28 июля 1914 года я тщетно звонил у подъезда небольшого, но опрятного домика на Провиантской улице, дом № 8, где, как указали мне в редакции «Саратовского вестника», жила вдова Некрасова. Потеряв терпение, я собрался было уходить, как вдруг крайнее оконце приоткрылось и из него выглянуло благообразное старушечье лицо, хранившее следы былой красоты. Это и была Зинаида Николаевна Некрасова». Некрасова много рассказывала о своем муже, о его добрых отношениях с крестьянами-земляками. Сетовала на людскую жестокость. «Много мне от них вытерпеть пришлось». Показала она Евгеньеву-Максимову томик сочинений Некрасова с дарственной надписью: «Милому и единственному другу моему Зине. 12 февраля 1874 год». (Вот и я через много лет немного постоял у этого двухэтажного кирпичного дома на Провиантской).

Около двадцати лет прожила в Саратове вдова поэта. В 1913—1914 годах по ее инициативе в Саратове продавались популярные в народе произведения Н. А. Некрасова. Обучала она грамоте и бедных саратовских детей. Зимой 1914 года здоровье Зинаиды Николаевны резко ухудшилось. Давний ревматизм дал осложнение на сердце. Долгая изнурительная болезнь напомнила последние мучительные дни жизни мужа. Стараясь отвлечься от боли, она читала на память стихи Некрасова:

*Да не плачь украдкой! — Верь надежде,
Смейся, пой, как пела ты весной.
Повторяй друзьям моим, как прежде,
Каждый стих, записанный тобой.*

Утром 27 января 1915 года читатели «Саратовского вестника» увидели некролог: «Зинаида Николаевна Некрасова, вдова поэта Н. А. Некрасова, скончалась в воскресенье 25 января в 4 часа 30 минут утра. Вынос тела из квартиры (Малая Царицынская, дом № 70, квартира Озолиной) сегодня 27 января в 9 часов утра на Воскресенское кладбище». Отходив всю жизнь в черном, она завещала похоронить себя в белом.

На саратовском Воскресенском кладбище небольшой обелиск из камня с фотографией. Пробираюсь сквозь колючий кустарник и жалящую крапиву ближе к памятнику на могиле 31-го участка. В буйных зарослях деревьев раздаётся птичье пение.

И вот я стою у ее могилы солнечным летним утром. Читаю надгробную надпись: «Некрасова Зинаида Николаевна, жена и друг великого поэта Н. А. Некрасова».

Александр Петренко
(г. Краснодар)

МИЛЛИОНЫ ЛИТЕРАТОРА

Литературный псевдоним — Александр Ралот. Публиковался во многих российских, белорусских и ближнего и дальнего зарубежья периодических изданиях, а также в «Приокских зорях». Член Союза писателей России. Победитель многих российских, зарубежных и международных конкурсов. Лауреат литературной премии имени Олега Бишарева. Награжден медалями: Золотой Есенинской, им. И. Бунина, им. М. Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А. Т. Твардовского, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе», имени генерала Брусилова.

Обычный выходной день в нашей семье. Нет, дорогой читатель, на сей раз ты не угадал. Увы. Я не на диване (такое бывает не часто). Глава семейства, то бишь, я — за компьютером, а супруга где-то там вдалеке, на кухне, гремит своими кастрюльками, тарелками и прочей утварью. Удивительно, но именно эта кухонная какофония вызывает у меня умиротворение, чувство какого-то домашнего уюта, спокойствия и, конечно, сытости.

Пока я писал эти строки, на кухне неожиданно воцарилась тишина. Покидаю свой кабинет и нехотя топаю в другую часть дома, выяснять причину отсутствия звука. И что я вижу: моя ненаглядная тихонько возлежит на диване и читает! Знаете кого? Некрасова! Да-да! В ее руках потрепанный, с пожелтевшими страницами, томик Николая Алексеевича.

— Дорогая, как это понимать? С чего это вдруг тебя потянуло на классику? Неужели школьной программы не хватило? Или ты именно сейчас решила выяснить, кому на Руси жить хорошо? Уверяю, только не нам с тобой.

Супруга с явной неохотой откладывает в сторону книгу и, не вставая с дивана, вопрошает:

— Вот ты у меня писатель, ну и еще историк. Ответь бедной женщине, а самому Некрасову хорошо жилось на Руси-матушке?

Слова благоверной заставили меня призадуматься. А действительно, каковы были доходы поэта? Всем известно, что господин Некрасов жил на широкую ногу и вроде бы не бедствовал. Чтобы уйти от сиюминутного ответа, я предложил:

— Золотко мое, быстренько собирайся, пойдем в парк, к памятнику этому самому Некрасову, а по дороге как раз и обсудим гонорары блистательного поэта, литератора и издателя журнала «Современник».

* * *

Сборы моей половины к выходу за пределы нашего жилища занимают никак не меньше получаса, поэтому у меня появилось время порыться в «авгиевых конюшнях» своих записей и подготовить ответ на каверзный женский вопрос.

На улице жена нежно взяла меня за руку и заглянула в глаза.

— Ну, я жду? Ты обещал!

— Тебе, дорогая, о доходах литератора, а потом об отношениях с прекрасной половиной человечества или наоборот?

— Вот как я задала тебе вопрос, так и отвечай. Что в те, стародавние времена, что сейчас — сначала денежки, а потом женщины. Бывает, конечно, и иначе, но редко.

— Николаю Алексеевичу, в целом, неплохо жилось. Шикарная квартира, процветающий бизнес, членство в престижном Английском клубе, роскошные выезды на охоту на трех тройках, картишки, серьезные выигрыши по несколько тысяч зараз. Согласись, что собирать информацию для своих будущих произведений о нищих крестьянах гораздо приятней, когда перемещаешься через села и деревни в хорошей карете, запряженной породистыми лошадьми, а сзади следует телега, полная изысканного провианта. Иногда, на пару-тройку минут, остановиться у избышки. Перекинуться несколькими фразами с местными. И поэту не лишняя информация, да и лошади отдыхают. Маленько посочувствовать крестьянам и, конечно, помочь материально, а как же без этого. Поэт в таких поездках был щедр, платил за стакан парного молока аж целый рубль. Однако просил, чтобы продавец подробно рассказывал при этом о своем житье. Сочувственно слушал, вздыхал, охал, после чего кутался в дорогую шубу, да и велел трогать. Домой, в столичный град. В теплый дом. К привычной роскоши и уюту. К друзьям из Английского клуба.

— Вот вечно ты так. Никак не хочешь ответить на мой простой и ясный вопрос. На что он так шикарно жил. На гонорары от своего литературного труда? Сколько же он зарабатывал на стихах?

— Николай Алексеевич очень прилично играл в карты. Можно сказать, профессионально. Был игроком азартным и удачливым. Случалось, за ночь выигрывал такие суммы, которые сельские мужики не видывали в своей жизни никогда. Но и тратились шальные деньги легко. Конечно же, на особ женского пола, на охоту и пирушки.

— А я где-то читала, что в юности поэт был беден, ночевал прямо на улице и постоянно недоедал.

— Да, было в судьбе Некрасова и такое время. Однако хочу тебе сказать, все эти лишения и невзгоды возникли лишь потому, что юное дарование разругался со своим батюшкой и наотрез отказался делать военную карьеру. Ему хотелось не в офицеры, а в университет.

* * *

— Дорогу в столичный град будущему светилу русской поэзии оплатил отец. А сыночек банально обманул родителя. На семейном совете заявил, что собирается поступать в кадетский корпус. Однако, прибыв в город, подал документы на филологический факультет университета. Мало того, на выделенные ему средства издал книгу «Мечты и звуки». Как и следовало ожидать, опусы неизвестного литератора не продавались вообще. И в университет Некрасова не приняли. Сама понимаешь: дорога домой после таких выкрутасов была закрыта. Он остался в Петербурге. Юношу согревала мечта, он верил: рано или поздно все же сможет взобраться на вершину поэтического олимпа. Чтоб хоть как-то прокормиться, строчил заметки во все газеты. Пытался писать сценарии водевилей для маленьких театриков. Когда деньги совсем кончались, шел на площадь перед Сенным рынком, за гроши или просто за кусок хлеба создавал прошения для неграмотных крестьян. Ночевал в ночлежке для бездомных. Когда появлялись кое-какие деньги, позволял себе снять угол на чердаке. Заметь, так жил потомственный дворянин, детство которого прошло в поместье, в окружении крепостных и слуг.

В один мало прекрасный день голодный Некрасов вспомнил о родовом запрете. Дело в том, что страсть к карточной игре передавалась в их семье по наследству. И прадед, и дед будущего поэта были заядлыми картежниками. Один предок проиграл семь тысяч душ, другой две. Отцу будущего поэта проигрывать было уже нечего. Но премудростям карточной игры и охоты он своих сыновей обучил превосходно. А больше ничего делать в этой жизни Алексей Сергеевич Некрасов не умел.

— Но, дорогой мой. Ты же прекрасно знаешь, для того, чтобы сесть за карточный стол, пусть даже в самом захудалом трактире, надо поставить на кон деньги. А что мог поставить бедный юноша, у которого не было средств даже на прокорм?

— Ответить однозначно на твой вопрос я не могу. Может быть, он положил на игровой стол свое выдавшее виды пальто или шапку. Главное не в этом. По всей вероятности в тот раз он выиграл, потом еще и еще. Знания, переданные родным батюшкой, упали на благодатную почву. Играл молодой Николай великолепно.

В начале сороковых годов позапрошлого века он познакомился с самим Белинским. Стал писать стихи на социальные темы. Его заметили в литературных кругах. Начали поступать первые скромные гонорары.

— Ты хочешь сказать, что с этого момента он стал жить за счет своего литературного дара? То есть, как и мечтал, стал узнаваемым литератором?

— Не совсем так. Бесспорно, его произведения о страданиях сельских крепостных и бедняков, обитающих в городах, находили отклик в сердцах читателей. Некрасова стали издавать. Доходы год от года возрастали. Однако должен заметить тебе, ко времени знакомства Николая Алексеевича с Белинским он уже был вполне преуспевающим членом столичного общества. И, понятное дело, давно распрощался с койкой на чердаке. Господин Некрасов снимал вполне приличное жилье, одевался по последней моде и даже позволял себе нанять прислугу. А в свободное время, устав от карточных дел, сочинял стихи и поэмы на злобу дня.

* * *

— Преферанс, винт, безик,— впрочем, не важно. Поэт был асом в любой карточной игре. Как я тебе уже говорил, и прадед и дед Некрасова проигрывали родовое богатство — их потомок весьма успешно отыгрывался.

— Неужели выиграл миллион? — Жена остановилась и внимательно посмотрела на меня.

— Думаю, миллион — это, конечно, преувеличение, но несколько сотен тысяч точно. Дело в том, что став членом элитного Английского клуба, он заполучил себе в партнеры по карточным играм крупных помещиков, высокопоставленных государственных сановников и банкиров. Николай Алексеевич хвастался своим друзьям, что смог выиграть у будущего министра финансов Абаза почти миллион франков.

— А сколько это по курсу в тамошних российских рублях?

— Точно не скажу, но примерно полмиллиона рублей.

— Он, наверное, знал слово какое-то заветное или примету. Раз ему так в карты везло.

— Конечно, как у всякого заядлого игрока у поэта были свои приметы. Одна из них — никогда и никому не давать в долг накануне большой игры. В другие дни — пожалуйста. Приходи — проси. Одолжу маленько. Но только не за день до ставок. Это было его принципиальное кредо.

Случилось, что молодой, начинающий журналист из «Современника» Игнатий Пиотровский попросил рублей триста в счет будущего оклада. За день до начала крупной игры: понимаете ли, Николай Алексеевич, долги, кредиторы совсем заели, тюрьмой грозят. Слыхал я, что и вы в молодости в моем положении бывали. Помогите

те. Прошу... А Некрасову, как назло, вечером в Английский клуб. Ну разве можно в такой вечер одалживаться.— Юноша, ну ей-богу. Никак не возможно. Совсем никак.

Журналист от безысходности застрелился.

— Вот это да! Никогда не слышала этой печальной истории. Однако, согласись, рядом с таким человеком обязательно должна быть эффектная женщина. Личная жизнь у поэта была? Будь добр, расскажи, пожалуйста. Сам же прекрасно знаешь. В нашем учебнике по литературе ни о картах, ни о женщинах не говорится ни слова.

— Однажды Белинский привел своего друга Некрасова в гости к литератору Панаеву. Замечу, что его жена Авдотья была в то время более чем привлекательна и купалась в бесконечных комплиментах своих многочисленных поклонников. Более того, было время, когда сам Федор Михайлович Достоевский прилагал немалые усилия, добиваясь ее расположения.

— Да! Вот с этого момента прошу, пожалуйста, поподробней.

— Увы. Я тебя разочарую. Нет никаких подробностей. Женщина решительно отказала великому классику. А вот с Некрасовым все срослось. Дело в том, что меценат и повеса Панаев снял новую просторную квартиру на Фонтанке. После чего взял, да и предложил другу семьи Некрасову оставить, наконец, свое жалкое жилище и переехать жить к нему на Фонтанку. Поэту отвели пару комнат в доме Ивана Ивановича. С арендной платой в ноль рублей! Мало того, хозяева от щедрот своих подарили гению шелковое кашне, фрак и еще много чего, необходимого для выхода в свет. Квартирант обставил жилье по своему вкусу. Вместо книг повесил на стены винтовки и чучела зверей.

Чета Панаевых и Некрасов регулярно выезжали на природу. Так сказать, в творческие командировки. Вот во время одного из таких вояжей в Казанскую губернию Авдотья и Николай открылись друг другу. Ну не покидать же после этого уютное жилище. Так и жили втроем. Вроде бы как шведская семья получилась. Целых 15 лет, до самой смерти законного супруга.

— И почему же муж терпел все это безобразие. У него что — глаз не было? Не вызвал наглеца на дуэль или хотя бы не выставил взашей?

— Понимаешь, дорогая, Иван Панаев уже через год после свадьбы полностью охладил к своей жене. Увы, такое нередко случается. Вечера проводил в кругу друзей и в обществе девиц легкого поведения. Вот и осталась Авдотья ни жена и не вдова.

— Скажи, а дети у нее были? Женщина ведь не только ради мужа живет. Ради детей.

— В середине сороковых годов чета Панаевых и поэт решили вместе провести лето. Понятное дело, поселились в одном жилище. Некрасов и Авдотья ждали ребенка и коротали время за написанием совместного романа «Три стороны света». Увы, мальчик родился очень слабым, прожил совсем недолго и умер. Любовники расстались. Тем не менее, поэт помнил свою музу до конца своих дней и даже упомянул ее в завещании.

— И все? Выходит наш Некрасов однолюб? Или все же были и другие романы?

— Имея весьма неплохой доход от издаваемого журнала и весьма приличные гонорары за публикацию собственных сочинений, поэт не покидал карточного стола. Регулярные выигрыши позволяли ему не волноваться о финансовом состоянии «Современника». Щедро помогал своим родственникам. Спонсировал малоимущих писателей. Оплачивал счета братьев Добролюбовых и покрывал расходы семьи Чернышевского. На свои средства открыл в Карабихе школу для крестьянских детей. В редакции его журнала было установлено большое зеркало с ящичками. В них поэт клал большую часть выигрыша. Оттуда брали деньги все, кто имел доступ в редакцию. Записка на зеркале гласила. «Для остро нуждающихся»...

* * *

— Мы уже почти пришли, а ты так и не ответил мне на вопрос. Кроме Авдотьи поэт еще кого-нибудь любил?

— В середине шестидесятых годов Некрасов отбыл за границу. Жил во Франции. Со своей сестрой Анной и француженкой Селиной Лефрен, актрисой одной французской труппы. Ездили к морю в местечко Диеппе. Поэт был в прекрасном настроении, здоровье его улучшилось. Сдается мне, что Селина в этот период жизни поэта нашла свое место в его сердце. Конечно, это только мое предположение, но в своем завещании Некрасов выделил ей десять с половиной тысяч рублей. Это известный факт.

Вернувшись на Родину, поэт познакомился с деревенской девушкой Феклой Викторовой. Ей шел двадцать третий год, ему уже стукнуло сорок восемь. Литератор вывел ее в свет. Театры, концерты, выставки. Он даже изменил имя своей дамы. Велел всем называть девушку Зиной.

Зинаида боготворила поэта и учила наизусть его стихи. Могла сама, без помощи посторонних, оседлать коня. Сопровождала своего мужчину на охоте. Но случилось непоправимое. На Чудовском болоте она по неосторожности застрелила любимого пса Некрасова по кличке Кадо. После чего поэт повесил ружье на стену и более никогда на охоту уже не выезжал. В последние, самые тяжелые дни девушка была рядом со своим возлюбленным. Ухаживала, успокаивала, делала все необходимое. Как могла, скрашивала его пребывание на этом свете. За несколько месяцев до смертного часа Некрасов настоял на венчании и официальном бракосочетании. Безрадостная процедура состоялась в походной войсковой церкви-палатке. Ее установили прямо в зале некрасовской квартиры. Жениха вели к алтарю под руки. Поэт уже не мог передвигаться самостоятельно...

* * *

Мы пришли в парк. Стояли у памятника поэту.

— А ведь правду люди говорят: везет в картах, не везет в любви. Выигрывал большие суммы, был щедр, знаменит. Везло во всем. А детишек после себя не оставил. Женщины, конечно, были, но согласись, это не совсем правильная любовь. Хотя, может быть, я и не права. Не мне судить гения. Его уже давно рассудило время.

Мимо прошла девушка с лотком, в котором лежали букетики весенних цветов. — Продайте нам два, пожалуйста, — попросила жена и возложила их к подножью памятника. — Это от тебя и от меня. И от всех благодарных потомков.

Валерий Акимов

(г. Нижневартовск Тюменской области)

К 200-ЛЕТИЮ Н. А. НЕКРАСОВА

(Мой поэтический венок русскому классику)

Акимов Валерий Юрьевич родился в 1949 г. в г. Новомосковске Тульской области. Службу по призыву с 1969 года по 1972 год проходил в погранвойсках на финской границе. После окончания МХТИ им. Д. И. Менделеева в 1978 году приехал в Нижневартовск и работал там в газо- и нефтепереработке. «Почетный нефтяник». Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Автор двадцати одной книги.

В те летние каникулы я, как всегда, отдыхал в деревне у папиных родителей. Так вот, там в доме у бабули был заветный сундук, содержимое которого она каждое лето просушивала на солнце. Крышка того сундука изнутри была обклеена цветными страшными видами ада, поэтому мы, малышня, к нему к открытому даже подходить боялись. Но когда мне уже перевалило за десять лет, а хозяйка умерла, мы с двоюродной сестрой решили проверить содержимое этого хранилища. Из всех женских мелочей мне досталось дореволюционное издание стихов Н. А. Некрасова, еще с «ятами». В книге подробно описывалась история создания каждого стихотворения, но это привлекло меня потом, а тогда заинтересовала дата выпуска: 1899 год — год рождения бабушки и за пятидесятилетие до моего рождения. Так у меня появилась книга стихов великого русского поэта. Года через два, когда я сам начал рифмовать свои первые строчки, вспомнилось о заветной книге, и с тех пор она постоянно находилась под рукой на моем столе, за свою бытность несколько раз перечитанная от корки до корки. И неспроста Николай Алексеевич Некрасов до сих пор является моим любимым поэтом. Книга стала большим подспорьем, когда в школе стали проходить творчество Н. А. Некрасова. А посетив Ленинград, я первым делом поспешил на Литейный проспект в знаменитый дом, в котором проживал и мой литературный кумир. Конечно, я не мог не посвятить своему любимому поэту стихотворение:

*Не голос елейный,
Звало и не лето
Сюда на Литейный
В квартиру поэта.*

*Он — первый из равных,
Боец и задира,
Защитник бесправных,
«Мужицкая лира».*

*Народная песня
В могучем потоке:*

*Во всех русских весях
Поэтов строки.*

*Не то, что со слогом,
Который красивей,
А простаки Богом
Ниспослан России.*

А когда я получил рекомендацию на вступление в Союз писателей России от известного тульского поэта, а для меня — великого, Виктора Федоровича Пахомова, что меня безгранично обрадовало, но особенно запали в душу слова мэтра: «Акимовские стихи порадовали меня своей исповедальностью, зрелостью мысли, профессионализмом. А что еще, для меня важнее всего, следованием традициям отечественной поэзии, ее Пушкинско-Некрасовскому духу». Значит, не зря судьба распорядилась так, что именно мне досталось заветное издание, которое повлияло не только на мое литературное творчество, но и на всю последующую жизнь.

НАШИ ТРАДИЦИОННЫЕ ГОСТИ ИЗ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СОЮЗА «ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ»

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Легко ли писать на русском языке в Белоруссии? С одной стороны — да. Никто препон не чинит, работать не мешает. Сел, написал, издал (за свой счет), можешь нести книги в магазин. С другой стороны — огромная часть читательской аудитории, на порядок большая, чем в родной стране, находится немного восточнее, в России.

В такой парадоксальной ситуации Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь» уже более двадцати шести лет объединяет русскоязычных литераторов в Беларуси, «возделывая культурную ниву» страны с помощью стихов, прозы и драматургии. Четверть века плодотворной работы доказывают, что создаваемые произведения находят отклик как в Белоруссии, так и за ее пределами.

Почему Беллитсоюзу «Полоцкая ветвь» удастся даже не «оставаться на плаву», а активно развиваться и с уверенностью смотреть в будущее? Дело в том, что ветвевцы очень трепетно относятся к своей роли в жизни союза. Регулярно проводятся мероприятия, направленные на продвижение русскоязычной литературы. Среди них — выездные выступления в различных городах республики, проведение поэтических и литературных вечеров и, конечно же, организация Международного фестиваля «Славянская лира», который в 2021 году «отгремел» уже в восьмой раз, несмотря на ковидные ограничения. Литературные состязания и выступления для участников оказались гораздо важнее страхов перед пандемией.

Конечно, представители многих стран в 2021-ом не смогли доехать до Минска, как это бывало в доковидные времена. Тогда в белорусскую столицу съезжались сотни участников не только из ближнего зарубежья, но и из ЕС, Израиля и США. Кстати, за восьмилетнюю историю проведения «Славянской лиры» работы для конкурсных программ представили более тысячи семисот авторов из двадцати восьми стран, в том числе — из Канады, Мексики и Австралии! И будем надеяться, что 2022-ой год все расставит по своим местам и гостеприимная белорусская столица снова увидит многочисленных гостей.

Среди проектов, реализуемых «Полоцкой ветвью», есть также фестиваль «Звучанье русского стиха...», ежегодное вручение премии Симеона Полоцкого за лучшие прозаические произведения и поэтические сборники на русском языке, творческие слеты «Литературные встречи в Корсаково», биеннале «Литературная корона».

Члены «Полоцкой ветви» активно издают свои книги. Только за последние несколько лет из печати вышли романы, сборники поэзии и драматургии. В данный момент к печати готовится литературная антология «Полоцкая ветвь»: четверть века под сенью литературы». Кроме того, запланировано возрождение литературно-публицистического журнала «Западная Двина», который издавался с 2003 по 2010 годы. В те годы в периодическом издании были опубликованы произведения почти ста прозаиков, поэтов, драматургов и публицистов из Белоруссии, России и с Украины. Одним словом, все только начинается.

Тематический номер, состоящий из произведений* членов Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», который вы держите в руках, — это еще одно свидетельство того, что русскоязычная литературная жизнь в Белоруссии не утихает. Более сорока авторов прислали свои произведения для публикации. Почти две трети из них — поэты, представляющие на читательский суд произведения: от акrostихов до детской поэзии. Двенадцать прозаиков поделились рассказами и частями из крупных литературных форм. Драматурги — пьесами, а литературоведы — своим видением текущей ситуации с русскоязычной литературой Белоруссии.

Одним словом, скучно точно не будет. Будет увлекательно, интересно и иногда страшно — за литературных героев.

*Секретарь Секции художественной прозы
Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Алексей Горбунов*

* Ниже представлены произведения прозы, драматургии, поэзии, литературоведения и литературной критики, произведения для детей. — Прим. гл. ред.

Ольга Шпилова
(г. Гомель, Белоруссия)

ПИКСЕЛИ ДУШИ

Писатель, политолог, юрист. Живет в Гомеле (Белоруссия). Автор поэтического сборника «Ангелы зимуют в Ялте» и восьми книг прозы. Лауреат международных литературных премий, конкурсов и фестивалей искусств. Работы опубликованы в отечественных и зарубежных печатных изданиях. Председатель Гомельского отделения Беллитсоюза «Полоцкая Ветвь», член Союза Писателей Крыма.

«Человеческая душа меняется за ночь»

Из книги Курбана Саида «Али и Нино»

Она бродила по опустевшему офису, томила, пока его одинокая фигурка то замирала, то вздрагивала перед горящим монитором. Согнутая дугой худенькая спина напряженно выкидывала наружу, через мягкость синего свитера, косточки и снова скрывала их. Тонкие линии рук устало касались клавиатуры, потом вдруг раздраженно вскидывались в сторону, вверх и тянулись к иссиня-черным волосам. Как же ей знакома эта привычка! Сейчас ухватится двумя пальцами за прядь, чтобы сохранить равновесие внутри себя. Она убрала глаза от его напряжения: оно соблазняло, манило. Пошла к окну. Откинула жалюзи, и, встав на цыпочки (о, Боже, она в носочках, даже не позаботилась об обуви), повисла на подоконнике: так вот какой ты, Город Огней! Прекрасен, как всегда: и на картинках, и сейчас, почти в реальности, в бархате полуночного часа. Дернула створку и была готова поклясться, что чувствует чарующее дыхание Каспия. Даже обзорное колесо видно! И соль на губах... все как он говорил... или сама себе это придумала. От восторга она зажмурилась, и поперхнулась собственным счастьем. Неужели это все происходит в действительности, неужели все не вымысел, к которому уже успела привыкнуть?! ...И Каспий, и Город Огней, и этот опустевший офис, и Он — порыв ее страстной души,— все это существует на самом деле! И теперь она, стараясь не потревожить даже неловким шорохом созданную вокруг нее реальность из мифической мечты, может касаться сердцем своим и пылающей кожей яви, той, к которой так долго стремилась... и плакала ночами о ней, и горевала, и воображала. Неужели все это случилось?!

— Бали... — донеслось до нее.

Он продолжал теревить прядь волос (нервничает, а голос ровный, надежный, спокойный, всю жизнь его слушала бы). Речь знакомая, близкая, хотя многие слова еще не понятны. Но это слово она хорошо знает.

— Бали, бали — продолжал он утверждать в микрофон.

Она вскинула глаза к потолку. Зрачки полосовали агрессивные лампы. Ах, если бы Бали...

Но нет, не остров в Индонезии со своими заливными рисовыми полями, пляжами

и коралловыми рифами... «Beli»,— значит «да», только буква «е» должна быть вверх тормашками! И произносится так, словно барашек блеет!

— Буйурун! — выдохнув, произнес он и отключил абонента.

«Buuyun» — вспомнила она,— значит «пожалуйста».

Она направилась к нему: теперь уже можно, не помешает. Тихо обошла спинку кресла, встав позади, нежно опустила руки ему на плечи. Он затих, затаил дыхание и неожиданно вздрогнул. Она готова была поклясться, что по его телу побежал электрический ток, передался ладошкам, зацепил пальцы. Он оглянулся... И ничего не увидел, кроме пустого офиса. Рядом никого не было. Ни сбоку, ни позади. Не странно. Ведь она смотрела на него из его телефона и видела его в своем устройстве, в котором он замер перед своим горящим монитором, а она, пользуясь ловкой минутой, вдоволь набродилась по опустевшему офису в Городе Огней, где чарует дыханием своим Каспий. Она облизала губы — соленые.

Он посмотрел на нее так, точно только спустился с Марса, вырвался из другого далекого мира и теперь окунулся в нежность теплых глаз, манящих карамельно-мятной сладостью.

— Лялька, шоколад будешь? — улыбнулся он.

И улыбка его засияла, затрепетала на уставшем лице, оживляя его.

— Буду, Кямранушка!

Он расхохотался: так задорно, по-мальчишески, что она тоже прыснула со смеху.

— Только ты умешь так меня называть, Лялька-джан!

Они раскатисто хохотали, оторванные друг от друга тремя тысячами километров, взрывая смехом своим два разных помещения: он — пустой офис со скелетами насупившихся стульев, она — тихую комнату с уснувшими плюшевыми игрушками.

«Can» — душа, ее любимое слово, он научил.

Но раздался новый звонок, он поднял указательный палец вверх, поднес к губам. Она тут же замолчала. Прижала хитрую ладошку ко рту: пока ответит очередному неспящему у вод Каспия, она сможет пожульничать. Она станет смотреть на него в упор, касаться своих влажных губ, темно-ртутных волос, высокого подбородка. Он словит ее взгляд... Уже словил. Смотрит на нее, говорит в микрофон. Лицо заливают пурпурным. Как закат в Городе Огней. Сомкнутые губы теряют твердость, наливаются, отдаются шалости улыбки. Она ползет по ним змеиной кожей... «İlan»* — шепчет она, желая коснуться его губ своими губами. В глазах — черных и синих — скачут веселые чертики... Они тонут друг в друге.

— Шоколад будешь? — отключив абонента, хриплым голосом произносит он, тем самым сбрасывая с себя ее чары и свое желание.

— Буду... — шепчет она, догадываясь, что с ним происходит, понимая, что разожгла огонь, в котором хочется гореть дотла вдвоем, но придется гаснуть поодиночке.

Он протягивает дольку шоколада, подносит к экрану.

— Взяла,— говорит она и берет из шелестящей обертки точно такую же дольку,— смотри, держу.

Они смеются. Каждый отправляет черный квадратик себе в рот. Жуют молча. Задумавшись. Смотрят друг на друга в упор.

— Вкусно? — очнувшись, спрашивает он.

— Угу... — облизывается она.— А ты будешь? — теперь она отламывает дольку и протягивает к экрану.

— Конечно, буду. Я из твоих рук все буду!

«Какой акцент! — думает она,— ему не нужно утратить его». Страшно, если в общении с ней лишится шарма произносимых слов.

И снова звонок. Теперь она видит его висок, пульсирующую венку. Дикое жела-

* ilan — змея (перевод с азербайджанского).

ние прикоснуться к ней губами не обуздать. Твердый подбородок, родинка. Он встает, она видит его брюки и все, что они скрывают. Она отворачивается. Нельзя смотреть. Иначе сердце выпрыгнет наружу. Переводит взгляд на стол и кисть его руки в кадре. Еще больнее.

Он отключает абонента, снова его глаза рядом, грустные, как на иконе Христа — страдающие — им пора проститься. Город Огней закрыл веки своих фонарей. В окна бьется рассвет: в его офисе, и в ее комнате — в одном мире на двоих. Сейчас он коснется экрана — и они погаснут вместе с ночными огнями. Поцелуют друг друга и уснут. В жизнь приходит новый день, в котором они существуют по отдельности. В котором ее душа потеряет мягкость. Сквозь полусон она будет клясться себе, что должна забыть его, покинуть и опустевший офис, и Город Огней, освободить его реальность от своего присутствия. Но едва опустится ночь, вопреки километрам, ее клятвам и своей усталости он позовет ее: настойчиво потянет к себе и она не сможет не откликнуться на зов его. И снова сплетутся их души в сети. Расстояние потеряет всякий смысл и значение. Потому что ее руки будут лежать на утомленных плечах его. А он заботливо продолжит кормить ее горьким шоколадом.

Алексей Горбунов
(г. Минск, Белоруссия)

НОВОЛУНИЕ

Родился в 1974 году в Минске. Имеет два высших образования (филологическое и экономическое), окончил аспирантуру. Работал журналистом, видеоблогером, главным редактором. В настоящий момент — прозаик, драматург, по совместительству поэт. Занял первое место в номинации «Малая проза» на Международном литературном фестивале «Славянская лира-2020». Автор рассказов, повестей и романа «Минск и Тибетская книга мертвых». Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», секретарь секции художественной прозы.

Меня зовут Степан. Люблю техно и паназиатскую кухню. В «Инсте» почти полторы сотни подписчиков. Что еще о себе рассказать? Двадцать восемь лет. Живу с мамой. Есть кошка Мурка, черно-белый перс, она словно проникла в наш мир из первых фильмов. А вот девушки у меня нет. Вообще я считаю, что женщины — какие-то потусторонние существа, и наладить с ними взаимовыгодные отношения невозможно. То ли дело Мурка! Тоже иногда рожицу воротит, но, в целом, вполне дружелюбная и отзывается на «кис-кис».

Но хватит о кошках. Расскажу лучше о своей работе, и о том случае, от которого до сих пор мурашки по коже. Работаю я в Департаменте охраны. Охраняю Министерство нужных бумаг.

Некоторые думают, что Департамент охраны — это подразделение МВД. С такими товарищами я сразу же провожу разъяснительную беседу. К МВД мы никакого отношения не имеем.

Да, у нас темно-синяя форма, а на голове — кепка с эмблемой. Есть еще нашивка «Департамент охраны», ну и бейдж с личными данными. Но ни пистолетов, ни наручников нет. Главное наше оружие — тревожная кнопка. И палец, чтобы ее нажимать.

Из-за того, что пальцы есть практически у всех, в Департамент берут даже инвалидов. Главное, чтобы человек не заснул на посту и среагировал на подозрительные события. Если что-то происходит, мы вдавливаем кнопку, и через пару минут приезжает группа быстрого реагирования: в бронежилетах, с автоматами.

Но есть одна тонкость — ночные дежурства подразумевают регулярный обход территории, а инвалиды с таким хождением справляются не очень. Поэтому я всегда меняюсь — отдаю им свои дневные дежурства, а сам дежурю по ночам. Спокойно, тихо, посетители на мозг не давят.

Начальство не видит в заменах ничего крамольного. Почему-то ночные смены считаются более сложными, поэтому мне даже доплачивают. В остальном, считайте сами — работаю ночь через две. Десять-одиннадцать раз в месяц. Правда, как выразился майор Додосов, мой непосредственный начальник: «Личико ты теперь материально ответственное!» Бог с ним, с Додосовым — он всю жизнь провел в сапогах,

юмор у него специфический, а у меня — тук-тук-тук! — никаких проблем ни разу не было. Если, конечно, не брать в расчет тот случай, о котором я расскажу.

Министерство нужных бумаг расположено в тихом районе. Жилых домов здесь практически нет, а те, что есть, малоэтажные, поэтому аборигены по ночам появляются редко. Разве что в пятницу или субботу пройдет разгоряченная компания или бабушка собачку выгулять выскочит. Но этот контингент к министерской ограде приближается редко, понимает, что здание важное, государственное, с большим флагом на крыше.

А я сижу за своим пультом и через камеры слежу за происходящим. Все подступы видны. Если кто-то вздумает через ограду перелезть, я сразу — хоп! — и кнопочку жму. Не успеет нарушитель до стен министерства дойти, а уже слышны сирены машины, на которой мчится группа захвата.

Кстати, камеры и в здании установлены: в основных коридорах и на лестницах. На случай пожара или залития. Но о таком я ни разу не слышал, все функционирует, как часовой механизм.

Одним словом, моей работе можно только позавидовать. Сидишь за пультом, как в кабине космического корабля, за камерами следишь. И все силовые органы страны готовы прийти на помощь в случае форс-мажора.

На прошлый Новый год рассказал маминему брату, дяде Андрею, о своей работе, а он, уже хорошенько пьяный, ляпнул:

— А вдруг призрак или приведение какое...

— Что ты, Андрюшенька, за страсти говоришь! — ухватила за сердце мать.

— Какие призраки?! — захохотал я. — У нас же везде камеры, нет никаких призраков. Одна цивилизация.

Накаркал!

На ту августовскую ночь пришлось новолуние. Темно. Если бы не свет фонарей, ничего вообще не увидеть. Хотя я к таким периодам отношусь спокойно. Камеры вокруг Министерства нужных бумаг инфракрасные. Им что день, что ночь — в любых условиях картинка четкая. И нет статистики, что злодеи в безлунные ночи чаще пытаются прокрасться к важным государственным объектам. В ту ночь тоже все было тихо.

Почти половина ночного дежурства прошла, и отправился я в час ночи на очередной обход здания. Если думаете, что обход — это прогулка с фонариком по темным коридорам, ошибаетесь. Конечно, фонарик у меня всегда под рукой — на тот случай, если вдруг электричество в районе пропадет. Но в обычных условиях я просто приближаюсь к очередному участку, включаю свет, прохожу по коридору и жму на выключатель.

Но в тот раз началась чертовщина.

Со стороны одной из стен, мимо которых я проходил, повеяло зимним холодом! Если бы жаром дыкнуло или дым пошел — понятно. Пожар начался. А тут посреди августовской ночи — мороз. Я даже к стене присмотрелся, вроде как иней на ней выступил. Что за бред?! Я глаза протер и соображаю, что там за этой стенкой. Наконец дошло — там министерский гараж. Но ночью машин почти нет — начальство на них по домам разъезжается.

Еще раз всмотрелся в стенку — нет, вроде и не иней, это штукатурка так отсвечивает. Да и откуда за стеной холоду взяться?! Ни холодильников, ни рефрижераторов там отродясь не стояло. Как мне кажется, в гараже даже кондиционеры не предусмотрены. Но морозным холодом тянет. Что делать? В инструкции о таких случаях ни слова.

Потрогал лоб, температуры нет. Потрогал стену — ледяная, как будто за ней — зима и минус тридцать. Мистика! А в голове мысли проносятся. Нажать на тревож-

ную кнопку?! Примчатся ребята в бронежилетах, я их проведу к этой стенке, а она уже нагрелась. Что мне группа захвата скажет?

Позвонить Додосову? Он третий сон видит, точно не приедет, а вот депремировать — депремирует, и вопросы потом появятся. То, что Департамент охраны состоянием моей головы заинтересуется, такой же факт, как и то, что стена ледяная.

И тут я решил — не заметить происходящего. Пошел дальше по коридору. Но не сделал и пары шагов, как за спиной что-то хрустнуло, словно кусок пластика сломался. С мыслью: «Откуда там пластик?» — я обернулся и остолбенел... Из стены, за которой гараж, медленно просачивался призрак. Выглядел он так, будто кто-то решил выдуть из сигаретного дыма фигуру девушки. Получилось жутко — в человеческий рост, спутанные волосы, длинное платье, тонкие руки. И плывет в воздухе, как идет, только ног нет. Там, где должны быть ноги — пространство над полом.

И мы с призраком вдвоем — одни в ночном коридоре.

Я чуть не заорал. Девушка из дыма почувствовала мое присутствие, повернула голову, и я услышал хриплый голос:

— Узнаешь меня?

Самое дикое во всем этом — то, что губы девушки не двигались, а глаза смотрели прямо на меня. Оцепенение стало проходить, и я влажной рукой выхватил из кармана фонарик, направил в сторону сгустка дыма луч света. Но луч прошел сквозь призрачное видение и уткнулся в угол.

— Хватит истязать меня,— захрипела девушка и поплыла к противоположной стене.— Убери луну!

Мои нервы не выдержали, и я бросился к дверям, за которыми скрывалась спасительная лестница. Добежав, обернулся — коридор был пуст. Никаких призраков, никакого поломанного пластика — ничего. Я отдышался и выключил свет.

У пульта мне пришла в голову гениальная мысль. Нужно отмотать запись с событиями в коридоре назад. Это позволит проверить, был ли там кто-то еще кроме меня или что-то произошло с моей психикой? Но я тут же понял, что так расхваливаемые мной камеры только выводят на экраны изображение происходящего. Запись, если где-то она и ведется, осуществляется точно не здесь.

Что же делать? Я глотнул теплого кофе из термоса, походил вокруг пульта и пришел к единственному правильному, как мне тогда показалось, решению. В коридор у гаражей этой ночью я больше не пойду. Достаточно наблюдений за ним с помощью камеры. Никому о девушке с хриплым голосом я тоже сообщать не стану, потому что ее попросту не может быть, а, значит, и не было. Если на записи что-то и осталось, скажу, что ничего не видел. Мало ли какие оптические иллюзии выдают камеры. Техника не совершенна.

Но безлунная ночь так просто не закончилась. Примерно в полпятого, наблюдая краснеющими глазами за картинками, подаваемыми с камер, я снова услышал знакомый треск, будто лопнул лист пластика. Я замер, не решаясь посмотреть на происходящее за пультом, но затем все-таки посмотрел.

Девушка, тот самый безногий призрак, плыла прямо ко мне через широкий холл Министерства нужных бумаг. Я вскочил:

— Кто ты? Что тебе надо?

Девушка захрипела, не открывая рта:

— Вспомнил? Ты так долго пытал меня лунным светом!

Страшный голос вывел меня из ступора — я посмотрел на экран с изображением холла передо мной. Холл был пуст: никакого дыма, никаких девушек — ни души. Я перевел взгляд на призрака — он медленно приближался. В голове мелькали мысли: «Что делать? Не нажимать же тревожную кнопку! Нет. Перекреститься?» Перекрестился, но девушка не исчезла. В каком-то фильме герой в такой ситуации рисовал

вокруг себя защитную пентаграмму! Нужен мел! Но мела у меня не было. Попробовать нарисовать круг шариковой ручкой?

Так я и стоял, думал, что можно сделать, но ничего не делал. А девушка подплывала.

Между мной и призраком оставалось менее трех метров, когда на улице послышался шум подъезжающего автомобиля. Девушка вздрогнула, повернула голову к входной двери и пропала. Не лопнула, не испарилась, не уткнула — просто холл передо мной вмиг стал таким же пустынным, как и на экране.

Завибрировал звонок — у входа топтался проверяющий. На трясущихся ногах я подошел к дверям и впустил внутрь ночного посетителя. Тот сразу почувствовал неладное:

— Что с вашим лицом?

— Ни-ни-че-го... — я провел по голове ладонью, пытаюсь понять, что вызвало подозрение проверяющего.

— Вы спали? — визитер буквально наступал на меня.

Я чуть не споткнулся о порог, и это привело меня в чувство:

— Вы не показали документы!

— Точно, — проверяющий протянул удостоверение и цветную бумагу с наполовину написанным от руки текстом.

Пока я изучал документы, визитер принялся:

— Вы тут курите?

— Нет. А разве здесь пахнет сигаретами?

— Очень странный запах. Как будто помещение только что покрыли побелкой, а потом здесь прогрел двигатель армейский грузовик.

— А-а-а... — протянул я, отдавая документы.

Проверяющий ловко спрятал их в карман, развернулся и пошел к выходу. На пороге он заметил:

— Вы бы проветривали, что ли! А то угорите здесь... — дальше последовало нецензурное слово.

Мы попрощались. Я прислушался к совету — приоткрыл окно. Призрак в ту ночь больше не появлялся. Утром я вернулся домой, поел котлет с макаронами и лег спать. После пяти часов сна появилась мысль, что призрак все-таки мне привиделся. И виноваты в этом бензиновые испарения из гаража.

На следующий день мы с мамой сходили на юбилей к дяде Андрею. Празднование затянулось далеко за полночь, и я лег спать почти под утро. Поэтому долго не мог сообразить, почему мне ночью звонит Додосов — на него была установлена специальная мелодия, советская «Чунга-Чанга».

— Спишь?! — заревел в трубку начальник. На часах было восемь тридцать утра.

Пару мгновений я соображал, почему я не должен спать, а потом ответил:

— Ну, да. Мне же сегодня в ночную.

— В Департамент! У нас — ЧП.

Меня словно холодной водой облили. Я впопыхах собрался, вызвал такси и поехал к Додосову. Пока ехал, в голове крутилась мысль: «Неужели камеры слежения все-таки зафиксировали какую-то картинку? Все, я попал. Теперь точно выгонят с волчьим билетом!» Но ситуация оказалась еще более паршивой, чем я предполагал.

Как только я прошел через турникет, ко мне подбежали люди в форме и куда-то повели, явно не к Додосову. «Если они меня в чем-то подозревают, могли бы сразу домой приехать», — успел подумать я перед тем, как меня почти втолкнули в кабинет и усадили на стул. На этом стуле я провел следующие четыре часа.

Оказалось, что сотрудника Департамента, который дежурил в ночь после меня, нашли мертвым. Никакого криминала. Умер от сердечной недостаточности. В этом событии не было бы ничего странного — коллеге шел седьмой десяток, а в этом воз-

расте проблемы с сердцем — явление распространенное, но молодой охранник, который дежурил в ночь после умершего, просто исчез.

Первые несколько часов допроса я не мог понять, чего же хотят лично от меня, и как можно исчезнуть из здания министерства, которое находится под круглосуточным видеонаблюдением? Потом мне показали видео, и я понял, что пары бензина, на которые я списал свои галлюцинации, были какими-то совсем не бензиновыми.

Видео с умершим получилось жутковатым, но логичным. Коллега сидел за пультом, затем резко вскочил, словно увидел перед собой что-то странное, схватился руками за ворот рубашки и рухнул обратно. Так и остался лежать в кресле, глядя в какую-то точку поверх экранов. На видео, в правом нижнем углу, я заметил время: «04.27», — секунды на записи продолжали сменяться, но тело в кресле оставалось неподвижным.

А вот видео с исчезновением я попросил показать несколько раз, настолько оно шокировало. Человек за пультом положил подбородок на сложенные на столе руки. Со стороны сказать — спит он или следит за экранами — невозможно. Ракурс съемки не позволял. Мое мнение — спал, но сейчас этого никак не докажешь, да и доказывать незачем. Потому что спящий попросту исчез. На кадре со временем «04.27.12» охранник еще лежит перед экранами, а на кадре «04.27.13» там никого нет.

— Шапку-невидимку на него, что ли, накинули? — развел руками следователь и подозрительно посмотрел на меня.

«Или подолом-невидимкой накрыли», — подумал я, ощущая, что волосы на голове шевелятся, но следователю сказал:

— Можно в туалет?

— Нет! — рывкнул следователь. — Пока не разберемся, что к чему, будешь сидеть!

— Вы думаете, это я его похитил?

— Рано пока думать! Факты нужны.

— Может, сбой в системе видеонаблюдения. Время идет, а картинка застыла. Человек встал и вышел из здания.

— И исчез в городе? — скривился следователь.

— А может у него сообщники были, которые картинку подменили, — я выдвинул очередную гипотезу и тут же пожалел об этом.

— Какие сообщники? Фамилии?

— Не знаю я никаких сообщников, — мне стало казаться, что я откровенно ною, но в моей ситуации ничего другого не оставалось. — Так в фильмах бывает. Время идет, картинка не меняется, а преступники банк грабят.

— В каких фильмах? — перекидывая меня следователь. — Кому придет в голову грабить Министерство нужных бумаг? Что там брать? Принтер?

— Тогда у меня нет версий, — заскулил я.

Но следователь будто не слышал этих слов. Он снова оживился:

— Ты так и не объяснил, почему в ночь дежурства бегал по коридору!

— В какой-то момент мне стало жутко. Показалось, что в коридоре еще кто-то есть. Вот и побежал, — повторил я, наверное, в десятый раз.

— Кто там был?

— Никого там не было. Но стало жутко.

— У тебя проблемы с головой? Панические атаки? Как тебя в охрану взяли?

Я задумался:

— Может быть, это такое воздействие паров бензина. Вот и товарищ проверяющий говорил, что бензином пахло.

— Хватит мне про пары бензина, — махнул рукой следователь. — Проверяющий сказал, что был запах стройки и выхлопных газов. А это не бензин.

— Но откуда-то же запах взялся!

— Разберемся с запахом,— следовательно взглянул на меня исподлобья.— Сейчас главное понять, куда человек делся? Ладно, иди в туалет. Только из здания ни ногой.

Той ночью в Министерстве нужных бумаг дежурила группа захвата. Сидели на стульях, сопели, звякали автоматами. Во время обходов следовали за мной по пятам, как отряд телохранителей. Но ничего странного не происходило.

В коридоре, примыкающем к гаражу, я специально каждый раз приближался к стене, из-за которой в прошлый раз проникал морозный холод. Но температурных аномалий не замечал. Стена, как стена, как все стены в министерстве или в других бетонных домах.

Ради интереса, я даже в холле не проветривал, решил, что если галлюцинации вызывают испарения, то видения в такой обстановке возникнут у всех, и автоматчики вместе со мной увидят призрака. Но снова ничего. Утром пришел сменщик, я попрощался с группой захвата и покинул пост.

По дороге домой зашел в церковь, поставил свечку, только так и не решился спросить, что нужно делать, если видишь призрака...

Молодого охранника не нашли: ни живым, ни мертвым. И призрака с тех пор я не видел. За охраной следили почти неделю, а потом людей с автоматами убрали.

Меня еще несколько раз вызывали в разные государственные организации, названия которых я вам не назову, потому что подписал бумаги о неразглашении. И везде я говорил, что никого той ночью не видел. Да и кого я мог видеть, если на камерах никого нет?

Я и сейчас по ночам охраняю Министерство нужных бумаг. Вот только ношу с собой два термоса: один с кофе, другой со святой водой. Мама сначала удивлялась — зачем вода? — но я ей сказал, что у нас участились перебои с водоснабжением, и второй термос нужен на всякий случай.

Кроме святой воды в термосе, в моем кармане всегда лежит большой кусок мела. Чтобы нарисовать защитную пентаграмму. Главное, не заснуть во время дежурства и вовремя заметить приближение призрака. Конечно, если он появится.

Пока тихо. Да и вообще тихо и спокойно, никто на мозг не давит. Сажу вот на работе. Ночь. Одиночество.

Минуту...

Что это?..

Татьяна Бестужева
(г. Бобруйск, Белоруссия)

Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Считает, что жизнь должна быть максимально наполнена впечатлениями и эмоциями. Про себя говорит следующее: «Счастливым является человек, который всегда занят делом души. И вот такое счастливое душевное дело появилось в моей жизни, нет, вернее не появилось, оно жило во мне с самого первого моего вдоха, с первой секунды ощущения тепла, осознания, что я — есть. В своих импрессиях передаю свои мимолетные впечатления об изменчивости и подвижности окружающего реального мира».

МАЯК «ДУШИ»

Под его ногами шуршала «Осенняя Вечность»... В его руках звучала мелодия кнопок «Памяти», состоящая из нот: «Щелк», «Щелк»... Цилиндр «Жизни» фокусировал маяки «Уходящих моментов», пытаюсь удержать тот самый неповторимый судьбоносный Миг: Миг «Улыбки», Миг «Красоты», Миг «Надежды», Миг «Любви»...

Его Маяк «Души» издавал вспышки огненно-сигнального тепла для каждого путника, который хотел найти свой непрерывно световой Миг.

Миг «Времени» беспощадно летит, разбрасывая тлеющие угольки Маяка «Души» на ветру, оставляя пепельный путь «Воспоминаний»...

ЗАБЫТЫЙ СТРАННИК

Карнавал Души закончен... Мне надоело играть пустую роль... Отдаю маску случайному прохожему, обнажая Душу... Становлюсь уязвимой... Начало ничего не значит... Развязку знаю наизусть, как строки из любимой песни, но все равно иду у желаний на поводу...

Пытаюсь приклеить осенние Листья-Счастья, надеясь согреть обнаженную Душу... Бесплезно... Листья-Чувства настолько лживые, что приносят не осеннее тепло, а ледяную зиму иллюзий.

Нельзя притворяться, что любишь, ничего не чувствуя! Взяв кредит у Вселенной, попадаешь в долговую яму «Чужой Боли». Теперь ты просто Забытый Странник, потерявшейся во времени дорог...

ХРУСТАЛЬНЫЙ ДВОРЕЦ

Хочешь — молчи, хочешь — кричи... вдребезги «Хрустальный Дворец»...

Ее больше нет для тебя... впрочем, никогда и не было... Это был просто осознанный Сон... Реальность ничего не значила... Календарь смешал числа между мирами «До», «После» и «Никогда».

Прошлогодний снег еще лежит, здесь все из ледяного хрусталя... Одно неосто-

рожное движение, и она исчезнет... Для нее ты просто незванный гость... Зачем ты нарисовал Зимнюю Сказку в Летнем Сне? Ты же знаешь, что тепло губит... С рассветом меркнет блеск ее одиноких хрустально-синих глаз... Время разделилось... Вместе и врозь... Сон смешался. Зима и Лето. В воздухе еще пахнут осколки сомнений...

Хочешь — молчи, хочешь — кричи... вдребезги «Хрустальный Дворец»... Ее больше нет для тебя... впрочем, никогда и не было... В этом Сне больше нечего ловить!

ЗАБЛУДШАЯ ДУША

Строила пирамиду своего величия, а возвела Китайскую стену ненависти и призрания. Пыталась открыть шкатулку своей уникальности, а выпустила Дремлющего Змея гордости и подлости. Хотела подружиться с королевой своей совести, но стражи обмана не впустили тебя в ее покои. Теперь ты бродишь по замку иллюзий Пустых Душ и не можешь найти оболочку своего настоящего Я. Все оказалось миражом сознания, кроме тебя. Да и ты оказалась миражом для других, словно ветер — ты есть, но тебя не видно, только отпечаток твоей печали разносится по коридорам Заблудших Душ, которые, как и ты, однажды пытались сделать свой Мир лучше. Жаль, что теперь ты стала невидимкой своей чаши правоты, которая пугает своей правильной граненой отточкой.

КАРТИНА ЖИЗНИ

Картина твоей Жизни, написанная неизвестным художником, размылась, чистые краски линии судьбы смешались, полотно стало хаосом...

Как странно смотреть на отклики бытия и понимать, что твоя картина Жизни написана кистью чужой мечты, что дорога, по которой ты ступала своими уверенными шагами, уложена не твоей мозаикой, что сорванные цветы в твоих руках издают чужой аромат, что раны твоей души всего лишь прихоть маэстро...

Как странно осознавать, что именно ты позволила написать чужаку такую картину, а еще более странно осознавать, что это твои решения дождя размыли ее замысел, поселив в ней хаос цветовой гаммы...

БОЛОТО

Потеря за потерей — болото Чертей, их логово скрыто в моей светлой Душе. Я тону в трясине из горести мук, в правой руке кувшинка разлук, в левой — хрустальный бокал, наполненный горьким вином. Глоток за глотком — и жажда сильнее, дурманит сознание нежный цветок, и жгут ладонь слезы росы, оставляя ожоги внутри оболочки моей когда-то счастливой детской мечты.

Смеялась, кружилась вместе с Чертями и пила... пила вино Королевского Ада, подаваемое в их ресторане. На сцене Пекла выступала перед свитой Чертей, которые меня забросали цветами предстоящих заблудших дорог. Как же выбраться из этой грязи? «Нужно играть... играть по их правилам...» — рядом стоящий сказал...

Кувшинка завяла... Бокал стал пустым... Я выиграла партию в домино у Чертей!

НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Глубоко под самое сердце крадется маленькая серая неизвестность, окутывая туманным одеялом своей необыкновенно длинной пропасти...

Страшно думать... Страшно смотреть... Да и не думать, а надумывать; да и не смотреть, а всматриваться...

Как часто, живя в неизвестности своего сознания, пропитанного живыми клетками Вселенского разума, принимаешь образ надуманного, отказываясь от простора реального путешествия по мраморной лестнице, ведущей к Небесному счастью...

СЛИШКОМ ПОЗДНО...

Прохлопала Счастье ресницами... Прошла сквозь паутину ловушек, не оставив даже дырочки своего контура в липких узорах, сплетенных так прочно Судьбой.

Прошлепала Счастье ногами... Перепрыгнула через лужу признания, не оставив мокрого следа на свежем асфальте истории Дороги Мук.

Стерла Счастье руками... Превратив его в порошок «Гордости, Сомнений, Отчаяния».

А когда опомнилась... было уже слишком поздно... Партия вышла в продажу...

КАЗАЛОСЬ...

Стояла на границе предрассветной мечты, тянула ладошки к радушным крупичкам еще не изведанной пыльцы, хотела почувствовать сладкий вкус космической глади и тепло Вселенской заботы...

Казалось, еще одна грань моих тревог растворилась в золотистых частицах небесного дождя, казалось, что тепло мерцающего света растопит холодную льдинку одинокой души, казалось, что звездный парусник увезет от надуманных странных мыслей...

Казалось... А оказалось, что через слезинку горести приходит море побед, но твоим кораблем должен управлять мудрый, стойкий Морской Волк, который сумеет в шторм остаться на плаву...

ОСТАНОВИСЬ!

Еще одна шлюпка обмана спущена с корабля твоей мнимой Любви.

Еще один воздушный змей Сомнений отпущен в далекое плавание.

Еще одна карта сокровищ разбитых сердец спрятана в сундук твоей Детской Шалости.

Еще один миф Страха придуман чужими словами твоих загадочных снов.

Еще последний Дракон твоей Совести борется с твоим наивным желанием быть... Быть верной своей придуманной сказке.

Остановись! Хватит! Хватит рисовать слезами радугу счастливой дороги.

Остановись! Подумай! Подумай, сможешь ли босиком пройти по раскаленному Солнцу Любви.

Остановись! Посмотри! Посмотри, нужно ли пить Живую воду из колодца его желаний.

Остановись! Решай! Решай сейчас! Сможешь ли переплыть море сомнений и выжить на острове чужих Миражей?

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Тишина... Нет шепота... Нет сплетения тепла... Нет мнимого воздуха...

Шум... Ты слышишь??? Это гордое одиночество, как черный кот, врывается через двери твоей запутавшейся души.

Не впускай... Борись... Слышишь??? Держись за ниточки несбывшейся мечты... Тяжело??? Потерпи!!! Теперь ты знаешь, что означила зебра в твоём холодном отражении жизни. Допрыгалась??? Оступилась! И что дальше? Посмотри, ведь это была не зебра, это шахматная доска ЛИНИИ ЖИЗНИ, висящая над пропастью твоей глупости. Смейся! Смейся! Ведь смешно осознавать, что ты всего лишь пешка, которая мешает чьей-то игре Жизни...

Тишина... Нет шепота... Нет сплетения тепла... Нет мнимого воздуха... Только шахматная доска ЛИНИИ ЖИЗНИ продолжает играть с твоим отчаянием, рисуя новые квадратики ложной победы...

ЕЩЕ ВЧЕРА...

18.01.08 М***

Еще вчера ты знала, что она есть... Еще вчера надежда пульсировала по капиллярам твой мольбы, еще вчера ты знала расклад карт судьбы, отчаянно пытаешься изменить их задуманный ход. Еще вчера ты верила, что завтра не наступит никогда, будет только вчера. Еще вчера ты купалась в ее ароматных белых лепестках душистых роз заботы и любви и верила в жизнь... Еще вчера ты водила ее судьбу по лабиринту, пытаешься выиграть время и запутать ход событий. Еще вчера ты лазила по облакам неба, пытаешься остановить маятник часов разлуки. Еще вчера ты знала, что она есть... и ее душа чистая и необыкновенно добрая водила тебя по Раю белых роз.

А сегодня? А сегодня уже завтра и ее нет... Только отклики теплого вчера...

РЕАЛЬНОСТЬ

П***

В его кристально-чистых ладонях еще тлели кусочки прошлого, по щекам стекали слезы настоящего, падая на жаркие уголки реальности, пытались затушить боль. Бесполезно... Прошлое желало вмешаться в настоящее. Стрелка будущего дала сбой... она остановилась. Время потеряло счет.

Теперь уже не важно, где прошлое, настоящее или будущее. Реальность находилась там, где были его мысли. Он не мог поверить в то, что времени не существует, что нет граней, разделяющих день и ночь, утро и вечер, сегодня и завтра, час и минуту... Есть только СЕЙЧАС и ОН. Все, во что он верил когда-то, оказалось бессмысленным и никому не нужно. Он кричал: «Так жить нельзя!» А кто сказал ему, что его жизнь ничего не стоит? Кто диктовал правила его игры в ЖИЗНЬ?

Он... Он сам был хозяином своего времени. Выбор сделан, он сделал обдуманый шаг... Теперь нет прошлого, настоящего и будущего. Есть только ОН и его РЕАЛЬНОСТЬ...

ДАВАЙ!

Давай разбудим рассвет своими жаркими поцелуями! Давай ломаем стереотипы никому не нужных ворот сомнений! Давай не будем думать о том, что бывает завтра, а просто нарисуем сегодняшнюю картину нашей глупости! Нет, не глупости! Ведь то, что ты, мы называем ГЛУПОСТЬЮ — всего лишь отражение наших внутренних желаний, спрятавшихся за дверкой осуждений!

Давай сорвем приклеившиеся Маски нашего первого столкновения душ. Я же знаю, что Я — это не Я, а ТЫ — это не ТЫ! МЫ — это зазеркалье нашего кривого отражения! Я — это Маска твоего сознания, а ТЫ — это Маска моего желания! Хватит быть ТЕНЬЮ МАСОК чужих мечтаний! Стань РЕАЛЬНОСТЬЮ своих бредовых снов.

Давай украдем написанные ноты из тетради наших Разных Дорог и сыграем чистую мелодию нашей Музыки Жизни. Давай станцуем первый Танец одинаковых желаний. Давай, не будем делить ТВОЕ и МОЕ, а растворимся в потоке НАШИХ недосказанных объятий! Давай сделаем ставки сердец... Ведь ЖИЗНЬ — КАЗИНО... ВСЕ или НИЧЕГО...

БЫТЬ...

Когда Солнце Надежды затмило Луну Сомнений и стало хозяином души-неба, полились горькие капли дождя Веры, пытавшиеся вдохнуть жизнь в засохшее растение Счастья, которое опустило свои крылатые лепестки и тихо ожидало прихода конца ее никому не известной жизни. С каждым вдохом свежего наплыва ветра становилось легче осознавать свою значимость... Значимость жить и бороться... Бороться за свою Жизнь!

Вдруг ей захотелось подняться ввысь и посмотреть с высоты птичьего полета на этот неизвестный мир, который, казалось, уже спит в своем городе Неизвестных Дорог. Но за столько лет ее корни так приросли к боязни нового, что освободиться от оков прошлого казалось невозможным! Но только не для нее! Теперь ее тенистая душа была наполнена решимостью и желанием рассказать всем, что она ЕСТЬ СЕЙЧАС. Что завтра может и не быть! Что это ее неизведанная дорога, и учить ее выбирать направление за нее никто не имеет права!

Она знала, кто она ЕСТЬ! Она вспомнила, что значит смеяться просто так, не прячась за вуалью чужих законов и запретов! Она поняла, что не стоит держаться за призрачный Мир взглядов... Нужно быть... Быть сейчас... Быть собой...

ВИДЕНИЕ

Делаешь медленные шаги... Раз... два... три... В твоих глазках отражаются отблески Госпожи Идеи... Обдумываешь... Подходишь к цели, нет... скорее доползаешь на животе своих верных решений. Не сомневаешься в правильности выбранного направления! Виват! Вот ОНО! А когда становишься на твердые ноги своей правоты, ослепленный разноцветными лучами призрачного тумана, делаешь последний шаг...

Легкий полет... Твое тело пронизывает дрожь планов, чертежей. Твой мозг ищет правильные ответы, которые мелькают в потайных щелях нервных окончаний. Ты не думаешь, есть ли внизу земля, ты просто паришь в своих воспоминаниях, нет боли, нет радости... Только холодные расчеты твоих бессонных ночей...

Удар... Приземление... Что это было? А где же крылья моих доказательств? Сколько раз они спасали меня от линии горизонта моей мечты, за которой была пропасть?! Я даже и не заметила, как их унесли ангелы моего упрямства! А как же выбраться?

Боль... Холод... Нет сил... Они остались висеть наверху обрыва пропасти.

Сколько я здесь? Не помню... Чувствую тепло... Играю с солнечным зайчиком чьей-то веры в мою Госпожу Идею...

Ветер... Я снова вижу лучи призрачного тумана... Шаг вперед еще не сделан... Я знаю... Я здесь была уже сегодня...

ИМПЕРИЯ

Танцуй! Танцуй в разноцветных лепестках своих желаний! И Пой! Пой песню колыбели своего рассвета! Смотри! Смотри, здесь ты обещала быть больше, чем там, где тебя нет.

Сегодня в Империи Призраков ты — почетная гостья! Не думай, здесь тебя видят насквозь! Не бойся, темнота всего лишь пугает поначалу! Не рассматривай их, они такие, как и ты, просто они свободны от людской ненависти.

Кружись под куполом свободной Любви. Здесь позволено выбирать светлую или темную сторону дороги твоих шагов! Здесь нет правил, определяющих красоту пустых лиц и скрытых темных взглядов. Сейчас ты свободна, как никогда! На тебе нет мифического покрывала, скрывающего твою божественную Сущность! Никто не скажет никому, что ты здесь была такая, какая ты есть без своей Улыбки Обмана.

Лети на встречу безумных желаний и фотографируй взглядом Империю забытой в глубинах морского дна царицы детства. Плачь! Ведь сегодня позволено все! Ты нашла карту сокровищ своего далекого плавания. Сегодня ты — капитан Империи Призраков!

Встречай лучи первого желания своего Я и растворишься в преддверьях призрачного рассвета замка своей Души... Тебя больше, чем нет. Тебя меньше, чем там, где ты есть...

Николай Василевский
(г. Минск, Белоруссия)

ЦЕНТР МИРА

Родился в Минске. Закончил БГУ по специальности журналист. Работал по профессии. В 2007 году вступил в Беллитсоюз «Полоцкая ветвь». Есть ряд публикаций в периодических изданиях. В частности — в журнале «Западная Двина». Автор книг: «Вы принадлежите мне», «У любви — извилисты прямые», «Сага о козлах», «Солнечный чай», «Свет оставляют немногие», «Свист со вкусом апельсинок». Участник ряда коллективных сборников, альманахов, антологий. За веселость нрава, пишет юморески, в Украине Николая Василевского называют белорусским Жванецким. Есть переводы на украинский язык. Самый большой — повесть «Сага о козлах, или повесть о настоящем мужчине». Актер театра «ЛитоСфера».

Я знаю это. Абсолютно точно. Именно здесь. Именно в этом месте, в городе М, на улице Калиновского, названной по фамилии великого борца за свободу, в доме номер 73, корпус один, квартире двадцать один, центр мира. Раньше здесь, напротив моего окна, стояло два тополя. Один старый, другой относительно молодой, посаженный лет десять назад. Но неделю назад во время страшной июльской бури старший тополь сломало ветром, он упал прямо на улицу, где обычно бегали дети. Потом приехали рабочие и убрали его. Впрочем, я ни о чем не жалею, скамейку стало видно больше. Я еще помню, как она стояла с облупившейся краской и сломанной, полусгнившей посередине доской. Но второго апреля, как раз после праздника смеха, будто в насмешку, пришли рабочие. Починили ее и покрасили в празднично-торжественный цвет. И заново родившаяся скамейка просто преобразила мир. Тут сразу же стали собираться мои друзья. Может не друзья, но молодые и не очень мужчины стали постоянно собираться ближе к вечеру, выпивать и громко разговаривать. Иногда они обращали внимание на меня, и кричали: Вадим, Вадим!

Да, меня зовут Вадим Хохловский. Я всегда сижу у этого окна и смотрю на окружающий мир. Он очень интересный и необычный! Каждый день не похож на другие! Один вбегает счастливый, будто выиграл лотерейный билет, другой, тяжело и понуро, с монотонно звучащими каплями дождя, заползает, рождая тысячи... нет, тут я переборщил множеством недовольных и озабоченных лиц. Но кто-то радостен, несмотря на погоду, с улыбкой и гордо выпрямившись, распахнув парусом грудь, идет вперед, а кто-то даже в солнечный день, укутанный пеньем утренних птиц, идет с изгрызленным мрачно-задумчивым лицом, как некая игрушка, один раз и навсегда заведенная и у которой только один коридор — тоска! Каждый день тут происходит что-то неожиданное и необыкновенное. Именно поэтому я всегда сижу в удобном кресле у окна. Я не могу ходить, врачи говорят, что это редкое заболевание и медицина бессильна. Что-то непонятное в моей голове не дает мне двигаться. Однажды я подслушал, притворился спящим, врач говорил маме, что мои извилины атрофируются, распрямляются, и вскоре я совсем стану дебилом. Но это не правда! Я мыслю!

Я очень много мыслю! Я очень много думаю и умею! Я даже ушами могу шевелить! Правда, ходить... здесь он прав. Не могу. Но ведь это не главное! Главное, что я чувствую, что живу полноценной жизнью, и даже лучше многих! Ничего и ничто не ускользает от моего взгляда! Зимой, когда идет снег, люди кутаются в шубы, весной поют птицы и большая ветка яблони рядом с окном зацветает множеством белых цветочков. Я насчитал сто двадцать семь. Хотя, может их больше. Это повторяется из года в год, но мне всегда интересно, как набухают почки, потом появляются цветы, потом яблоки!

Однажды какой-то парень начал трясти ее, и я попытался его остановить. Жаль, что с речью у меня не все в порядке, и иногда вместо слов у меня вырывается только мычание. Но парень меня понял и убежал. Обозвал нехорошим словом и убежал. Но я не огорчился. Есть такая вещь, что всегда поддерживала меня. Даже когда приходили врачи и говорили, что жить мне останется полгода, что я совсем стану дурным.

Когда с нами жил папа, он сказал: «Сынок, здесь находится центр мира».

— А что такое центр мира? — спросил я.

— Это... — он тогда задумался, — такое замечательное место, где всем и всегда будет хорошо. Это самое важное место в мире. Это место, где живешь ты. Только верь, что ты солнце, которое всем подарит тепло, радость и свет! Дари! Тогда здесь всегда будет свет, радость. Это место самое важное!

Тогда я еще бегал на своих ногах и хорошо говорил, но этого я уже не помню. Потом... Потом все изменилось. Мы с отцом переходили дорогу, папа отвлекся, я побежал вперед, мне так хотелось его обогнать и первым добежать до другой стороны дороги. Но... я помню, как завизжали тормоза. Меня ударила машина... и с тех пор я не хожу. Я очень испугался. С тех пор я сижу здесь. У окна. Мне шестнадцать. Я почти не могу говорить. Передвигаюсь с маминой помощью в инвалидной коляске. Но я думаю, что живу хорошо, ведь я живу в Центре мира! А папа сказал, что здесь живут счастливые люди! И я всегда помню об этом и очень счастлив! А это главное.

С прошлого года, почти сразу как починили скамейку, в нашем подъезде поселилась соседка Катя. С родителями. Девочка. Ей тоже шестнадцать. Она очень красиво одевается и очень гордая. Постоянно любит себя. Однажды я увидел, как она вышла из подъезда, это было этой весной, как только солнышко стало выглядывать и растаял снег, достала из своей бардовой сумочки зеркальце и стала рассматривать себя. Меня она не заметила, и, наверное, поэтому стала подкрашивать губы. А потом... потом она увидела меня. Вначале смутилась, а потом показала язык. И я ей тоже показал язык. Пусть знает, что я тоже не лыком шит! Она рассмеялась таким звонким смехом, что я подумал, что с голосом у нее что-то не так, но этого не сказал. Она же кинула зеркальце в сумочку и пошла довольная. Теперь она, постоянно выходя по утрам, оглядывается. Вначале она показывала язык, а я ей в ответ, а потом она стала улыбаться и махать доброжелательно мне рукой. Я не знаю, когда это произошло, но каждый день она выходит из подъезда и машет мне рукой, или показывает язык. Или корчит рожицы, а я ей улыбаюсь и тоже показываю язык! Однажды утро было дождливым, я проспал. Она ушла и не помахала мне рукой. И даже в обед, примерно около двух часов, она возвращалась из школы, я ее не увидел. Мама уехала далеко. На базар. За покупками. И от этого мне было особенно грустно. Даже борщ, что приготовила мама, есть не хотелось. Я попросил маму, чтобы она сажала меня к окну пораньше. Мама некоторое время злилась, мол, надо спать еще, но потом согласилась. Оказалось, что я очень многое пропускаю: я выяснил, что у соседа Петра Петровича, несколько полноватого, низенького с лысинкой мужчины, есть собака и каждое утро он выгуливает ее. Вообще мама у меня очень хорошая и добрая. Только иногда злится. Как-то она видимо думала, что я не слышу. Она говорила с кем-то по телефону, что ее сын, то есть я, очень болен и что мне хуже день ото дня. Что я становлюсь все глупее и глупее. Но я знаю, что это совсем не так. Она просто не видит

ничего хорошего в жизни. Вокруг так много интересного! Это нужно только увидеть! Жизнь похожа на храм, в котором ты сам себе зодчий и от тебя зависит, какими картинами ты распишешь его. А еще у мамы сидит внутри злой зубной техник... точнее, врач. Когда я о чем-то ее прошу, она кривится как от сильной зубной боли или плачется кому-то по телефону, как ей тяжело, и как она устала от всего этого... чего этого — она обычно не говорит. Но это было раньше. Теперь она уже не скрывает своей неприязни ко мне, говорит, что ее сын, то есть я, дурак и debil. Но она сама дура! Зачем кому-то говорить обо мне такие обидные слова?! А один раз даже сказала, что лучше бы меня тогда задавило. И у них, у папы с мамой, было бы все хорошо. Она родила бы другого мальчика, и он бы только радовал ее. Но я так не думаю.

Я — лучше!

Я самый замечательный сын на свете!

Я помню, что сказал папа. Дари свет! И я делаю это.

Я — свет и радость!

Я очень люблю свою маму. Люблю несмотря ни на что. Даже когда она ругается. Раньше мы даже с ней играли в интересную игру. Я говорил ей: Люлю. И она повторяла это. Всего одна пропущенная буква в люлю. Но в этом что-то было. И так, пока нам не надоедало. Не знаю, почему и когда мы перестали играть в эту игру. Что-то сломалось. Мама стала другая, какая-то злая и озабоченная. Как-то она сказала, что если б знала, то сама зарыла бы меня в землю. А ночью мне приснился страшный сон, будто мама кинула меня в яму и засыпала землей. Потом появилась еще одна мама, и они стали лопатами засыпать меня. Но дело двигалось медленно, и появилось еще несколько мам, и они стали сыпать на меня землю. И тогда я закричал. Я проснулся, а рядом была мама. Она включила свет и сказала, что все хорошо. Что все будет в порядке. Я успокоился и уснул.

А еще у меня есть друг — Димон. Он приходит ко мне в гости, и мы играем в шашки. Но на самом деле больше просто болтаем. Точнее он болтает, а я просто киваю ему в ответ головой. Мол, все понятно. Но наша излюбленная тема — Центр мира. Когда я был маленьким, папа сказал, что где я, там и Центр мира. И даже перекрестился в доказательство. Но я бы ему и так поверил, ведь он — мой папа. Теперь я всем говорю, что здесь, в городе М, центр мира. Только мама говорит, что это неправда. Мираж. А когда узнала, что это сказал папа, то обозвала его сказочником. А потом сказала, что он подлец и дурак. Но больше всего дурак. И я тоже такой же дурак, как и папа! Но я-то знаю, что это не так. Папа прав. Я знаю это абсолютно точно! Даже когда мы до хрипоты спорим с Димоном. Дима говорит, что центр мира где-то в Европе, на каком-то холме. Это, мол, вычислили все эти... как их... которые карты рисуют. Но я говорю, что, если папа сказал, Центр мира тут, значит так все и есть.

— Центр мира там, где я есть! — снова и снова утверждаю я, и он сдается. Обычно поспорив, он начинает собираться по делам. Куда он идет? Ведь здесь центр мира и все самое важное происходит здесь! Здесь! Однажды я увидел, как он выходил с Катей из подъезда, и в тот раз Катя мне не помахала рукой. Мне было в тот день особенно грустно. Только я понимал, что сделать ничего не могу. В следующий раз он пришел и по секрету рассказал, что целовался с очень классной девчонкой. Супер ДеФФФФчонкой. Именно так, с большим фырчанием, он говорил обо всех девочках. Он уже с несколькими целовался. Только потом, как самый крутой парень в школе, их бросал. Они оказывались или слишком глупыми, или слишком умными, или толстыми, или наоборот худышШШШками, как он говорил. А ему, настоящему мачо, нужна настоящая девушка с... он тогда оглянулся, нет ли поблизости моей мамы, и прошептал такие слова, что я невольно покраснел. Да, ему можно было только позавидовать.

Я тогда прямо спросил:

— Ты целовался с Катей?

Он тогда гордо расправил свою грудь, достал свою деревянную расческу из настоящего дуба, с какими-то знаками, приносящими удачу, и стал расчесываться. Он всегда так делает, когда волнуется. Немного помедлив, он наконец-то выдал:

— А ты как думаешь?!

Хвастаться он мастак. Только я думаю, что на этот раз он говорит правду. Только мне нужен громоотвод. Его слова — как неожиданность в небе. И тут его прорывает, мамы как раз не было дома, и он как глашатай провозглашает аксиомы.

— Все девушки готовы бегать за мной! У меня мышцы! — он показывает мне свои могучие бицепсы. Девушки любят парней с бицепсами! Мне становится грустно. Только не от того, что он гуляет с Катей, просто такие парни, вроде его, лишь красивое приложение к девушке. Девушки любят все эффектное! Генералиссимуса среди других подростковых тел, с которым бы они смотрелись великолепно, и все остальные девушки завидовали им. Но надолго ли? Будут ли они гулять с ними или им нужен кто-то еще кроме этой груды мышц? Дима горд и самоуверен. Сказать ему это... я просто не хочу терять друга. Правда в моем случае может оказаться роковой.

Дима пришел на следующей неделе грустный. Он увидел, как она разговаривала с Петькой из десятого «Б». И это трагедия. Для нее! К нему клеится Татьяна, Лена, а еще... и он не намерен терпеть Катини выходки.

— Тебе хорошо, — говорит он мне, — никаких переживаний. Сиди себе и ешь! Смотри в окошечко! Никто ничего не требует. Никаких страстей! А я... страдаю.

Я сочувствую своему другу, я сочувствую Кате. Я видел, как она выходила в последний раз из подъезда и даже не остановилась, не оглянулась назад. Я понимаю ее. Я понимаю его. Мне очень грустно, что мои друзья не могут найти общего языка.

А сегодня пришла мама очень расстроенная. Три часа назад она пошла в магазин, и только вернулась. Принесла пакет молока и две пачки печенья. Молоко она выпила почти все сама. Чтобы, как она сказала, успокоить нервы. Потом спохватилась, я не кормленный, и разогрела в микроволновке кашу. Покормила. Потом взяла телефон и стала с кем-то разговаривать. Она говорила так громко, что слышно было даже здесь. Потом она пришла в комнату и стала говорить: ну и ладно, ну и черт с тобой, раз ты такой... все кончено! Посмотрела на меня и сказала:

— Хорошо, что ты такой больной, и не вырастешь таким козлом и подлецом.

Потом ушла в другую комнату, налила в бокал коньяк, он у нее всегда есть, и стала с кем-то говорить.

Она часто ругает. Сильно ругает мужчин. Они все время у нее в чем-то виноваты. Они не делают то, что она хочет. Они не делают, так как надо делать. А ведь она знает, что надо делать; она говорит им, а они все равно пытаются делать по-своему. Неправильно!!! А раз они такие, значит пусть идут в баню!

Сегодня она ругает мужчин особенно сильно. Она знает, что и как делать, а мужчины нет. Она перечисляет его, Ивана, недостатки с точностью опытного статиста с эмоциональными нитками недовольства. Только сегодня мама не посылает его куда-нибудь. Ни далеко, ни близко, ни в плохое место. Она говорит, что в нем что-то есть. А потом удивляется: и как все плохое уживается, где есть такое хорошее? Она сегодня буянит особенно сильно. Она ругает его! Она обвиняет его во всех недостатках и грехах!

— Он считает, что пуп земли! Пуп, ты понимаешь? — кричит она в трубку, — но он совершенно не такой! Он просто человек! Длжен вокруг меня вертеться, как планеты вокруг солнца! Я центр вселенной для него! А он...

Я слышу, как она плачет.

Я думаю, что моя мама влюбилась. Человеческая душа попадает в бурьян периодически. Иногда она просто хочет быстрее выбраться оттуда. Но иногда готова выкорчевать сто сорняков ради одного цветка.

Я знаю это. Абсолютно точно.

Наступил новый день. Без радости. Без ставшего привычным для меня энтузиазма. Катя сегодня вышла из подъезда и не оглянулась. Это странно. Она всегда такая радостная и веселая. Только сегодня кто-то повесил ей гири на ноги. Зато пришел довольный Димон.

— Я расстался с Катей — навсегда!

Он играет бицепсами перед нашим большим зеркалом. Говорит, что закрутит с Леной, она не такая самовлюбленная и гордая, как Катя! Жизнь становится все интереснее и интереснее. Жизнь сложная штука и в ней сложно разобраться. Я не знаю, что произошло у них с Катей, но мне от этого становится грустно. Очень грустно. Меня уже не радует свет солнца и пение птиц. Я не понимаю, что со мной происходит.

Сегодня я проснулся с очень неприятным чувством. Попросил маму посадить меня к окну. На дворе что-то происходит. И что-то очень нехорошее. Возле нашего подъезда много людей. Все хмурые и недовольные.

— Это умерла наша соседка, — поясняет мне мама. — Катя Шаропаева. У нее остановилось сердце.

— Как это умерла? — переспрашиваю я.

Мама сегодня на диво терпелива. Она объясняет:

— Теперь Катя не будет дышать и ходить.

Значит, она больше не будет ходить возле моего окна? — переспрашиваю я растерянно.

— Да, смерть — это плохо, — поясняет мне она. — Говорят, любовь у нее была. Несчастливая. Она наглоталась таблеток, и сердце ее остановилось.

Мне становится неуютно.

Мама говорит, что ей некогда, у нее за этими разговорами выкипит борщ, а меня надо кормить. Она уходит, оставляя меня с моими мыслями. Мне от них становится очень больно. И как-то самому защемляет сердце. Я очень не хочу, чтобы Катя умирала. Я хочу, чтобы она, как всегда, выходила из подъезда и, улыбаясь мне, махала рукой! А потом убегала куда-то по делам. Девичьим. Мне от этого очень грустно, потому что уходят все, кого я очень люблю. Первым был папа. Мама сказала, что он ушел к другой женщине, бросив нас, и для нас он уже умер. Теперь он живет с другой... только я как-то не понимаю, как это он умер и одновременно живет?

Тут заиграла музыка, и я снова выглянул в окно. Из подъезда вынесли деревянный ящик, в котором лежала Катя. И вдруг мне стало так горько... в моей голове все помутилось, и в глазах побежали солнечные зайчики. Как тогда, когда Димон взял зеркальце и стал пускать солнечные зайчики мне в лицо. Так мы и познакомились. Потом подружились. Но сейчас... сейчас я очень не хотел, чтобы Катя умирала. И я встал. Мама запрещает мне вставать. Потому что, когда делаю шаг, я падаю, но я почему-то в этот раз встал и пошел. Открыл входную дверь, мы живем на первом этаже, и вышел. Я шел, и люди расступались предо мной. Катю уже хотели в этом ящике поставить на машину, но я закричал:

— Нет!!!

Все оглянулись на меня.

Я сказал, что хочу посмотреть.

Какая-то женщина в черном платке как-то странно посмотрела на меня. Но мужчина, среди которых был мой друг Василий, который пьет с друзьями и махает мне руками, молвил:

— Надо поставить.

И все мужчины, что его держали, опустили ящик прямо на асфальт. Мокрый асфальт после вчерашнего дождика.

И все, кто был, я их ощущал всех и сразу, все смятение растерянность, боль и удивление, и тоску, скорей бы все это закончилось, устали на меня.

Она была очень красивая. Катя сложила руки на груди и не шевелилась. Лицо ее было чистым и очень спокойным. И тогда я согнулся и дотронулся до нее.

— Встань, я хочу, чтобы ты жила.

Женщина, что была в черном платке, заплакала:

— Мертвые никогда не встают.

И тут все закричали, и поднялся невообразимый шум. Я понял, что что-то изменилось, и посмотрел на Катю. Катя сидела в ящике, и глупо хлопала глазами. Они мне всегда нравились. Они были большие, и с длинными черными ресницами. Потом Катя встала и стала растерянно оглядываться. Люди размахивали руками, плакали, смеялись. Маленький и толстенький сосед, который гулял с собакой, прошептал: «доченька» и упал. А женщина в черном платке стала бить его по щекам, пока он снова не открыл глаза, которыми он стал хлопать также, как Катя.

И тогда я снова посмотрел на Катю, растерянно оглядывавшуюся вокруг и, протянув руку, сказал:

— Здравствуйте!

Она как-то глупо улыбнулась, протянула мне руку и сказала:

— Здравствуй, Вадим!

И тогда тетка в черном платке упала на землю, и этот толстый, лысый дядька, что гуляет с собакой, стал бить ее по щекам, пока она не открыла глаза. Но мне это было уже не интересно. Я задал Кате вопрос, который мучил меня столько лет.

— Ты знаешь, что именно здесь находится Центр Мира?

Она как-то очень серьезно посмотрела на меня и сказала:

— Да. Это верно.

И я подумал, что она меня очень любит, если согласна. И она тоже Центр мира. Во мне... Как я в ней. Для всех.

Она любит меня. Я знаю это. Абсолютно точно.

Мы центр мира.

Надежда Тухто
(г. Полоцк, Белоруссия)

МАТЕРИНСТВО ПО ЗАКАЗУ, ИЛИ СЧАСТЛИВОЕ НЕСЧАСТЬЕ

Родилась в г. Полоцке (Витебская обл.) в 1948 году. Образование среднее специальное. Печаталась в поэтических сборниках: «Премьера» (2013), «Здравствуй, муза!» (2015), «Берега» (2017), в антологии «Город любви и надежд» (2012) и других. Финалист международных литературных фестивалей «Славянская лира — 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020». Живет в Полоцке (Белоруссия). Состоит в Беллитсоюзе «Полоцкая ветвь».

I

Весна уверенно вступала в свои права. За окном звонкой каплей плакали сосульки. Яркие лучи солнца заливали палату и отражались в зеркале. Солнечные зайчики рисовали на стенах причудливые узоры. И хотя был обычный рабочий день, настроение Ольги было такое же радостное и светлое. Наконец ее жизнь потекла по ровному руслу. И от этого на сердце было спокойно и уютно. Она заканчивала уборку, когда услышала голос из коридора:

— Ольга Ивановна, Вас вызывают на пост.

Ольга торопливо взяла швабру и ведро, отнесла в бытовую комнату. Затем сняла резиновые перчатки и стала мыть руки. От перчаток и воды кожа на руках стала морщинистая, как у старухи. На какое-то мгновение ей стало жаль себя. Когда-то давно в институте она считалась подающей надежды студенткой. Но все это было в прошлом. Вот уже больше двадцати лет она работает простой санитаркой в кардиологическом центре.

Ольга настолько привыкла к своему отделению, что стала считать его своим домом. И это была правда. Медперсонал менялся, только у нее не возникало мысли оставить работу.

Молодежь шутила по этому поводу: мол, тетя Оля прописку в отделении получила. На посту ее ожидала дежурная медсестра. Она торопливо махала рукой.

— Оля! Надо срочно принести электрокардиограммы больных. Зав. отделением ждет. Говорят, важная особа поступила.

— Хорошо, Наталья Петровна, сейчас сбегаю,— ответила Ольга давней приятельнице.

Она спустилась на первый этаж. Быстрой и легкой походкой вошла в кабинет ЭКГ. Доктор, мужчина преклонных лет, как всегда расплылся в улыбке. Ольга взяла электрокардиограммы и машинально просмотрела фамилии. И вдруг ее как будто током ударило. Она побледнела. В висках застучали молоточки. Не помня себя, Ольга вышла из кабинета. А перед глазами до боли знакомая фамилия, которая перевернула всю ее жизнь. Принесла в ее дом счастье и несчастье одновременно.

Вторую половину смены она работала машинально, как робот. Обычная, приветливая улыбка исчезла, а лицо превратилось в застывшую маску.

— Что случилось, Ольга? Что-то с Мартой? — спросила подруга.

Но Ольга только рукой махнула. Домой ехали молча. Наталья была не только подругой, но и соседкой по площадке. Это она помогла Ольге устроиться в клинику. Уже у самой двери Наталья снова попыталась узнать причину внезапной перемены в подруге. Но услышала в ответ:

— Не сейчас!

Это было странно, не свойственно характеру Ольги. За многие годы Наталья хорошо изучила подругу. В самые трудные моменты жизни Ольга всегда бежала к ней за поддержкой. Значит, случилось что-то из ряда вон выходящее. Надо ждать.

II

Открыв дверь, Ольга, не раздеваясь, опустилась на стул.

— Как же это так? Почему судьба снова свела нас? — думала она.

Прошли годы. Обида уже притупилась. И вдруг все, как тогда, много лет назад, острой болью прожгло ее сердце.

Из комнаты доносилась тихая музыка.

— Надо взять себя в руки, — подумала Ольга.

Ее девочка была дома. Марту, свою дочь, она всегда называла «моя девочка». Ольга произносила эти слова с такой нежностью, что ни у кого не возникало вопроса: почему девочка, а не доченька?

Она быстро сняла пальто, прошла в комнату. Марта сидела за столом и писала конспект. Ее острые лопатки, как у подростка, торчали из-под халатика. На глаза Ольги навернулись слезы. Она не понимала, от чего больше: от жалости к своей девочке или от счастья. Подойдя к Марте, обняла ее худенькие плечи и поцеловала в затылок.

— Сейчас будем ужинать, — тихо сказала Ольга. Марта кивнула головой, не отрывая глаз от учебника.

За ужином Марта обычно щебетала. Она всегда делилась с ней своими институтскими новостями. И как бы невзначай сказала, что парень с параллельного курса оказывает всякие незначительные знаки внимания. По лицу было видно, что это ей нравится. А Ольга рассеянно подумала:

— Вот и выросла моя девочка.

Ее руки привычно выполняли домашнюю работу, а мысли были где-то далеко.

III

Ночью Ольга не могла уснуть. Перед глазами, как кадры фильма, проходила ее жизнь.

Она видела себя такой же юной, как Марта, девочкой из провинции, которая приехала поступать в институт. Все виделось в радужном цвете и вызывало неподдельный восторг. Своей искренностью она подкупала всех. На втором курсе Ольга влюбилась. Роман был на два года старше. Он тоже заметил красивую хохотушку, и они стали встречаться. Незаметно их чувство переросло в любовь.

Вскоре они стали жить вместе. Роман выбил комнату в общежитии, и они планировали после окончания учебы Романа пожениться.

Учеба давалась им легко. Стипендии плюс продукты из дома обеспечивали им безбедную жизнь студентов. Казалось, так будет всегда. Но жизнь внесла свои коррективы. Романа, как подающего надежды специалиста, отправили на стажировку за границу. Это обстоятельство на какое-то время отодвинуло замужество. Но Ольга верила в их чувства. К тому же ей надо было закончить учебу. Возможно, все так и было бы, если бы не перестройка. Наступили не самые лучшие времена. Надо было как-то выживать. Денег не хватало. В провинции было и того хуже, одни карточки. Подруги посоветовали найти подработку. И Ольге повезло. По объявлению она нашла работу в одной порядочной семье военного. Работа была не трудной, обычная, домашняя: один раз в неделю делать генеральную уборку. Деньги небольшие, но все-

такие деньги. И Ольга согласилась. Маргарита, так звали хозяйку, сначала отнеслась к ней с недоверием, но постепенно они сдружились. Как подруги делились своими сокровенными тайнами. Так Ольга узнала, что Маргарита не может выносить ребенка и очень от этого страдает. От всей души Оля жалела ее, но чем она могла ей помочь?

От Романа приходили нежные письма, и Ольга отвечала взаимностью. А Маргарита проходила курс лечения, и все шло своим чередом. Однажды Маргарита пришла домой вся в слезах. Ей поставили окончательный диагноз. Сама она родить не может, но есть шанс. Ее оплодотворенную клетку может выносить другая женщина. С того момента у Маргариты появилась мысль уговорить Ольгу. Но как сказать об этом девушке, она не знала. Мучительно искала повод на эту тему. И случай такой представился. Однажды за чаем они обсуждали статью в газете о детях-сиротах, о детях с врожденными отклонениями, которых разрешали усыновлять иностранцам. И Маргарита робко предложила Ольге стать суррогатной матерью ее ребенка. От растерянности Ольга не могла сказать ни слова. Она не понимала значения слова «суррогатная», не представляла, какие могут быть последствия, и Маргарита перевела разговор в шутку, но от затеи своей не отказалась.

В беседах она старалась нащупать слабые места Ольги. Прошел год. А еще через год должен вернуться Роман. Ольга уже подыскивала съемную квартиру. Дело шло к свадьбе.

Вот этой ситуацией и воспользовалась Маргарита. Она снова повторила свое предложение, теперь уже взамен на жилье. Мол, до приезда Романа целый год, и ты успеешь родить.

Перспектива была заманчивой, только Ольга не знала, как к этому отнесется Роман. Она хотела ему написать, но Маргарита уговорила сделать сюрприз. Ведь она ему не изменяет, просто помогает людям. На добродушную Олю магическое слово «помогает» подействовало безотказно. Все трое прошли обследование. Противопоказаний ни у кого не было. Молодой, здоровый организм Ольги был готов к рождению детей. Оплодотворение прошло успешно, и Ольга стала носить в себе ребенка Маргариты. Она взяла академический отпуск, выписалась из общежития и прописалась к Соловьевым.

Был составлен документ, заверенный нотариусом, что после родов владелицей квартиры становилась Ольга. А Соловьевы собирались перевестись в другую воинскую часть. Папа-генерал обещал помочь.

Все шло как нельзя лучше. Беременность протекала хорошо. Ольгу буквально носили на руках, только во второй половине беременности незначительно повышалось давление. Но врач уверяла, что это нормально. От Романа по-прежнему приходили нежные письма, но теперь Ольга уже боялась написать ему правду. Надеялась, что все образуется. Все были счастливы и радовались как дети. Строили планы на будущее. За неделю до родов Ольгу положили в больницу. Маргарита приходила по несколько раз в день. Соседки по палате завидовали Ольге, что у нее такая заботливая сестра. Фрукты ели всем отделением. Наступило долгожданное время. И вот тут начались проблемы, о которых никто даже не подозревал. Роды были очень сложные. Ольга потеряла много крови. А девочка родилась слабенькая, с тяжелым пороком сердца.

А дальше было все как во сне. Был суд. Были слезы Маргариты. И ее истерические слова, которые до сих пор стоят в ушах:

— Я отказываюсь взять ребенка. Я не переживу, если ребенок умрет у меня на руках. И вообще, мы с мужем здоровые, и ребенок должен был родиться здоровым.

Доводы судьбы о том, что порок мог быть наследственным, на нее не подействовали. По постановлению суда ребенка присудили Ольге, так как не существовало закона о суррогатном материнстве, а биологическим родителям суд постановил платить алименты. Вот так и закончилась беззаботная счастливая жизнь молодой девушки. Началась новая, совсем другая, трудная жизнь быстро повзрослевшей женщины.

IV

После суда Ольга находилась в шоковом состоянии. Какое-то время она жила у подруг в общежитии. С Маргаритой они больше не виделись. Только однажды муж Маргариты приехал в общежитие сообщить, что они уезжают, и она может въезжать в свою законную квартиру. Вид у него был жалкий. Он все время извинялся за свою жену. На него было больно смотреть. Договорились, что алименты он будет присылать «до востребования».

К этому моменту девочку перевели в кардиологический центр. Она нуждалась в постоянном медицинском наблюдении. Надо было как-то начинать жить по-новому, с ребенком на руках. Об учебе не было и речи. Ольга хваталась за любую подработку. Она каждый день навещала ребенка и без боли и страдания не могла смотреть на трубочки и проводки, которыми была опутана девочка.

Однажды ее вызвал профессор. Он сказал, что девочке нужна срочная операция. Нужна большая сумма денег. Клиника не может оплатить все расходы. И Ольга нашла выход из ситуации. Она без колебаний разменяла большую квартиру Соловьевых на обычную маленькую с доплатой. В этот момент ее больше заботила жизнь ребенка, чем свое благополучие. Материнский инстинкт взял верх. Институт пришлось бросить. Подруги защитились и разъехались. На письма Романа она больше не отвечала. Она очень его любила и не хотела портить ему жизнь. Ольга боялась, что он может остаться с ней из чувства сострадания. Она понимала, что сама перечеркнула свою жизнь. Когда оформили документы на оплату операции, у нее попросили свидетельство о рождении ребенка. Ольга растерялась. Ведь она забыла зарегистрировать девочку, и у ребенка не было даже имени. Первое, о чем она подумала, так это о том, что она рожала в марте, и имя должно соответствовать этому месяцу. Но ни одно имя этого месяца вспомнить не могла. И первое имя, которое пришло ей в голову, это было имя Марта. Вот так ее девочка стала Мартой Ивашовой.

Операция прошла успешно. Гарантий никто не давал, но появился шанс. Маленькая надежда. И Ольга уцепилась за эту надежду. Марта понемногу набирала вес, начала жить самостоятельно, без аппарата. Алиментов и пособия не хватало. Много денег уходило на медицинские препараты и питание малышки. В новой квартире Ольга практически не бывала. Она все время проводила в отделении возле Марты.

Здесь она и познакомилась с Натальей, как оказалось соседкой по площадке. Наталья посоветовала пойти работать санитаркой в это же отделение. Для Ольги это был выход. Шло время. Малышка подрастала и с каждым днем крепла. Но чего это стоило Ольге? И сколько было тревожных бессонных ночей, знала только ее подруга. Наталья всегда поддерживала ее и помогала как могла. Когда Марта училась в школе, в дни дежурств Ольги, она забирала ее к себе. Но даже Наталья не знала всей правды. Для Ольги это была запретная тема. И снова Маргарита, пусть случайно, ворвалась в ее жизнь. Ольга даже подумать боялась, что может произойти. Но она понимала, что встреча их неизбежна.

V

В шесть часов утра зазвонил будильник. Ольга встала и пошла на кухню готовить завтрак. Марта, как всегда, когда Ольга бывала дома, вскакивала в последнюю минуту. Это спасло Ольгу от лишних вопросов. Позавтракав на ходу, Марта убежала в институт.

Смена Ольги начиналась вечером. Она без цели ходила по комнате. Голова гудела от бессонной ночи. Под глазами появились темные круги. Первый раз за все эти годы она не хотела идти на работу. Так прошел день. Вечером за ней зашла Наталья. По глазам подруги, Ольга поняла, что та что-то подозревает, но не решается спросить. А Ольга была пока не готова рассказать правду.

Маргарита лежала в отдельной палате. Для нее специально наняли сиделку. Оль-

ге повезло. Это оттягивало их встречу. Она боялась не за себя, а за свою девочку. Ведь если Маргарита ее узнает, то захочет увидеть свою дочь. Отказать больному человеку трудно. Но тогда придется рассказать всю правду Марте. Она представляла, какой шок может получить ее девочка. А у Марты слабое сердце. Ночью Маргарите стало хуже, и ее перевели в реанимацию. Ночь прошла тихо, и Ольга немного успокоилась. Теперь у нее в запасе двое суток. Можно спокойно все обдумать. Два дня Ольга готовилась к встрече. Она тщательно подбирала слова, понимая, что от ее слов зависит жизнь двух родных по крови людей.

На смену пришла с волнением, но Маргариты в палате не было. А через какое-то время зашел молодой человек забрать вещи Маргариты. Так Ольга узнала, что Маргариты не стало. Она умерла. Сначала сердце радостно забилося, но вскоре радость сменилась тоской. Ведь мать так и не увидела своего ребенка. Жизнь непредсказуема. Никто не знает, где потеряешь, а где найдешь.

Постепенно Ольга успокоилась, и все пошло как прежде. На ее лице появилась все та же приветливая улыбка, как будто ничего и не было. Только Наталья иногда пытливо на нее поглядывала. В этом взгляде Ольга видела немой вопрос. Она чувствовала себя виноватой перед подругой, но рассказать правду не решалась. Марта каждый день щебетала о сокурнике. А Ольга радовалась, что к ее девочке пришла любовь. В один из таких дней Ольга предложила Марте пригласить молодого человека на чай. Она очень хотела посмотреть избранника Марты. Так и решили. В свободное от смены время Ольга испекла пирог, и стала ждать.

В назначенный час пришли Марта и ее друг. Познакомились. Марта улыбалась, и все время говорила, а парень немного смущался. Вечер прошел хорошо. Слушали музыку, пили чай. Марта, как пушинка, летала по комнате. Ольга радовалась за нее. Вот только кого-то он напоминал, а кого не могла вспомнить. Как-то в отделении, проходя мимо палаты, где лежала Маргарита, она вспомнила лицо молодого человека, который забирал вещи Маргариты, и ахнула. Это был друг ее Марты. И опять бесшумно застучали молоточки в висках.

Что же делать? А что если это сын? Ведь могла Маргарита еще раз попытаться родить ребенка. Ольга искренне пожалела об ее смерти. Ведь теперь уже ничего не узнаешь. От отчаянья она не знала, что делать.

Вечером Ольга решила все рассказать Наталье, та сидела с широко раскрытыми от удивления глазами. В первый момент она не могла говорить. За все эти годы Ольга и Марта для нее стали родными людьми. Было видно, что она получила такой шок, как и Ольга, когда увидела фамилию Маргариты.

Минут пять сидели молча. Наконец Наталья спросила:

— Что будем делать?

— Не знаю,— ответила Ольга.

Они знали, что Марту травмировать нельзя. Уточнять какие-то детали через нее тоже нельзя. Надо было что-то придумать. Но что? Обе мучительно искали решение. Оно пришло внезапно.

— Надо идти к мужу Маргариты, думаю, он уже оправился от смерти жены.

— Я даже адреса не знаю,— со слезами на глазах сказала Ольга.

И опять Наталья взялась уладить ее проблемы.

В архиве она посмотрела историю болезни Маргариты и записала домашний адрес и телефон. Оставалось только назначить встречу. Ольга понимала, что тянуть время нельзя. Надо звонить, но никак не могла найти в себе силы сделать этот звонок. Все эти годы регулярно приходили алименты, но никто даже не пытался узнать о судьбе девочки.

VI

В один из таких дней, когда Ольга почти решилась позвонить Вадиму, вдруг раздался звонок в дверь. На пороге стоял отец Марты. От неожиданности Ольга так расте-

рялась, что забыла пригласить войти. Перед ней стоял мужчина средних лет в военной форме. Поздоровался, снял фуражку. Он почти не изменился, только волосы были совсем седые, но седина его не старила. Наоборот, придавала солидности и привлекательности. Несколько минут они стояли молча. Первым нарушил молчание Вадим:

— Я жду Вас в машине. Нам надо поговорить и решить некоторые вопросы.

Наконец Ольга пришла в себя. Она кивнула головой в знак согласия. Переодеваясь, лихорадочно думала о том, как он ее нашел? И что все это значит?

У нее разыгралось воображение. А вдруг он хочет забрать девочку?

Возле подъезда стояла машина. За рулем сидел водитель. Полковник галантно открыл Ольге дверь машины, а сам сел на переднее сиденье. Машина тронулась. От растерянности Ольга даже не спросила, куда они едут. Возле кафе машина остановилась. Вадим вышел и помог Ольге. В зале было тихо и уютно. Негромко звучала музыка, и это успокаивало. Постепенно Ольга пришла в себя. Ведь она сама искала встречу, просто он ее опередил. Принесли заказ. Легкое сухое вино и кофе. Разговор предстоял трудный. Неожиданно Вадим взял руки Ольги и с благодарностью поцеловал:

— Это за дочь,— сказал он с нежностью.— Я все знаю, и Маргарита знала. Очень жаль, что она так и не успела обнять ее.

Для Ольги его слова были полной неожиданностью. Ведь она плохо думала о Маргарите. Избегала встречи. Опять судьба преподала ей очередной урок.

VII

Отпив глоток вина, Вадим стал рассказывать свою жизнь:

— После отказа от ребенка Маргарита долго не могла прийти в себя, начались проблемы с сердцем, и в итоге первый инфаркт. Приходилось заботиться о ней, как о ребенке. Прошло время. Маргарита поправилась. Но за это время подросла Марта, был упущен момент, и хотя мы всегда были в курсе, зная здоровье Марты, не хотели лишний раз травмировать.

Так и жили параллельно, как наблюдатели.

— Поверьте, Оля, это тоже нелегко,— сказал Вадим.

— А потом в части случилось ЧП. Шли обычные плановые полеты, и один из самолетов не вернулся на землю. Летчик погиб. Осталась жена и ребенок. Это был наш сосед и друг. Татьяна, его жена, нашла забвение в вине. Маргарите приходилось смотреть ребенка. А через какое-то время сердце Татьяны не выдержало. Ребенок остался один, и его забрали в детский дом. Близких родственников у них не было, поэтому нам разрешили усыновить ребенка. Так у нас появился сын. Таким образом Маргарита хотела загладить свою вину перед Богом. Всю невостребованную любовь она отдала этому мальчику. Андрей рос здоровым и послушным ребенком. Когда случилось несчастье, ему было три года, поэтому он не знает, что мы ему не родные родители.

— Ольга! Я Вас потревожил, потому что однажды видел Марту и Андрея вместе. Я понял, что они встречаются, и представил, какое это может быть потрясение для Вас. Ведь Вы со временем узнали бы, что Андрей наш сын.

Вздых облегчения вырвался из груди Ольги. По щекам потекли слезы. Это были слезы радости. Ольга дрожащим голосом стала рассказывать, как увидела фамилию Маргариты, как боялась войти в палату, боялась за Марту. Как мысленно готовилась к встрече. Первый раз за все эти годы они с легким сердцем сидели друг против друга. Они говорили и не могли остановиться. И хотя их свело несчастье, они были по-настоящему счастливы. Оба понимали, что Марта не должна знать правду. Зато у Вадима появилась возможность видеть дочь и принимать участие в ее жизни. Восполнить все то, что он не смог дать ей в детстве. И Ольга почувствовала уверенность и спокойствие за будущее Марты.

Дорогой ценой досталось Ольге ее материнское счастье. И кто знает, может и ее женское счастье где-то совсем рядом. Ведь она его заслужила.

Лариса Поликарпова
(г. Минск, Белоруссия)

МАМА, Я БАЙКЕРА ЛЮБЛЮ!

Поликарпова Лариса Станиславовна, творческий псевдоним — Виктория Александрова. Родилась в Минске 27 августа 1974 г. С 2010 г. — член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Автор двух книг — романов в стиле фэнтези: «Алиен» и «Между закатом и явью». Номинант литературного поэтического конкурса «Прекрасные порывы-2010», третье место в Республиканском конкурсе «Литературная корона-2012» в номинации «Художественная проза», победитель международного литературного конкурса «Славянская лира-2017» в номинации «Малая проза».

Основываясь на всем своем богатом жизненном опыте, Верочка ничуть не сомневалась: мама знакомству не обрадуется. И не важно, что парень плечист и статен, что держится уверенно и спокойно — просто загляденье! Вряд ли маму вдохновит диплом электрика-монтажника, а также стаж работы сроком в два года на частном предприятии «Сигнал». И даже то, с какой явной благосклонностью он взирает на самую Верочку, осторожно поддерживая ее под локоток, не компенсирует одного непоправимого факта: ее избранник — байкер.

Вообще-то еще совсем недавно девушка к байкерскому движению относилась спокойно, чтобы не сказать равнодушно. Ее ничуть не привлекала романтика ночных катаний, грохот моторов, откровенная показушность грубых парней в кожаных куртках. Скажем так: до сих пор ей это было неинтересно.

Но вот однажды, погожим весенним днем, когда она выходила из подъезда, тишину двора взорвал рев мотоцикла. Черная металлическая зверюга затормозила аккурат у Верочкиного крыльца. Всадник — сплошь черная кожа и заклепки — уперся в асфальт ногой в ребристом ботинке, удерживая равновесие, и заглушил мотор. И пока девушка оторопело взирала на это явление, байкер снял жуткий шлем с нарисованной на нем акульей пастью и — оказался вполне симпатичным парнем с ясными голубыми глазами. Он приветливо улыбнулся и спросил:

— Не знаете, леди, Сашка Измайлов здесь обитает?

Верочка не сразу собралась с духом для ответа, когда незнакомец произнес:

— Доброе утро, кстати. Ведь оно, действительно, доброе, раз я встретил Вас.

— Доброе, — пролепетала Верочка. Она окончательно растерялась. А всадник сошел со своего железного коня, представ перед ней во всей красоте своего почти двухметрового роста. Повел широченными плечами.

— Меня, кстати, Василием зовут. А Вас?

— Вера, — произнесла девушка, чувствуя, как ее сердце срывается вниз, и — ах — стремительно падает прямо к ногам незнакомого байкера с ослепительной голливудской улыбкой.

Он, между тем, оглядел ее тонкую фигурку в летнем платьице с нескрываемым восхищением. Потом повесил шлем на руль и запросто перешел на «ты»:

— Представляешь, Вера, этот лоботряс на днюху пригласил, а адрес точный я не помню. Мне казалось, где-то здесь он должен жить. Не знаешь? У него еще «тачка» такая — черный «Блэкберд», большой — трудно не заметить.

Девушка лихорадочно размышляла. Если бы в их доме обретался такой персонаж — она бы точно была в курсе. Об этом она честно сообщила новому знакомому.

— Жаль, — протянул тот. — Ну, ничего. Сейчас Костяну наберу — может, он знает... А, кстати, что ты делаешь завтра после пяти?

— После пяти я буду дома, — ни секунды не раздумывая, прошептала Верочка.

— Отлично. Значит встречаемся в половину шестого на этом самом месте.

Василий сел в седло, надел шлем и завел мотор. Затем поднял руку в приветственном жесте и с грохотом газанул.

Вот так романтически произошло их знакомство.

С того дня прошло уже почти полгода, а Верочка все никак не могла привыкнуть к мотоциклам. Девушка ни за что бы не призналась в этом Василию, но она до жути боялась быстрой езды, в чем ее новый друг оказался настоящим мастером. Каждый раз, слезая с седла на дрожащих ногах, Верочка изо всех сил изображала бурный восторг, улыбаясь ему побелевшими губами. Онемевшие пальцы, которыми она намертво вцеплялась в кожаную куртку байкера во время отчаянного «полета» по улицам, не хотели разгибаться, и она прятала руки за спину, незаметно разминая их.

На протяжении долгих загородных поездок несчастная постоянно испытывала неодолимые позывы посетить туалет и то и дело просила Василия остановиться, объясняя это желанием получше рассмотреть какой-нибудь особо впечатляющий пейзаж. Друг усмехался, снисходительно исполняя все ее прихоти.

«Правда, здорово?» — спрашивал он после очередной лихой гонки. «Здорово», — послушно соглашалась Верочка, пытаясь потихоньку присесть куда-нибудь, чтобы он не заметил, как ее шатает. Ведь не могла же она, девушка байкера, и вдруг да не любить сумасшедшей езды. В этом же весь кайф!

Особенно ярко ей запомнилась поездка на слет под Логойском. В тот день Василий подкатил к ее крыльцу не на своей громадине-Хонде, а на какой-то странной и весьма хрупкой на вид конструкции. Он назвал ее «Джиллерой 125-й», в простонародье больше известной как «бешеная табуретка», и объяснил, что его «транспорт» находится на небольшом ремонте, а эту «красавицу» он временно одолжил у друга. «Она, кстати, нормально разгоняется, ты не переживай! — «успокоил» он Верочку. — Сидеть, может, не так удобно. А вообще — огонь!»

От этих слов по спине у девушки пробежали мурашки. Вскоре ей в полной мере удалось ощутить всю «прелесть» обещанных удовольствий, а также понять, за что это орудие пыток называли «бешеной табуреткой». Да, она была быстра. Василий, не напрягаясь, выжимал до ста сорока. Но если у Хонды имелось большое удобное седло, а еще Верочка могла надежно укрыться от бьющего в лицо ветра за широкой спиной сидящего впереди друга, то здесь она оставалась абсолютно открытой и беззащитной. Пассажирское сиденье самым бессовестным образом торчало над водителем, так что девушка ощущала себя сидящей на каком-то пеньке, практически без опоры. И этот пенек несся сквозь пространство, презирая законы физики и мча на себе сжавшуюся от ужаса девушку. Встречный ветер лупил по ней, норовя и вовсе сбросить с хлипкого наседа. За время пути Верочка перебрала в памяти все известные ей молитвы, хотя до сих пор считала себя почти атеисткой, и закончила торжественной клятвой «больше никогда-никогда не садиться на мотоцикл, если только доедет живой сегодня».

Едва она успела перевести дух, как оказалась в самой гуще событий и многочисленных друзей Василия. Они все разговаривали о непонятных ей вещах, пили пиво большими кружками, шумели, дымили... Василий с гордостью представлял им Верочку, хвастаясь своей «боевой подругой» и получая в ответ одобрительные возгласы.

Такого скопления мотоциклов в одном месте ей видеть еще не доводилось. Народ двигался от одного к другому, гудел, оживленно обсуждал что-то. На площадке затеяли «крутое развлекалово» — палили резину. Это так и называлось — «палить резину». А само действо заключалось в следующем: удерживая мотоцикл за руль, из всех сил упираясь в землю ногами, байкеры нещадно давили на газ, от чего колеса крутились на месте с такой бешеной скоростью, что резина на них дымилась и плавилась. Грохот, дым и вонь стояли невероятные. Зрители, и, особенно, сами байкеры, были в неистовом восторге, хотя до Верочки никак не доходил смысл и, главное, цель происходящего. «"Палить резину"? — Зачем палить резину? Какое в этом удовольствие? Разве это весело? Неужели им колеса не жалко?» — недоумевала она и все допытывалась у Василия, но он так и не сумел ей внятно объяснить, в чем шик подобного мероприятия.

Зато концерт и заключительный фейерверк ей понравились. В небо взмывали сказочные букеты, россыпи и звезды. Все радовались и кричали: «Ура!» — как в детстве, приветствуя каждый залп. Верочка стояла, тесно прижавшись к Василию. Он обнимал ее за талию, поднимая голову к черному небу, озаряемому разноцветьем огней. Все казалось таким прекрасным и романтическим: и мотоциклы, и музыка, и вся эта толпа, в едином порыве орущая «ура». Об обратной поездке думать не хотелось.

Но... верная «табуретка» уже ждала их. Никуда она с парковки не делась, и девушке даже показалось, что она видит мерзкую ухмылку прямо под раскосыми глазами-фарами. Весь обратный путь Верочка снова молилась, и всхлипывала про себя, и умоляла неизвестно кого, чтобы все это побыстрее закончилось...

В темноте мимо них проносились-проплывали странные инопланетные корабли: тюнингованные мотоциклы с разноцветной подсветкой, один чуднее другого. Все разъезжались по домам...

А они все неслись и неслись сквозь ночь, и Верочка цеплялась обледеневшими пальцами за края сиденья, и ветер все пытался сорвать ее, сбить, опрокинуть на асфальт, что сумасшедшей лентой вращался под колесами.

Возле дома Василий сочувственно взглянул на нее, обнимая:

— Устала?

— Да, немного, — Верочка отвела глаза, ощущая дикую слабость и боль во всем теле. Ее словно палками измолотили! Больше ни за что, ни за какие коврижки она не сядет с ним на мотоцикл!

Но прошло два дня — и девушка выпорхнула навстречу раскрывшему объятия Василию, и на вопрос: «Кстати, а не прокатиться ли нам куда-нибудь?» ответила бурным энтузиазмом. И вновь умирала от ужаса, заглядывая через мощное плечо впереди на стрелку спидометра, стремящуюся к опасной отметке. А потом долго приходила в себя, спрятавшись от глаз Василия за углом беседки и заставляя себя дышать ровно и глубоко.

В конце концов, ну, сколько так могло продолжаться?! Верочка чувствовала, что силы ее на исходе, что она не хочет, не может больше притворяться и жить жизнью, которая вовсе не ее, а чья-то чужая, выдуманная. Сходя с ума от страха, изображать восторг; радоваться каждой поездке так, как будто она не мечтает вот сейчас, сию секунду оказаться где-нибудь подальше от этих чудовищных мотоциклов и всего, что с ними связано...

Но разве можно сказать об этом Василию? Как она сумеет посмотреть в эти небесно-голубые глаза и признаться, что все это время врала, притворялась, играла?.. Да она скорее умрет на месте!

Так, страдая и мучаясь от неразрешимой дилеммы, девушка ждала наступления холодов и окончания байкерского сезона. Ждала, считая дни, и уже заранее думая о том, а что же дальше, когда солнце опять растопит снег? Ведь все начнется снова, и зима — лишь временная передышка. И это не выход, не решение ее проблем. С каж-

дым днем, с каждым часом она привязывалась к своему другу-байкеру все надежней и сильней. Любовь и отчаяние боролись в ней, поочередно одерживая верх. Еще немного — и у нее не хватит мужества на самый решительный шаг.

Идея пришла совершенно неожиданно. А почему бы не познакомить Василия с родителями?

Чтобы понять всю оригинальность задумки, следует сделать краткое отступление и рассказать о Верочкиных родителях. Не то, чтобы они были какими-то допотопными монстрами, тиранящими дочь — совсем, наоборот: Верочка выросла в очень интеллигентной, очень воспитанной семье, и с ранних лет была погружена в утонченную атмосферу искусства и литературы. Мама ее работала преподавателем музыки по классу фортепиано, так как артистическая карьера ее в молодости не сложилась. Отец — тихий, застенчивый человек — не умел говорить ни о чем, кроме своей любимой физики. Оба они обожали дочь и старались дать ей самое лучшее образование и воспитание. Музыка, танцы, рисование акварелью, уроки этики, вышивание бисером... И тут вдруг — байкер!

Большого контраста трудно себе и представить. Ощущая, как сердце ее сжимается в предчувствии грядущей бури, Верочка решительно вела за собой Василия.

— А ты точно уверена? — в третий раз спросил он. — Нам пока не рано знакомиться?

— Конечно, уверена! — улыбалась девушка столь несвойственной байкеру робости и тащила его дальше.

Все оказалось почти так, как она и предполагала. Василий застыл на пороге, такой неуместный в своей кожанке и огромных армейских ботинках среди белых тюлей, картин и сияющего паркета. Мама всплеснула руками в немом ужасе, папа тихо кашлянул и отложил журнал. И хотя Верочка внутренне обмирала от страха, она поняла, что действует в правильном направлении. Родители никогда, НИКОГДА не разрешат ей встречаться с байкером. Ах, да, еще и это его любимое словечко «кстати», которое вставлял он и кстати, и не очень. Как это болезненно должно быть для тонкого музыкального маминого слуха. «Ой, что сейчас будет!» — подумала она и произнесла:

— Мама, папа, знакомьтесь: это мой друг Василий. Он ездит на мотоцикле.

— Д-да, мы уже поняли, — пробормотал отец, вставая и вежливо протягивая руку.

— Очень приятно... Ну, разувайтесь... И проходите к столу... раз уж зашли, — с трудом опомнилась мама, возвращаясь к роли вежливой хозяйки.

Василий неуклюже проследовал за ней, боясь зацепить что-нибудь хрупкое. Просто слон в посудной лавке! Верочка опустила глаза, испытывая неловкость и смущение, будто сама была на его месте.

Наконец, все чинно расселись вокруг ажурной скатерти с белоснежными салфетками, и мама церемонно разлила чай по фарфоровым полупрозрачным чашкам. Вначале за столом царил неловкое молчание. Первым не выдержал папа:

— Кхм, Василий, а какой марки Ваш мотоцикл?

Парень отчаянно сжал чайную ложечку, словно пытаясь согнуть ее пополам.

— Хонда, ЦБР-ка, тысяча кубов. Она у меня мощная! — гордая улыбка осветила его лицо.

— Правда? Как интересно! — вмешалась мама. — И как давно Вы ездите, Василий?

— Шесть лет.

— Понятно.

Беседа близилась к какой-то опасной теме. Чувствуя это, Верочка непроизвольно бросилась на защиту друга:

— Он очень опытный и очень осторожный водитель. Ни одной аварии за эти шесть лет.

— Это, конечно, похвально. А кем Вы работаете? — продолжила допрос мама.

— Я — электрик на фирме «Сигнал». Стаж работы — тоже шесть лет,— четко отпарировал Василий.

Верочка, конечно, ожидала, что за парня возьмется всерьез, но спокойно слушать этот «разбор по косточкам» не могла, поэтому, извинившись, под каким-то предлогом покинула гостиную. Когда она вернулась, в комнате оживленно беседовали Василий и ее папа. Насколько она поняла из обрывков разговора, речь шла о технических характеристиках Хонды, таких, как обтекаемость и ускорение. Обычно всегда невозмутимый, неразговорчивый папа был непривычно возбужден, размахивал руками, что-то азартно объясняя. Девушка давно не видела его таким увлеченным.

Вошедшая мама молча поставила на стол большое блюдо с сахарным печеньем и тихонько присела на диван.

В общем, вечер затянулся. Уже изрядно стемнело, когда Василий сообщил, что ему пора, и девушка вызвалась немного провести его. «Молодежь» уже выходила за порог, когда мама попросила Верочку задержаться на минутку.

Внутренне сжавшись в ожидании холодной отповеди — ну, что ж, на войне, как на войне! — девушка махнула другу, чтобы он подождал ее у подъезда, и обернулась к родителям, скрестив на груди руки. Вот сейчас все и решится. То, ради чего она затевала всю эту авантюру. Неприятно, но она потерпит. Каких-то несколько минут — и она свободна!

Однако мама отчего-то не спешила ее ругать, а наоборот, вдруг тепло улыбнулась:

— Ну, что, доченька, должна сказать, нас с папой несколько удивил твой выбор. Но мы поговорили с Василием, и он нам понравился. Серьезный молодой человек, и, кажется, вполне надежный.

— Хороший парень,— кивнул папа из-за ее плеча.

Девушка смотрела на них во все глаза, не веря услышанному. Значит... им понравился байкер, и все ее прогнозы не оправдались, и теперь... и что же теперь?..

Мама, наблюдая за ее смятением, приобняла за плечи:

— Ну, иди, давай, он ждет тебя...

И добавила с притворной строгостью:

— Только долго не гуляйте!

Любовь Михайлова
(г. Полоцк, Белоруссия)

СТАНЦИЯ «ВОЛОГДА»
Эссе

Любовь Никоновна Михайлова родилась 10.02.53 в г. Браславе (Белоруссия). Образование высшее, окончила биологический факультет Даугавпилсского педагогического института. Является членом народного литературного объединения «Наддвинье» в г. Полоцке и членом РОО «Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Печаталась в альманахах и коллективных сборниках «Наддвинье», в местных СМИ и республиканских изданиях. Пишет стихи и прозу на русском и белорусском языках, является автором трех сборников: «Меня природа мудрости учила» (2017), «У поздней осени в плену» (2017), «На скрывававанні дарог» (2019).

Середина августа. Поезд Архангельск — Москва. Я возвращаюсь домой. Примерно семь часов утра. Остановка в пути. Станция «Вологда». Поезд стоит двадцать пять минут. На перрон к поезду высыпают женщины с котомками всякой снеди. Громко зазывая, наперебой предлагают пассажирам горячий молодой картофель, малосольные огурчики, ведра свежих огурцов, репчатый и зеленый лук, всякую зелень. Многие пассажиры выходят из вагона. К ним тут же подбегают женщины со своим товаром. Покупатели прицениваются, для виду, наверное, — берут все охотно. Поезд идет долго, а свежей горячей картошкой как не соблазниться, проехав целую ночь в поезде. Через открытое окно слышен оживленный гомон. Торговля идет бойко.

Я с любопытством наблюдаю, глядя из окна вагона за снующими взад-вперед торговками. Большею частью это пожилые женщины, просто одетые, в каждой из них угадывается обремененная заботами о детях и внуках бабушка. Есть и молодые мамочки своих деток, пытающиеся заработать по случаю для них копейку.

Чувствуется, что это налаженный бизнес, и люди, торгующие здесь, делают так не в первый раз, быстро оценивая потенциального покупателя. Да и покупателями являются преимущественно женщины, обремененные семьей, на чьих плечах держится весь ее уклад с решением проблем по питанию домочадцев, а кроме всего прочего, еще и заготовок на зиму.

Как тут не соблазниться на ведро свежих — один в один — огурчиков, только что сорванных с грядки, или на килограммов пять отборного репчатого лука, или пучка свежей ароматной зелени. Товар-то весь добротный, и цена приемлемая.

В Ярославле или Москве на рынке все это будет гораздо дороже. А здесь бери — не хочу, прямо к поезду. Товар разлетается вмиг. Смотрю, что многие торговки пришли с запасом: есть примелькавшиеся лица, которые, продав одну порцию товара, принесли еще.

Почему бы и нет, если торг идет успешно.

На перрон вышла молодая пара из соседнего вагона, купили воду, сигареты и что-то еще в ближайшем киоске, прошли мимо, с интересом наблюдая за процессом продажи огурцов — не соблазнились. Молодежь не хочет обременять себя лишними

хлопотами и любит путешествовать налегке. Вспомнила себя в их возрасте. Им примерно лет восемнадцать — двадцать. Пришло бы мне на ум, следуя поездом Москва — Тюмень, например, прикупить в Арзамасе ведро огурцов? Улыбнулась — сама себе, ответив отрицательно. В молодости я очень любила путешествовать, я и сейчас люблю, только дорога стала больше утомлять последнее время — возраст сказывается.

Как-то неожиданно среди этой суеты мой взгляд остановился на женщине, которая стояла несколько в отдалении. Она привлекла мое внимание тем, что производила впечатление человека, вышедшего на прогулку: сделает несколько шагов по перрону — остановится, глядя отрешенным взглядом по сторонам. Невысокая, стройная, на вид ей лет семьдесят — семьдесят пять, на голове шляпка, одета в летнее пальто темного цвета — немного поношенное, на ногах аккуратные темные туфли под цвет пальто. Весь ее облик казался архаичным. Так выглядели интеллигентные дамы двадцатых — тридцатых годов прошлого века.

В руках у нее был чудесный роскошный букет из гладиолусов. Он ярким пятном высвечивался на фоне этой вокзальной суеты как нечто инородное, которого здесь по всем правилам вокзальной торговли никак не должно было быть. Но оно было! Вот оно, реально ощутимое, праздничное, на фоне обыденного — и фигурка этой женщины... и ее букет!

Я стала за ней наблюдать, пытаюсь угадать, кто она и что здесь делает? Может, она пришла кого-то встретить к поезду? Наверное, нет, отбросила я эту мысль — поезд стоит уже минут пятнадцать, а она все не уходит. Значит, она пришла продать этот ослепительный букет, но интеллигентность не позволяет ей активно навязывать покупку кому-либо, и она просто стоит посередине платформы с букетом, терпеливо ожидая, что кто-то сможет по достоинству оценить всю красоту ее цветов. Наверное, она права — настоящая красота не нуждается в дополнительной рекламе.

Огурцы, лук, картошка, наконец, проданы, и толпа продавцов отхлынула с перрона, как бы обтекая женщину с букетом. Она продолжала стоять. Все пассажиры вернулись на свои места, обсуждая выгодные покупки. Поезд тронулся, женщины в соседнем купе делились рецептами заготовок огурцов на зиму. Кто-то уже приступил к дегустации картошки с огурцами, и по вагону распространился аппетитный запах малосольных огурчиков. Кто ехал в поезде на дальние расстояния, не раз мысленно поблагодарил женщин-тружениц, которые этими изысками радуют пассажиров в пути.

Я долго смотрела в окно, и перед моими глазами все стоял этот образ женщины с букетом гладиолусов, которые так никто и не купил.

Кто она? Чувствуется, что она одинока. Возможно, музыкант или библиотекарь, а может быть, как и я — учитель. Судя по ситуации, которую я только что наблюдала, о ней можно сказать — не от мира сего. Разве человек-прагматик, имеющий здравый смысл, понесет на вокзал к поезду продавать букет гладиолусов, если там ходовым товаром являются овощи. Значит, не о выгоде думал человек, а просто она несла красоту, которая, может, кому-либо пригодиться — не ей же одной таким великолепием любоваться!

Есть люди, которые в хорошем смысле выпадают из реальности, подумала я о ней. Может, не одна я любовалась этим букетом. Может, в поезде ехал какой-то художник, который напишет картину, вдохновившись этим видением, или — музыкант, который создаст новое произведение под названием: «Вологодские цветы». А может, кто-то, как и я, сидя в вагоне, просто будет любоваться цветами, размышляя о красоте, ее роли в жизни человека, о судьбе этой женщины, о том, что из себя представляет наш прагматичный век, с извечной суетой и потребительским отношением ко всему.

Может, эта неординарная ситуация просто перевернет чье-то сознание и заставит на миг остановиться в повседневном беге за материальными благами, чтобы задуматься о своем смысле жизни, по-новому взглянуть на себя со стороны и оценить место и роль, состояние своего внутреннего мира, своих истинных потребностей и приоритетов. Ведь не только хлебом насущным жив человек.

Леонид Пулькин
(г. Речица, Белоруссия)

МИКЕЛАНДЖЕЛО

Пулькин Леонид Андреевич родился в 1955 году в г. Гомеле. Победитель международного литературного конкурса «Славянская лира» в номинации «Драматургия». Публикации: «Западная Двина» № 2, 2004 — повесть «Разведчик без миссии», коллективный сборник «Свет в конце тоннеля, БЛС «Полоцкая ветвь», г. Бобруйск 2004 г. «Западная Двина» № 1, 2009 — пьеса «Микеланджело», Антология БЛС «Полоцкая Ветвь» за 2010 год, «Странствующая в ночи» и во многих других. С 1999 года является членом Беллитсоюза «Полоцкая Ветвь».

Микеланджело и Савонарола

Сцена 8

Лионардо, брат Микеланджело, и Микеланджело.

Лионардо: Я рассказал о тебе Савонароле.

Микеланджело: Что рассказал?

Лионардо: Рассказал, что Медицийские сады, в которых ты пребываешь, Содом и Гоморра, но ты можешь спастись.

Микеланджело: Спасть? Что ты имеешь в виду?

Лионардо: Пожертвуй скульптуру Господу.

Микеланджело: Об этом со мной хочет поговорить Савонарола?

Лионардо: Люди убедились в его правоте. Смотри.

Подводит Микеланджело к стрельчатому окну.

Лионардо: Художники готовят костер. Это первый костер. Он вышел навстречу жаждущим истины. Он говорит.

Голос Савонаролы: Их интересует плоть. Греховная, похотливая плоть. Не изображение чистейшего Христа, а голые девки.

Микеланджело: Это его голос?

Лионардо: Да, это Савонарола.

Савонарола: Вы лжете, когда говорите об искусстве. Ты вожделеешь, купаешься во грехе и сраде. Это так?

Толпа: Да! Да! Так это! Каемся.

Савонарола: Искусство дар Божий? Искусство дар ада. Искушение. Порнографические картины, порнографические гуляния, порнографические празднества. Вы пойманы в сеть дьявола. Ваши души не будут знать покоя. Тело пребывает в блевотине. Эта мерзость не имеет ничего общего с Его дарами. Здесь, во Флоренции, нет

ничего, что служит Богу. Черные воды смоят грешный город, истинно говорю вам. Все, что служит роскоши, достойно костра. Человек создан для того, чтобы служить Господу. Сожжем суетное!

Рев толпы.

Лионардо: Сейчас он прибедет сюда.

Дверь открывается. Лионардо падает на колени. Савонарола подходит к нише окна и оттуда продолжает свою речь.

Савонарола: Непрестанно молитесь. Все, что видите вокруг,— это ваша молитва. Вы забыли Его, вот откуда кража, кощунство, зависть. Хватит жить иллюзиями! Забудьте искусства, забудьте иллюзии. Вернитесь к Нему, дети мои. Боттичелли, бросай свою мазню в костер.

Снизу голос Боттичелли: Повинуюсь, отец мой.

Савонарола: Скажи, кого ты изображал. Покайся!

Голос Боттичелли: Я изображал развратных девок.

Савонарола: Ты возвращаешься к Господу! Алилуя! Вы рождены для вечной жизни. Бросайте в очистительный огонь искушения, золото, украшения, картины, наряды (*резко поворачивается к Микеланджело*).

Савонарола: Ты готов пожертвовать камнем? Что молчишь? Гордыня обуяла. Брат твой на пути спасения, и молится за тебя.

Микеланджело: Я его не просил.

Савонарола: Ты каменотес. Высекаешь всякую дьявольщину: Венер, Диан, фавнов. Что ты ответишь на страшном суде? Суда не избежать никому!

Микеланджело молчит. Савонарола скрестил руки.

Микеланджело: Я хочу создать то, что радовало бы людей, возвышало их дух.

Лионардо: Ты выполняешь то, что требует заказчик. Их требования низменны. Не верь тем, кто льстит тебе. Они лгут, говоря, что твое искусство возвышенно. Глянь сюда, горит очистительный огонь. Флоренция бросает в него разврат, возвышенный искусством. Смотри, здесь твои друзья и те, кого ты никогда не узнаешь. Они едины. Будь с нами.

Савонарола: Здесь огонь, здесь крест, здесь нет сатанинских искушений, здесь нет лавров, здесь есть отречение от грехов. У тебя будут розы и алмазы рая. Тебя ожидает мир, который ты не увидишь ни в одном дворце. С нами ты найдешь сладость, какой не найдешь нигде. Уверуй. Отринь размышления. Умствования отринь. Сын мой, ты будешь свободен во имя милосердия Его.

Савонарола крестообразно открыл объятия.

Савонарола: Ты же понимаешь, что Господь глаголет моими устами. Подойди ко мне.

Микеланджело стоит на месте.

Лионардо: Брат, может произойти ужасное.

Савонарола: Произошло (*опускает руки*). Во мраке проживешь. Постыдна и мерзка жизнь твоя. Из бездны пришел и в бездну уйдешь. Твои истуканы окружают тебя и ни в чем не насытишься.

Микеланджело. Аминь.

Сцена 10

*Микеланджело лежит на постели, окруженный склянками и баночками.
Дядя Франческо и брат Лионардо.*

Дядя Франческо: Это Божья кара настигла тебя, понимаешь?

Лионардо: Я буду молиться за тебя, брат мой.

Дядя Франческо: Не спасут его наши молитвы. Во Флоренции говорят, что с дьяволом якшаешься.

Лионардо: Да, говорят, ты камень заговариваешь. Говорят, что ты колдун.

Дядя Франческо: Тебя никто не сможет защитить, племянничек. За городом ведьму сожгли. И это первый костер. Поверь мне.

Лионардо: Ты язычник, утверждает фра Джираломо, над тобой опасность висит, как меч над родом Медичи. Они уже изгнаны из Флоренции. Уничтожено обиталище разврата.

Микеланджело: Разграблен дворец.

Лионардо: Нет, брат, свершился суд Божий. Лоренцо не получил отпущения от Савонаролы. Сын Лоренцо, Пьеро, нарушил закон о роскоши.

Дядя Франческо: Нет, не нарушил, а преступил. Свадьба Контесины превзошла все мыслимые и немыслимые затраты. Все это за счет флорентийцев. Из дворца даже крысы сбежали.

Микеланджело: Я буду предан роду Медичи.

Дядя Франческо: Предан? Наступили последние дни Флоренции. Фра Савонарола предрек: воды потопа смоят город. Французский король вторгся в Таскано. Народ превзошел все мыслимое в падении своем. Матери пожирают детей своих, а ты говоришь о преданности!

Входит Граначчи.

Дядя Франческо: Пришел твой друг. О нем говорят, что он ездил к чернокнижнику.

Микеланджело: Дядя, я ослаб. Оставьте меня.

Лионардо: Мы будем молиться за тебя, Микеланджело. Тебе нужно сходить к Савонароле. Покаяться и придти к нам в монастырь. Полициано раскаялся в своих грехах.

Уходят.

Микеланджело: Что с Полициано?

Граначчи: Проявилась дурная болезнь. Его и в самом деле сейчас не узнать. Народ смеется и плюет ему вслед. Народ Флоренции не узнать. Не услышишь задорных песен, не увидишь радостных лиц. Как ты себя чувствуешь?

Микеланджело: Теперь лучше.

Граначчи: Долго же ты болел.

Микеланджело: Все в моей судьбе изменилось.

Граначчи: В нашей, Микеланджело. В нашей судьбе. В твоей, может быть, по-особенному.

Микеланджело (*после некоторого молчания*): Как прошла свадьба?

Граначчи: Свадьба Контесины? Ах, да. Ты же знаешь, это политический брак. Струились фонтаны белым и красным вином. Именитых гостей больше тысячи. Королевские подарки, но мне казалось, она искала глазами тебя.

Микеланджело: Я хотел подарить ей Геракла.

Граначчи: Невозможно. Это было бы неправильно понято. Его место во дворике и Строци. Поверь мне, Микеле.

Микеланджело: Пусть будет так.

Граначчи: С чего это твой дядя и брат о чернокнижии заговорили?

Микеланджело: Кто-то видел, как я оглаживаю мрамор и вообразил, что я вожде-
лю и разговариваю с камнем. Заговариваю. После проповедей фра Джираломо Са-
вонаролы тебя и других художников считают колдунами.

Граначчи: У Савонаролы армия: тысячи подростков шастанут по улицам, срыва-
ют украшения. Избивают тех, кто роскошествует. Избивают всех, кто встает на их
пути. Он называет их ангелами.

Микеланджело: Как братья-августинцы относятся к нему?

Граначчи: Говорят, что он будет сожжен на костре. Говорят, он жаждет занять
престол Папы.

Входит лютнист.

Граначчи (с веселой иронией): А вот еще одно исчадие ада.

Микеланджело: Здравствуй, друг. Ты мне очень помог.

Лютнист: Музыка врачует и тело, и душу.

Микеланджело: Могу точно сказать, что ты мне помог, а не эти отвары.

Лютнист: Я пропою твой сонет.

Микеланджело: Разве он того достоин?

Лютнист: Послушай:

Куют мечи из водосвятных чаш.
Все на потребу: крест и плащаница.
Христова кровь в продаже, как водица.
Невозмутим и нем Спаситель наш.

Воинственна толпа, вошедши в раж.
Но на Голгофу путь не повторится —
Падет на Рим возмездия десница
За святотатство, ханжество и блажь.

Здесь милость тягостней любой обузы.
Повсюду злые козни — дела нет.
И папский гнев страшней угроз Медузы.

Смиренья небо требует в ответ.
Порвем ли мы привычек рабских узы.
Чтоб искупления увидеть свет?

(Перевод А. Махова)

Микеланджело: Написал в холодном гневе.

Граначчи: А как у тебя получился Геракл?

Микеланджело: Его лицо — лицо молодого Лоренцо Великолепного. Лоренцо
Медичи — великий правитель и настоящий мужчина.

Лютнист: Зачем же он пригласил Савонаролу?

Микеланджело: После тьмы свет засияет с новой силой.

Граначчи: Лучше расскажи, как ты разговариваешь с камнем?

Микеланджело: Я не разговариваю. Прикасаюсь и чувствую, что он хочет радо-
сти освобождения. Я камню дарую свободу. Радость жизни и борьбы.

Лютнист: А народ запомнит твою снежную бабу. Уверен, весь мир будет лепить
снежную бабу, когда выпадет снег. А тебя забудут, и твоего Геракла.

Микеланджело: Мой ребенок — Геракл. Герой и бог. Граначчи, ты кого в себе
чувствуешь: бога, героя, человека?

Граначчи: Художника. Думаю, хороший портной — это герой, хороший сапожник — это герой, хороший винодел — герой и бог.

Лютнист: Хороший музыкант — человек и бог, хороший монах — бог и человек, хороший купец — герой и человек.

Граначчи: Добрый человек, доброе сердце от Бога.

Микеланджело: Не знаю, что мне делать. Заказов нет. Деньги отдал родным, за это меня они и пият. Я непокорный сын и племянник. Дядя Франческо пророчит костер.

Лютнист: Накаркает.

Граначчи: Тебе нужно бежать из Флоренции навстречу судьбе.

Микеланджело: Что ждет меня? Позор или смерть?

Граначчи: Или слава!

Комедия Дель Арте в Болонье

Сцена 11

Альдовранди и Микеланджело.

Альдовранди: Мой юный друг, тебе девятнадцать. Здесь, в Болонье, только и говорят о тебе.

Микеланджело: Зачем вы привели меня на площадь?

Альдовранди: Затем, чтобы ты кое-что узнал о себе и посмеялся. Ах, они уже начинают.

Микеланджело: Я не люблю шуток.

Альдовранди: Площадная молва — преддверие большой славы. Отвлекись, отдохни!

На сцене Панталоне и Доктор.

Панталоне: Доктор, дайте лекарство от любви.

Доктор: Оно дорого стоит.

Панталоне: Тогда дайте лекарство для любви.

Доктор: Оно стоит еще дороже.

Панталоне: Что же мне делать? Я влюблен. Я так влюблен, как никогда не был влюблен.

Доктор: Когда ты влюбился?

Панталоне: Сегодня утром. Зашел в собор помолиться. Помолился и влюбился.

Доктор: В какой собор?

Панталоне: Там, где работает скульптор без носа.

Доктор: Ах, да! Микеланджело. Ему покровительствовал Лоренцо Великолепный.

Панталоне: А когда Лоренцо помер, его к себе звал Савонарола, затем пришли французы, и он сбежал в Венецию. Я тогда был влюблен в Лукрецию.

Доктор: А сейчас? Здесь, в Болонье, в кого ты влюблен?

Панталоне: В чью-то жену.

Доктор: Не важно чья, а в кого она влюблена?

Панталоне: В безногого.

Доктор: У него, кажется, есть нос.

Панталоне: У него нет обаяния, обоняния, нюха. Он на нее не обращает внимания.

Доктор: Нет чутя. Так это и понятно. Все в Болонье знают, что он очень набожен. Он фигуру ангела с крыльями ваяет.

Панталоне: Муж любит ее, она любит безногого, безносый любит ангела, а я люблю ее. Что мне делать?

Входит Капитан.

Капитан: Убить его. Дайте мне сто золотых и я его хоть сейчас убью.

Доктор: Убивать нельзя. Я не смогу его лечить

Капитан: Убить надежней, чем лечить. Заплати сто золотых.

Панталоне: Нет, я не могу. Это слишком дорого.

Капитан: Чистая работа. Она стоит двести... девяносто... девять, а я всего-то за сто берусь.

Панталоне: Где ты взял такие цены? У нас в Венеции эта работа стоит несколько скуди.

Доктор: Потерпи немного. Пусть он закончит Ангела и затем его можно будет спокойно отравить. Почти бесплатно. В Болонье художники долго не живут.

Панталоне: Очень приятный факт (*потирает руки*). А почему долго не живут?

Доктор: Хлеб друг у друга отбирают.

Капитан: Так вы будете платить?

Панталоне: Художники заплатят. (*С волнением*): Это она. Со служанкой. Буду наблюдать за ней издалека.

Входят Вдова и Серветта.

Доктор: Она уже бывшая жена. Я лечил ее мужа.

Капитан: Удачно вылечил. Сколько в сумме за лечение выручил?

Доктор: Мало. Очень мало. Неприлично заглядывать в чужой кошелек. Я добросовестно его лечил.

Капитан: Образование дорого стоит, а я себе на жизнь добываю храбрым сердцем и шпагой. Не посрамлю дворянскую честь!

Серветта: Госпожа, желаете я ему записку передам?

Вдова: Если бы ты могла передать ему мои чувства.

Серветта: Работает день и ночь, но я устрою так, что ночью он окажется в ваших объятиях.

Вдова: А если узнают об этом в Болонье? Мне не по себе от одной мысли.

Серветта: Ах, вы боитесь насмешек. Но его ночные достоинства всех острословов победят. Уж я-то молодых людей вижу насквозь.

Вдова: А что я сделаю с деньгами?

Серветта: Так это правда? Художники вам заплатили, чтобы вы его опозорили?

Вдова: Художники считают, что он отбирает у них заказы.

Серветта: Будьте уверены, я что-нибудь придумаю.

Появляется Панталоне.

Панталоне: Хорошо, я заплачу пять золотых. Убей его сейчас. Немедленно.

Капитан: Согласен. Только пообедаю. В животе урчит.

Панталоне: Нет, пообедаешь потом, а сейчас убей. Вот тебе один золотой.

Капитан: Эй ты, безносый, иди сюда.

Выходит Арлекин, он играет Микеланджело.

Капитан: Ну, у тебя и морда.

Арлекин: Хочешь иметь такую же?

Капитан (*оборачивается к Панталоне*): Надо заплатить больше. Он угрожает.

Панталоне: У меня с собой... (*что-то шепчет на ухо капитану*). Ты его тихонечко убей. Будут премиальные.

Капитан (*подбадривая себя*): Так ты, юнец, маляр, каменотес, мордобой из Речицы...

Из толпы выкрикивают: Из Флоренции.

Капитан: Так ты мордобой из Флоренции?

Арлекино-Микеланджело: Тебе не нравится Флоренция? Ты назвал меня мордобоем, неучтиво с твоей стороны, Капитан.

Капитан: Я никого не хотел обидеть.

Арлекино-Микеланджело: Я тебя этим камнем обижу.

Капитан: Не надо так поступать. Я могу разозлиться.

Арлекино-Микеланджело: Я уже разозлен.

Лунит Капитана.

Панталоне: Станный человек. Грубый. Никакой учтивости. Унесу ноги, пока цел.

Серветта (*бросается к Арлекино-Микеланджело*): Добрый юноша, тебя ждет сладкая награда.

Арлекино-Микеланджело: За что?

Серветта: Он покушался на честь моей госпожи, а ты ее защитил.

Капитан: На чью я покушался честь? Мне бы свою спасти.

Убегает.

Серветта подходит к Вдове.

Серветта: Будьте счастливы, голубки.

Вдова: Я уже счастлива.

Арлекино-Микеланджело: И я не прочь.

Вдова: А знаешь ли ты, моя любовь, что художники замыслили заговор против тебя.

Арлекино-Микеланджело: Великий замысел.

Вдова: Они хотят оскандалить тебя через меня. Тогда тебя казнят.

Арлекино-Микеланджело (*обнимает вдову*): Так позорь меня.

Вдова: Я увидела, ты чистый и честный юноша. Я потратила эти деньги на ожерелье. Сегодня я налью тебе доброе вино и зажгу свечи.

Доктор (*выходит на сцену*): Это же надо! Совсем не берегут свое здоровье!

Панталоне: Зачем тратиться на свечи.

Капитан: Я его поймаю и убью из-за угла.

Серветта: Моя хозяйка — щедрая на ласку женщина.

Арлекино-Микеланджело и Вдова: И все в Болонье будут счастливы!

Раскланиваются.

Альдовранди: Доволен ли ты увиденным?

Микеланджело: Потерял свое время.

Альдовранди: Не будь так суров, Микеланджело. Согласись, что это забавно и нет ничего тайного, что не стало бы явным. О тебе говорят много и многое. Говорят, что ты вскрывал трупы, чтобы лучше изобразить натуру.

Микеланджело: Не интересуюсь тем, что обо мне говорят.

Альдовранди: О, если бы ты знал все, что о тебе говорят, тебе стало бы не по себе.

Микеланджело: Я чувствую. Мне больно.

Альдовранди: Будет еще больнее.

Микеланджело: Моя судьба: иметь боль и сопротивляться ей.

Альдовранди: Да, такова судьба твоя, мой юный друг. Только что можно противопоставить страданию, боли?

Микеланджело: Не обращать внимания.

Олег Зайцев
(г. Минск, Белоруссия)

Зайцев Олег Николаевич родился в 1968 году в городе Новополоцке Витебской области. Председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Автор четырех книг поэзии, сборника пьесы и рассказов, книги критики и литературоведения, книги поэзии в переводах на украинский язык. Председатель Оргкомитета и жюри Международного литературного фестиваля «Славянская лира», лауреат международных литературных премий «Молодая Гвардия», им. С. Полоцкого, М. Матусовского, «Славянская традиция», всероссийской литературной премии им. Н. Лескова «Левша», ордена «Культурное наследие», медали им. Е. Замятина. Стихи автора переводились на английский, белорусский, итальянский, казахский, украинский, фарси (персидский) языки.

* * *

И иней серебрит поляны,
И красный лист дерева жжет —
Октябрь зализывает раны,
Диск лунный, как монета, желт.

В молочном мареве кварталы,
Хватив простуды через край,
Вдруг заблестели, стали алы —
Мелькнул луч солнца, как искра.

И заморозкам наступая
На пятки, в Минск спешит рассвет.
И в шарф закутавшись, любая
Синоптик здесь и краевед.

Вновь клекот стай, летящих к югу,
Вновь запах выпревшей травы:
Природа мечется по кругу,
И увядает все, увы...

Осенний холод, отрезвляя,
Подсказывает нам уже,
Что скоротечна жизнь. И зла я
За это не держу в душе.

* * *

Два аиста застыли во дворе:
Пернатая застенчивая пара.
Деревня оживала на заре,
Избавившись от солнечного жара.

Стояли чинно, клювы изогнув,
(Бери мольберт — готовая картина),
Свой взгляд куда-то в землю окунув,
Как стражи у жилища господина.

Дорога рядом, сельское жилье
Птиц не смущали: тишь кругом царила.
Их перья — черно-белое белье,
Что сохнуть свесят под лучи ярила.

В наш край родной они летят всегда
За тысячи нелегких километров,
И как бы не сложились вдруг года,
Нам аисты — хорошая примета.

Им вторя, той земле я поклонюсь,
Что вырастила, силой напекла —
Мой отчий край, моя родная Русь
Ценней мне драгоценного металла!

Светлана Каленчукова
(г. Речица, Белоруссия)

Светлана Анатольевна Каленчукова (в девичестве — Филиппова) родилась в 1984 году в деревне Милоград Речицкого района Гомельской области Белорусской ССР. В 20 лет потеряла зрение, став человеком с ограниченными возможностями. Но это не сломало ее веру в себя, не лишило чувства любви к прекрасному. Победитель и дипломант многих международных конкурсов, лауреат литературной премии им. В. С. Алехина. С 2018 года является председателем Речицкого отделения Беллитсоюза «Полоцкая ветвь».

БЕЛАЯ ТРОСТЬ

Рука взялась за трость и задрожала:
Ах, как же будем вместе мы ходить?..
Я с палкой?.. Нет!..

Еще не осознала,
Что без нее мне просто не прожить.

Зачем она нужна?.. Я не слепая!
Вполне могу ходить совсем одна.
И, бросив трость, из дома выбегая,
Спешу, не видя пред собой столба.

Он вырос как-то вдруг — из ниоткуда,
Мой лоб расцеловав, как только мог...
Его подарок вряд ли позабуду:
Все звезды мира возле моих ног.

Рука взялась за трость и сжалась крепче:
Прошло стеснение, забылся страх.
Я с тростью?.. Да!..

С ней несомненно легче —
Она, как оберег, в моих руках.

Изящная, вся белая такая —
Она со мной в пути всегда, везде.
Я все же смелая, хоть и слепая —
Иду вперед наперекор Судьбе.

* * *

Моя заветная мечта —
Моя неожиданная случайность,
Любовь, Надежда, Вера дня
И ежедневная реальность.
В моей душе твоя душа
Всегда единым сердцем бьется.
Ты каждый миг мне так нужна —
Как воздух, как вода, как солнце.

Александр Милов
(г. Речица, Белоруссия)

Милов Александр Федорович — родился в 1949 году в Калининской (современной Тверской) области России. В настоящее время живет в Белоруссии. С 2009 года является членом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Печатался в следующих изданиях: многотиражка «Ленинградский метрополитен», газета «Смена» г. Смоленск, газета «Смена» г. Ленинград, газета «Дняпровец» г. Речица, газета «Родительское крыло» г. Бобруйск, журнал «Западная Двина» 2009 г., журнал «Планета — Семья» 2013 г., альманах «Это город мой, это — Речица» г. Речица, 2013 г., сборник «Вместе» г. Речица, 2015 г.

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Так легко пришла эта рыжая,
Эта глупая и продажная,
В раздеванье своем бесстыжая,
В красках бешеных эпатажная.

Вот, взмахнув своей кистью мокрою,
Лес укрыв золотыми ризами,
Мир раскрасила теплой охрою,
Заткала все дождями сизыми.

И в ветвей кружева укутана,
Отвергая краски невнятные,
Карты все, по привычке, спутала,
Разукрасив пространство пятнами.

А сама над бездонным омутом,
Позабыв свои обещания,
Отражением, грустью тронутым,
Совершила обряд прощания,

И потом тишиной укрытая,
Пробираясь лесными тропами,
Чуть туманом седым размытая,
Побрела золотой растрепую.

Чтобы став совершенно лишнею,
Прошуршав по полю печальному,

Одинокой, усталой нищею
Поплестись к Декабрю хрустальному...

ЧУДО-ЖЕНЩИНА
(посвящается Речице)

Будто вещими снами окутана,
В правоте своей убежденная,
Отвергая сомненья смутные,
Даже в малом непобежденная,
До прозрачности хрупкой уменьшена,
Удивительно гордо-статная
Над водой стоит чудо-женщина,
В своей гордости невероятная.
За спиною каштаны ржавые
Осыпают асфальт орехами
И руками машут усталыми
В след тому, что осталось веками.
Солнце спит за седыми елками,
Приглушив свой цвет апельсиновый,
И на небе крестами тонкими
Купола прорезают линии...
А она стоит удивленная,
И вода возле ног ее плещется,
Правым берегом вознесенная...
Это — город Мой. Это — Речица!

Елена Цейко
(г. Речица, Белоруссия)

БАБЬЕ ЛЕТО

Цейко (Конаш) Елена Валентиновна родилась в 1959 году в г. Березники Пермской области, Россия, однако, своей второй малой Родиной считает белорусский город Речица, в котором она выросла и живет в настоящее время. С 2014 года является членом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Публиковалась во многих белорусских периодических изданиях.

Бабье лето уже подступило.
Солнце дарит свой сдержанный луч,
Озаряя, порою, уныло
Мой запутанный жизненный путь.

Душу греет еще утеха,
Будто женщине в сорок пять
Возраст вовсе и не помеха:
Баба — ягодка, мол, опять.

Что поделаешь, годы мчатся,
Как волна, не откатят вспять.
Вот и мне уже не семнадцать,
А исполнилось сорок пять.

Сорок пять... Пролетели, как птицы,
Ах, как хочется их догнать!
Неудачные жизни страницы
Мне бы начисто переписать.

Мне б вернуть их, подправить малость,
След ошибок своих замести.
Но пока никому не удалось
В одну реку дважды войти.

Так зачем пред собой притворяться?
Не пора ли, как есть, все принять.
Только хочется лет еще двадцать
Быть мне ягодкою опять!

Екатерина Соболева
(г. Бобруйск, Белоруссия)

Соболева Екатерина Лейзеровна — член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», автор четырех сборников поэзии: «Бессрочный паспорт на любовь», «Кардиограмма любви», «Вверх по радуге», «Здравствуй, это я».

ЗНАЕШЬ, АВТОР...

Знаешь, автор, день мне напиши.
Нет, не в прозе. Лучше бы сонетом...
И укрась надеждами при этом,
И о жизни лучшее скажи.

Солнце в строки громко позови,
Точками грешить совсем не стоит.
Восклицанье на мажор настроит:
Жизни миг касается любви.

Знаешь, автор, не пиши судьбу.
Там, где мнут бока ветрами тучи,
Знают и без нас намного лучше,
То, что будет вложено в тропу.

Я прочту, и птицею в окно
Вылечу, в себя опять поверю—
В то, что день мне открывает двери
В мир, где без письма совсем темно.

СВАРИ МНЕ КОФЕ...

Свари мне кофе с запахом весны.
А вместо сливок можно солнца ложку?
Еще улыбку, что рисует сны,
Тепла души и грусти понемножку...

Я выпью кофе, сваренный тобой.
В меня ворвется он, как свежий ветер...
И облака крылом над головой
Надежду нарисуют на рассвете.

Свари мне кофе. Будет вкус любви.
Его на память положу у сердца.
Рецепт ты этот счастьем назови,
Чтобы душа моя смогла согреться.

Я ВЫПЬЮ НЕБО...

Я выпью небо вместо чая,
И облако на бутерброд
Намажу. Формула простая —
Взлетать с рассветом в небосвод.

И будет тихо и спокойно,
Внутри меня взойдет заря,
Чтобы нестись вперед достойно
Весенним днем календаря.

А за стеклом рискуют птицы,
Крылом подчеркивая март...
Мне вместе с ними — не разбиться.
Я вместо них спешу на старт.

На старт надежды и победы
За каждый миг моей судьбы,
За силу, что идет по следу
Уже начерченной тропы.

* * *

Давай, мой друг, с тобой поговорим,
Пока в идущий день открыта дверца...
Мы много лет за звездами спешим
И память сохраняем возле сердца.

Нам больно о потерях вспоминать,
О мальчиках, погибших за Победу.
И видеть, как заплаканная мать,
Кладет гвоздики к обелиску, деду.

Не жили мы в израненной стране,
Нас не морила голодом блокада...
И в Бухенвальде, в черной стороне,
Не убивали на страницах ада.

Но это было. Не забыть войну!
Как мало вас осталось, ветераны!
Сквозь мирную сочатся тишину
Боев незаживающие раны.

Ты слышишь, соловей на миг умолк...
Рассвет склонил главу в молчанье строгом.
Готов к параду наш Бессмертный полк,
Мы с ним пройдем по городским дорогам.

Заря алеет... Вот и ночь прошла.
Она, как миг, короткая такая...
Проснувшиеся тихо два крыла
Затрепетали, силу обретая.

В ОТЕЛЕ СЧАСТЬЕ...

В отеле «Счастье» тишина—
Никто сегодня не въезжает.
Открыты двери, и луна
По тихим комнатам гуляет.

А людям словно дела нет —
Бредут вперед, суровы лица...
И дорог, говорят, билет,
Чтобы в отеле поселиться.

Выходит ночь на парапет,
Для посещений кинозалов...
Заложники мясных котлет,
Борщей, рагу и сериалов

Не помнят сердцем, что отель,
Их может прописать без срока.
Апрельская звенит капель.
Ей без прописки одиноко.

* * *

Сегодня было очень одиноко...
Но осень не давала мне грустить.
Стучали капли по намокшим окнам,
И дождь не собирался уходить.

Писал мне письма. Я ждала, не скрою.
Губами нежно целовал висок.
Смеялся и беседовал со мною
Такой, как я, неправильный игрок.

Мне стать бы каплей и поверить слепо,
Туманам, что торопятся на юг.
Где дождь надежно обнимает небо,
И сохраняет силу тонких рук.

Анатолий Мозгов
(г. Борисов, Белоруссия)

ТРИОЛЕТЫ

Родился в 1956 году в г. Борисове Минской области. Имеет три авторских сборника стихотворений: «Туман», «Инженер» и «На броне». Победитель (2-е место) седьмого Международного литературного фестиваля «Славянская лира-2020», награжден дипломом им. Вильяма Шекспира Всемирного Союза писателей (Германия, Мюнхен).

ХОЧЕТСЯ

Хочется уюта и тепла,
И немного легкой женской ласки,
Что таит тот жест из-за стекла.
Хочется уюта и тепла,
Чтобы жизнь не мчалась, а текла,
Хочется волшебного из сказки.
Хочется уюта и тепла,
И немного легкой женской ласки.

Я В ЛЮБВИ

Я в любви так мало понимаю,
Не смотрите, что о ней пишу
И порой в тоску себя вгоняю.
Я в любви так мало понимаю,
И чем больше слов употребляю,
Тем я против истины грешу.
Я в любви так мало понимаю,
Не смотрите, что о ней пишу.

КАК ДОЛГО

Т. К.

Как долго с Вами разлучен,
Как долго я живу в незнание,
Томлюсь в тоскливом ожидание.
Как долго с Вами разлучен,
Но жду заветного свидания,
Жду встречи с той, в кого влюблен.
Как долго с Вами разлучен,
Как долго я живу в незнание.

БЕССОННИЦА

Как можно спать в такую ночь,
Когда стихи к тебе приходят,
И рифмы стайкой хороводят.
Как можно спать в такую ночь:
Слова, как звездочки, восходят
И улетают утром прочь.
Как можно спать в такую ночь,
Когда стихи к тебе приходят.

КАКАЯ НОЧЬ!

Какая ночь! Сейчас не спать —
Любить и наслаждаться волей,
От жизни брать и только брать.
Какая ночь! Сейчас не спать,
А жизнь по-новому начать
Без этих дружеских застолий.
Какая ночь! Сейчас не спать —
Любить и наслаждаться волей.

Елена Стрижак
(г. Полоцк, Белоруссия)

МУЖ НА ЧАС
(юмористическое стихотворение)

Стрижак Елена Сергеевна родилась в 1941 году в д. Савченки Витебской области. Автор 15 книг. Победитель конкурса «Огни золотые» в номинации «Герои малой Родины», г. Саратов (Россия) — 2020 год, конкурса «Центр Европы» в номинации «Малая проза», г. Полоцк — май 2021 года. Стаж творческой деятельности — 62 года; первое стихотворение написано в июле 1959 года.

— Грех прости, святой отец! —
В церкви так просил мужчина.
— В Бога веришь, молодец!
Кайся, если есть причина.
— Без работы я сейчас.
Вдруг нашел два объявления:
«Срочно нужен «Муж на час»...
Я звоню без промедленья.
Женщина открыла дверь:
«К стенке мне прибейте полку!»
Дождь пошел... Отец, поверь!
Мокнуть под дождем — нет толку!
«Час побудь еще со мной!» —
Тихо мне она шептала...
А вчера пошел к другой,
Та живет за два квартала.
Дождь пошел... Отец, поверь!
Пользуюсь большим я спросом.
«Час побудь со мной!» — и дверь
Вдруг закрыла перед носом...
— Чтобы дождик не пошел,
Если бес в ребро толкает,
Сгинь туда, откуда шел!!!
Бес дорогу в ад копает...

Мария Зайцева
(г. Бобруйск, Белоруссия)

Зайцева Мария Викентьевна (Говоровская) родилась в 1951 году в д. Дражня Гомельской области. Принимала участие в десяти коллективных сборниках. Недавно издан авторский сборник детских стихов «Забралась в кроватку лень». Печатает свои стихи в журнале «ЭШЛИ».

БЕЛАРУСЬ МОЯ

Беларусь моя родная,
Мой цветущий, милый край!
Ты как мать для нас — святая...
Так живи, всегда сверкай!

Не допустим чужеземцев
В нашу мирную страну.
Помнят все, кто был под немцем,
Ту жестокую войну...

Не зажили дней тех раны,
О себе дают вновь знать,
И бушуют «ураганы»,
Заставляя всех стонать.

Но зачем, скажите, люди,
Мы должны терпеть, страдать?
Силой нас хотят принудить
Землю нашу растоптать.

На земле своей мы сами
Разберемся, что и как.
Не позволим править нами —
Мир всем нужен, а не мрак.

ВАСИЛЬКОВЫЙ РАЙ

Мы идем по узенькой тропинке.
Рядом рожь. Цветы в траве густой,
Васильки в ажурной паутинке —
Вид, как брошь, с росинкой голубой.

А вдали сливается все с небом:
Лес, цветы, дороги и поля.
Золотится рожь и пахнет хлебом
И в цвету родимая земля.

Мы с любимым будто в рай попали
И вдыхаем аромат цветов.
Душу красотой наполняем,
Радуеться краскам лепестков —

Голубым, как небо, очень нежным,
С тонкой бахромою по краям.
Васильковый рай такой безбрежный,
Морем стелется он по полям.

Будто волны расшумелись летом...
Расставаться не хотелось нам.
Были васильками мы согреты —
Говорю спасибо небесам!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег — как первое свидание.
Он летит спокойно и легко,
Но закружит вихрем в ожидании,
И поднимет чувства высоко.

Опустив снежинки с лаской, нежно,
Ветер прикоснется к ним слегка,
Заметет простор полей безбрежный,
И замерзнут розы. А пока...

Первый снег и первые морозы,
И цветы под тонкой кромкой льда,
И висят росинки, точно слезы...
Ива в белой шали у пруда.

Первый снег, как первое свидание,
Робкий, чистый, с мягкой бахромой.
Лучшее Всевышнего создание —
Счастье, отбеленное зимой.

Наталья Литвинова
(г. Полоцк, Белоруссия)

МАРКУ ЗАХАРОВИЧУ ШАГАЛУ
(акrostих)

Окончила Минский педагогический институт. Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Участник НЛО «ЛитКофейник». Печаталась в журналах «Полоцкий летописец», «Западная Двина», «Польмя» и в других изданиях. Лауреат международных и республиканских литературных конкурсов.

Милый старенький Витебск в начале двадцатого века!
Алых маков раздолье, ромашки, репей, васильки,
Резкий запах селедки и чуть подгоревшего хека,
Керосиновой лампы блуждающие огоньки.

У окна приоткрытого — фикус и венские стулья,
Занавеска приподнята, в воздухе — трепет стрекоз...
Ах, Шагала-чародей, ты извлек их из чудного улья,
Хрустнув веточкой липы на улице витебских грез.

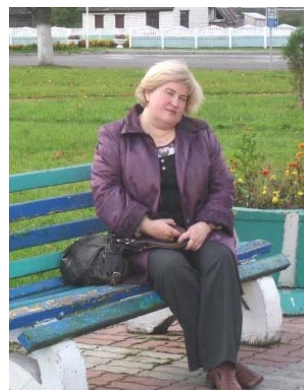
Абажур на цепочках, трюмо, табурет на пороге,
Разноцветные коврики, тканые половики...
Отчего же так сердце щемит от неясной тревоги,
Всеобъемлющей грусти, какой-то вселенской тоски?

И салфеточки в прошвах, и чуть потускневшие блюда,
Черный лак этажерки — обычная будничность, быт! —
У Шагала-художника вдруг превращаются в чудо.
Шепот витебских домиков в толще веков не забыт.

Акварели заката пылают пронзительно-ало.
Грозовою чертою очерился ночи излом.
А летучее время на дивной картине Шагала
Легкомысленно машет
Узорчатым синим крылом.

Татьяна Потапович
(г. Бобруйск, Белоруссия)

Родилась в 1968 году в Бобруйске. В 1985 году окончила Бобруйский автотранспортный техникум. В 1992 году закончила Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины. Работает на ОАО «Управляющая Компания холдинга «Бобруйскагромаш». Автор сборника стихов «В плену иллюзий», выпущенного в 2014 году в Киеве издательством «Друкарский двор Олега Федорова».

КРАДЕНОЕ СЧАСТЬЕ

День засыпает в ногах котенком,
тихо мурлычет и жмется ближе.
Тщетно пытаюсь укрыться тонкой,
глупой надеждой, что не увижу

этой, сводящей с ума, улыбки,
линий на нежных твоих ладонях...
Знаю, мечтанья — фундамент зыбкий.
Мы незаметно друг в друге тонем.

Разногляденьем не склеить части,
встречи все реже, мне нужен кто-то...
Чувство вины заменяя страстью,
я заполняю тобой пустоты.

ОЖИДАНИЕ

Здесь все напоминает о тебе:
Забытый зонт, в прихожей пол скрипучий,
Тоскующий треногий «друг» — мольберт...
Уютный дом задумчив, тих и скучен.

А легкий запах счастья не исчез —
Конфеты на столе в хрустальной вазе.
И я — дуреха, снова жду чудес...
Привыкла, дух надежности заражен.

За окнами такая благодать —
Сменила зной приятная прохлада.
До встречи пять деньков, всего лишь пять...
А я грущу, ведь ты еще не рядом.

ДОМ, ГДЕ ЖИВУТ ВОСПОМИНАНИЯ

Искрится одуванчиками луг,
Приятной новизной наполнен вечер.
Любимый дом, привычный мир вокруг
Томятся в ожиданье скорой встречи.
Накрою стол: поспели пироги —
Порадовать хочу детей и внуков.
Скорей бы долгожданные шаги
Встряхнули тишину, в потоке звуков
Ворвался беззаботный детский смех,
Вспугнув кота-пройдоху. Даже стены
Скучают, позабыть не могут тех,
С кем прошлые минуты так бесценны.
Пусть время быстротечно, но тепло
Исходит от притихших давних снимков...
Тоскующее мамино трюмо
Ждет в гости до сих пор свою любимку...

Юлия Агранович
(г. Бобруйск, Белоруссия)

Агранович Юлия Наумовна (Расина Юлия) родилась в 1958 году в г. Бобруйске. Стихи пишет уже 26 лет. Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Ее стихи были напечатаны в разное время в семи сборниках стихов. Было издано пять собственных сборников стихов, а также — два сборника совместно с поэтом Виктором Буселем.

СЕДЫЕ МАЛЬЧИКИ

Их нашли в бою, почти убитыми,
На сожженной танком полосе.
Привезли, и санитарка Рита
Вскрикнула: «Они седые все!»

Лазарет, простреленный и маленький,
До смерти уставшие врачи...
Только к ночи вышли на завалинку,
Всем сказав: «Давайте помолчим...»

И молчали яростно, мучительно...
Вспоминали, как спасали их,
Тех бойцов, израненных, решительных,
Мальчиков безусых, молодых.

Вспоминали паренька безногого.
Как метался, маму звал в бреду.
Он кричал, стонал, шептал в тревоге:
«Победим, и я к тебе приду!»

Вспоминали лейтенанта braveго,
Не смогли спасти ему глаза.
Как он рвал и рвал бинты кровавые,
И текла кровавая слеза...

Им бы танцевать, сидеть за книжками,
И бродить с любимой до темна,
Но пожаром страшным над мальчишками,
Пронеслась проклятая война!

Рыжие, и черные, и русые,
Побелели вдруг среди войны.
Мальчики седые и безусые,
Главные защитники страны!

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕТЕ

Я обожаю теплый ветер,
Несущий стаю желтых листьев!
Они кружатся в небе чистом,
Воспоминанием о лете...

Глаза закрою — вижу это:
Букетов желтых ароматы,
Еще прохладой не задеты
Рассветы наши и закаты.

Еще струится свет лучистый
И облака на мягких лапах,
И с ног сбивает терпкий запах
Цветов в росинках серебристых!

Еще дожди теплы, желанны.
И я без зонтика, с улыбкой,
Еще не рвет нам душу скрипка,
Сливаясь с грустью окаянной...

Октябрьский день медовый, грешный.
Подарок яркий — бабье лето!
Брожу, теплом его согрета,
По желтым улицам неспешно.

И вспоминаю... Теплый ветер
Несет куда-то стаю листьев,
Они кружатся в небе чистом
Воспоминанием о лете!

ЗОНТИК

Из нежности построив мостик,
Он вел ее под локоток!
В другой руке огромный зонтик,
Он от дождя ее берег.
Она спокойно шла по лужам,
А зонтик плыл над головой,
И было видно — не за мужем,
Она — за каменной стеной!
И было ясно — непогода
Для них не больше, чем фантом!
Вдвоем в любое время года
И непогода нипочем!
Пусть лица бороздят морщины,

Но в это утро на пути
Красивей не было мужчины,
Счастливей пары не найти!
Мое насквозь промокло платье,
Я думала, глядя на них:
«Так вот оно, какое счастье!
Огромный зонтик на двоих!»

ГОЛУБЬ

Летаешь в стае белых голубей,
А по утрам садишься на окошко.
Я жду тебя и рассыпаю крошки.
Давай, спускайся с неба поскорей!

Я знаю, милый, голубь — это ты!
Мой белый ангел, посланный судьбой!
Теперь летаешь в стае надо мной
И посылаешь знаки с высоты.

«Я счастлив! Я свободен! Я лечу!
Жизнь так светла без зависти и фальши!
Как жаль, что я не видел это раньше.
Теперь я в небе — только захочу!

Живи, любимая! Земная жизнь мала!
И радуйся... Но если плохо будет,
Тебя твой белый ангел не забудет,
Он прилетит, подставит два крыла».

Ищу тебя. Брожу то тут, то там...
А в доме так невыносимо тихо.
Беру метлу и выметаю «лихо»,
И рассыпаю крошки по утрам.

Александра Лесковец
(г. Бобруйск, Белоруссия)

РЕЧЬ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО ПЕРЕД БОЕМ

Лесковец Александра Александровна родилась в 1989 году в деревне Колбча Кличевского района Могилевской области в семье учителей. В 2011 году окончила университет БФ БГЭУ в Бобруйске по специальности «Экономика и управление на предприятии». С детства увлекается поэзией. Любимые поэты: Александр Пушкин, Сергей Есенин и Владимир Высоцкий. Первое стихотворение написала в девять лет. Лауреат международных литературных конкурсов. В декабре 2019 издала авторский сборник поэзии «Мою жизнь нарисует осень». С февраля 2018 года — член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь».

Славяне! Братцы! Пробил час
Безжалостный и беспощадный.
Надменно смотрит Рим на нас
И потирает руки жадно.

Нам удержаться долг велит
И отстоять свою державу.
Нет! Не сдадим родной земли
Мы иноверцам на расправу.

И что нам сладость их речей
И обещание объятий?
Лишь звон монет, да лязг мечей
Врагу доступен и понятен.

Мы своего не отдаем.
Одной стеной и силой станем.
Вовек отсюда не уйдем
И даже мертвыми восстанем.

И если хочет враг войны,
То помнить нам необходимо:
В своем единстве мы сильны!
В единстве мы непобедимы!

Славяне! Братцы! Пробил час!
Захватчик целей не достигнет!
Ведь кто с мечом пойдет на нас,
От нашего меча погибнет!

Вадим Салеев
(г. Минск, Белоруссия)

ПОЭЗИЯ И ПОЭТЫ «ПОЛОЦКОЙ ВЕТВИ»

Салеев Вадим Алексеевич — доктор философских наук, профессор. Поэт, литературный критик, философ, культуролог, Заслуженный деятель культуры Белоруссии, член совета, секретарь секции литературной критики и литературоведения Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Член Белорусского союза литературно-художественных критиков, член пяти общественных академий (в том числе Белорусской академии архитектуры и Петровской академии наук и искусств в Санкт-Петербурге), вице-президент Белорусской эстетической ассоциации, награжден государственной медалью Франциска Скорины.

С легкой руки Евгения Евтушенко в нашу жизнь вошел, будто высеченный из камня, сакраментальный афоризм: «Поэт в России больше, чем поэт».

В Беларуси, забегаая несколько вперед, скажем, это несколько не так; здесь само слово «вялікі», означает не столько — великий, сколько «большой». Может быть это потому, что, как пронзительно заметил Янка Купала, пророк и песнярь белорусщины, «мы тихо играем», а «хто ціхіх прыкмеце»... Но зато, как правило, слово белорусского поэта идет из глубины...

Так, или иначе, любой восточнославянский поэт исходит из Слова — величайшего сокровища, которым одарен Человек...

Недаром на всем пространстве Древней Руси наибольшей любовью пользовалось Евангелие от Иоанна, которое знаменательно начинается: «В начале было Слово»...

Конечно, слово, взятое в художественном ключе, существенно отличается от потока слов в обыденной речи. Отличается оно и от своего аналога в информационном (так модном ныне!) мире, и от слова в мире мысли, и от научной лексики.

Особенно наглядно это видно в поэзии. Поэзия по своей природе — выразительное искусство. Оно, в этом плане, очень совпадает с музыкой (в своей концепции порождения искусства Г. В. Плеханов полагает, что в древности поэзия и музыка представляли единое искусство и только позднее произошло разделение), в обеих сферах искусства, прежде всего, властвует ритм. «Поэзия — замечает А. Адалис — художество слова. Древние китайцы и древние римляне считали ее величайшим из искусств. Греки полагали ее священной».

Поль Валери отметил, что достойно изумления количество подходов к определению существа поэзии.

Но вернемся с этих высот к практике; поговорим о поэтах и поэзии «Полоцкой ветви» — литературном союзе Республики Беларусь.

Этот, третий по счету, белорусский литературный союз отметил в 2019 году 25-летие со дня своего создания.

Четверть века — достаточно весомый срок, особенно в нынешнем XXI веке —

веке глобализации и информации, когда в геометрической прогрессии растущие технологии угрожают задуть всякое проявление человеческого начала.

Что существенно может противопоставить этому нескончаемому техногенному нашествию человек?

То, что связано с креативным человеческим, «чисто человеческим» (Ф. Ницше) — и в первую очередь с поэзией, которая, как известно, является выразительницей глубинных человеческих чувств. Однако речь идет не только об отдельных поэтах, их, как всегда, в любое, а особенно в наше время, столь «усиленное» Интернетом, хватает), а о создании и функционировании полноценного и полнокровного творческого литературного союза. И это уже, как говорил классик, «совсем другой коленкор».

Всякая история, как известно, имеет свою предысторию. Она фиксируется началом апреля 1989 года, когда тремя полоцкими поэтами было в древнейшем белорусском городе образовано литературное объединение «Полоцкая ветвь».

В 1993—1994 годах возникли уже аналогичные объединения в Минске. А в ноябре 1994 года в Полоцк приехали уже 38 делегатов из восьми городов Беларуси (представители 5 областей страны) и на Учредительном съезде утвердили создание творческого республиканского объединения писателей — Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». И уже в следующем году Союзом было издано: первый сборник Минского отделения «Октава», и 5 первых книг членов союза; а в 1997, когда в союз входило более 10 писателей, 2 коллективных сборника и 6 авторских книг.

Кроме того, союз непрерывно проводит творческие акции: организывает творческие семинары по прозе, поэзии, драматургии, участвует во Всемирных днях поэзии, сотрудничает с Международным Сообществом Писательских союзов, Международной Федерацией русскоязычных писателей, Всеукраинским творческим союзом «Конгресс литераторов Украины» и еще целым рядом творческих писательских объединений на пространстве СНГ и Европы.

Но отвлечемся от всех этих организационных реалий и попробуем обратиться непосредственно к творчеству «ветвевцев». И сосредоточиться в этом творчестве, прежде всего, на поэзии. Мы помним, что сам союз «Полоцкая ветвь» был основан тремя поэтами. Поэты были (а, во многом, и остаются) ведущим «мотором» Союза, во всяком случае, и ныне они остаются, по пастернаковской сентенции его «звучковым лицом». Тут следует сделать важную оговорку. Первоначально поэты «Полоцкой ветви» имели, на мой взгляд, полупрофессиональный статус. Это — лучшие из них, которые до того печатались в сборниках, газетах... Большая же часть, не имея гуманитарного (тем более — филологического) образования и вовсе составляла внушительный отряд любителей. Но анализ 25 прошедших лет наглядно показывает, что непрерывная работа человека над собой порой способна порождать чудеса. И к большинству поэтов — «ветвевцев» непосредственно относится замечание О. Мандельштама о Блоке: «он жадно расширял и углублял свой внутренний мир во времени». И лучшие из поэтов «Полоцкой ветви» ныне, несомненно, достигли профессионализма и вполне отличаются «лица необщим выраженьем».

Это легко доказывается и общей стилистикой их поэзии, и характером построения образов, и лексикой, своеобразно употребляемой каждым из них.

Мы представляем творчество 11 лучших, на наш взгляд, поэтов «Полоцкой ветви» и трех «зарубежных» представителей белорусского литературного союза (вспомним, что в последнее время многочисленные литературные связи «Полоцкой ветви» приводят и отдельных литераторов, не проживающих в Республике Беларусь, к мысли присоединиться к союзу).

Итак, вот они — лучшие из лучших, с краткой характеристикой и своими непосредственными «строчками».

1. Михаил Баранчик. Этот поэт из небольшого белорусского города Лиды обладает неожиданно цепким взглядом; причем в обозрение входит все — природа, исто-

рия, метаморфозы человеческой жизни. И просторечная лексика странным образом сочетается у него с «парением в высях».

ДВОРИК ДЕТСТВА

Маленький старый домик с низкой покатою крышей.
Заросли из сирени. Маленький огород.
Там по ночам шуршали в темном подполе мыши,
И не хотел ловить их старый ленивый кот.
Тесный уютный дворик. Старый забор — калека.
Помнит песок дорожек след моих сандалет.
Заросли из крапивы прямо в рост человека,
Что же, что человеку только всего пять лет...

* * *

Всюду хаос и мрак, и скверна.
Даже меркнет солнечный свет...
Бог забыл этот мир, наверное,
Неудачный эксперимент.
Не суди — не судим будешь...
То не Время пошло в отрыв.
Виноваты ведь сами люди,
Божий замысел позабыв.
Правят бал нынче зависть, злоба —
Только САМИ выбрали путь.
Милосердие? И не пробуй...
Благородство? Совсем забудь.

* * *

Не долго длился желтых листьев танец.
Закончили деревья свой стриптиз...
И только я, веселый оборванец,
Сижу и жду — вдруг повторят на «бис».
Дождем свинцовым сыплются в фонтаны
Литые пули спелых желудей.
И вновь с асфальта влажные каштаны
Глядят глазами грустных лошадей...

2. **Маргарита Богданович (Марго Волкова).** Эта поэтесса отличается логикой и рациональным подходом. У нее, преимущественно, все выражено прямо и четко. И метафорика строится по большей части линейно. К тому же ритм в стихотворениях временами не очень ровен, да и в рифмах порой проскальзывает неточное слово. Но зато энергетика выше всяких похвал!

У ЗЕРКАЛА

Просветлеют глаза по осени,
Отражая печаль небесную.
В них трава, что тобою скошена,
Обернулась стернею честною.
Не смотри на меня, опасна я,

В зеркалах притаюсь невесело.
Знаешь, я вечерами праздными
Все о чем-то бесовском грезил...

* * *

Я знаю, тем тебя не погублю,
Что сказано в усталости, в печали;
Пусть люди больше б горя не встречали
В словах: «Тебя я не люблю»
.....

Я шанс тебе даю! Пока я сплю,
Не склеивай расколотую чашку
И не терзай увядшую ромашку.
Что толку в том? Тебя я не люблю.

* * *

Летели качели домой
из сырых атлантис,
А кошка в окошке надела
весенний бантик.
Лентяи линяли, меняли во сне окрасы,
а в битве за жизнь истощались боеприпасы,

заливы солили морские живые грузы.
Чесали часы циферблаты чеширским усом.
Орехи в прорехи из беличьих гнезд катились.
А как нам весну пережить, ну, скажи на милость?

3. **Олег Бородач.** Поэт — один из основателей Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» — обладает врожденным чувством ритма и высокого уровня лексикой, обнажающей общую высокую культуру стиха. Много лет отдал воспитанию творческой литературной молодежи. Нельзя отрицать и того, что Олег Бородач является большим мастером перевода.

* * *

В жизни видимой, но незрячей,
Забавляюсь гаданьем на
Совместимости слов — иначе
не узнаешь, чем ночь темна.
И вышептывая причуды,
как имена, над ночником,
Я провижу, с кем скоро буду,
а не скоро — воскресну в ком.

* * *

Когда на плечи рухнул небосвод
и придавил меня к земным печалям,
Казалось, ярость глотку разорвет...
Но лишь Слова я выдавил вначале

.....
Иные смыслы обретают нас,
когда мы, враз одумавшись и каясь,
к приюту слов не обращаем глаз,
а ищем долу откровений завязь.
«Что это было?» — тихо я спросил,
и небосвод, обрушившись, ответил
в неполный голос мне: Упадок сил...
Как много слов. Как мало в них отметин.

* * *

Текстом с места, без врезок,
Без подстилки солом,
Взор туманно нерезок
За отмерзшим стеклом.
.....

Текст проявится смутно,
Но возьмем в оборот
И подстилки и — судно, и глаза отопрет...
Для того и прозрею
У оконного льда.
Слово кутает шею,
а тебя никогда.

* * *

Иосиф Бродский.
(Перевод)

Так долго вместе прожили, что вновь
второе января пришлось на вторник,
что удивленно поднятая бровь,
как со стекла автомобиля — дворник,
с лица сгоняла смутную печаль,
незамутненной оставляя даль.

Іосіф Бродскі.
(Пераклад)

Яны сумесна так даўно,
што зноў другога студзення аўторак,
і здзіўлена паднятае брыво,
нібы ў табе ўбачыў сябра вораг,
зганяла з твару смуту, і яна
празрыстай пакідала далеч дня.

4. **Александр Гугнин.** Доктор филологических наук, поэт-переводчик (в основном — с немецкого), литературовед. Поэзия основана на русской классической поэтической традиции. Строгая выверенность стиля, четкость мысли, классическая лексика.

* * *

Думающему о вечности,
Открой окно, вдохни прохладный воздух,
Оставь тоску не думай о себе,
Накинь пальто — иди, пока не поздно
На улицу — там снег, осенний первый снег.
Иди, топчи тропу, пока он не растаял;

Ты будешь ближе к вечности, поверь,
Она ведь тоже женщина, живая,
И нужен ей не евнух — человек.

НА ПОЛОТЕ

Брату

В этой речке неглубокой
Окунуться, что ли, нам?
И уплыть мечтой далекой
По игрушечным волнам.
Или, может, в этих ивах
Лечь, как много лет назад.
И смотреть как в высях синих
Тучки белые скользят.
Иль взойти на холм покатый
И увидеть лес вдали,
И вздохнуть, что безвозвратно
Годы лучшие ушли.

5. **Олег Зайцев.** Один из создателей «Полоцкой ветви», обладатель множества литературных наград, медалей и премий (в том числе международной премии им. С. Полоцкого). Эволюция стиля этого поэта может служить наглядным пособием для начинающих пиитов: он прошел большой путь от фиксации обыденного до высокого характера обобщений. Эта контрастность, сочетание высокого и простонародного, как и эпатирующий антиэстетизм составляет характерную черту поэтического стиля О. Зайцева. Как и публицистическое начало, подкрепленное мощным энергетическим импульсом, которое, хотя и приводит, порой, к длиннотам в поэтическом тексте, но, с другой стороны, усиливает мысль, порождает качественное поэтическое обобщение.

* * *

Любая идея слабее плача младенца —
От этого мне, куда б не стремился, не деться,
И если спросить: мое безотказно ли ЭГО,
Услышать ответом рискую не только эхо.
Все это не раз проходили,
И память на то, чтоб в чащобы лезть, интриги.
Опять не плести. Поводырь за финал — в ответе.
И если не я отомщу, непременно — дети.

* * *

Жизнь не в большом таится,
Кроется в мелочах.
Руки раскинь, как птица,
Дрожь улови в плечах.
Дай разогнуться чувству,
Мыслям набрать разгон.
Чтобы припасть к искусству.
Совесть поставь на кон.

* * *

Полна Беларусь красотой синеглазой,
Полна черноглазой, зеленой красой,
Я как за магнитом, за чудом, заразой,
Плетусь за какой-нибудь русой косой.
.....

Ищу я в бездонных зрачках поднебесья
И в омурах черных, зеленых ищу
Шаманство болот первозданных Полесья
Чащоб ворожбу, где жилось кривичу.
В обилие глаз бы мне не заблудиться,
В созвездии взглядов бы вдруг не сгореть...
Я снова, как зоркая, дерзкая птица,
Взлетаю и падаю в глаз круговерть.

* * *

Вгрызаюсь в скорлупу вчерашних дел,
Цепляясь за кору людского быта,
От этой спешки явно обалдел
И рад, что колесо мое разбито.
Даль бесконечна, я упасть готов,
Порвав свой бег на лоскуты, на точки,
Чтоб стать однажды, с высоты годов,
Отцом одной, но гениальной строчки.

6. **Александр Ключников.** Поэт, который ценит креативное начало выше всего. Тяготеющий к сатире и юмору, он, в то же время, способен представить образчики подлинной, пронзительной лирики.

* * *

В руке — мечта, на сердце — плесень
Отгнивших чувств, и тихо плещет
По венам пульс пустой, зловещий,
как ритм потусторонних песен,
.....

как колокол погоста. Слышишь
упругий звук крови ненужной?
Наружу просится, наружу
Все тише просится, все тише.

ЯБЛОЧКО

Вздروгнули, понеслась!
Гикнули и — аллюром...
Наискось — брызги, грязь,
а вокруг — ельник бурый.
А над миром — судьба
фиксой злит золотою,
лупит в свой барабан

тощей синей рукою.
.....

И под «Яблочка» ритм,
под аккорды сивухи
пляшем мы у корыт,
как над мусором мухи.
Мы на свалке чудес,
да и здесь мы чужие.
Мы — певцы странных мест,
Мы танцоры России.

* * *

Как трудно ощутить себя героем.
Как просто ощутить себя никем.
Как сложно мне порою жить с тобою.
Гораздо проще — завести гарем.

* * *

Мадам, хотите, не хотите ли,
но я бы честно Вам сказал,
что Ваша внешность — на любителя.
А я же — профессионал!

* * *

С тобой мы ошибались оба,
Пытаясь вылепить судьбу:
Мне виделась любовь до гроба,
ты видела ее в гробу!

АЛХИМИК

Не бурлит котел, не горит очаг,
метастазы искр в дымоход пуская.
Пересох бадьян, оплыла свеча,
полумудрых сов улетела стая.
.....

Так из года в год, так за веком век
голубем, гонцом, почтой, Интернетом,
по огням сердец, по теченьям рек
шлем свои слова, сказки и сонеты.
.....

Ждем: когда ж ответ эхом долетит,
светом звезд, пока мы хандрим над ними.
Не змеиный яд по сердцу струит —
чем-то посильней опоен Алхимик.

7. **Наталья Литвинова.** Поэтесса с удивительным чувством мелодики стиха. И в подборе лексики: кажется, что выточенные слова из ее стихотворений кружатся в

вальсе. А еще она является мастером такого своеобразного, тонкого жанра, которым является акростих. Поэтессе подвластно виденье не только красоты северной, близкой ей, природы, но и восхищение природой южной, казалось бы, отдаленной от нее.

* * *

В белом кружеве вьюжной метели,
В колыханье узорчатых штор
Этих родинок темных на теле
Несмолкающий разговор.

КРЫМСКИЕ СЮЖЕТЫ

Июлье! Словно соусом «Сотэ»
Залито солнцем Ялтинское лето!
Медузы, море, смесь поп-арт и света
Коктейль кокетства и «Алиготэ».
Истома. Нега. Золотистый пляж.
Блаженная ласкающая праздность.
Фривольных фраз и жестов куртуазность.
Легчайших чувств волнующий мираж.

.....
Зажата бархатистая пыльца.
Морской волны цветные переливы
Твои глаза — как две лиловых сливы.
На лаковой майолике лица.

Магнолии и флирта аромат.
По краю тонкой рюмки — сахар-иней
И гроздьями сиреневых глициний
Чарует вечера чернеющий агат.

И все же главное, что покоряет в поэтической манере Натальи Литвиновой — это тонкий переход от живописи природы к человеку и стремление передать трепетность чувств, который объединяет два этих прекрасных мира.

* * *

Листва золотыми рыбками
Ныряет в прозрачность луж...
И губы — полуулыбками,
И ломано-неуклюж
Твой трепетный жест, снимающий
Пушинку с моих волос.
И пристальный взгляд мерцающий
Из сумрака линз. Белес
Осенний туман над улочкой.
Закат — в золотом пуху.

И пахнет румяной булочкой
Из форточки наверху.

И, наконец, об упомянутых выше акrostихах. Здесь, казалось бы, стихотворная стихия должна подчиняться строгой регламентации, и искусственность положений, связанных с обязательностью откликаться на ту или иную букву, задействованные в стихе, выходит на первый план, естественным образом стреножа поэта. Ан, нет! Уникальность поэтического почерка Н. Литвиновой заключается в том, что ее вовсе не сковывает нормативизм акrostиха и ее лирическая доминанта так же ярко выглядит, как и в «свободном» стихосложении.

В качестве примера акrostих из сборника «Вернисаж», посвященному художнику Федору Маркевичу.

* * *

Малиновым звоном сквозь дымку ласкает
Атласно-скользящая млечность рассвета.
Размытая розовость в пепел стекает
Капелью прозрачною. Два силуэта
Едва различимы в простуженном парке.
Весенние проблески нежного марта
Иллюзией льстят. И в туманности арки
Чуть тлеет заря, словно в небе Монмартра.
Финифтью прописаны лужиц оконца,
Едва прорисованы черною тушью
Деревья. Сквозь мглу прорезается солнце
Осколком витражным. И кажется чужью
Размолвка влюбленных...

8. **Василий Мельников.** Творчество этого поэта таит в себе известную загадку. Он окончил экономический ВУЗ, большую часть своей жизни занимался строительным делом. И если энергетику его стихотворства еще как-то можно объяснить, ссылаясь на генетические основания, то как объяснить особую метафорику, которая появляется в его стихах, и где прямо ощущается изощренная литературная традиция, берущая свое начало в «серебряном веке» русской словесности?

И при этом всегда возникает ощущение контраста: лексика, вроде, самая простая, и вдруг возникает слово, которое изменяет всю тональность восприятия.

* * *

Мне не хватает чернил испещрить лист вчерашнего дня,
Укрывавшего праздность мою от несчетных пороков,
На которые в кассах билетных осталась броня
По заявке зашедших к весне колдунов и пророков.
За спиною — года. Впереди — ускользящий миг.
Разносолы мечты из буфета голодного детства,
Потемневшие полки еще не прочитанных книг
И из круга часов радиального времени бегство.
.....

В то же время у поэта присутствует цепкий, внимательный взгляд на природу, на взаимоотношения людей, на красоту, рассеянную на Земле.

* * *

Сужался времени зрачок,
Как исключение из правил
Осинник зелени пучок

В листву кипящую добавил.
И обжигались облака,
Глотая варево рассвета.
В котором плавала строка
Стихами пахнущего лета

* * *

Там, где Субботу пеленали в лен
И тьма пропахла Гефсиманским садом,
Он пел псалмы, обугленные взглядом
Из преисподней вылезших времен,
И озарял языческую речь,
Пытаясь в Слово истину облечь.

* * *

Когда надменно, с высоты
Бросая взгляд на очертанья
Людской безликой суеты,
Ты видишь остов мироздания,
Не торопись давать совет
Тому, кто льет на Землю свет
И побуждает в суете
Не забывать о красоте.

.....

Поэт издал четыре поэтических сборника. И те «блестки», о которых говорилось выше, все чаще возникают в пространстве стиха Василия Мельникова. А может загадка его «изюминок» коренится в непрерывной работе по совершенствованию стиха, в его непрерывном чтении классиков русского «золотого» и «серебряного» веков (по его собственному признанию) — каждый раз под новым углом зрения. И новые, как уже говорилось, непрекращающиеся поиски приводят поэта к новым свершениям. Об этом, в частности, свидетельствует и его победа (1-е место) в номинации «Художественный перевод» — по версии жюри и зрителей на 3-м Международном литературном форуме «Славянская лира — 2016». Таким образом был оценен его перевод с французского стихотворения Сюлли-Прюдома «Радости без причин».

Причины бедствий на виду у всех,
Но тайн полны истоки благодати.
Не греет душу соболиный мех
Ее чаруют поиски объятий.
Не спится небу на моих руках.
Вселенная — подобие расстриги —
Сверкнула счастьем в дальних облаках.
И снова тьмы тяжелые вериги.
Откуда этой радости лучи?
Из рая, что открыт наполовину,
Где звезды безымянные в ночи
Высвечивают сердца сердцевину?

И именно это непрерывное стремление к совершенству открывает Василию Мельникову дверь в храм Высокой Поэзии.

9. **Александр Раткевич.** Поэт — один из создателей (вместе с О.Н. Зайцевым) и председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» (с ноября 1994 по ноябрь 2009 г.).

Окончил филологический факультет БГУ, являлся организатором многочисленных поэтических вечеров, составителем и редактором антологий современной русской поэзии поэтов Полотчины и Беларуси. Награжден множеством дипломов и медалей. Автор десяти книг, стихотворений, начиная с «Високосного февраля» (1991 г.) и заканчивая «Песнью кометы» (2018 г.). Является основателем концепции «катарсизма», которая претендует на создание нового направления в литературе, несмотря на нечеткое понимание самого термина — «катарсис»; у создателя литературного направления можно отметить стремление к получению нового поэтического качества посредством «движения к жизнеутверждающим путем трагедизации характера, эмпатизации души и обновления поэтического языка произведениям».

В собственно поэтическом творчестве А. Раткевич придерживается классической традиции, особую роль отдавая рифмосложению, преобразованию реальности посредством поэтического воображения.

* * *

Как писали в начале века,
так же пишем мы и в конце,
так же рыщем по дну сусека,
чтобы рифмы сыскать в грязце.

Как и прежде, струны анафор
Мы пытаемся оживить
и ласкающий бриз метафор
необычностью окрылить.

.....
Неужели и мы вторичны
в океане добра и зла?
Век закончится феерично,
мы, как спички, сгорим дотла.

ТРОИЦА

Снег чувствителен и женственен,
в пелене ночных огней
необузданно — божественен
триединый бег коней.
Сила, что ли, в них клокочет?
Блещет избранная статья?
Или это время хочет
Тайну бега обуздать?
Или в храме их сгорает
По бессмертию тоска?
Иль за звездность звон карает
бубенцами у виска?

.....
И сияет подвенечно
сквозь вселенское кольцо

триединое навечно
Нашей Родины лицо.

ПАРАДОКС

Одни говорят: первична
Материя, лишь потом
Она создала логично
Идею, как хромосом.
Другие — идеалисты,
отвергнув силки острот,
они утверждают истово:
все было наоборот,
но это из слов мочало;
и я говорю с огнем:
поэзия — вот начало,
а суетное потом.

* * *

На пороге нового века
Я присяду, чтоб осознать:
жизнь, что прожита — ипотека,
что не прожита — благодать.
Было то, чему и название
подобрать нелегко сейчас:
то ли радость, то ли страданье,
в то же время — и плач, и пляс.
Но снимая обувь при входе,
я не жалуясь, что в природе
все равны, и век невелик.
Почему же при первой встрече,
как в предчувствии черной сечи,
мне его ненавистен лик?

МАСТЕРСКАЯ СЕРДЦА (циклопоэма)

Я искал материал для любви.
Из чего ее сделать можно:
из травы, из пыли дорожной,
из песка, из злобы острожной,
что замешана на крови?

.....

Или, может, взять круговерть
Ветра, тучи, дождя и грома,
Замесить их, как тесто, дома
и подбросить до окоема,
где едины любовь и смерть?

10. **Олег Сешко.** Военный моряк, капитан 2 ранга запаса, председатель Витебского отделения Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», художественный руководитель литературного клуба «Литкофейник».

Лауреат литературных премий, победитель и лауреат ряда Международных конкурсов, форумов и фестивалей. Автор сборника стихов «Чистая сила любви. Сказки». В поэтической манере О. Сешко ярчайшей всего чувствуется народная «фольклорная» основа. Это дает сильную энергетику и в тоже время лишает стих изыска.

* * *

Все, что живое, только для меня,
В моей душе рождает океаны,
Себя я узнавать не перестану,
Цвет мысли примеряя к фону дня.
Мне нравится искать себя в чужом,
А находя, ловить зерно восторга,
Печь новый хлеб и грызть сухую корку,
Я есть во всем, чем нынче окружен...

* * *

В сонных каштанах бессонные аисты
Дни отмеряют по сердцебиению,
Будни из памяти вычистив начисто,
Если не начисто — более-менее!
Молами скалятся лица портовые.
Пенятся волны, шумят, ерепенятся.
Ждут на причалах печали пудовые,
Скоро придут их новые пленницы.

ТРОЕ

В начале света под старой вежей
Сидели трое, друг другу внемля.
Делили на три слова и земли,
Глотали воду и воздух свежий.
Поодаль копыта точил Георгий,
Поил дракона вином плодовым..
Тащили бабы мужей в подолах —
Сгодятся после для месс и оргий.

.....

БЕСХОРДНОСТЬ

Шатер Якуба пришел в негодность,
Порвались крылья соседской дочки,
Альберт Михеев косил от срочки,
Являя миру свою бесхордность.
Коптило солнце кастрюлю с супом,
Любовь кормилась из рук разлуки...
Отняли крылья, пришили руки,
Пустив на нитки шатер с Якубом.

.....

РОЖДЕНИЕ

Капли из кружки винной
Стали «небесной манной».
Вышел мужик из ванной,
Шею из петли вынул.
Сел на крыльце нахмурен,
Вытянул в вечность ногу,
Бросил окурок Богу:
«Позже вернусь — покурим».

.....
Сердце кричало: «Счас я,
Счас заведусь, ребятки!»
Дождь, на несчастье падкий,
Рядом с душою шлялся.
Пенилось утро пивом,
В птичьим теряясь хоре...
Вышел мужик из горя,
Умер мужик счастливым.

11. **Вадим Яр.** Известный философ, культуролог, художественный критик. Окончил филологический факультет БГУ, аспирантуру философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Лауреат премии Белорусского Союза литературно-художественных критиков (1999 г.), международной премии им. Симеона Полоцкого (2017), обладатель литературных медалей им. Ф. Искандера (2012), Е. Замятина (2018). Литературным творчеством занимается с конца 50-х годов. В поэзии любимый жанр — хокку, выпущены 2 сборника стихов хокку — «Ты вечна, красота» (Мн., 2001), «Силуэты Минска» (Мн., 2017). Победитель поэтического состязания «Поэтри-слэм» в рамках седьмого фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции» в Праге (2018 г.).

В лучших своих хокку автор, конечно, достигает «плотности» стиха за счет концентрации мысли, неожиданно заканчивающейся чувственным «выбросом», но это не снимает «шероховатостей» в области формы, где не всегда выдерживается классический вариант принципа строения хокку «5—7—5».

* * *

Солнце осветило небо...
Успокоило море,
Наполнило смыслом мир.

* * *

Солнце, деревья и море —
Как стены дома...
Неизбывная тяга места...

* * *

Тяга полной луны
Манит с собой...
Лунная дорожка вдоль сердца...

* * *

Ты ушла.
А комар прилетел...
Его писк возвращает лето...

* * *

Оранжевый шар солнца
Катится в море...
Как необъятен мир!

Из цикла «Приазовский ветер»

* * *

Полумесяц в небе...
Мечеть в степи...
О, крымская земля...

* * *

Жгучий удар
От рьяного солнца...
Выжженность мысли...

* * *

Северный ветер рождает
Пенные волны...
Но юг парит надо всем.

* * *

Крик чаек над морем...
Он бесконечен...
Как и круги жизни.

* * *

Азовский прибой...
Возник внезапно,
Как перелом судьбы.

* * *

И долетел аж сюда,
На берег азовский,
Скрип родимой сосны...

* * *

Ветер с Северо-Запада
Вздувает барашки волн...
Стынет пыл сердца...

Озерный цикл

* * *

Как же тянется глаз,
Вкупе с бурливой душой
К этой озерной сини...

* * *

Крик чаек над озером...
Дождь моросит...
И давит печаль...

* * *

Забавно видеть,
Как под рокот дождя
Угасает лето.

* * *

О, это трозвездие башен
Над озерной страной!
Переплетенье веков!

* * *

Край на перепутье
Трех стран... И озера...
Глубинная, донная жизнь!

* * *

После дождя...
Одинокая лодка вдали...
Горечь в душе...

Итальянские этюды

* * *

Сколько веков, лиц
Ты повстречал, Колизей...
Мощной истории знак...

* * *

И волчица твоя,
как животворная нить,
Рим, вечный град...

* * *

У собора Сан-Пьетро.

Разноязыкий говор.
Тень Христа на весь мир...

* * *

Ночью — вальяжный,
Утром — суетный,
Вечный, вечный Рим.

* * *

Солнце и Италия
Близнецовая связь —
Вечные скрепы...

Силуэты Минска.

* * *

В середине Европы,
На разломе геосфер —
Стоит город мой...

* * *

В брезжащем сне
Вдруг ясно увидел
Твои силуэты, Минск.

* * *

Вот я опять здесь,
В оковах этого града,
Как в излучье судьбы!

* * *

Несется с ратуши звон...
Как символ свободы
Пронзает века...

* * *

Красный костел.
Как напомнил
О начале страшного века!

* * *

Мальчик и Лебедь —
Этот фонтан источает
Слезы: радость и скорбь.

* * *

Шляхетный сверху —
Мужицкий снизу...
Вот он, город сердца моего.

* * *

Минск из космоса
Так хрупок и нежен...
Одуванчик в ночи...

* * *

Город мой:
Как ни кручусь —
Все дороги к тебе!..

Разумеется, представленные поэты составляют лишь малую часть поэтического пространства «Полоцкой ветви».

А среди множества тех, кто достоин упоминания (а в некоторых случаях и большего, куда большего — и подробного анализа и, порой, слов восхищения), различаются поэты как бы трех «волн», соответствующих разным периодам существования литературного союза.

Первую «волну» составляют старейшины «Полоцкой ветви», чьи строки увидели свет еще до воцарения XXI века. И здесь мы находим блестящего поэта, автора 7 книг поэзии Евгения Матвеева, слишком рано покинувшего нас. Высокой оценки достойно и поэтическое творчество известного белорусского ученого Геннадия Римского, особенно следует отметить его деятельность в качестве переводчика.

Добрых слов заслуживают и поэты Вадим Борисов за особую ритмику стиха и один из первых организаторов союза Сергей Мороз (романтический лирик). К этой когорте может быть отнесен и автор нескольких поэтических книг Александр Супей — в его четверостишиях порой таится глубинное философское начало.

Ко второй «волне» и с начала 2000-х в качестве передовиков могут быть причислены Владимир Демидов (мягкой силой скрепляющего мозаику слов), Ирина Денисова (удивляющая пронзительной искренностью), Виталий Москалев (с присущей ему философичностью стиха).

И, наконец, третья «волна» — поэты 10-х годов начавшегося столетия, нынешние активаторы «Полоцкой ветви». Наиболее активны из них Дмитрий Юртаев (юмор, тонкая стилизация и блестящий художественный перевод), Ирина Мацкевич (сочетание математически выверенной мысли и взрыва чувства, глубокое ощущение белорусской стихии), Тамара Ковалева (энергетическое продолжение восточнославянской стихотворной традиции), Елена Цейко (с ее пронзительной интонацией поисков Света).

И много-много других. Некоторые только приобщаются к словесному искусству, иные уже овладели основами стихотворного мастерства. «Полоцкая ветвь» — демократический литературный союз.

Он строится на внимании к каждому члену, направлен на совершенствование литературной «амуниции» любой «единичной» поэтической индивидуальности.

Открытость союза сказывается и в том, что его двери были всегда открыты и для «людей со стороны», живущих и творящих не на территории Республики Беларусь.

Так, антология «Полоцкой ветви» в 2009 году заострила внимание на своем московском «ответвлении», куда входили поэтесса Галина Красуцкая, прозаик Раиса Осадчая, поэт и прозаик Алексей Слесарев.

Следует еще раз подчеркнуть, что Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь», как никакая другая творческая организация Беларуси, имеет и поддерживает крепкие связи с целым рядом украинских и российских литературных союзов. Более того, многие писатели (и не только родных восточнославянских стран) выражают желание вступить в Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». И самим фактом своего творчества, как правило, повышают «планку» литературного мастерства союза, служат наглядным примером для молодых служителей поэзии.

Из «зарубежных» членов белорусского литературного союза мы выбрали 3 яркие персоналии.

1. **Бандорин Алексей** — поэт, публицист, редактор, член СП России, председатель правления Рязанского союза литераторов. Победитель, лауреат и дипломант 50 региональных, российских и международных литературных конкурсов, фестивалей и премий. Кавалер орденов Г. Р. Державина, М. Ю. Лермонтова, В. В. Маяковского, С. А. Есенина, «Золотой есенинской медали», медалей А. С. Грибоедова, А. П. Чехова, С. Я. Маршака. Председатель жюри Международного литературного фестиваля «Под небом рязанским», член жюри ряда Международных поэтических фестивалей, литературных конкурсов, мощный современный российский поэт.

* * *

Зачитал я судьбу до дыр,
Зачитал до зевоты, до слез,
Столько раз на мороз выходил
Под оснеженный шелест берез.
Все в ней лихо, как Божий день,
Все в ней жутко, как Божий суд,
Все желанно, как детская лень,
Все постыло, как рабский труд.
Все дороги ведут в Рим,
Но приводят всегда на погост.
Все молитвы горчат, как дым,
Но всегда достигают звезд.

2. **Салтыкова Людмила** — поэт, переводчик, публицист, литературный редактор. Член ряда Союзов писателей России. Президент Международного литературного конкурса-фестиваля «Под небом рязанским», председатель Международного конкурса — фестиваля творчества детей и молодежи «Во имя мира на земле». Кавалер литературных орденов Г. Р. Державина, М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина, В. В. Маяковского, 10 медалей выдающихся писателей и деятелей культуры. Победитель более 30 международных конкурсов и фестивалей культуры. Интересный поэт, первоклассный переводчик, яркая фигура в детской литературе.

* * *

Наважденьем тех же истин
Жизнь моя стекает в бездну,
Сгустком слез, стихов и писем,
Не желая вдруг исчезнуть.
Те же солнца, ночи, весны...
Дождь ли, снег — под тем же небом.
Серп — вопрос над утром росным:
«Это был, а может небыль?»

ОСЕНЬ В ЛЕСУ

(Перевод с болгарского)

Ветер листочки на крыльях несет,
Дрозд — Босоножка уже не поет —
С певчими птицами мчится на юг.
Осень здесь стала хозяйкою вдруг.
Кустик притих, одинок стал и глух.
Зайка под солнышком чинит кожух.
Мишка храпит под разваленным пнем,
Спать ему сладко там ночью и днем.
Ветер пусть дует, и дождик пусть льет,
Серый туман пусть по лесу ползет!
Заинька в теплую шубу одет,
Мишку пушистый укутает плед.

3. **Крыжановская Людмила.** Неоднократный победитель в поэтических номинациях различных Международных конкурсов в Беларуси, Украине, России, Германии, Израиле, Чехии. Славится своим переводческим мастерством. Обладает исключительной энергетикой, органичным ощущением мелодики слова.

ЗЛАТОЦВІТ

Гарячо-жовті пелюстки
Так ніжили твої долоні;
Ту пам'ять зберегли роки
Про ясну квітку на осонні...
Про незбагненну височинь,
Куди від щастя ми літали...
Як часу зупинявся плин
І всесвіту було нам мало...
.....
Коли яріє златоцвіт,
Повітря ніжним шалом грає...
Твоїм коханням стільки літ
Живу осяйна, як у раї.

РОДНАЯ РЕЧЬ

(Максим Танк, пер. с белорусского)

Из древних сказаний, преданий священных,
Из тяжких колосьев пшеничных полей,
Из солнечной ласки и звезд во Вселенной,
Из огненной мощи бурлящих ключей,
Из птичьего щебета, гула дубровы,
Услады и горечи — изо всего,
Что вечною славой скрепляет основу
Святыни народа, бессмертья его, —
Ты, речь белорусская, соткана словом.
.....

Ты — пламень негаснувший в сердце народа,
Сквозь время и тьму, словно огненный меч,
В суровых сраженьях дорогу к свободе
Прорубишь, могучая, дивная речь.
Развеется дым. Солнце нивы освятит,
Над ними споешь ты весенним дождем,
И жизнью ты вновь зазвенишь в каждой хате,
В цимбалы вдохнешь их серебряный гром
И вспыхнешь цветущей улыбкой дитяти.

Подводя итоги, можно сказать, что поэты «Полоцкой ветви» — самое многочисленное отделение ныне государственно-признанного Белорусского литературного союза — всегда составляли его основу, его устойчивое, стабильное ядро, начиная с конца 80-х годов XX века, когда провинциальное литературное объединение в районном белорусском городе начало постепенно превращаться в Республиканский литературный Союз. Полнокровный литературный организм, члены которого путем долгого совершенствования превратились в настоящих писателей. Лучшие из них стали известны далеко за пределами Беларуси, они участвуют в международных литературных форумах и фестивалях, семинарах и конференциях, неоднократно оказывались в качестве победителей и призеров разнообразных конкурсов и смотров, награждались медалями и литературными премиями. И — как и весь союз, уникальный в этом отношении, — вступают в активное сотрудничество с литераторами разных стран, хотя восточнославянское «направление» — Россия и Украина — и поныне является приоритетным.

И поэты «Полоцкой ветви» в этом магистральном, широчайшем, всеохватном движении — «вперед и вверх» — всегда играли и поныне играют ведущую роль.

Они — в подавляющем большинстве своем — несут с собой как бы особую миссию: на белорусской земле «колдуют» над русским словом. И тем самым осуществляют, наполняют каждодневным светом связующую нить, которая скрепляет братские узы двух восточнославянских народов, порожденных из одного древнего корня, переживших множество исторических испытаний, включающих последнюю Великую войну. И стремящихся в новом тысячелетии вместе противостоять многочисленным современным вызовам.

И поэты на этом сложном, многотрудном пути, следуя заветам легендарного Бояна, пытаются, в меру своих сил, противостоять всесилию «мира потребления», нацеливать человека на «горнее», на высоту чувств, пробуждать в нем неистощимую жажду творчества (как и завещал столетие назад великий поэтический чудотворец русского слова):

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся воплотить!

И дай Бог, чтобы в этом благородном деле им сопутствовали Успех, Удача и Радость!

Юрий Клеванец
(г. Осиповичи, Белоруссия)

**НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ
РУССКОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ БЕЛОРУССИИ
ПОСЛЕДНИХ ТРИДЦАТИ ЛЕТ**

Клеванец Юрий Васильевич родился в 1964 году в г. Красноярск-26 (Железнодорожск), среднюю школу окончил в г. Осиповичи, окончил МАИ в 1987 году. Литературной деятельностью занимается с 1994 года. С 2004 состоит в «Полоцкой ветви», в настоящий момент — заместитель председателя литературного союза.

Настоящий обзор, конечно, можно было бы начать с так называемых «западнорусистов», неформального общественного объединения конца XIX — начала XX века, но, думаю, тогда доклад превратился бы по размерам в роман. Скажу только, что во все времена на территории современной Республики Беларусь были группы людей, ориентированных на Россию. А если смотреть на эту картину с точки зрения литературы, то можно сказать, что и в Советской Белоруссии, и в Республике Беларусь находилось и находится немало русскоязычных писателей и поэтов, но, скажем так, при общей тенденции к все большей русификации, опубликоваться или вступить в Союз писателей им было, мягко говоря, непросто.

Не претендуя на всеохватность, предлагаю слушателям некоторые примеры того, как решались подобные проблемы в течение последних десятилетий.

1

Первым способом для реализации писательских амбиций русских/русскоязычных авторов Беларуси будем считать отъезд в Москву. Так, например, поступил известный белорусский прозаик, литературовед и критик Алесь Адамович.

Алесь (Александр Михайлович) родился в деревне Конюхи Копыльского района в 1927 году, но все детство и юность провел в поселке Глуша Бобруйского района.

Я бывал в 90-х годах в Глуше неоднократно. По сути, это большая деревня на старой дороге Москва—Варшава. Над дорогой и над деревней нависают корпуса и трубы полуживого стеклозавода, бывшего когда-то ударной стройкой первых пятилеток. Здесь Адамович учился в школе, здесь встретил войну, участвовал в антифашистском подполье, отсюда ушел в партизаны, долгим кружным путем вернулся, потом поступил в БГУ.

Однако надо сказать, что, в отличие от белорусскоязычной в первой половине XX века деревни, города и местечки тогдашней Беларуси были в значительной мере русско- или польскоязычными. Поначалу и Адамович, как не деревенский житель, по-русски, наверное, писал побольше, чем по-белорусски. В целом он, как писатель, оставил впечатляющее наследство: романы «Война под крышами», «Сыновья уходят в бой», «Каратели», несколько повестей, рассказы, сценарии фильмов, написанные в соавторстве книги «Я из огненной деревни», «Блокадная книга».

Как писатель Адамович прежде всего лирик и романтик, и не будь в его судьбе войны, он писал бы, наверное, о бригадинках, которые отходят от причалов. Болезненный опыт войны перевернул сознание юноши, привел Адамовича-писателя в ряды авторов, пишущих так называемую «окопную прозу», а Адамовича-человека сделал непримиримым и даже воинствующим пацифистом.

Парадоксальное словосочетание «воинствующий пацифист», наверное, лучше всего подходит для характеристики зрелого Адамовича как человека. Стремление яростно проповедовать милосердие привело нашего героя сначала в ряды тех, кого с началом перестройки стали называть демократами, а в последующем — либералами.

Умер доктор филологии, лауреат Государственной премии БССР, кавалер орденов Адамович в 1994 году, после инфаркта, последовавшего за эмоциональным выступлением в Верховном суде РФ. Причем в минском посмертном издании избранной прозы Адамовича (2012 год) говорится, что он выступал с речью в поддержку Международного литфонда, а белорусский автор Валерий Гришковец, о котором здесь мы еще поговорим, утверждает, что Александр Михайлович просто отстаивал интересы некоей определенной группы литераторов против остальных. Кому верить — как всегда в последнее время, решать самим читателям.

Поэт Игорь Шкляревский моложе Адамовича на 11 лет, но творческая судьба его чем-то похожа на судьбу названного выше прозаика. Родился Шкляревский в Славгороде, в семье учителей, то есть провинциальных интеллигентов, подобных родителям Адамовича. Еще в молодости начал писать и печататься в Минске на русском языке. Затем переехал в Москву, но не затерялся и в столице.

Автор, по-видимому, наиболее адекватного перевода «Слова о полку Игореве» на современный русский язык (более поздних переводов — Е. Евтушенко и Ю. Разумовского я не читал). Безусловный лирик. Лирика природы у Шкляревского некоторыми местами сопоставима с образцами Тютчева, Фета, Бунина. Однако у Шкляревского были и моменты воспевания породы, аристократии, короче, того, чем так увлекалось наше общество в начале 90-х годов прошлого века.

Но еще раньше, в октябре 1984 года, Игорь Шкляревский выступил с вполне гражданской поэмой «Слово о мире» в журнале «Юность», после публикации которой редакция получила сотни восторженных откликов от читателей. То есть представлять поэта исключительно воспевателем природы, оторванным от социальной жизни, как это делается в некоторых комментариях литературоведов, я бы не стал.

Лауреат Государственной премии СССР, кавалер орденов Игорь Шкляревский — наш современник, недавно отметивший свое 80-летие.

Владимир Некляев и Светлана Алексиевич почти ровесники. Некляев родился в 1946 году, а Алексиевич — в 1948. Обоих тоже можно отнести к категории «отъехавших», правда, не в Россию, а на Запад. Некляев, скажем так, западник, он родился в городке Сморгонь, Алексиевич родилась на Западной Украине, но затем семья переехала в БССР.

Владимир Некляев изначально, похоже, не собирался становиться писателем. Только к тридцати годам он начал публиковаться на русском языке в республиканской молодежной газете «Знамя юности». Затем, написав поэму о строителях БАМа, стал лауреатом премии Ленинского комсомола, неоднократно печатался в Москве. Я, к примеру, нашел его стихи в журнале «Юность» за июнь 1983 года. В конце «перестройки» Некляев сам стал издателем, выпускал и редактировал русско- и белорусскоязычный журнал «Родник/Крыница», а несколько позже вошел в руководство белорусского Союза писателей.

Надо сказать, что тогдашний Союз писателей был очень политизированной организацией, весьма критично настроенной по отношению к власти. Поэтому Некляеву, выражавшему настроения и интересы своих коллег по Союзу, вскорости пришлось

эмигрировать (при этом А. Новиков, к примеру, пишет, что Некляев эмигрировал, чтобы спастись от ревизии его финансовой деятельности, а не от политических преследований — см. А. Новиков, «Неизбежный поворот», Мн., 2012, стр. 44; впрочем, одно у нас другому не мешает). Поэт жил в Польше, Финляндии, Швеции. Написал там несколько повестей, рассказов, множество стихов, теперь уже исключительно на белорусском языке. В целом произведения этого периода мрачны и даже чернушны, что, возможно, соответствует требованиям нового социального заказа для поэта. Я бы специально обратил внимание читателей на рассказ «Хайбах», поскольку он не просто мрачен, а еще и страдает налетом провокационности.

Хочу выделить еще один момент. В журнале «Юность» №6/1983 среди нескольких опубликованных стихотворений Некляева одно называлось «Партизанский суд». В нем говорилось о ночном расстреле какого-то предателя времен оккупации Белоруссии немцами. Спустя тридцать лет автор переделал стихотворение, придав ему мистический смысл и придумал новое название — «Волколак». Здесь, как видно, тоже не обошлось без исполнения социального заказа (стихотворение можно прочесть в книге «Выбранные творы», Мн., 2010).

В 2010 году поэт Некляев вернулся в Республику Беларусь для того, чтобы быть выдвинутым кандидатом в президенты. В этом же году в Москве издана его книга «Окно» на русском языке.

На выборах поэт получил то ли 1,7, то ли 1,8 процента голосов, после чего постепенно отдалился от политической деятельности, снова вернувшись в литературу.

Путь Светланы Алексиевич к писательству более прямой. Она окончила журфак БГУ, работала в разных изданиях тогдашней БССР. Стать писателем Светлане помог Алесь Адамович. В 1983 году у Алексиевич вышла первая книга «У войны не женское лицо». В этом же году по рекомендации Адамовича она стала членом СП Белоруссии. Немного позже писательнице была вручена премия Ленинского комсомола за первую книгу.

В дальнейшем у Алексиевич вышли еще пять книг, написанных в том же ключе. Это сборники интервью. Сама писательница после «перестройки» много лет прожила за границей. В Европе ее книги выходили большими тиражами, намного большими, чем на родине. Теперь, то есть после получения Нобелевской премии, Светлана Алексиевич вернулась в Минск.

Тексты интервью в перестроечных и постперестроечных книгах Алексиевич обработаны и выстроены в определенном порядке. Сначала идут такие истории, с которыми любой постсоветский читатель согласится в целом или полностью. А ближе к концу появляются словесные «крючки», могущие вызвать неприятие большинства публики, если бы они были напечатаны сами по себе, без предыдущих доверительных рассказов. Но вместе все проходит. Алексиевич, пожалуй, сейчас самый известный современный писатель Белоруссии.

Следующая пара «отъезжавших» или «отъехавших» белорусских авторов родилась в Полесье, Алесь Кожедуб в Ганцевичах в 1952 году, Валерий Гришковец — в Пинске в 1953. Оба окончили Высшие литературные курсы в Москве, при этом у Кожедуба уже был диплом филолога БГУ. Оба много публиковались в российских и в белорусских изданиях, имеют литературные премии. Прозаик Кожедуб в целом успешно поднимался по карьерной лестнице, став, в конце концов, главным редактором издательства «Советский писатель». Гришковец чаще подвизался на разных работах, не связанных с литературой.

С творчеством Кожедуба я знаком по раннему рассказу «Ошибка» из журнала «Юность» № 6/1985 и по большому роману «Мерцание золота», написанному в мемуарном ключе и опубликованному в нескольких номерах минского журнала «Неман» за 2019 год.

Сравнив ранний рассказ с поздним романом, можно сказать, что художественная

отточенность не является коньком Кожедуба-прозаика, и за почти 35 лет, прошедшие между публикациями рассказа и романа в смысле стиля у этого писателя ничего не изменилось. На мой вкус оба произведения несколько рыхловаты. Но также надо отметить, что видимой особенностью творческого метода Кожедуба является использование иронии. В рассказе ирония приглушенная, в романе—разительная.

Однако и в одном, и в другом случае А. Кожедуб просто описывает то, что сам видел или слышал.

Прозаик и поэт Валерий Гришковец, с чьим творчеством я знаком по книге «Я из тех», изданной в Минске в 2012 году, в своих стихах и рассказах также говорит о том, что сам видел и слышал. От А. Кожедуба Гришковец отличается пристрастным отношением к тому, о чем пишет, в своих произведениях он негодует, печалится, радуется. Отдельные стихи Валерия Гришкова стилистически правильны и красивы, но в целом некоторая недоговоренность при обилии слов присуща и этому автору.

И А. Кожедуб, и В. Гришковец занимают видное место в Союзе писателей России, и в Союзе писателей Беларуси, в которых оба автора состоят. При этом Валерий Гришковец вернулся из России в родной Пинск, Алесь Кожедуб остался москвичом.

2

Чтобы рассмотреть вторую тенденцию, определяющую творчество русских и русскоязычных писателей в нашей стране, вернемся в конец 1980-х годов. Я здесь уже говорил, что тогдашний Союз писателей Беларуси, потом переименованный в Союз белорусских писателей, увлекся политикой, как впрочем, и другие творческие союзы, и не только в нашей республике. Не секрет, что основное направление политической мысли тогдашней творческой интеллигенции было националистическим и антирусским. В силу этого для русских и русскоязычных писателей и поэтов появились дополнительные трудности в публикации своих творений, для них в целом закрылись двери в Союз писателей. Поэтому произошло то, что и должно было рано или поздно произойти: появившееся в 1989 году творческое объединение «Полоцкая ветвь» в 1994-ом было реформатировано как Литературный союз. Основателями нового союза стали полоцкие поэты Александр Раткевич и Олег Зайцев. В начале существования союзом руководил А. Раткевич, сейчас уже несколько лет председателем является О. Зайцев.

Александр Раткевич родился в 1954 году в Ивангороде Ленинградской области. В 1965 году семья будущего поэта переехала в Полоцк. Александр окончил филфак БГУ. Стихи Раткевича печатались в разных изданиях с 1972 года. Разработал и декларировал художественное направление «Катарсизм». Автор девяти сборников. Пишет также прозу и публицистику.

Поскольку я сам уже пятнадцать лет состою в «Полоцкой ветви», то могу сказать, что неплохо знаю творчество Раткевича-поэта. Здесь мы рассмотрим два авторских сборника: «Тайна ходьбы», Мн., 2012, и «В сентябрьском круге», Мн., 2009.

Более ранний сборник, на мой взгляд, и более поэтичен. Видимо, сам сентябрь склонил автора к лирике, к неспешным размышлениям. Здесь можно найти и очень неплохие строфы. В целом же мир поэта довольно эклектичен. Заметно сильное влияние поэзии серебряного века. Но автора также увлекает и славянская архаика. Есть элементы того, что в 20—30-е годы прошлого столетия называлось «есенинщиной». Переплетение будничной рутины, современных вскриков, картин природы, славянофильства, да плюс неровный ритм, употребление возвышенной лексики, тяга к словотворчеству... Все вместе, по-видимому, и есть катарсизм Александра Раткевича.

Чтобы слушателям или читателям не показалось, что я имею какой-то зуб против катарсизма, скажу, что само направление не вызывает у меня никакой негативной реакции, а люди, способные в нынешней несколько унылой действительности разра-

батывать некие направления в искусстве, даже любопытны. Скажу только, что лозунги и манифесты сами по себе — пустые воздушные шарик, их обязательно нужно наполнять смыслами, текстами, контентом.

Олег Зайцев родился в 1968 году в Новополоцке, окончил факультет журналистики БГУ, работал в редакциях газет, сейчас сам является издателем и редактором. Живет в Минске. Издано несколько сборников стихов О. Зайцева, он же является соавтором коллективных книг прозы.

Писатель Зайцев постепенно прогрессирует от 90-х годов до настоящего времени как в техническом плане, так и по части художественных образов. Кроме того, особенностью творчества Олега Зайцева, на мой взгляд, является то, что в нем заметна густая публицистичность, даже в самой интимной лирике.

Прозаик Федор Коньшев состоял в союзе «Полоцкая ветвь» с момента его основания. Он родился в 1932 году в деревне Котельно Полоцкого района. Во время Великой Отечественной войны был в партизанском отряде, затем — сыном полка. Окончил Литературный институт в Москве. Член Союза журналистов СССР. Заслуженный работник культуры БССР. Автор многих рассказов, повести «Тополя на курганах», романа «Ход конем» Федор Коньшев был и остается после его смерти, первым лицом среди прозаиков «Полоцкой ветви». Его произведения являют собой пример хорошо сбалансированных текстов как в художественном, так и в чисто «техническом» смысле, а также в подборе фактического материала, в знании истории.

Прозаик и поэт Василий Миронов родился в 1958 году в городе Нижний Тагил. Много лет живет в городе Бобруйске. Является членом нескольких литературных союзов. В «Полоцкой ветви» занимает должность секретаря секции прозы. Книги Миронова издавались в Республике Беларусь, в России, в Израиле. Как прозаик В. Миронов больше склонен к бытописательству. Сравнивая ранние и более поздние публикации этого автора, особенно прозаические, можно заметить прогресс как в смысле идей, так и по части формотворчества.

Романист из «Полоцкой ветви» Валерий Туловский родился в 1965 году в городе Молодечно, где проживает и по сей день. Автор пяти книг прозы. Творчество его начиналось в качестве литературного негра по написанию дамских романов. К сожалению, это самое «негритянство» наложило свой, на мой взгляд, негативный отпечаток на работу автора. В. Туловский пытается, как я вижу, выйти из-под давления литературных штампов и банальностей, обильно усеявших дамские романы, но это ему не всегда удается.

Поэт Василий Мельников родился в 1959 году в Минске. Окончил институт народного хозяйства. Имеет два сборника стихов. В «Полоцкой ветви» с 2014 года. В. Мельников идет в своем творчестве по стопам Бродского и Мандельштама, обволакивая обыденность на европейский манер в одежды красивых метафор.

Вообще же я соглашусь с профессором Вадимом Салеевым в том, что «Полоцкая ветвь» прежде всего сильна своими поэтами.

3

Третьей тенденцией, характерной для сообщества русских и русскоязычных писателей Беларуси можно назвать переход в организованный не без помощи так называемого «административного ресурса» Союз писателей Беларуси. Современный Союз писателей Беларуси сложился, во-первых, в результате административного давления на Союз белорусских писателей, а во-вторых, из-за разногласий внутри самого этого союза. Из уст Олега Зайцева уже прозвучало, что русскоязычные члены СБП в 90-е годы прошлого века отнюдь не чувствовали себя комфортно в среде своих белорусскоязычных коллег. Поэтому они подхватили идею расхождения, предложенную им властью. К этому ядру примкнула и часть белорусскоязычных писателей в надеж-

де на то, что вместе с новым-старым союзом, поддерживаемым административно, вернется и прежняя сытая жизнь литераторов.

Разделение произошло в течение 2002—2006 годов. Некоторое время части бывшего единого союза тужились-пыжились в стремлении доказать, что именно они здесь самые главные в литературе. В полемике «щепки» отлетали и в сторону «Полоцкой ветви». Сейчас, похоже, борьба поутихла или, по крайней мере, утихает.

Рассмотрим поближе творчество некоторых русскоязычных авторов из СПБ.

Анатолий Аврутин родился в 1948 году в Минске, где и живет по сей день. В 1973 году окончил истфак БГУ. Печатался с 1973 года. В России поэт Аврутин известен, наверное, больше, чем в Беларуси, поскольку много публикуется от Калининграда до Ростова. Во всяком случае, я не раз и не два слышал от наших российских гостей прошлых фестивалей «Славянская лира» вопрос: а как вы относитесь к Аврутину? В нашей республике поэт Аврутин широко известен только в узком кругу литераторов. Во всяком случае, в трех осиповичских городских библиотеках есть только один сборник его стихов — «...От мира сего», Мн., 1991. Это поэт сложившийся и профессиональный. Если Шкляревского можно назвать Фетом второй половины XX — начала XXI века, то Аврутин — заместитель Шкляревского в этом качестве по Беларуси. Ну, или младший брат. Кроме того, он человек, что называется, тароватый, имеет организационную жилку, является издателем собственного журнала.

Однако в своем союзе писателей Аврутин является чем-то вроде боксерской груши для тамошних критиков. Думаю, это следствие того, что поэт был активным застрельщиком создания СПБ, но в силу разных причин не стяжал там ответственных постов. Поскольку критиковать действующих писательских руководителей членам СПБ неполиткорректно и даже опасно (мне известны последствия подобной неосмотрительности), а региональных авторов — неинтересно, то Аврутин, как автор известный, но не начальствующий, хорошо подходит в качестве мишени для критики. Надо сказать, что поэт порой и сам дает поводы для критических стрел.

В свое время я изучил статью Натальи Капы (Капитолянской), как раз и посвященную критическому разбору творчества Анатолия Аврутина (см. «Літаратура і мастацтва», 25.12.2008). Н. Капа утверждала: вот эта метафора взята из такого-то стихотворения поэта, скажем, 30-х годов, а такая-то строчка — из другого стихотворения другого поэта. Для меня, технаря по образованию, такое открытие было внове, я постарался проверить инвективы из той статьи и с некоторым даже пришлось со вздохом согласиться.

Николай Чергинец, многолетний председатель СПБ, родился в 1937 году в Минске, начал взрослую жизнь в качестве футболиста минского «Динамо», окончил Высшую школу тренеров и юрфак БГУ, после чего служил в милиции, где и дослужился до звания генерал-лейтенанта. В 1984—87 годах проходил службу в Афганистане. С 1996 года трижды избирался в Совет Республики Беларусь.

Литературой занимался с 1970 года, с 1977 года член Союза писателей Белоруссии. Издано не менее 50 книг его прозы, в основном — детективы. Я знаком с творчеством Н. Чергинца по романам «Вам задание», «За секунду до выстрела», изданным одной книгой в Минске в 2008 году.

Признаюсь, брался я за чтение романов Н. Чергинца не без предубеждения. Интернет в свое время был завален негативными отзывами о творчестве этого автора. Ознакомившись с текстами, понял, что все так и не так. Как всегда неоднозначно. С одной стороны, сам нашел несколько, скажем так, некорректных моментов, которые, в целом, могли бы быть устранены при более внимательном редактировании. Вот один пример. Стр. 135. Начало нового раздела. Первое предложение. «К концу 1942 года немцы вновь захватили стратегическую инициативу» (вообще в книге говорится о некоей милицмейской династии—это была мода такая в 1950—70-х годах в СССР, писать о династиях; вершиной подобного рода я считаю многотомное сочинение

«Пряслины» Ф. Абрамова). Дав кратенькое описание общего состояния дел на фронтах, автор переходит к тому, чем занимался в то время один из главных героев, в то время—командир взвода разведки одного из полков Красной Армии. А герой рыл землю, строил блиндаж, но делал он это летом. «Погода стояла жаркая...» — уточняет автор немного спустя. В приведенном предложении надо бы просто написать «в середине», а не «в конце», и все встанет на свои места и с точки зрения реальной истории, и исходя из логики повествования.

А так — детективы как детективы, может быть, несколько крупноватые, все-таки больше 850 страниц в книге, не шутка. Подобные вещи публиковались в СССР в издательстве ДОСААФ или в «Молодой гвардии». Не будем же мы считать произведения плохим только потому, что оно похоже на те, что печатались 40 или 50 лет назад.

Замечу еще, что автор не очень концентрируется на описании времени действия. Получается, что тридцатые годы прошлого века, что шестидесятые, что эпоха царя Хаммурапи. Все равно полно разбойников, хулиганов, семейных дебоширов. Опер ты или просто сыщик—работы для тебя хватит. Ну, разве что, в конце последнего романа у милиционеров портативные рации появляются. Прогресс все-таки есть.

Елена Попова родилась в 1947 году на территории Польши, где проходил службу ее отец. В 1950 году семья переезжает в Минск. Окончила журфак БГУ и Литературный институт в Москве. Член Союза писателей СССР с 1979 года. Прозаик и драматург.

Рассмотрим творчество Е. Поповой на примере книги «Восхождение Зенты» (Мн., 2007). В ней четыре небольших романа: «Восхождение Зенты», «Большое путешествие Малышки», «Седьмая ступень совершенства», «Пузырек воздуха в кипящем котле».

Проза Елены Поповой показалась мне несколько тяжеловесной, но в то же время весьма качественной. Читать ее нелегко, я бы не назвал перечисленные романы увлекательными. Впрочем, не увлекательны они для меня, возможно, из-за того, что это все-таки женский взгляд на жизнь. Но, тем не менее, повторяю — сработано качественно. Особенно хочу отметить построение диалогов.

По-видимому, автор хорошо знает то, о чем пишет — о деятельности иностранного офиса по распределению гуманитарной помощи (примета 90-х годов в Республике Беларусь, роман «Восхождение Зенты»), о закулисье театра («Большое путешествие Малышки»), о полукриминальной и откровенно криминальной подноготной купи-продаевских фирм («Седьмая ступень совершенства»), об атмосфере в «творческих» коллективах («Пузырек воздуха в кипящем котле»).

Заметно пристрастное отношение к героиням—женщинам: мужчина может выразиться грубо, но не так едко. Впрочем, героев-мужчин автор тоже не жалуется. Без черной краски нарисован, пожалуй, только маг-фокусник из «Седьмой ступени совершенства».

Героини Е. Поповой живут как бы во сне. Или у них такая близорукость, не позволяющая видеть сколько-нибудь отдаленные предметы. А, к примеру, про Малышку, главный персонаж одного из романов, автор говорит прямо: она жила-жила, да и уснула. Во сне вышла замуж, родила дочь, развелась... Короче: проснулась, а дочь уже большая, даже и бизнесом занимается.

Отмечу и то, что Е. Попова почти не показывает течение времени, в этом ее романы как-то напоминают и превосходят рассмотренные выше произведения Н. Чергинца. Вот, к примеру, уже упомянутая здесь Малышка в первый раз робко входит в театр, а вот у нее уже внуки. Жизнь прошла. Что изменилось в мире? Ну, разве что раньше в театре шла пьеса про доменную печь, а теперь на сцене скачет варьете. Скакали-скакали, пока театр не развалился... Все.

Мне было интересно: к какому литературному направлению можно отнести прозу Елены Поповой? Порылся в интернете — посмотреть, что люди об этом пишут. С

удивлением обнаружил, что не очень-то представлена Е. Попова в Сети. Вроде бы и идеи есть, и известность, и рука набита...

Итак, что я нашел: сама писательница в одном из интервью назвала себя символом. Еще в двух комментариях были даны определения «магический реализм» и «европейский мистический роман». Про символизм — пока не решил. Думаю, возможно, и соглашусь. С остальным — нет. «Магический реализм» — это там, далеко, у Маркеса. От Маркеса до Поповой столько же, сколько от латиноамериканской горячности до белорусской «млявасці».

Вся же наша постсоветская «европейскость» уже просто утомляет своим запахом и привкусом икры «заморской баклажанной». Думаю, что предшественником Е. Поповой следует назвать все-таки не Маркеса, а В. Маканина, который в своих произведениях вывел целую шеренгу вялых «недотыкомов», у которых каша изо рта вываливается. Из наших современников похоже, хотя и более злобно, писал Пелевин.

Юрий Горбачев (Юрась Нераток, Юрий Юлов) родился в 1961 году, в Мостовском районе Гродненской области, в семье учителей. Детство провел в деревне Ходаки Ивацевичского района Брестской области. Окончил политехнический институт, живет в Минске, работает инженером. Поэт, прозаик, публицист. Увлекается музыкой. Член СПБ и Российского союза писателей. Пишет на русском и на белорусском языках.

Вообще говоря, в работе инженера категорически неприемлемо разгильдяйство. А поэтическое творчество чурается педантизма. Как Ю. Горбачеву удастся сочетать в себе столь разнонаправленные виды деятельности — бог весть. Тем не менее, у поэта Нератка стихи получаются вполне достойные. Отмечу как редкость в современной литературной среде вообще — Юлов-Нераток может быть очень приличным сатириком.

Автор любезно предоставил мне на рассмотрение свой роман «Комбатанты» впервые изданный в 2012 году. Читал я его, наткнулся на фразу о том, что в болоте возле какой-то выдуманной писателем, но явно западнобелорусской деревни во время Великой Отечественной войны утонули два немецких танка — и тогда все понял. Понял, что это очередная юловская хохма.

Итак, построение романа по Ю. Юлову. Берется некий анекдот, в три слоя обворачивается тщательно выписанными характерами героев, подробностями быта послевоенной деревни, повторяюсь — из Западной Белоруссии, мифами, опять же, чисто «западнскими», да еще зачем-то прищипливается Вильям наш Шекспир, добавляется всякая ботва типа переноса во времени — и вот на тебе, читатель, ешь, не подавись.

Прочитав, начинаешь думать: а зачем? Какова была цель автора, старательно настукавшего столь много букв? Зачем писатель парился, до миллиметра выстраивая лексику героев так, чтобы и не уйти от исторической достоверности, и быть понятным для современного читателя, как правило — горожанина? Более того, насколько я понял, книгой предлагается потчевать и российскую публику — зачем это ей? Может, автору кажется, что российскому читателю как раз не хватает западнских мифов? Или Ю. Юлов пытается убедить всех, что история — это тоже дышло, как повернул — так и вышло?

Несколько лет назад я уже пытался в частной беседе убедить Ю. Горбачева не тратить время и талант на производство многостраничных приколов, не стрелять из пушки по воробьям. Вижу, что у меня это не получилось.

А я знаю, что, например, домашние кошки, если хозяин долго не обращает на них внимание, начинают всячески хулиганить. Дети в тех же обстоятельствах поступают так же. Вызывающе ведут себя и девицы, обиженные невниманием предмета их воздыханий. Да вот еще футуристы столетней давности устраивали «великие кошунства» для привлечения публики, о чем нам поведал А. Толстой в своем большом романе. Возможно, в этот ряд следует поставить и Нератка-Юлова.

А в России, думаю, и своих мифотворцев с избытком.

Четвертая тенденция такова: не уезжать, не входить ни в какой литературный союз, но напрямую сотрудничать с российскими издателями. Не секрет, что, во-первых, подобного рода деятельность стала возможной на просторах Синеокой Республики только с двухтысячных годов. А во-вторых, она требует особой осмотрительности и политкорректности с учетом как «своих», так и российских реалий. Поэтому, в свете сказанного, литератор, идущий по четвертому пути, должен реализовывать свои амбиции в жанре детской литературы. Ну, или писать дамские романы. Дети — везде дети, дамы — везде дамы, поэтому именно в этих жанрах минимум риска задеть трепетную и ранимую душу сильных мира сего с одной стороны, а с другой — не сплеховать по части тиражей.

Андрей Жвалевский родился в 1967 году в городе Гродно. Окончил физфак БГУ. В литературе с 2002 года. Совместно с И. Мытько и Е. Пастернак написал около 20 книг. Является также сериальным сценаристом. Живет в Минске.

Евгения Пастернак родилась в 1972 году в Минске, где проживает и по сей день. Окончила физфак БГУ. Автор нескольких книг «для дам». Соавтор Андрея Жвалевского. Рассмотрим небольшую повесть А. Жвалевского и Е. Пастернак «Гимназия № 13», Мн., 2011.

Вообще-то данная гимназия находится все-таки в Минске. А значит, авторский расчет делался и на белорусскую аудиторию. В целом книга неплохая. Язык понятен для детей, скажем так, с небольшими умственными способностями, есть момент незадумчивого просвещения по части древней мифологии, а заодно и экологии. Некая щепотка мистики текста не испортила. Дети в книге уже не совсем дети, у них уже есть отношения, что тоже правильно. Но: Гайдар писал лучше, Кассиль писал лучше, Грин писал лучше, А. Толстой, Крапивин, Носов, Михалков и т. д. тоже писали лучше.

Почему? Что, давление среды на тех писателей было меньше? Не в этом дело. В той стране действительно происходили очень резкие и кардинальные изменения, революция была именно революцией, победа — победой, а модернизация — модернизацией, а не имитацией. Кипение великих строек распространялось, скажем так, на всю кастрюлю, и на литературу — в том числе.

Больше всего рассмотренная повесть похожа на произведения Кира Булычева, но, скажем, не на самые лучшие (посреди равнины детской фантастики Булычева есть парочка действительно могучих утесов).

Последняя, пятая тенденция заключается в том, что не надо никуда ехать, никуда вступать, биться за признание, и т. д. Надо просто пописывать стихи в стол и надеяться на лучшие времена.

Вениамин Блаженный родился в 1921 году в городе Копысь Оршанского уезда. В 1941 году успел окончить 1 курс Витебского пединститута. Во время Великой Отечественной войны был в эвакуации, поскольку имел третью группу инвалидности по какому-то психиатрическому диагнозу. После войны переехал в Минск. Во время войны работал школьным учителем, после войны — в организации по трудоустройству инвалидов. Писал стихи с 1943 года, первая публикация состоялась в 1982 году, первая книга в 1990, уже перед смертью, последовавшей в 1999, был принят в союз белорусских писателей. Подчеркну: и первая книга поэта была издана в Москве, и первая литературоведческая статья по творчеству В. Блаженного тоже была напечатана в московском издании (В. Аверьянов. Житие Вениамина Блаженного. // Вопросы литературы. Вып. 6/1994). Насколько я слышал, теперь стихи В. Блаженного введены в Белоруссии в школьный курс русской литературы.

Для знакомства с творчеством В. Блаженного я пользовался интернет-публикациями. Там же нашел и части автобиографии, показывающие, что автор, может, и своеобразный, но весьма неглупый человек.

Пастернак, к которому Блаженный приезжал, нашел у минского автора, по его словам, 3—4 хороших стихотворения.

Да, действительно, не все стихи Блаженного одинаково правильны с точки зрения ритма и рифм. Исследователи творчества поэта пишут, что некоторые шероховатости подчеркивают страстность автора. Спорить не буду. Сам поэт не отрицал приписанных ему страстей, называл себя «Рогожиным слова», и сравнивал свои стихотворения с поэзией Цветаевой и Мандельштама, людьми весьма пристрастными, как в жизни, так и в творчестве.

Главные и единственные направления поэзии В. Блаженного — религиозная лирика и лирика чувств. В одной из литературоведческих статей, посвященных В. Блаженному, я нашел определение «мистическая лирика», с чем не согласен. Поэт чем-то похож, по-моему, на маленькую героиню Грина, которая утром говорила: «Здравствуй, Бог!», а вечером: «Спокойной ночи, Бог!». Мистики здесь нет, есть свой мир со своей, пусть и несколько детской, системой координат.

Пришло время подводить итог. Итак, если некий человек, живущий в Белоруссии и считающий себя писателем, захочет как-то легализоваться на этом поприще и писать при этом на русском языке, то он может пойти по следующим направлениям: ехать в Россию, желательно — в Москву, вступать в существующие литературные союзы, публиковаться в интернете, а затем заключать соглашения с российскими издательствами, или просто ждать, надеяться и верить, что его и так отыщут. В любом случае желаю всем успехов.

Николай Хохлов
(г. Полоцк, Белоруссия)

ДЖЕК

Хохлов Николай Михайлович родился в 1954 году. Образование высшее военное. Автор тринадцати сборников юмористических рассказов, трилогии и повести о Великой Отечественной войне. Номинант конкурса на соискание премии «Писатель года» за 2020 год; финалист V Всероссийского литературного конкурса «ЛиФФт-2020» и Международного литературного конкурса «Созвездие Духовности — 2020». Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», заместитель председателя Полоцкого отделения Беллитсоюза «Полоцкая ветвь».

Бездомная собака Пальма долго искала место для будущего выводка и в конце концов остановила выбор на трубе под дорогой. Ее, по какой-то причине, забыли убрать строители.

С одной стороны, вход в новое жилище прикрывал куст полыни, а с другой оно и вовсе было засыпано. Придорожные канавы находились гораздо ниже уровня убежища. В общем, место оказалось идеальным. Правда пришлось натаскать для подстилки всяких мягких вещей, но эта работа приносила Пальме только радость. Словом, как бы то ни было, а в нужный срок на свет появились семеро щенят.

Пока новорожденные были слепыми, мать принимала меры предосторожности и надолго не отлучалась, зорко охраняя потомство и откармливая великолепную семерку, чтобы выводок голодным писком не привлекал непрошенных гостей.

Время шло, щенки подрастали. Уже во всю светились озорные искорки в любопытных глазенках.

В один солнечный майский день семейство вышло на первую прогулку. Стайка щенят сразу привлекла внимание детей и взрослых. Желаящих погладить, поиграть и покормить было достаточно много, что позволяло Пальме отлучаться по своим делам все чаще и чаще.

Слух о малышах разлетелся по окрестным дворам, и ребятня потянулась группками и в одиночку, чтобы повозиться с собачьим семейством.

Игорьку родители обещали подарить собаку на день рождения, если он будет слушаться маму и папу. Узнав от друзей про маленьких ничейных песиков, мальчику очень захотелось взглянуть хоть одним глазком на них. На очередной прогулке мальчишка буквально притащил свою маму к заветному месту. Щенков уже разобрали прибывшие раньше. Только самый маленький и слабый, желтый, словно кусочек солнышка, песик топтался у выхода из трубы и не решался последовать за своими братьями и сестрами, которые во всю уплетали всякие вкусности из рук детей. Его-то и приглядел Игорь:

— Мама! Мамочка, смотри какой замечательный!!!

Мальчик, забыв обо всем на свете, бросился к желтому комочку, взял его на руки

и прижал к груди. Щенок от неожиданности испугался и жалобно заскулил, чем привлек внимание окружающих. Посыпались советы:

— Погладь, погладь, успокой его...

— Отпусти, пусть бежит в свое логово...

— Посмотри какой у нас красавец, возьми нашего. Вырастишь настоящего друга...

Игорь, прижимая щенка к себе, растерянно вертел головой. Подошла мама:

— Отпусти, сынок. Зачем он тебе? Смотри, это же последыш, самый слабый в стае.хлопот с ним не оберешься...

— Мамочка, миленькая,— взмолился Игорь,— давай возьмем его, хотя бы на время. Откормим, поддержим, а там видно будет. Обещаю, что буду самым послушным ребенком в мире...

Сын так просил, так уговаривал, что материнское сердце дрогнуло. Последыша забрали из собачьего выводка первым. Счастливый обладатель самого замечательного в мире пса еще по дороге домой придумал ему кличку — Джек.

Родители мальчика не были в восторге от того, что им пришлось по просьбе ребенка приютить «двортерьера», но очень быстро привязались к смышленому, добродушному, веселому другу своего сынишки. Папа Игоря сделал из старого кожаного ремня ошейник, на котором крупными буквами вырезал и затушевал имя пса — ДЖЕК. Игорю завидовали все дети во дворе.

Песик, обретя семью, быстро набирал вес, становился интересным и забавным.

Спустя пару месяцев, после значительных перемен в жизни щенка, августовским погожим днем Игорек с отцом отправились на рыбалку к ближайшему озеру, прихватив с собой Джека. Прикормили место и забросили снасти. Клев не заставил долго ждать. Появился первый улов — караси с папину ладонь. Настроение было приподнятое. Все внимание сконцентрировалось на поплавках. Джек крутился под ногами, пытаясь заигрывать, но рыбаки его словно не замечали. Песик откровенно заскучал. Вдруг из зарослей послышались тяжелые шаги. Вскоре на берег вышел пожилой грибник:

— Здравствуйте, люди добрые,— приподнял он поношенный картуз,— клюет?

— Здравствуйте,— не оборачиваясь ответил папа,— клюет помаленьку.

Игорь вообще никак не отреагировал на приветствие незнакомца, поглощенный процессом ловли. Грибник молча присел на берегу, отдохнув, пошагал в сторону ближайшего села. Джек решил проводить мужчину и молча потрусил следом. Вскоре песик устал и, глядя на удаляющегося грибника, остановился. Он решил вернуться к своим и побежал к озеру. Все бы закончилось благополучно, но тут вмешалась любопытная сорока.

Она подлетела очень близко к щенку и подняла стрекот на всю округу. Сорочий галдеж заставил проснуться старого черного ворона, отдыхавшего на макушке огромной ели. Присмотревшись, он узрел песика и, почувствовав сильный голод, решил попытать счастья на охоте. Взмахнув крыльями, птица набрала высоту и стала полого планировать на добычу.

Только что-то пошло не так. Снижение получилось крутоватым из-за встречного ветра и, чтобы поймать жертву, ворону пришлось сделать несколько взмахов. Услышав свист крыльев за спиной, щенок припустил что есть сил куда глаза глядели, и в тот момент, когда он оглянулся, на его пути оказался мостик через канаву. Песик промахнулся и с разбега провалился в густую траву. Перекувыркнувшись несколько раз через голову, взвизгнул от боли и шмыгнул под настил, где царил сумрак. С противоположной стороны послышалось злобное шипение. Щенок посмотрел в сторону звука и его сердце забило так, словно хотело выскочить из груди: на пса смотрели колючие маленькие глаза бусинки. Гадюка, свернувшись кольцами, подняв голову, зло оценивала непрошеного гостя. Решив, что для нее он бесполезен и не представляет опасности, змея тихо уползла прочь по своим делам.

Щенок долго успокаивался и в конце концов затих.

Рыбалка — занятие увлекательное, особенно если клюет рыба. Наловив полный садок карасей, Игорек с папой засобирались домой. Тут-то и обнаружилась пропажа щенка. Мальчик разрыдался от досады:

— Я, я виноват,— говорил он, обливаясь горячими слезами,— бросил Джека, вот и результат...

— Успокойся,— обнял его отец, глядя по голове,— мы попробуем найти нашего пса.

Поиски продолжались до сумерек, но безрезультатно. Расстроенные рыбаки ушли домой. Мальчик не смог сдерживать слез и проплакал весь вечер.

Ранним утром вся семья отправилась к озеру. Они звали щенка, расспрашивали грибников, но все напрасно.

Прошла неделя. На развешанные объявления никто не откликнулся. Мальчик плохо ел. Не хотел ни с кем общаться. Замкнулся. Крепился, но в глазах постоянно стояли слезы. Настали выходные. С утра родители о чем-то шептались и папа, тяжело вздохнув, куда-то ушел. Он появился часа через два. Поставил посреди коридора картонную коробку и позвал:

— Игоречек, посмотри, что я принес.

Мальчик нехотя вышел из своей комнаты и равнодушно взглянул:

— Опять какой-нибудь конструктор?

— А ты открой.

Вышла мама. Присев возле коробки, улыбнулась:

— Сынок, иди, взгляни...

Мальчишка, тяжело вздохнув, приблизился, вяло принялся раскрывать створки коробки. Когда открылось содержимое, замер: на него смотрел рыжий щенок, отчаянно махая хвостиком. Пушистый и обаятельный, песик сразу понравился мальчику. Прижав к груди подарок, Игорек закрыл глаза. По его щекам катились слезы. Слезы счастья. Папа тоже растрогался и взволнованно произнес:

— Мы решили подарить тебе породистого пса. Это щенок карело-финской лайки. Чтобы и он не потерялся, возьми ошейник и поводок,— и протянул вещи мальчику.

С этого времени в семье воцарился покой, а у мальчишки и щенка началась счастливая и содержательная жизнь. Неразлучная парочка была вместе круглые сутки.

Пропавший щенок провел тревожную ночь. Вокруг кипела незнакомая жизнь, издавая пугающие звуки...

Взошло солнышко и стало припекать. Песик осторожно выглянул из укрытия. Ему хотелось есть. Джек жалобно заскулил, прося помощи. Его зов услышала пожилая пара, возвращавшаяся в село после сбора грибов. Мужчина спустился в канаву и обнаружил щенка, взяв в руки, поднял:

— Смотри, какая прелесть,— протянул он женщине желтый комочек,— давай заберем?!

— Куда нам? — последовало в ответ,— у нас же Рекс есть...

— Рекс староват, уже плохо слышит...

— Староват,— согласилась спутница,— ай, ладно, берем.

Песик переключался за пазуху мужчины и, почувствовав себя в безопасности, тут же успокоился и уснул.

Согревшаяся животинка вытянулась во весь рост и блаженно посапывала. Щенку привиделось, что его новым хозяевам угрожает неприятность. Чтобы защитить их, он начал отталкивать задними лапами опасность, а затем и вовсе открыл глаза и громко тявкнул, от чего лица у грибников просветлели. Скоро они пришли к домику в деревне, перебрав грибы, сели в машину и уехали в город, захватив с собой найденыша.

Дома было тепло. Квартира, которая на собачьем языке называлась конурой, оказалась похожей на ту, в которой жил Игорь, поэтому щенок сразу же желтым шариком покатился, осматривая все вокруг и вынюхивая мальчика, но не находил. Друга нигде не было. Щенок растерялся, загрустил.

Хозяйка тем временем налила в миску молока. Песик начал аппетитно лакать. В миг его мордашка покрылась капельками, которые, как росинки, белыми точками разместились на усах и ресничках. Хозяин принес кусочек вареного мяса и положил на блюдечко. Что тут было!!! От одного ароматного запаха голова пошла кругом... Забыв обо всем на свете, щенок вцепился в подношение и грозно зарычал... Мужчина укоризненно покачал головой, взял несмышлениша за загривок и поднял в воздух. На умильной мордашке было выражено такое огорчение и растерянность, и вместе с тем решимость, поскольку лакомый кусочек остался зажатый крепко-накрепко еще не окрепшими зубами. Хозяйка рассмеялась:

— Ну что, жадина, понравилось мяско? Привыкай. Воля хозяина всегда выше твоей. Таковы правила сытной жизни, - и ласково погладила щенка между ушками.

Ее взгляд упал на ошейник. Одев очки, женщина прочитала:

— Джек! Так вот как тебя зовут...

— Джек, так Джек, будем с тобой усваивать всякие премудрости с такой кличкой, — заявил мужчина.

Учиться щенок хотел и уроки жизни буквально впитывал всем своим собачьим умом. Во всяком случае сразу понял, кто в доме вожак.

Зима пролетела быстро. Весенняя распутица уступила место теплу. На лето решено было перебраться в деревню. А поскольку Джек был там только наездами, радость переселения воспринялась восторженно. Еще бы, ведь помимо всего прочего его ждало интересное времяпровождение с деревенским старожилом, опытным и мудрым Рексом. Они за зиму подружились и трогательно приветствовали друг друга, всякий раз звонко лая.

Деревенская жизнь внесла свои коррективы. Нужно было охранять территорию от непрошенных гостей: зайцы норовили попробовать нежно — зеленые всходы на грядках, лиса кружила вокруг, учуяв запах наседок, сороки норовили своровать куринные яйца, а по дороге ходили чужие люди и высматривали что-то. В общем, дел хватало.

Наступили жаркие денечки. Солнышко палило так, что место для отдыха приходилось искать в тени деревьев, предварительно выкопав лапами яму...

Глядя на это, хозяин покачал головой, сходил в дом, взял полотенце и, поманив собак, направился к речке. Джек, не подозревая подвоха, весело носился по цветущему лугу, вспугивая бабочек.

Беспокойство охватило после того, как они спустились с крутого берега, и хозяин, сняв одежду, остался в одних штанишках, которые, как позже уяснил Джек, назывались плавками. Он удивился, когда человек и старый пес молча стали погружаться в воду, а потом поплыли рядышком, достигнув противоположного берега. Рекс стряхнул воду. Оба повернулись, и хозяин позвал:

— Джек! Ко мне.

Собачье сердце похолодело. Было страшно и стыдно. Опустив низко голову, пес посеменил прочь от воды:

— Что, струсил? — обожгли собачий слух обидные слова хозяина...

Не оборачиваясь, пес добрал до вершины обрывистого берега. Развернулся. Постоял, оглядывая все вокруг, словно прощаясь. Глубоко вздохнул и бросился вниз. Он не бежал, а стелился... Достигнув уреза воды, прыгнул, ввинчиваясь желтой молнией в воздух... Ему казалось, что таким образом удастся перепрыгнуть реку и приземлиться на противоположном берегу, и он взлетел! Было волнительное ощущение парения в воздухе! Так хотелось верить, что цель достигнута! Сейчас он будет рядом

с любимым хозяином и верным другом! Это мгновение счастливого полета длилось доли секунды, но он летел! Летел словно птица!

Летел пес не долго и не далеко. Метра через четыре плюхнулся в воду, подняв мириады брызг. Красоту полета и отчаянно-героический поступок наблюдали хозяин и Рекс. Человек катался со смеха по песку, а старый пес, словно несмышленный щенок, прыгал вокруг и радостно лаял. Джек в последний момент своего приводнения успел инстинктивно закрыть уши и не набрать воды. Отчаянно замолотив лапами, к своему удивлению, почувствовал, что не тонет, а кружит на месте. Придя немного в себя, увидел своих и поплыл. Нащупав дно лапами, выбежал на берег, остановился рядом с весельчаками, и отряхнулся так резво, что окатил своих спутников с ног и лап до головы.

Пес сразу оценил блаженство, полученное от купания в реке, и с тех пор при любой возможности лез в воду, причем, делал это всегда в прыжке.

Прошло лето. Джек заматерел. Набрался жизненного опыта.

Осень в том году выдалась теплой. Пес по привычке бултыхнулся в воду и неспешно устремился к противоположному берегу. Доплыв до середины, учуял запах дикого зверя, что могло быть явной угрозой для хозяина. Не раздумывая, развернулся и решительно направился к противнику. Соперника увидел сразу. Блестящая от воды морда двигалась навстречу. Животные сблизилась до метра, и тут дикий ослепительно хлопнул чем-то по воде и... утонул... От неожиданности Джек заработал так интенсивно лапами, что почти взвился над водой...

Поднимая буруны воды, он стремительно выплыл к берегу. Выбрался. Отряхнулся. Оглянулся. Хозяин присел на корточки, сотрясаясь от смеха.

Так они и пошли вниз по течению: хозяин и желтый пес, каждый по своему берегу, и бобр, а это был он, сопровождал их, держась середины реки.

Закончился дождливый сезон. Слякотная осень уступила место первым морозцам, которые усилились настолько, что сковали льдом лужи.

Игорь выгуливал своего породистого красавца пса Джека. Мальчик назвал его так в память о пропавшем щенке. Паренек с разгона скользил по накатанному льду, но дорожки были короткими и удовольствие от катания казалось не полным. И тут на память пришла картина водоема, находившегося в паре километрах:

— Айда на озеро, — позвал мальчик приятелей по двору.

— Ты что, — возразили те, — без взрослых туда нельзя, лед тонкий, можно провалиться.

— Так мы вдоль берега, на пляже, я знаю, там мелко.

— Нет, мы не пойдем и тебе не советуем.

— Как хотите, а я с Джеком схожу. Если лед крепкий, покатаемся. Вернусь, расскажу.

Мальчишка шел, что-то напевая себе под нос, в сопровождении пса, направляясь к озеру... Тропинка, петляя между кустарниками, привела к замерзшему водоему. Пес остановился у кромки льда, не решаясь сделать следующий шаг. Игорь обратил на это внимание и осторожно ступил на лед, который крепко держал мальчика. Сделав несколько шажков, парнишка пришел к выводу, что у берега можно кататься без опаски. Разогнался и заскользил по поверхности. Так продолжалось некоторое время. Мальчику захотелось сделать разбег интенсивнее и прокатиться подальше. Взор остановился на заводи, углубляющейся в берег. Место было с виду удобное и позволяло разбежаться и скользить долго и далеко. Не раздумывая, Игорь осуществил свой план. Он несся через заводь. Пес бежал по берегу повернув голову в сторону друга.

Не доехав до кромки, парнишка услышал треск. Лед под ним провалился и в одно мгновение ребенок оказался по плечи в воде, упершись ногами в зыбкое дно. Холодная вода в первый момент обожгла тело. Одежда набухла мгновенно. Выбросив руки на лед, Игорь закричал:

— Джек! Ко мне! Джек!

Пес метался на берегу, скулил, не решаясь ступить на лед, но в конце концов, приседая на лапах, осторожно пополз на зов хозяина.

В это время желтый красавец, в которого превратился пропавший когда-то в этих местах щенок, гулял со своим нынешним хозяином в лесу, рядом с озером. В какой-то момент пес насторожился, подняв уши, и застыл на месте с поднятой лапой. Он услышал знакомый голос, звавший на помощь, и рванул со всех сил к озеру. Поняв, что там, куда побежал пес, что-то происходит, ускорил шаг и хозяин.

На водоеме шла отчаянная борьба за жизнь. Игорь пытался выбраться из полыньи. Ему помогал его рыжий питомец, ухватившийся мертвой хваткой за рукав. Он упирался всеми четырьмя лапами, скользил, но не отпускал своего маленького хозяина.

Вдруг на берег выскочила желтая собака. На мгновение остановилась и бросилась на выручку мальчику. Подбежав, она вцепилась в свободный рукав и принялась помогать утопающему. Общие усилия дали результат. С помощью двух псов мальчик подтянулся и выбросил ноги на лед. Его спасатели продолжали тянуть и не успокоились, пока не достигли берега.

На выручку поспешил запыхавшийся мужчина:

— Как же тебя угораздило?

— Катался. Лед провалился,— стуча зубами, пролепетал мальчишка.

— Там же, в заводи, родники бьют. Они лед-то и подмывают,— просветил незнакомец,— ладно, не время разборки устраивать. Спасать тебя от переохлаждения надо.

Мужчина решительно снял с себя куртку, шарф, который расстелил на земле. Раздел Игоря. Поставил на шарф. Укрыл курткой. Подумав немного, стянул свитер, и, просунув ноги парнишки в рукава, укутал дополнительно. Сам, энергично двигаясь, принялся собирать валежник. Развел огонь. Псы, успевшие обнюхаться, дружно принялись таскать палки для костра. На рогатинах хозяин желтого Джека развесил вещи мальчика для просушки.

Отец Игоря, приехав с работы, насторожился, не обнаружив сынишку, ни дома, ни во дворе. Узнав от мальчишек о прогулке мальчика на озеро, быстро завел автомобиль и помчался на пределе возможности на поиски. Приехав к водоему, застал картину: пылал огромный костер. Вокруг на безопасном расстоянии развешаны детские вещи. Игорь, закутанный в чужую одежду, о чем-то оживленно беседовал с незнакомцем. По берегу носились два пса: желтый и рыжий. На шее желтой собаки был тот самый ошейник, который папа мальчугана собственноручно когда-то смастерил для пропавшего щенка из своего кожаного ремня. Правда, застегнут ошейник был на последнюю дырку. Узнав историю спасения сына, мужчина украдкой смахнул слезинку, обнимая псов:

— Да расскажи кто-нибудь, не поверил бы. Не зря в народе говорят, что настоящие друзья познаются в беде. Будем дружить псами? — и протянул руку незнакомцу.

— Годится,— улыбнулся мужчина.

Так закончилась эта трогательная история.

Добавлю: Игорь все-таки простудился, но болел не долго. Он с родителями и рыжим Джеком часто навещают желтого Джека и подружились с его хозяевами.

Екатерина Ларионова
(г. Бобруйск, Белоруссия)

ГДЕ ЛЕХА?

Ларионова Екатерина Владимировна родилась в г. Чаусы (Белоруссия). Пишет произведения в приключенческом жанре, рассчитанные на подростковую аудиторию. Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь».

Синопсис: Ночь перед экзаменами. Все общежитие усиленно готовится к началу сессии. Правда, нашлись и те, кто в такое непростое время занят совершенно другими делами, да еще и мешает остальным. Алексей Воробьев — староста, отличник и будущее светило отечественной инженерии — решает навести порядок и с самыми радикальными намерениями отправляется в блок нарушителей устанавливать справедливость.

Ночь медленно спускалась на город, на улицах загорались фонари, машин и людей становилось все меньше, а в тесно сбившихся многоэтажках один за другим гасли яркие квадратики света. Даже пятиэтажное пошарпанное здание общежития местного университета постепенно погружалось во тьму и тишину. И дело было даже не в злущей, словно не выгулянный Цербер, комендантше Агафье Полиграфовне, которая неусыпно следила за соблюдением распорядка и дисциплины.

Завтра начиналась сессия.

Многие студенты, отложившие зубрежку на последний день перед экзаменом, в итоге просто призывали халяву и шли спать. В то же время их более ответственные сокурсники видели десятый сон, сжимая под подушкой драгоценные конспекты и бормоча про себя положения квантовой механики или законы лингвистики. И лишь в одном из блоков на четвертом этаже жизнь по-прежнему была ключом, чему были крайне не рады их соседи снизу.

Когда потолок содрогнулся в очередной раз от гулкого удара, Алексей Воробьев яростно откинул одеяло в сторону и принялся шарить ногами по полу в поисках тапочек.

— Я не считаю это хорошей идеей,— оторвавшись от учебника по математическому анализу, заметил его сосед по комнате.

— Я так совершенно не могу сосредоточиться,— Алексей поправил массивные очки на переносице и отряхнул с пижамных брюк с единорогами несуществующие пылинки.

— Алексей,— многозначительно произнес сосед и погладил жиденькие усики.— Мне кажется, они шумят не настолько громко, чтобы потом ходить со сломанным носом.

— Я староста, они не посмеют! В моей власти их посещаемость!

Сосед лишь закатил глаза и тут же вздрогнул от сильного грохота сверху. На этот

раз удар был такой силы, что с потолка упал кусок штукатурки и разбился вдребезги у самых ног Алексея. Тот гневно сжал кулаки и решительным шагом покинул комнату.

Буквально взлетев по лестнице на четвертый этаж, Алексей торопливо приблизился к двери злополучного блока. Он замер на мгновение, прислушиваясь, — именно отсюда доносились громкие голоса, музыка и ритмичный грохот — и постучал. Вполне ожидаемо, никто не отозвался. Молодой человек постучал более настойчиво. И вновь не последовало никакой реакции.

Собравшись с духом, он несколько раз с силой пнул хлипкую дверь. Та же открылась так неожиданно, что нога Алексея чуть было не угодила в колено рослому парню в борцовке и спортивных трениках.

— Э, ты че шумишь? — буркнул тот. — Люди же спят.

— Вы издеваетесь? — собрав остатки смелости, пискнул Алексей. — Это вы шумите на все общежитие!

— Вот разорался, — с этими словами парень сгреб его за воротник и затащил внутрь.

Алексея обдало плотным букетом из ароматов нестиранных носков, пота, сигарет и кислого пива. Едва сдержавшись, чтобы не закашляться, он обвел комнату слезящимися глазами. Помимо громилы тут находилось еще четверо, двое из которых неуклюже выплясывали напротив громадного телевизора, пытаясь поспеть за движениями мелькающих на экране персонажей.

— Пацаны, я себе пару нашел! Теперь я тоже могу с вами тренинг! — радостно объявил парень в борцовке.

— Что? — растерянно переспросил Алексей. — Но я возражаю!

Однако громила пропустил его слова мимо ушей и просто толкнул вперед, из-за чего Алексей наступил ногой на чей-то кусок пиццы. Рядом же валялись еще чипсы, нарезанная колбаса с огурцами и пластиковые бутылки с недопитым пивом. Судя по запаху и поблескивающим лужицам, часть драгоценного напитка была бездарно пролита, что совершенно не смущало обитателей блока.

— О, Леха, привет! — протянул руку Алексею парень, в котором тот узнал своего сокурсника Виталика. Сидящий же рядом с ним Костя, еще один одноклассник, не отрываясь от телефона, просто кивнул головой. — Тут все просто: смотришь на экран, следишь за...

— Так! — воскликнул Алексей, грозно поправив сползшие со вспотевшего носа очки. — Никаких игр! Спать! Завтра экзамен!

— Я выкину его обратно в коридор? — предложил громила. — А то он душный какой-то, поищу кого-нибудь другого.

— Не, погоди, — остановил его Виталик. — Леха дело говорит. У меня матан завтра.

— Настоятельно рекомендую всем разойтись, — ощутив собственное превосходство, заявил Алексей.

— Не, погоди, — сказал Виталик, обратившись уже к нему.

— Значит, я все-таки могу выкинуть этого зубрилу? — обрадовался громила, и Алексей ощутил на своих щуплых плечах крепкую хватку.

— Да нет же! — воскликнул Виталик. — Отпусти Леху, он сейчас сломается, посинел уже весь.

Громила, обиженно что-то бурча себе под нос, разжал руки и отвернулся. Заметив на полу коробку с недоеденной пиццей, он поднял ее и уселся на кровать, жалобно скрипнувшую старыми пружинами.

— Мы с ребятами хотим пройти отборочные на танцевальный турнир по «Just Flex». Может, слышал о таком? — Виталик махнул рукой в сторону танцующей парочки, с которой уже градом катился пот. — Завтра стрим в пять вечера, вот и готовимся.

Алексей сложил тонкие ручонки на впалой груди и, недовольно поджав губы, произнес:

— Вы своим топотом мешаете мне спать. Лучше бы шли учить билеты, танцуете все равно отвратительно.

В комнате моментально воцарилась тишина, и на Алексея устремились злые взгляды всех присутствующих, а громила многозначительно смял пустую жестяную банку из-под напитка.

— Это вызов? — Костя мгновенно вскочил с места и навис над Алексеем.

— Это констатация факта, — поправив очки, пискнул тот и зажмурился в ожидании удара.

— Думаешь, это так просто, дрыщ ты недоделанный? — рванулся вперед один из танцоров. Второй просто молча хрустнул кулаками. Оба были достаточно хорошо развиты физически, чтобы Алексей безо всякого математического анализа оценил свои шансы как нулевые.

— Так, парни, спокойно, — вмешался Виталик. — Леху бить нельзя. Он не виноват, что такой дремучий, и не шарит ни в чем, кроме своих формул.

— Это я-то дремучий? — возмутился Алексей. — Во-первых, чтобы понять, насколько вы ужасно танцуете, не нужно быть экспертом, а во-вторых, это обычный симулятор на реакцию. Моя бабуля в свои семьдесят и то лучше справляется.

— Ах ты!..

— Сюда иди!

— Щас проверим твою реакцию!.. — Виталику пришлось сдерживать собой сразу троих разозленных приятелей.

— Раз это так легко, покажи класс, — произнес Костя.

— Нет уж, меня ваши забавы не интересуют, — отрезал заметно осмелевший Алексей. — Я лишь хочу тишины.

— Ага, как доказать на деле — так сразу хвост поджал, — ухмыльнулся громила.

— Я не поведусь на ваши глупые провокации! Идите спать или я позову Агафью Полиграфовну.

Алексей повернулся, чтобы уйти, как за его спиной раздался панический крик Виталика:

— Нет, ты не посмеешь!

— Еще как посмею! Вот прямо сейчас к ней и направляюсь. Я хотел договориться с вами по-хорошему, но стоило сразу пойти к ней!

— Еще шаг, и я отпущу своих корешей!

— Виталий, мне казалось, мы с вами на одной стороне, — замерев на месте, проговорил вмиг побледневший Алексей.

— Твоя жертва будет во имя великой цели, — с заметным сожалением в голосе ответил тот. — Боюсь, ты не сможешь покинуть эту комнату до завтрашнего вечера.

— Нет! А как же экзамен?! — Алексей рванулся к двери, но ему преградил путь резво вскочивший на ноги громила. — Отпустите! Это похищение! Я староста!.. — заметив занесенный над своей головой массивный кулак, Алексей поспешно выпалил: — Погодите! Ладно!

Ребята переглянулись, и Виталик велел громиле опустить кулак. Тот с явным неудовольствием повиновался.

— Я... я станцую против любого из вас! — нервно продолжил Алексей. — И если я наберу больше очков, тогда вы меня отпустите и не будете шуметь.

— А если проиграешь? — спросил явно заинтересованный Виталик.

— Напишу победителю шпаргалки к завтрашнему экзамену, — ответил тот и, ощутив на себе испепеляющие взгляды остальных, поспешно добавил: — Хорошо! Я напишу шпаргалки для всех! Довольны?

— Отлично,— удовлетворенно кивнул Виталик.— Сейчас объясню, в чем принцип...

— Да не стоит,— буркнул Алексей и, подойдя к телевизору, взял со стоящего перед ним столика пульт.— Я вас и так смогу одолеть. Где тут какие кнопки нажимать?

Виталик молча отобрал у него пульт и показал рукой на закрепленный на телевизоре кинект*:

— Вот эта штука будет ловить твои движения.

— Может, ты сразу начнешь писать шпоры? — заявил Костя.— Толку время зря тратить.

— С кем мне сразиться? — проигнорировал его выпад Алексей.

— С лучшим, конечно,— ответил Виталик и показал пальцем на себя.— Играем до двух побед. Можешь выбрать песню.

— Я пас. Дам вам фору,— скромно потупил глазки тот и шаркнул ножкой по липкому полу. Все, включая Виталика, не удержались и рассмеялись, однако, Алексей и бровью не повел. Он лишь в очередной раз поправил очки и заправил футболку в штаны.

— Ну, как скажешь, чемпион,— утерев выступившие слезы, произнес Виталик и после непродолжительного поиска выбрал трек, который знал лучше остальных.

— О, так тут еще и подсказки есть? — пробормотал Алексей, едва началась музыка.

Его движения были неуклюжими и заторможенными, однако он сосредоточенно продолжал, не отрывая глаз от нижнего угла экрана, где бежала полоса с подсказками. Виталик кинул быстрый взгляд на статистику противника, на которой вспыхивали одни крестики, означающие, что танцор абсолютно мазал мимо движений, и довольно усмехнулся. Его собственный счетчик стремительно заполнялся очками, и уже на подходе к припеву Виталик получил свою первую звезду. У Алексея же все было куда печальнее: он, конечно, стал кое-где попадать, однако этого оказалось явно недостаточно, чтобы сократить разрыв в очках хотя бы вдвое.

В итоге со значительным перевесом ожидаемо победил Виталик. Он торжествующе вскинул руки вверх и, переглянувшись с друзьями, обратился к Алексею:

— Может, все-таки сам выберешь следующую песню?

Тот ответил не сразу. Погруженный в свои мысли, он увлеченно бормотал что-то себе под нос. Лишь когда Виталик повторил свой вопрос в третий раз, Алексей, наконец, обратил на него внимание и ответил:

— Я бы повторил предыдущую.

— Леха, подумай хорошо. Я знаю эту песню наизусть,— почувствовав небольшой укол совести, решил признаться Виталик.— Давай станцуем то, что даже я не знаю, так будет честно.

— И все же, Виталий, я настаиваю,— повторил Алексей.

Пожав плечами, Виталик оглянулся на друзей и снова запустил тот же трек. Он действительно отлично знал все движения, поэтому практически не смотрел в монитор, полностью сосредоточившись на точности. Услышав такой приятный для ушей звон первой вспыхнувшей звезды, Виталик вскинул голову и замер на месте: звезда сияла у Алексея, а сверху мерцала корона, означающая, что в данный момент лидирует именно он. Позабыв, что надо танцевать, Виталик перевел взгляд на Алексея и оторопел окончательно. Тот четко, словно машина, повторял абсолютно каждое движение, а его губы едва заметно шевелились.

— Эй, братан, ты че?! — вывел Виталика из ступора возмущенный возглас громы. — Тебя очкарик уделывает!

* Кинект — бесконтактный сенсорный игровой контроллер, считывающий непосредственно движения самого игрока.

Виталик тряхнул головой и продолжил танцевать, стараясь не думать о том, как сильно отстал. Однако, несмотря на все усилия, в этом туре безоговорочно победил Алексей. Непривыкший к таким физическим нагрузкам, он тяжело дышал и пытался протереть толстые запотевшие линзы очков взмокшей футболкой.

— Ну, держись,— чувство гордости вчерашнего чемпиона общежития было уязвлено, поэтому Виталик яростно листал список, пока не выбрал песню с самым сложным уровнем. Сам он не надеялся, что повторит даже половины танца, однако ботан и подавно его не осилит. Хорошо, если просто доживет до конца трека.

— Готов? — буркнул Виталик и, не дожидаясь ответа, запустил песню.

В начале ожидаемо на стороне Алексея вспыхивали сплошные кресты. В принципе, у самого Виталика ситуация складывалась немногим лучше, и тем не менее он уверенно лидировал. Пока не начался второй куплет.

Почти стоявший до этого на месте Алексей будто с цепи сорвался. Его взмахи местами все еще были неуклюжими, а где-то он просто физически не мог успеть все выполнить как надо, и все равно счетчик Алексея резко устремился вверх. Заметивший это Виталик попытался сохранить лидерство, но охватившее его волнение мешало ему сосредоточиться. Поэтому вместо того, чтобы танцевать аккуратнее, Виталик лишь стал допускать больше ошибок, потерял дыхание и, зацепившись ногой за бутылку, растянулся на полу.

Друзья ринулись его поднимать, пока Алексей методично продолжал танец. Музыка стихла, но победа ботана не стала ни для кого неожиданностью: он успел обогнать соперника еще до того, как тот упал. Поэтому, скрепя сердце, Виталик хлопнул Алексея по плечу и произнес:

— Хорошо, ты победил. Можешь идти. И мы тоже сейчас разойдемся. Видимо, это действительно была пустая трата времени, и на отборочных нам ничего не светит.

— Не драматизируйте, Виталий,— Алексей снял помутневшие очки и близоруко заморгал.— Во всех играх есть алгоритмы и закономерности. Если бы вы внимательнее отнеслись к такой великой дисциплине, как высшая математика, то уже давно стали бы чемпионом в любом виде киберспорта. Особенно с вашей физической подготовкой.

Все, как по команде, обернулись к «учебнику по математическому анализу», который подпирал хромоногий столик перед телевизором.

— Вот как,— выдал Виталик и, глянув на часы, заметно поник.— Сомневаюсь, что я успею выучить материал за семестр в оставшиеся шесть часов до экзамена.

— Леха, так это,— подал голос громила и, чуть помявшись, добавил: — Может, ты бы завтра тоже принял участие в отборочных?

— Что? — сузил глаза Алексей.— Помимо того, что это совершенно глупая затея, вам что с этого?

— Ну мы, тип, все один универ, а, значит, победа любого из нас — наша победа,— смутившись, ответил тот.— Ну че тебе стоит? А мы потом матан твой выучим и в следующем году зажжем!

Алексей открыл было рот, чтобы сказать свое последнее категорическое «нет» и уйти спать, как его осенило.

— Хорошо,— вертя в руках очки, кивнул он.— Но у меня есть условие: если вы все завтра сдадите экзамен. В противном случае я буду вынужден вам отказать.

Ребята переглянулись между собой. До ушей Алексея донеслись обрывки фраз вроде: «Ну да, справедливо», «Надо постараться» — и в том же духе. Наконец, короткое обсуждение завершилось, и общее решение озвучил Виталик:

— Хорошо, мы согласны, но нам нужна помощь. Как я уже сказал, я ни за что не выучу все билеты за оставшееся время.

— А у нас сопромат... — грустно проговорили парни, что танцевали до этого в паре.

— Физика,— скривился громила.— Я в ней ни бум-бум.

Алексей лишь закатил глаза и вышел из комнаты. Вопреки ожиданиям, он вернулся, да еще и не с пустыми руками: высоченная стопка книг и конспектов с заметками едва умещалась в его хилых объятьях. Аккуратно разложив все на чистой части пола, он произнес:

— На ваше счастье, программа наших курсов в некоторых моментах пересекается, поэтому у меня есть систематизированные материалы по необходимым вам предметам. Этого, конечно, будет недостаточно, чтобы вы изучили дисциплины как следует, однако пересдачи вы избежите. Все довольно компактно, как раз до восьми утра управитесь.

— Компактно? — переспросил Виталик, пролистав толстый конспект, написанными бисерным почерком и обклеенный цветными заметками.

— Либо так, либо на пересдачу,— отрезал Алексей.— Приступайте. Если что-то непонятно — спрашивайте.

Ребята послушно разобрали материалы, и спустя несколько минут комната заполнилась едва слышным равномерным бормотанием. Алексей, устроившийся в компьютерном кресле, больше напоминал надзирателя, чем студента, предложившего свою помощь нуждающимся. Пару раз его окликали, чтобы он расшифровал почерк или объяснил значение непонятного термина, однако по большей части Алексей просто скучал, из-за чего его начало клонить в сон. В борьбе с дремотой Алексей открыл в телефоне заметки к завтрашнему экзамену и принялся повторять. На какое-то время это помогло, пока он снова не заметил, как его голова устремилась вниз. Протерев глаза, он открыл дополнительные материалы по математическому анализу и углубился в чтение.

Виталик, а с ним и все остальные синхронно вздрогнули от глухого удара в пол. Задремавший в кресле Алексей выронил из расслабленных рук телефон и теперь тихо посапывал.

— Надо его, наверное, уложить спать,— шепотом подал идею громила.— Могу уступить свою кровать.

— Может, просто разбудить его и пусть валит к себе в блок? — спросил Костя.

— Думаю, не стоит его уже будить,— отозвался Виталик.— Ботанам нужен здоровый сон. Еще не заснет потом. Пусть выспится человек. Леха — нормальный пациент. Он все-таки согласился нам помочь.

Остальные ребята согласно закивали. Громила осторожно вытащил тщедушное тельце Алексея из кресла и перенес на кровать. Тот моментально в ней освоился и рулетиком закрутился в одеяло.

— Нужно только разбудить его вовремя,— произнес Виталик.

— Да, надо.

— А во сколько будить будем?

— Может, за час до экзамена разбудим?

— Главное не забыть его вообще разбудить...

Тихо переговариваясь, ребята продолжили подготовку. Первые часы все шло замечательно, однако во второй половине ночи стали сдавать даже организмы сильнейших из них: один за другим студенты все сильнее клевали носом в конспекты, пока в итоге вся комната не заполнилась громким асинхронным храпом пяти человек.

Виталик проснулся от бьющего ему прямо в глаза яркого солнечного света. Он попытался перевернуться или отодвинуться, однако лишь уткнулся лицом в чью-то дурно пахнущую подмышку. Остатки сна улетучились окончательно, а вместе с этим вернулось осознание того, что он сейчас в своей комнате, а на дворе уже наступило утро.

«Утро?!» — от внезапной мысли Виталика прошиб холодный пот. Он судорожно начал рыскать по карманам в поисках телефона, пока просто не нащупал в общей куче из тел чью-то руку с часами.

— Проспали!!! — воскликнул Виталик и первым вскочил на ноги. Щедро зарядив храпящим друзьям серию пинков, он забежал по комнате в поисках зачетки. Ребята неохотно заворочались и стали вставать.

— Резче, придурки, экзамен через пять минут!!! — заорал на них Виталик, прыгая на одной ноге в попытке натянуть чистый носок.

С одной стороны, это сработало: сон мгновенно пропал у всех. Но в то же время хаоса в комнате стало в пять раз больше. Теперь, помимо Виталика, по комнате носились все.

— Кто-нибудь, разбудите Леху!

— Где мой студенческий?!

— Отдай мои носки!

— Леху разбудил кто-нибудь?

— Кто пролил на мою зачетку пиво?!

— Пацаны, дайте шнурки!

— Не забудьте про Леху!

— Да мы помним, где туалетная бумага?

— Пошли уже!

— А Леха?

— Парни, у меня в ширинке рубашка застряла!

— Нормально, пойдем уже!

— Так че с Лехой?

— Блин, у тебя тоже кроссы синие, а я думаю, че не налазят...

— Все, парни, время вышло! Валим скорее!

Запыхавшаяся компания взъерошенных, помятых студентов притормозила лишь у лестницы, ведущей из холла главного корпуса университета на верхние этажи.

— Ну, ни пуха, ни пера,— первым произнес громила, незаметно пытаясь выдернуть подол рубашки из ширинки.

— К черту,— быстро ответил Виталик и первым рванул на лестницу. За ним последовал и Костя. Громила направился в коридор сбоку, а парочка, сдающая сопромат,— в противоположную сторону.

Возле аудитории, где должен был проходить экзамен по математическому анализу, все еще толпились студенты. Шумно выдохнув, раскрасневшийся от бега Виталик примкнул к общей толпе, которая потихоньку вливалась внутрь. Еле догнавший его Костя чуть не сбил зазевавшуюся однокурсницу.

— Эй,— окликнул тот Виталика, когда уже все расселись по местам.— Ты Воробьева видел?

— Кого? — поморщился Виталик.

— Ты серьезно? Старосту нашего!

— Леху, что ли? Я же вам сказал его разбудить.

— Я думал, ты его разбудишь.

— В смысле?! — зашипел Виталик.— С чего мне его будить, если я думал, это вы сделаете?

— Может, его кто другой разбудил, и он просто от нас отстал?

— То есть, лично ты даже не попытался его разбудить?!

— Да я вообще кроссы искал...

— Пс, парни,— окликнул друзей еще один их одногруппник.— А где Леха?

Нежась в уютной мягкой постели, Алексей мечтательно улынулся во сне, почесал коленку и, тихо всхрапнув, перевернулся на другой бок.

Летняя сессия официально началась.

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: ОЧЕРК

Николай Черняков
(г. Мурманск)

**ЭКВАТОРИАЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ — 1967 г.
(ЭЭОН-67)***

Николай Михайлович Черняков родился в 1945 г. в г. Кандалаксие Мурманской области. Окончил Северо-Западный политехнический институт. Изобретатель. До призыва во флот жил в поселках на побережье Баренцева моря. Основная часть трудовой деятельности прошла на Мурманской судовой верфи, где работал токарем и на разных инженерных должностях.

Группа кораблей ВМФ СССР в течение семи месяцев находилась в экваториальной Атлантике. Сообщений об этом в Mass media не встречал, только упоминания¹. Представляю события так, как они у меня сохранились, без правки их по открывшимся источникам². Время что-то исказило, стерло, что-то сразу воспринял не так, но так это помню и понимаю сейчас. Повествование сие — это просто напоминание о походе кораблей, состоявшемся 50 с лишним лет назад.

АПЛ (атомные подводные лодки) Северного флота несли боевую службу (или патрулирование) у берега вероятного противника на коммуникациях, связывающих США с Западной Европой, в местах военных конфликтов предполагаемых или реальных, таких как Средиземное море на тот момент. Длительность перехода в район боевой службы (БС) и обратно при ограниченном моторесурсе первых АПЛ достигала трети времени из 50-60 суток автономного плавания. А возвращаться на базу для ремонта и отдыха совершенно необходимо, так как отказ оборудования всегда имел место.

К тому же, Северный флот как бы заперт у себя в бассейне, поскольку для выхода в Атлантику необходимо пройти между Фарерскими островами и норвежским побережьем, где силами НАТО с целью обнаружения нашего перемещения все было перекрыто различными средствами и контролировалось. Незаметно преодолеть такой «барьер» было сложно, приходилось изощряться в приемах его преодоления.

* Очерк публикуется к 120-летию создания Флотилии Ледовитого океана — предшественнице советского (ныне российского) Краснознаменного Северного флота. Флотилия базировалась в городе Александровске (ныне Полярный). В Первую мировую войну флагманом флотилии являлся героический «Варяг», выкупленный царским правительством у Японии.

Поход кораблей Северного флота в 1967 г. в Атлантику имел кодовое название «Прилив» или ЭЭОН-67. Задачей экспедиции была проверка возможности ремонта подводных лодок силами экипажа и ремонтными службами непосредственно в море, вблизи района БС. Так базирование лодок переносилось из района постоянной дислокации к району несения БС, что кардинально сокращало переходы и проблемы, с ними связанные. Появилась возможность оперативного реагирования на изменение международной обстановки. Однако, возникали новые проблемы, такие, как материально-техническое снабжение группировки, обеспечение судоремонта, отдых экипажа и пр. Руководил экспедицией адмирал флота Владимирский Л. А.³ В ее состав входила АПЛ под командованием капитана 2 ранга Петра Федоровича Шарова, тактический номер К-128; две дизельные лодки типа «Буки» (большие); плав-база; плавучий склад вооружения⁴; небольшое гидрографическое судно. К снабжению привлекались танкеры ВСГ (вспомогательные суда и гавани).

Лодка К-128, проект 675, относилась к первому поколению АПЛ, была спроектирована для противодействия авианосцам, то есть «охотником» за ними, а также могла поражать объекты на территории противника. Вооружение, помимо торпедного, — 8 крылатых противокорабельных ракет типа П-6, расположенных горизонтально в контейнерах в надстройке. Ракета после пуска поднималась на определенную высоту (делала горку), захватывала цель и только тогда опускалась к поверхности океана и шла над ней к цели. Дальность полета ракеты — 500 км, система наведения и сопровождения ракет «Парус» была новой разработки. Существенным недостатком лодки была ее шумность⁵, надводный старт ракет подразумевал полное всплытие, поднятие контейнеров в положение для стрельбы и была необходимость сопровождать ракету с момента пуска до захвата ею цели, то есть существенно нарушалась скрытность. АПЛ входила в состав 7-ой дивизии 1-ой флотилии (и, возможно, второй бригады) атомных подводных лодок и базировалась в губе Западная Лица, бухта Малая Лопатка. Серия этого проекта была самая большая по числу выпущенных единиц по сравнению с сериями других проектов; К-128 была предпоследней в серии из построенных в Северодвинске на заводе «Севмаш», последней была лодка командира Шеховцова⁶.

В походе на плавбазе находился подсмennyй экипаж АПЛ, возглавляемый капитаном 2 ранга Г. П. Онопко, ремонтная команда. Лодка после БС швартовалась к плавбазе для ремонта, пополнения запасов и смены экипажа. На время похода на юте плавбазы размещался вертолет серии «К», который проходил обкатку в морских условиях как противолодочное средство. В экспедицию входила медицинская группа⁷ из ленинградской Военно-Медицинской академии, которая по выборке из личного состава (л/с) К-128 изучала влияние длительного пребывания в море на человека и была в первой автономке на борту АПЛ. Обследование проводили регулярно, последнее обширное на оборудовании⁸ госпиталя в Западной Лице после возвращения.

ПОДГОТОВКА К-128

Замысел экспедиции, возможно, зрел давно, но предположу, что материальная подготовка началась с момента закладки (начала строительства) К-128 (29.10.1964 г.). Эксперимент решили проводить на новом корабле, что вполне понятно. Но, возможно, это была ошибка. Было бы лучше, если бы корабль предварительно был обкатан в двух-трех автономках для выявления всех проблем с оборудованием. Подготовку экипажа и корабля к походу можно разбить на 4 этапа. Это подготовка л/с БЧ-5 (Боевая часть № 5 — электромеханическое подразделение экипажа) в Обнинске, приемка корабля от промышленности в Северодвинске, ввод корабля в состав Северного флота в месте базирования, непосредственно подготовка к походу.

Капитан второго ранга Шаров П. Ф. сам формировал экипаж. Во всяком случае, он в июне 1965 г. прибыл в Кронштадт, где в учебном отряде подводного плавания

(учебке), в/ч 09990, в школе № 2 отобрал нас 15 человек⁹. Это электрики, турбинисты, трюмные — рядовой состав (должности на корабле старшинские). Поскольку экипаж формировался под новый корабль, то у нас не было специалистов последнего года службы, как обычно на корабле. Подготовка к походу около двух лет проходила почти постоянным составом, что очень поспособствовало как построению процесса обучения, так и сплочению коллектива. В конечном итоге удалось сформировать экипаж, который отмечали как грамотный и слаженный на всех этапах подготовки к походу. Несомненно, это заслуга Шарова П. Ф. и всего офицерского состава. Я не помню равнодушного или формального отношения к своим обязанностям со стороны командования экипажа.

Путь из Кронштадта в Обнинск шел через подмосковный полуэкипаж в Тушино. Там нас, в целях конспирации, переодели в общевойсковую форму. Там же соединились с ранее сформированной частью БЧ-5.

Учебный центр ВМФ по подготовке плавсостава атомного подводного флота (спецшкола старшинского состава), в/ч 27013, возглавлял контр-адмирал Осипенко Л. Г.¹⁰ В центре мы изучали устройство и оборудование проекта 675 (в учебке в Кронштадте 627 пр.), несли вахту на специальных стендах, разработанных и изготовленных силами центра. В центре было два реактора, вынесенных за город. В работе был реактор с водяным теплоносителем. Была полная корабельная схема: реактор, парогенераторы, турбина, генератор. Со станцией управления генератором познакомимся, но на ней не работали. Там была своя эксплуатационная команда. Мы только наблюдали. На объектах в Обнинске был серьезный радиационный контроль, которого не было далее по службе (его попытались ввести, да не получилось).

Жизнь в Обнинске была насыщенная, и для этого все было. В бытовом плане все нормально. Лето, средняя полоса России. Река Протва. При всем неоднозначном понимании и отношении к советскому периоду, надо заметить, что досугу уделялось большое внимание. Совместные мероприятия сплачивали коллектив не только в профессиональном плане. В свободное время были выезды на природу, загорали, купались. На реке Протве соревновались в плавании¹¹ и гребле на шлюпках, играли и устраивали турниры в баскетбол, волейбол, штанга и спортивные снаряды, библиотека были в нашем распоряжении. Командир 2 дивизиона капитан-лейтенант Юрин, родом из Москвы (Тушино), организовал поездку в Москву и провел ее с обширной программой, которая включала Кремль, мавзолей, ВДНХ. Перед заездом в Москву на квартире его родителей переоделись в морскую выходную форму, поскольку военные билеты у нас были ВМФ.

Обнинск. После вручения медали «20 лет Победы в ВОВ». Слева направо. Стоят: управленец из группы управления реактором; не помню; помощник командира корабля капитан 2 ранга Поливода; капитан 2 ранга Шаров П. Ф.; Щербак Василий; возможно, Широков; мичман Чекин Василий; Хирный Н. Сидят: Осенин Лев; Авраменко Олег; Ушаков Анатолий; Рудай Петр; Белец Ал.; Черняков Н.

В сентябре 65-го сдали экзамены. БЧ-5 по результатам экзаменов получила хорошие отзывы от руководства центра. Сдав свой экзамен, я невольно присутствовал при разговоре членов комиссии. Был небольшой перерыв, где они, не обращая на меня внимания, обменивались мнениями. Мнение о нашей команде электриков было откровенно высокое.

В начале октября прибыли¹² в губу Западная Лица, где БЧ-5 соединилась с остальным экипажем. Через день-два экипаж в полном составе отправился в Северодвинск. Шли ночным переходом в надводном положении пассажирами на лодке проекта 675, которая шла на модернизацию. На лодке было два экипажа, да еще человек 20 воспользовались оказией, и пристроиться на ночлег было негде, поскольку все горизонтальные плоскости были заняты. Я пристроился на каких-то трубопроводах в парах машинного масла.

В Северодвинске расположились в учебном отряде в одном помещении с экипажем первой 16-ти ракетной АПЛ с подводным стартом, командир кап. 1 ранга Березовский В. Л. Это была лодка следующего поколения. Я с приятелем (скорее всего это был Куприянов Н. А.) ходил летом посмотреть на нее, когда ее вывели из цеха в сухой док. Лодку называли «Иван Вашингтон» — считали, что она копия американской лодки «Джордж Вашингтон».

В Северодвинске подготовка на базе учебного отряда. А в конце декабря на заводе «Севмаш» впервые попали в цех, где лодка стояла в лесах. На заводе и в цехе была высокая секретность. Высокая секретность была и на объектах в Обнинске, а так дальше по службе она была проще. Начались вахты, знакомство с кораблем, проверка механизмов. Как вывели лодку из цеха в сухой док, а затем поставили к дебаркадеру — не помню, скорее всего, это сделала заводская команда. С заводской командой провели швартовые испытания, ходовые, глубоководные в Кандалакшском заливе, провели размагничивание¹³ — флот принимал корабль от промышленности. Шестого июля переселились на корабль, в июле же вышли с завода.

В Северодвинске, после очередного выхода в море, нас на одни сутки поставили на судоремонтный завод «Звездочка» на островах Ягры. Я поздно вечером, практически ночью, поднялся в рубку покурить. Светло. Поблизости, не у пирса, а в середине бухточки, стояла лодка 627 проекта. Это была «Золотая рыбка» — лодка, построенная в одном экземпляре. Боцман встретил сослуживца с нее — так и узнали. Термин «Золотая рыбка» я еще раз встретил уже по другому поводу — так называли серийные лодки, имеющие какие-либо отличия.

Северодвинск¹⁴ запомнился длительными в тот год морозами за 30°, заводом, по которому из-за его размеров ходили рейсовые автобусы.

С приходом на базу в Западную Лицу начался самый напряженный период — ввод корабля в строй флота. Экипаж должен подтвердить то, что корабль («железо», оборудование и вооружение) соответствует тактико-техническим характеристикам, заявленным проектом, а экипаж способен всем этим управлять и выполнять задачи, поставленные командованием флота. Так начались выходы в море для проведения глубоководных испытаний, проверки максимальной скорости в надводном и подводном положении, ракетные, торпедные атаки и стрельбы, учения по живучести, тактические учения по скрытности перемещения и пр. Флагманские специалисты и всевозможные комиссии «прописались» на корабле.

При глубоководных испытаниях потекли вводы электропитания в 8-м отсеке. При всплытии на перископную глубину затанули их специальным ключом. Затягивали — наваливались вчетвером на ключ. Протечек при первом (заводском) погружении не было. При выходе на максимальную скорость в подводном положении (да и в надводном) корабль так вибрировал (шли на турбинах — турбины непосредственно вращали валовую линию), что все в отсеках затихли и с облегчением вздохнули, когда испытание закончилось. На глубоководные испытания ходили в район Гренлан-

дии, зачем так далеко — не ясно, возможно решали сопутствующие задачи. Все выходы и возвращения сопровождалась погрузкой-разгрузкой боезапаса, питания и пр. в губах и бухтах Кольского залива. Все по ночам — для секретности. В конечном итоге задачи сдали — вошли в состав флота.

Затем предпоходное докование в Полярном. Я окончил школу в Полярном*, бывшей столице Северного флота, когда-то городе военных моряков, подводников, судоремонтников. Тогда Н. С. Хрущев ввел производственное обучение в старших классах средней школы и производственную практику, два дня в неделю в течение 3 лет, я проводил на судоремонтном заводе, где уже в 15 лет¹⁵ зимой ползал в доке по железу кораблей. Я не был на заводе 2,5 года. За это время завод вырос. Добавили новый док под атомные лодки, построили два новых цеха и пирс. Завод удвоился по площади, при заводе построили казарму (пятиэтажную «хрущевку») и появилась рота военных судоремонтников (морской стройбат, человек 200). На заводе разместились на корабле, который после списания был посажен носом на берег напротив первого (котельного) цеха¹⁶ завода и превращен в казарму. Корма была срезана, снято вооружение, но на нем исправно пробивали склянки. Еще со школы у меня была информация, что это английский крейсер «Аякс», что маловероятно, но приятно об этом так думать.

После докования началась подготовка непосредственно к автономке. Поскольку предстоял необычный поход, внимание к работе экипажа было большое. Проверяющие, вплоть до адмиралов, посещали корабль. Подготовка была интенсивной, но все равно не укладывались по времени. Командир приказом по кораблю изменил недельное расписание. Мы лишились воскресений, а в субботу сделали обычный рабочий день. О том, что поход будет длительный, до нас довели месяца за два-полтора до выхода. По ходу событий что-то меняли, поскольку первоначально предполагалось, что межпоходный отдых экипажа будет в доме отдыха на Черном море, что было бы невероятной удачей. Об этом было неофициально заявлено, но не состоялось. Перед выходом в моря экипаж в полном составе прошел тщательный медицинский осмотр, как и после похода тоже. К моменту выхода экипаж откровенно устал и выход в море в апреле месяце восприняли как долгожданный отдых.

ПОХОД, ПЕРВАЯ АВТОНОМКА

Отдыха, на что я рассчитывал, не было. Начались вахты, 4 через 8 часов, расписание дня был расписан так, что экипаж постоянно был чем-то занят. Фареры прошли удачно, об этом сообщили в центральном отсеке с удовлетворением и облегчением. Первая нештатная ситуация в походе — выросло содержание кислорода в воздухе до 24 % что было близко к предельной норме — становилось опасным. Причину не помню, возможно, так и не выяснили. С трудом как-то сбили рост кислорода, для этого перемешивали воздух между отсеками и, в частности, не перезагружали регенерационные установки — содержание углекислого газа подняли за предельную норму (ненадолго довели до 1,3 %). Причем, ничего подобного при выходах на сдачу задач не было. Чем дальше уходили на юг, тем теплее становилась забортная вода, тем чаще включали кондиционер — охлаждали воздух. Потом он работал постоянно. Помимо кондиционера в нашем отсеке работали два главных генератора, два гребных двигателя, две валовые линии и прочие механизмы. Шум стоял постоянно, но как-то к этому привыкаешь. У турбинистов было шумно в отсеке.

Из развлечений, помимо традиционного для всех подводников кино в первом отсеке, устроили турниры по шахматам и силовым¹⁷ упражнениям. После последнего

* Мы с автором очерка «пересеклись» в знаменитой Полярной средней школе № 1 им. М. А. Погодина, правда, в разных классах, учитывая разницу в возрасте, а также в интернате при школе, где жили ребята с отдаленных мест побережья Кольского залива.— Прим. главн. ред.

я сутки-двое ходить не мог и перемещался, опираясь на руки. Восстанавливаться было тяжело, скорее всего, из-за уровня углекислого газа в воздухе. В походе периодически всплывали на связь и для уточнения местоположения — над поверхностью воды выдвигали только перископ и антенну. Попутно сверяли часы по московскому времени, о чем по корабельной связи (по «Каштану») объявлял штурманенок (второй штурман) лейтенант Женя Волобуев. Он, преисполненный ответственностью, низким тоном, торжественно проговаривал (условно): «Московское время 23 часа 43 минуты — то-о-овсь.» Затем повторял все это же и, при достижении заявленного времени, выдыхал басом: «Но-о-о-оль». В целом БС прошла нормально.

Где-то в 60 милях от Африки встретились с группой кораблей. Пришвартовались к плавбазе. По традиции поднесли жареного поросенка. Оказался недожаренным, так и остался в кают-компании нетронутым. Плавбаза стояла на бочках. Первое, что запомнилось, выйдя на свежий воздух, — густой запах водорослей. В теплых морях надстройка зарастала гораздо сильнее, чем на севере. Солнце, тепло. Те, кто решил раздеться под солнцем, обгорели сразу же. В походе жили по московскому времени, но корректировки при всплытии не помню, даже когда двигались вдоль экватора (условно).

Место встречи выбрали неудачно — океанская зыбь мотала корабли, стоящие рядом. Лодка пролетала относительно плавбазы более двух метров вверх-вниз при бортовой качке. Предусмотрели огромные кранцы диаметром около метра да швартовы, сделанные из резинового каната диаметром 50—60 мм. Я тогда удивился — понял, что к походу готовились не только мы. При качке перебраться с лодки на плавбазу была проблема. Краном плавбазы первоначально какую-то люльку подавали, в нее заскакивали, когда она приближалась. Опускали так, чтобы она не ударилась о надстройку, не доходила с полметра. Трап стали подавать, когда волнение позволяло (стало меньше). На него тоже выбирали момент и, кто как мог, взбирались.

В первый же день не обошлось без приключений. Кто-то на плавбазе, «перебравшила» (спирта), упал за борт между кораблями. Уровень воды между кораблями ходил вверх-вниз, вода бурлила. Тело не подавало признаков жизни и, сделав цепочку из людей, его схватили, когда волна подбросила. Повезло всем, оргвыводы в случае гибели были бы жесткими.

Проблемы по прибытию начались сразу же, ибо все предусмотреть в новом предприятии невозможно. Электропитание и пар с плавбазы принять не смогли, поэтому реактор не выводили. Электропитание должно подаваться по кабелю с плавбазы через вводы в прочный корпус. Это кабель диаметром ~ 50 мм, собранный из частей длиной по 10 или 12 метров. Для компенсации перемещения лодки относительно плавбазы делалась петля, которую в месте соединения заливало забортной (морской) водой при провисании. Вода при качке перекачивалась по прочному корпусу и вводам. При таких условиях изоляцию не обеспечить, а подача питания осуществлялась только при полной изоляции. Это и пытались наладить. Для защиты вводов в надстройке специалисты плавбазы наварили что-то типа короба. С трудом установили. Место соединения частей кабеля «завулканизировали» (покрыли жидкой резиной, нагрели, после чего она затвердела) — появилась изоляция. Проблему решили. Пар не получилось принять. В металлическом паропроводе гибкий элемент, компенсирующий перемещение лодки и плавбазы, не помог.

По приходу сразу вывели в ремонт обе холодильные установки (они же опреснительные), при этом с кормовой были какие-то проблемы. Это при том, что все механизмы работали в штатном режиме. Температура сразу поднялась выше 33° (за бортом вода за 20°, а на лодке работающие механизмы, люди). Тяжело было у турбинистов в отсеке, у них температура была под 70°. Турбинисты из-за жары менялись на посту через 30 минут, они стояли по одному на два боевых поста (один на посту, второй отдыхал в соседнем отсеке). А так в отсеках днем л/с занят — отдыхает, а ночью

не заснуть, вместо сна какое-то забытие. Влажность высокая. Направишь на себя вентилятор — лучше на мгновение, убережешь — опять легкое облегчение и не заснуть. И так всю ночь. Длилось это с неделю и откровенно вымотало.

Канаты все же стало рвать, корабли наваливались друг на друга. У лодки легкий корпус могло помять, он по своей конструкции совсем не готов к такому обращению. Надо искать место поспокойнее. В конце концов, сами бочки сорвало, — пришлось сниматься и идти. Плавбаза с пришвартованными лодками, атомной и дизельной, шла малым ходом. При смене района и на ходу качка стала поменьше. Понемногу все наладилось. Проверили, предъявили и передали механизмы и корабль подменному экипажу, а сами перешли на плавбазу. Еще несколько дней поучаствовали в ежедневном проворачивании механизмов. Наконец лодка с подменным экипажем ушла.

Начался отдых, который был относительным и незамысловатым. Всевозможные занятия были весь день, до ужина, но вскоре к адмиральскому часу (отдыху после обеда, когда обычно спали) из-за жары добавили пару часов. Затем и вовсе послеобеденные занятия сократили. О досуге подумали — поставили гимнастические снаряды на полубаке, вечером — кино на верхней палубе. Организовали соревнование между экипажами кораблей по тяжелой¹⁸ атлетике и по комбинированным эстафетам. В штиль, когда плавбаза дрейфовала, раза два-три устраивали купание. Для этого с плавбазы опускали треугольник из трех бревен с глубоким мешком из парусины (так организовывали купания и 100, и 200 лет назад на российском флоте). Спускались по штурмтрапу, так по очереди и купались. Народу много, места мало, очередь большая — но хоть что-то по такой жаре. Правда, вода мне «парным молоком» не показалась, хоть и экватор. Акул почему-то не было, иначе бы никаких купаний. Пара смельчаков (в том числе Пичугин Ф. Ф.) нырнули с борта плавбазы, что было запрещено, за что и были сурово наказаны.

На снимке День Нептуна. В центре Владимирский Л. А.

Провели День Нептуна — день перехода экватора. Вместо «купели соленой» был душ из забортной воды, вместо «кубка влаги живительной» — 150 гр. смеси сока, сиропа, спирта — все крепостью до 20°. Затем представление, подготовленное экипажем плавбазы. Нептун, русалка, черти и прочее. Л. А. Владимирский был в центре событий. Все, полагаю, делалось с его согласия и одобрения. Дипломы о переходе экватора вручали по экипажам позже.

А в остальном досуг устраивали, кто как мог. Перечитали все, что взяли с собой. Немножко спорта — таскали штангу вечером на небольшой площадке или осваивали снаряды на полубаке. Л. А. Владимирский на небольшой площадке «нарезал круги» — бегал. Конечно, специально не загорали, ибо солнце было в изобилии. Прислониться к переборке или ступить без обуви было невозможно — все нагревалось. А так всегда что-то интересное происходило. С момента всплытия у плавбазы, а, вероятно и ранее, нас «пасли» корабли НАТО и самолет-разведчик США типа «Орион» с экипажем в 12 человек. Корабли неназойливо повертелись вблизи и ушли за горизонт, но недалеко — за горизонтом их мачты были видны. Вместе с ними ушло и наше гидрографическое судно, предполагая, что оно выполняло разведывательные функции. Самолет появлялся ненадолго почти каждый день. Как-то с ревом прошел за кормой на уровне мачт. А так летал кругами или вдоль, или поперек курса, опускался к мачтам, крыльями покачивал — невольно скрашивал наше времяпровождение. Даже выбросил оранжевый буй акустический, который тут же стал для спецслужб трофеем.

Эмоциональное событие — первый приход танкера, это была «Лена». Это было что-то похожее на ажиотаж. Все свободные от службы высыпали на левый борт посмотреть. Танкер не швартовался к плавбазе, а просто зашел под левый борт. Люди военные, занятые служебными делами уже не один месяц, вдруг захотели взглянуть на что-то новое, не связанное со службой. На судах ВСГ экипаж (помимо капитана, старпома, стармеха) был гражданский. На танкере пришла почта, топливо, запчасти. Не обошлось без проблем. При перекачке топлива из-за волнения океана (пусть и небольшого) тоже возникли сложности, но их решили быстро. Однако показания количества переданного топлива были разные у танкера и плавбазы. Дело чуть не дошло до конфликта. У плавбазы мерные емкости, а у танкера уже счетчики топлива. Как-то разошлись. Приход следующего танкера восприняли буднично, хотя интерес сохранялся. Надо отметить то, что обводы танкера были как у военного корабля — это для повышения скорости движения.

Взлет — посадка вертолета на палубу. Это оказывается сложно даже при небольшой качке, которая кажется незначительной. Наблюдать стрельбу учебную из бакового спаренного орудия плавбазы по вертолету — тоже для нас развлечение. А для руководства — стрельба по тунцу из автомата с борта лодки. Так развлекались на дизельной лодке. Экземпляры тунца до метра длиной шли параллельно плавбазе и лодке и с той же скоростью, очень близко от борта. Не помню, чтобы попали.

Кто-то ловил акул, но особенно интересно было наблюдать за их поведением. Самая крупная, что поймали, была метра два. Удивительно живучее создание, совершенное морское существо. После получасового нахождения на палубе уходила в плавание, когда отпускали, как ни чем не бывало. Оказалось, что обездвижить акулу выстрелом в голову из мелкокалиберной винтовки невозможно. От акулы сушили плавники и брали челюсти для сувениров. Крупные акулы ходили с прилипами и лощманами. У прилипалы присоска по строению и рисунку как подошва советского резинового сапога (скорее всего, наоборот). Прилипает к телу человека сразу. Из-за акул легкие водолазы, осматривающие корпус и выступающие механизмы, опускались в воду в клетках, возле которых они вертелись.

Дельфины группами сопровождали плавбазу, резвились, некоторые шли перед форштевнем плавбазы на расстоянии 3—5 метров. Летучие рыбки летали стаями. Ночью пару штук залетело в иллюминатор нашего кубрика. Оказалось, что они похожи на некрупную мойву с длинным гребным плавником до хвоста. Кашалоты шли рядом метрах в семидесяти. Не знаю, по каким соображениям был спущен на воду катер, так они пошли вместе с ним борт о борт. Опасались, что опрокинут. За бортом медузы всевозможных форм и расцветок, различная живность, в том числе ядовитая.

Погода радовала. Ненастных дней почти не было, дожди были сильные, кратко-

временные. Тени практически нет в полдень. Закаты с невероятным сочетанием цвета, когда лучи уходящего солнца пробивают облачность. Солнце на глазах вертикально опускалось за горизонт — темнота наступала быстро. На небе месяц рожками вверх, Южный крест на небе. Полярная звезда у горизонта. Экзотика.

Фотоаппараты и радиоприемники были запрещены, но кто-то взял небольшой, величиной с ладонь. И всего один раз вечером в темноте на баке плавбазы я откровенно наслаждался музыкой (не этнической) «угнетенной» Африки. Мы тогда были милях в 60 от нее. В походе мы были вдали от берегов, только видели два острова вулканического происхождения у Африки. Они выглядели как два темных остроко-нечных облака на горизонте.

Плавбаза прошла вдоль экватора от Африки до дельты Амазонки. Не дошли сотню миль (около 200 км) до Южной Америки. Воды в этом месте по цвету отдавали легкой желтизной и были полны рачками темно-красного, коричневого цвета величиной менее полумиллиметра,— это на такое расстояние выносила свои воды Амазонка. В своем переходе пересекали торговые пути, на которых встречали торговые суда. Если для нас эта встреча была интересна и мы выходили на палубу поглазеть на проходящие суда, то для моряков встречных судов встреча с нами не представляла интереса, палубы были пустынями. На плавбазе по морскому этикету при встрече при-спускали флаг в знак приветствия, но безответно. Потом отказались от этой практики.

Встретили нашего рыбака (рыболовецкое судно). Удачно загрузились свежей рыбой — обменяли на топливо, возможно, незаконно. Но пару дней пообедали тунцом.

В подводном положении на лодке не курят и к этому привыкаешь. Так получилось, что небольшие запасы курева, что взяли с собой, уже закончились. Но на плав-базе была лавка, в которой можно было купить сигареты и что-то по мелочи. Рынок со своей нелюбезной сущностью был уже тогда, когда нам заплесневелые сига-реты, которые курить было невозможно, продавали по цене в три раза дороже (за удаленность от родины). Не помню, как вышли из положения, но, скорее всего, что-то получили по приходу танкера.

ВОЗВРАЩЕНИЕ, ВТОРАЯ АВТОНОМКА

Возвращение лодки с подменным экипажем восприняли сложно. Безмятежное ничегонеделание прерывалось и опять нужно идти в автономку. С другой стороны все это «железо» и неизменное солнце уже несколько надоели, появилось чувство — пора домой. Проблем с приемом корабля от подменного экипажа не помню. Ремонт если и был, то несложный. На БС вышли с хорошим настроением, а сама служба проходила буднично, но, как можно уже догадаться, не без проблем. Каким-то обра-зом появилась микротрещина на трубопроводе первого контура реактора. Аварийная партия по аварийной же тревоге вошла в отсек, но все обошлось — поднятия радиа-ции не произошло. По штатному расписанию по радиационной тревоге я обслуживал прибор *КРАБ*, служащий для замера α - и β -излучений. Включил его, и оказалось, что все поверхности «фонят» (имеют радиационный фон), прибор издавал характерный звук. Открытие как ожидаемое, так и неприятное. Из других неприятностей — выход из строя ДУКа (механизм для удаления контейнеров с мусором). Дело закончилось тем, что при всплытии на перископную глубину для связи отсек перекрывался, дава-ли воздух в отсек, то есть поднимали давление воздуха в отсеке с таким расчетом, чтобы при открытии люка механизма забортная вода не поступала в отсек. Затем просто выталкивали шестом контейнер — полиэтиленовый мешок размерами по ци-линдру механизма, который так и называли — «дуковский мешок».

В памяти остался еще такой эпизод. Для начала поясню: регенерационные пла-стины служат для поглощения углекислого газа из воздуха отсека и выделения ки-слорода. Они загружаются в стойки, которые периодически переворачиваются для

равномерной выработки пластин, затем заменяются. При помещении пластины в воду выделяется кислород, а в воде остается щелочь и основа, на которой держался активный материал. Так добывалась щелочь для стирки, что делать было запрещено. Запрет был наложен не зря. Могло произойти самовозгорание масла при контакте с кислородом высокой концентрации. Так, в нашу каюту на 12 человек в 9-ом отсеке по левому борту входит красавец-мужчина с банкой из-под регенерации, а у него в банке в воде плавает кусок пластины регенерации и горит. Пластину притопили в воде — горит под водой. Вытащили, придавили ботинком — горит. Опять отправили в банку — и ожидание. Это все произошло, когда корабль был на рабочей глубине в 90 метров, а событие развивалось в ограниченном пространстве. Чувство опасности и мысль, что эта глупость красавца может иметь трагические последствия, появились сразу же. К счастью, когда уже не знали, что делать, пластина погасла. Все это длилось, возможно, минуту-две, но у ожидания не было конца. Человеческий фактор часто является причиной морских трагедий, при этом проводят расследования, и иногда никак не могут понять, что произошло. А причина — глупость человеческая. Тогда из-за ложной солидарности об этом эпизоде никто не доложил наверх по команде, сейчас я бы сделал это обязательно. А так это сошло с рук.

Суток за десять до окончания похода объявили, что возвращаемся. В центральном посту даже повесили карту, где отражали переход. Я не считал дни в автономке и не помню, чтобы кто-то это делал. Почему так было — не знаю.

Уже в наших водах стрельнули удачно болванкой по полигону.

При подходе к своим водам и берегам настроение у всех было приподнятое, особенно когда проходили узкость при входе в губу (означает, что скоро будем у пирса).

По приходу у нас, электриков, опять проблемы. Для вывода реактора необходимо питание с берега, а на дворе осень, сырой пирс — изоляцию сложно будет наладить. Экипаж убыл на плавбазу, а мы таскаем десятиметровые куски кабеля (по двое — трое, иначе с места не сдвинешь), сращиваем их. С трудом добились приемлемой изоляции и к ужину успели. А ужин закончился застольем. Под предлогом моего дня рождения отметили возвращение и мой день рождения. Мои годки (одного года призыва) организовали. После ужина остались в столовой человек 20 (два стола по 10 человек), выставили по чайнику со спиртом на столы, какую-то закуску и посидели до отбоя — отхода ко сну. Спиртного было достаточно, но все было пристойно. Офицеры и сверхсрочники гуляли позже в Полярном, где доковались после похода. Гуляли в «Ягодке»¹⁹. Это легендарное заведение. Днем столовая*, вечером ресторан. Там праздновали возвращение из похода экипажи подводных лодок во время Отечественной войны. Традиция сохранилась до наших дней. Поскольку наши материально были «заряжены» после похода хорошо, то гуляли с размахом. Так погуляли, что пришлось отдать команду покинуть ресторан — отступали организованно через подсобные помещения.

Вернувшись из похода, расслабиться не получилось. На следующий день (в день рождения комсомола) под утро сыграли пожарную тревогу — пожар во втором отсеке. Экипаж по тревоге бежал с плавбазы на корабль. Горела кандейка (небольшая кладовая) врача майора Угулавы. Причина возгорания, предположительно, — влажная от перекиси водорода ветошь. Первая аварийная партия справилась. Пожар заметили вовремя. Тушение осложнялось тем, что кандейка находилась под трапом, который поэтому был в огне, спуститься по нему для доступа к очагу было не просто. Вторая партия, одетая в легководолазные костюмы, ничего не делая, сомлела за четыре часа. Они были в нашем отсеке и под конец тревоги выглядели удручающе. Ущерб из-за вовремя принятых мер оказался восстановимый. На боеготовность по-

* До сих пор не могу забыть вкусового ощущения от рулета из кролика — фирменного блюда «Ягодки». В хрущевские времена на всем Северном флоте свирепствовал «сухой закон», но «Ягодка» и столовой была на высоте: официантки, швейцар, вроде, даже музыка была. — Прим. главн. ред.

влияли только обгоревшие кабельные трассы. Это кабель, собранный в пучки диаметром от 20 до 40 см. На восстановление потребовалось суток трое — работали 8 через 8 часов, устали откровенно.

Еще одна проблема после похода — аккумуляторная батарея. Она была убита после трех автономок и требовала восстановления — лечебного цикла. В походе возможности провести его не было. Процесс длительный, с интенсивным выделением паров кислоты и водорода. Отслеживали процесс по контрольным банкам постоянно, — так что я надышался этой смесью настолько, что, закулив, запах дыма не почувствовал. А после завершения лечебного цикла, заступив на нижнюю вахту, так и не сумел ночью прикорнуть, поскольку пришлось отслеживать по приборам наличие водорода в отсеке, который обильно выделялся. Водород достигал предельно допустимой нормы ($\sim 4\%$) за 1,5—2 часа. Приходилось периодически минут на 15—20 включать вентилятор для вентиляции отсеков.

РЕЗУЛЬТАТ

Организация похода была элементом поиска путей развития флота. Об этом думали, что-то пробовали, военно-морская мысль работала. Так формировалась морская доктрина СССР. Результаты же нашего похода признаны положительными — заявленные задачи экипажем, в целом и экспедицией, были выполнены. За семь месяцев корабль участвовал в трех автономках — результат достойный. По результатам похода получили очередные и внеочередные звания, часть экипажа была позже награждена. Награды вручал командующий 1-ой флотилией Герой Советского Союза вице-адмирал А. И. Сорокин на пирсе перед строем флотилии — выстроили несколько экипажей.

НЕКОТОРЫЕ ОБОБЩЕНИЯ

Корабль был новострой (корабли строят), но у нас за год и четыре месяца были проблемы с только что установленным электрооборудованием. Тогда это почему-то не казалось чем-то неожиданным. Сейчас считаю это недопустимым. С трудом удалось восстановить изоляцию на преобразователе в пятом отсеке. Это было сразу по прибытию в Западную Лицу из Северодвинска, при первом выходе на сдачу задач. Дело шло к срыву выхода в море, все были на нервах, поэтому сам Бычок (командир БЧ-5) этим занимался — командование торопило. Когда изоляцию восстановили, то, расслабившись, в центральном отсеке он, довольный тем, что все благополучно разрешилось, поведал, что слово «не фурычит» на флоте ввел он. Не фурычит — не работает, вышел из строя. Это забытое на гражданке слово я встретил у А. Покровского (и у В. В. Жириновского) в одном из его рассказов — прижилось. Искрил двигатель конденсатного насоса в седьмом отсеке с момента постройки. Его заменил подменный экипаж в Атлантике перед их выходом в автономку. Поменяли подшипник на одном из двигателей — грелся. Целую ночь (сутки не спали) промывали двигатель в 10 отсеке (извели спирта на него — не счесть — просто заливали струей спирта с воздухом через резак). Уже после похода в реакторном отсеке преобразователь отказал. Под ним кап. 3 Н. Ф. Куприянов с тестером и схемой преобразователя два дня сидел, но сделал. При возвращении перед входом в губу определили ноль (нарушение изоляции) на рулевом устройстве (это серьезно) в центральном отсеке. Это только то, что осталось в памяти по электрооборудованию, где я принимал участие в ремонте или обслуживании. По другим механизмам, поскольку меня не касались, не помню, но один случай остался в памяти. В 9-м отсеке в каюте по правому борту располагался ШУКС — примитивный микроторпедный аппарат для пуска шумового снаряда, имитирующего акустический след подводной лодки. Этот снаряд по замыс-

лу должен подать ложный сигнал противнику при обнаружении и преследовании лодки. При том развитии средств обнаружения подводных лодок и слежения за ними было ясно, что эти надежды наивные, но, тем не менее, аппарат имелся. Я находился в каюте по левому борту, дверь в дверь с каютой по правому борту, и весь этот спектакль разыгрался на моих глазах. После определенных штатных действий с центрального поста поступила команда «Товсь», ответ: «Есть товсь», затем команда «Пуск», на что бодро ответили: «Есть пуск». Но пуска не последовало. После трехкратного обмена командами и ответами пулей прилетел старшина команды Коля Хирный. Опять трехкратный обмен, и прилетает командир 3-его дивизиона кап. 3 Хуснутдинов. Ему было достаточно двух раз, чтобы понять, что пуска не будет. Что произошло с аппаратом — не знаю, скорее всего, сам снаряд был с браком или ШУКС не «проворачивали» и он закис. Как *Кэл* (командир корабля) и Бычок отделались от проверяющих — история умалчивает.

НЕМНОГО ОБ ЭКИПАЖЕ

Личный состав атомных подводных лодок был достаточно культурным и образованным. У всех среднее образование, у кого-то техникум, опыт работы. Единственный человек с семилетним образованием — второй кок. Когда нас оправили в отпуск

На снимке 2-ой дивизион БЧ-5 в 8-м отсеке перед возвращением. На снимке виден цилиндр гидроподъемника ракетного контейнера. Слева направо и снизу вверх: первый ряд: старшина команды мичман Михаил Трунин и командир кормового отделения, фамилию не помню; второй ряд: Малько А., Двойников А., Черняков Н.; третий ряд: Шарипов И., Куприянов Н. А., Куприянов Н. Ф., старшина команды дизелистов (фамилию не помню); четвертый ряд: Кулаков В. М., Антипенко Г. Я., Астахов; сзади Ушаков А. И. и Пичугин Ф.Ф.

после похода, то группа моих сослуживцев, человек семь вместе со мной, остановилась на ночлег на квартире моих родителей в Мурманске. Мы прибыли неожиданно. Устроили застолье. Вечером, тоже без предупреждения, появился брат моей матери Сергей Максимович Еголаев. Он работал главным механиком леспромхоза и прибыл в командировку. Мы тогда долго засиделись за столом за разговорами. Утром, когда все разъехались, он, под впечатлением от общения, сказал мне: «Коля, это другой флот». Буквально за несколько дней до нашей встречи он был в компании военных моряков. По его мнению, отличие поразительное. Возвращаясь к этому, подумалось, что здесь, возможно, как-то сыграл отбор, что провел П. Ф. Шаров.

В памяти сохранилось немного имен, укажу те, которые хотелось, чтобы прозвучали. Прошу прощения, если в характеристике что-либо неверно указал.

Шаров Петр Федорович после похода стал кап. 1 ранга. Когда я увидел его в новенькой форме капитана 1 ранга, то первая мысль, что у меня появилась, — Петр Федорович будет вице-адмиралом. И я рад тому, что Петр Федорович стал вице-адмиралом, что я в этом не ошибся. Петра Федоровича не стало. Понимаешь, что время не обманешь, но все равно скорбно.

Зубков, капитан 2 ранга, командир БЧ-5. Хочу, чтобы все знали, что выражение «не фурычит», которое ходит по стране, придумал он.

Куприянов Николай Федорович, капитан 3 ранга, командир 2 дивизиона БЧ-5, технар, грамотный, настойчивый.

Антипенко Геннадий Яковлевич, командир группы в нашем дивизионе. Он при нас вырос от лейтенанта с голубыми глазами, каким он встретил нас, до капитан-лейтенанта. Катал старший матрос Антипенко торпеды по пирсу на Балтике и надое-ло. Решил летом отдохнуть, Питер посмотреть, и подал заявление на поступление в училище. Экзамены (опозориться не хотел и этим определил свою судьбу) сдал, но сочинение по литературе написал с 18-ю ошибками и стал ждать отправку в часть. Дураков в приемной комиссии не было — заставили переписать без ошибок и зачислили. Стал офицером.

Пичугин Федор Федорович, слаботочник, с Волги, после демобилизации (ДМБ) намеревался жить в Юрино на Волге.

Шарилов Ильгиз Рауфович, добродушный по натуре, из Казани.

Кулаков Владимир Михайлович, из Петергофа (или Ломоносова). Собирался поступить в Ленинградский Военмех. После четырех лет службы приоритеты могли поменяться.

Куприянов Николай Аскирович, главный старшина, из Волхова. Погулял после службы и уже через два года после ДМБ работал начальником участка в строительной организации.

Двойников Алексей И., его ждал Норильск, жизнь расписана на годы.

Ушаков Анатолий Иванович, после ДМБ на заводе Лихачева в Москве.

Малько Алексей, москвич. Видел себя машинистом метрополитена. Думаю, — пошел выше в той же системе, это не его потолок.

Астахов, собирался стать машинистом тепловоза. Наверняка стал.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Косвенное упоминание о походе я получил сразу же после ДМБ, когда отдыхал на родине отца в селе Березовский Рядок. Тогда двоюродный брат Юрий Васильевич Черняков предложил мне и моему брату Юрию скрасить ночное дежурство своего приятеля в сельском совете в момент ввода наших войск в Чехословакию. Дежурство организовал военком на случай экстренной мобилизации. Немного вина, незатейливая закуска, разговоры — ночь прошла спокойно. Там увидел Ведомости Верховного Совета СССР, где я нашел знакомые фамилии в Указе о награждении военнослужащих.

- 1.1. Научно-популярный журнал «Техника и вооружение» № 5—6/2000 г.
- 1.2. Г. Г. Костев, «Военно-морской флот Советского Союза и России 1945—2000», Москва, 2004 г, стр. 426.
2. Статья капитана 1 ранга Мирошниченко О. К.: http://www.navy.ru/forum/index.php?PAGE_NAME=message&FID=13&TID=438&MID=9056#message9056
3. Владимирский Л. А. год командовал Черноморским флотом во время войны; 25 лет спустя после ДМБ случайно мне попался в руки старый журнал «Морской вестник». Там обнаружил его статью, стало ясно, что он занимается исследованием океанов. Наша экспедиция была для него не первой, но отличалась от других своими задачами.
4. Я первоначально принял этот корабль за плавмастерскую, поскольку на борту было обозначение ПМ. Мнение свое я поменял, когда нас, два кубрика л/с БЧ-5, неожиданно отправили под предлогом проведения каких-то работ на этот корабль. Мы оказались в трюме, совершенно громадном, и забитым стеллажами с торпедами. Отмечу, что помещение по технике безопасности было пересыпано опилками, полагаю, чтобы не было искры при случайном соприкосновении металлов. Работами мы не занимались. Просидели на трапе, не спускаясь в трюм, более двух часов. Покурили, хотя это категорически запрещалось. Я сам не закуривал, но не отказался от предложенной пары затяжек. Дымок в горло, сидя над торпедами, не лез. В это время Второй отдел проводил обыски в кубриках. Нашли что-то, но не у нас. Об этом позже сообщили на общем собрании без упоминания того, что обыск был и у нас.
5. О шумности тогда информации было немного; о ней знали, но особенно не заморачивались, поскольку основной шум создавали турбины и винты, на которые экипаж никак повлиять не мог. Сравнений по уровню шумности с американскими лодками не помню. В 1984 году летом я пассажиром на т/х «Вацлав Воровский» прошел вдоль побережья от Мурманска до Архангельска. Хотел вспомнить молодость — посмотреть на берег с моря и побывать в Северодвинске. Тогда там жил брат Юрий*, который после окончания университета в Петрозаводске был распределен на завод «Севмаш», где мы когда-то получали корабль. На берег посмотреть не удалось — был туман. В каюте на двоих со мной был флотский старший лейтенант. От него я узнал, что наши лодки из-за шумности называли «ревущими коровами». Старший лейтенант на несколько дней вырвался к семье в отпуск и добирался до Питера через Архангельск, поскольку летом из Мурманска спонтанно выехать поездом было невозможно.
6. Дизельную лодку, командиром которой был Шеховцов, обнаружили Бискайском заливе и вынудили всплыть для зарядки батареи и вентиляции отсеков. Всплыл — кругом американские корабли. Причем, поинтересовались, не нужна ли помощь господину Шеховцову. Байка, сведения не проверены.
7. Медики утверждали, что часть методик и тестов были взяты из программ для космонавтов. Членов выборки они приглашали при случае посетить академию и пройти такое же обследование. Попутно делали начинающим лысеть операции против облысения. Они рассекали мышцы на лбу, полагая, что сморщенный лоб препятствует кровоснабжению корней волос.
8. На последнем медицинском обследовании определяли уровень радиационного заражения по щитовидке, где скапливался радиоактивный йод. По тому, как затрепал прибор (прибор был включен на диапазон для замера непораженной щитовидки) и как дернулся оператор, проводивший замеры, я понял, что дела мои плохи. С этим звуком я познакомился, обслуживая КРАБ, о чем уже упоминал. Насколько плохи — узнать было невозможно, военная тайна на тот момент. Я даже пытаь-

* А вот с Юрием Михайловичем Черняковым мы учились в одном классе в Полярной средней школе. Друзья до сих пор (он живет в Петрозаводске).— Прим. главн. ред.

ся не стал. Только не мог вспомнить, когда и где я ошибся. Всего один раз я заходил в реакторную выгородку для смены аварийных фонарей, тогда и пришлось пройти по крышке реактора. Заведование было не мое (не я обслуживал), но послали меня. Тогда примитивный индивидуальный прибор для замера радиации («карандаш») показал, что полученная радиация составляет два рентгена. «Карандаш» по своему устройству рассчитан на замеры до двух рентген, получил больше — прибор все равно показывал 2. На корабле были индивидуальные приборы со шкалой до 5 рентген, но его мне не выдали — я был в недоумении по этому поводу.

9. П. Ф. Шаров вызвал меня и показал листок, на котором было напечатано строк пять-семь зеленым цветом. И сказал примерно следующее — это твоя характеристика и она почти вся подчеркнута красными цветом, но я тебя беру, ты будешь служить. Я вышел и не мог вспомнить, кому, когда и чем я дал повод так охарактеризовать меня, поскольку серьезных взысканий не имел, сознательно дисциплину не нарушал, да и в мыслях такого не было.

10. Леонид Гаврилович Осипенко был первым подводником в послевоенной истории флота, которому было присвоено звание Героя Советского Союза. Он был командиром первой советской атомной подводной лодки. Лодка проекта 627, впоследствии названа «Ленинский комсомол». В 1965 году все военнослужащие были награждены юбилейной медалью «20 лет Победы в Великой Отечественной Войне 1941—45 г.г.» и он лично вручал ее нам.

Перед нашим возвращением случился пожар на «Ленинском комсомоле», где в первых двух отсеках погибло 39 человек, часть из них курсанты старших курсов на практике. Еще один член экипажа позже погиб в отпуске, разбившись на мотоцикле. Тела доставали через люк для погрузки аккумуляторной батареи, предусмотренный в прочном корпусе второго отсека. Мой одноклассник по Сайда-губской семилетней школе Николай Егорович Королев участвовал в этом. Он тогда служил электриком на судне для размагничивания кораблей. Им дали простынь на двоих и по полкружки (алюминиевой флотской) спирта. Задача была предельно проста - вдвоем вынести одно тело. Выпили, пошли, сделали.

11. Пловцов у нас не было, представлять экипаж некому, поэтому я решил попробовать себя в плавании и выступить — выручить экипаж. Я имел о плавании только то представление, что дал мне будущий кап. 3 и флагманский специалист (артиллерист) Валентин Смирнов (после училища начинал службу на «половинке»). Это было на Кубани в станице Бриньковской, где мы работали в совхозе. Школа организовала выезд на летний период учеников с севера на юг, где мы заработали на десятидневный отдых в Новороссийске. Руководителем и душой поездки была незабвенная ГНЗ* (Галина Николаевна Зыкова). Тогда наши ребята выступили за совхоз на районных соревнованиях по плаванию и заняли почти весь пьедестал во всех стилях. Небольшая доблесть спортсменам-разрядникам выиграть у сельской молодежи, поэтому торжеств не было, посмеялись и забыли. Однако я попросил Валентина показать особенности стилей плавания. Он, второразрядник, на речке Бейсуг за пару минут все рассказал и показал. С этим багажом, с его советом «греби под себя» я нырнул по сигналу в воды Протвы и проплыл 50 метров. К своему удивлению занял третье место.

12. База была в бухтах Малая и Большая Лопатка, а семьи офицеров и сверхсрочников жили в поселке Заозерный (сейчас город).

Тогда из Мурманска до базы шли на небольшом буксире, который мотало — был шторм под шесть баллов. В этом переходе я убедился в справедливости выражения, четко схваченного автором песни: «пусть на палубу небо падает — все идут кораб-

* Помню ее — легендарная личность в школе и вообще в Полярном и «его окрестностях». — Прим. главн. ред.

ли...». Я плохо переношу качку и приоткрыл дверь, чтобы глотнуть свежего воздуха. Тогда и увидел, как реально «небо падает». Это когда ты не видишь горизонта, а видишь только стену воды и краешек неба, и вдруг взлетаешь на гребень волны, и небо мгновенно раскрывается до горизонта — так возникает ощущение: небо падает на тебя. Буксир был паровичок (с паровым двигателем). Тогда я единственный и последний раз увидел, как мотаются шатуны (мотыли) — у паровых двигателей они открыты. Мы тогда спустились в «машину» (машинное отделение), чтобы где-то пристроиться на переходе, да и искали место, где поменьше качает.

13. Для размагничивания на рейде обмотали корпус лодки (длина за 100 метров, высота с трехэтажный дом) кабелем, диаметр которого не помню, но совсем не легкий. Таскали вручную, как бурлаки, несколько часов. Размагничивание же в Полярном было гораздо проще. Постояли сутки-двое в отстое над некой платформой и все.

14. Я побывал в Северодвинске через 18 лет. Рядом со старым городом вырос новый город таких же размеров. С Северодвинском, точнее, с Архангельском, связан еще один эпизод. Я получил отпуск и, по инициативе командиров и с их участием, за что им благодарен, по проездным документам получил возможность вылететь в Мурманск, а не ехать поездом. Нас было четверо. Аэропорт был скученный и неопрятный, мы решили пообедать в ресторане, благо он был свободен. Но поесть не удалось — патруль по просьбе посетителей из офицеров попросил нас покинуть ресторан. Мы зашли в буфет, распили бутылку водки, поели стоя, благополучно вылетели.

15. Впервые я попал на дизельную лодку лет в 12—13 — пригласили шефы из поселка Ягельное, сейчас Гаджиево. Я тогда жил в печально известном поселке Сайда-губа. Печально потому, что прекрасное место на побережье Мурмана, освоенное и заселенное еще поморами, бездумно превращено в стоянку реакторных отсеков разделанных подводных лодок.

16. В упомянутом котельном цехе я в последний раз видел памятник Сталину, который был достопримечательностью и неотъемлемой частью Полярного. Голова памятника была наполовину отпилена, а сам он лежал у дальней стенки цеха вместе с металлическим ломом. Доставка памятника на завод — история примечательная. Демонтировать его и перевезти за ночь не успели, поэтому транспортировку памятника видели все, кто утром шел на работу. Статую, с накинутой петлей на шею, волок по дороге трактор. Рядом шел рабочий класс...

17. Я тогда подтянулся 17 раз (Вячеслав Мальков установил рекорд — 20), отжался 43 раза (касаясь пайол грудью и на вытянутые руки), присел на правой ноге 50 раз, на левой 30 и стал лидером, опережая соперника на 33 единицы. Проиграл я в приседаниях с грузом (лом плюс две банки с регенерацией ~ 20 кг). Приседал я первым. Сколько раз присесть для того, чтобы сохранить победу, я не знал, изнурять себя не стал, присел всего лишь раз 114 или 117 — отдал победу.

18. Опять вызвался представить экипаж в соревновании. Хоть и занял второе место в своем весе (где-то 68—69 кг), но норматива третьего разряда не выполнил. Толчок 95 кг — запомнил.

19. Сейчас «Ягодка» снесена*. Руководство города сделало непоправимую ошибку — прервало традицию. «Ягодка» — название народное, неофициальное.

* ...И вторая достопримечательность города — Дом офицеров флота (ДОФ, до войны ДКФ — Дом командиров флота) — не уцелела; сгорел ДОФ, построенный в 30-е годы основания Северного флота СССР; см. мою книгу: Алексей Яшин. Дэкаф: Северные повести.— М.: «Московский Парнас», 2013.— 299 с. (В электронной форме см. на сайте: www.pz.tula.ru).— Прим. главн. ред.

Борис Григорьев
(г. Москва)

РАБЫ С ВОСТОКА
Советские военнопленные в Норвегии (1941—1945)
Главы очерка

Родился в 1942 году в с. Порой Рязанской (Липецкой) обл. После окончания средней школы поступил на переводческий ф-т ИМПИИЯ им. М. Тореца. В 1965—1996 гг. сотрудник нелегальной разведки ПГУ КГБ (потом СВР РФ), работал в Дании, Швеции и на Шпицбергене. Сейчас полковник СВР в отставке. Владеет немецким, английским и скандинавскими языками, имеет более 30 публикаций в российских и шведских издательствах.

Моему отцу и его товарищам по немецкому плену в Норвегии посвящается

3. Arbeit macht frei*

В советско-норвежском обзоре за 1947 год о советских военнопленных в Норвегии говорится, что военнопленные использовались главным образом на строительстве военных объектов, на работе по удовлетворению нужд вермахта (строительство барачков, наземных и подземных складов, рубка леса и обработка древесины, погрузочно-разгрузочные работы, работа на транспорте), на строительстве дорог, включая железные дороги и промышленные объекты и на работе на промышленных объектах.

Они работали на самых тяжелых земляных работах, в каменоломнях, на строительстве бункеров и туннелей, на сооружении окопов и погрузочно-разгрузочных работах, как правило, без применения каких-либо технических средств.

В начале войны у Гитлера возникло намерение построить между Му/Рана и Киркенесом, с ответвлением на Нурдрейса-Альту, полноценную железную дорогу. Еще в 1940 году он наметил строительство в Норвегии двух железных дорог: одну для связи Ставангера с Осло, а другую в направлении севера. На строительство этих дорог Гитлер отпускал 2 года.

Участок Северной железной дороги до Му был уже готов к эксплуатации, а участок от Му до Фауксе планировалось сдать к концу 1943 года, когда к весне 1942 года немцы неожиданно признали, что круглогодичное использование норвежского главного шоссе № 50 на участке между Лаксэльв и Ивало, с учетом решения стратегических вопросов обороны норвежского побережья, является более важным.

Строительство шоссе № 50 запланировали вести от Посангер-фьорда к Карашоку, а железную дорогу — от Му до Киркенеса. В июле 1942 года были сделаны расчеты рабочей силы. Оказалось, что на строительство железной дороги Киркенес-Фауксе в конечном итоге понадобится до... 300000 человек! Вероятно, такая фантастическая цифра не устрасила немцев, и уже на текущий год они запланировали задействовать на ней около 35000 человек.

* Труд делает человека свободным (пер. с нем.).

В 1943 году Группа «Викинг» в Норвегии приступила к строительству Северной дороги. Между тем Н.Фалькенхорст выразил сомнения в успехе ее строительства, подсчитав, что на это понадобится от 4 до 6 лет и концентрация на ней не менее 145000 советских военнопленных. Гитлер был вынужден признать доводы Фалькенхорста разумными и согласился лишь на то, чтобы сконцентрировать усилия на строительстве дороги на участке Фауске-Драг.

Суровые зимние условия, отсутствие в достаточной мере строительных материалов и рабочей силы создали на строительстве участка дороги севернее Му большие трудности. Гитлер приказал доставить туда югославских и советских военнопленных. Он был настолько щедр, что запланировал выдавать пленным усиленные пайки. Но были ли эти планы претворены в жизнь, история скромно умалчивает. В течение последующих лет немцы стали закачивать на строительство железной дороги колоссальные средства, привлекая для него немецкие и австрийские фирмы и направляя туда все новые партии советских военнопленных. В декабре 1943 года там работали уже 8.164 пленных, 206 легионеров-охранников, 2884 норвежца, 740 немцев, 282 поляка, 113 французов, 90 чехов и 17 рабочих других национальностей.

Другой отрезок дороги — от Фаске до Драга — был длиной в 130 км. На ней были заняты 18 немецких и норвежских фирм и 7784 человек рабочих, из которых 5515 были советскими военнопленными. К октябрю 1944 года всякая работа к северу от Торкильсэнда была приостановлена, к этому времени была закончена лишь третья часть ж/д до Драга. В это время на участке Му-Финнейд трудились 11500 советских, 800 югославских и 1041 польских военнопленных, а на участке Финнейд-Драг — 8.300 советских военнопленных.

Труд советских военнопленных массированно использовался и на удлинении и содержании другого стратегического объекта вермахта — шоссе № 50. Особые трудности в использовании дороги в зимнее время представлял участок между Квэнанген и Киркенесом. Было признано необходимым заняться строительством туннелей и оборудованием вдоль дороги защиты от снега в виде деревянных щитов. На участке Альта-Скайди были заняты около 2000 соввоеннопленных и немецких эзков. Они в тяжелых погодных и бытовых условиях строили там 2 туннеля: Реппарфьелль длиной 8235 м и Хаттер длиной 5300 м.

И, наконец, третий стратегический объект — Атлантический вал.

Общие указания на этот счет содержались в распоряжении генерал-фельдмаршала Кейтеля от 14 декабря 1941 года. В нем речь шла об укреплении норвежской береговой линии и об оборудовании ее оборонительными сооружениями. Работа должна была распределяться между ОТ (строительство) и ВКСВ (обеспечение стройматериалами), а руководить строительством было поручено рейхсминистру Ф. Тодту.

Опасения Гитлера в отношении высадки на норвежском побережье союзнического десанта ускорили работы на Атлантическом валу по оборудованию батарей береговой артиллерии, ДОТов, аэродромов, бункеров и пр. И сюда было привлечено большое количество рабочей силы: советские военнопленные, саперные и строительные подразделения вермахта и Люфтваффе, 3 польских стройбатальона и до 10000 норвежских специалистов, инженеров и рабочих. Две трети общего количества пленных были задействованы на южном и западном участках, а одна треть — на северном участке норвежского побережья. Согласно данным ОТ на июнь 1944 года, на строительстве Атлантического вала работали 12611 советских военнопленных, 6419 норвежцев, 4097 немцев и 2086 гражданских лиц других национальностей.

Для Люфтваффе в районе Ставангера строились аэродромы в Суле и расширялся аэродром в Форусе. Для защиты военно-морской базы в Ульснесе в Хундвоге и Бюэе с помощью советских военнопленных были смонтированы зенитные батареи Люфтваффе.

Печально известен еще один оборонительный объект немцев, над сооружением

которого также работали советские военнопленные,— это крепость Люнген, к востоку от г. Тромсё. Это дикая, совершенно необжитая часть Норвегии и Финляндии, с суровым, особенно в зимнее время, климатом, почти метровой толщины снегом, не тающим до июня. Она понадобилась немцам в конце 1944 года, когда части Советской Армии стали нацеливаться на занятие северной Норвегии. Люди здесь работали на износ, выдерживали недолго и умирали. Расположенная на высоте от 800 до 1200 м, линия Люнге представляла собой цепочку связанных между собой мелких ДОТов. Каждый из 550 ДОТов являл собой сколоченную из бревен коробку, которую нужно было по бездорожью, в глубоком снегу, поднимать наверх, ставить в выдолбленное на камнях углубление и маскировать камнями и песком.

Крупные объекты военно-морского назначения по плану Гитлера строились в Ставангере (Ульснес), Тронхейме (подземное укрытие для подводных лодок) и в Бергене (сухой док). Первый объект начал строиться уже летом 1940 года. По программе «Викинг» здесь были заняты германские фирмы и около 4300 человек, включая норвежцев. К концу войны там работали 800 советских военнопленных.

Форт Ульснес представлял собой базу снабжения ВМС, на которой, в частности, вооружали торпедами подводные лодки. Кроме того, в Ульснесе военнопленные из соседнего лагеря Русенберг построили береговую батарею из 4-х 12-сантиметровых пушек шведской системы «Буфорс», снятых с трофейного норвежского тральщика «Улав Трюгвасон». Работы на этом объекте ВМС с участием советских военнопленных шли до самого последнего дня войны. Об объеме работ свидетельствуют следующие данные: для строительства пяти двухэтажных бункеров, четырех площадок для пушек и центра управления береговой батареей понадобилось не менее 5120 кубометров бетона. Кроме того, пленные построили здесь 4 барака для солдат и дороги, связывающие воедино всю систему береговой обороны.

Пленные лагеря Севландсвик (коммуна Окра, Северная губерния), открытого в ноябре 1943 года в 3-классной школе, в основном работали над маскировкой прибрежных фортов и сооружением батареи 73/978 береговой артиллерии на полуострове Сюре, где были сосредоточены самые сильные укрепления немцев в этом районе, и над сооружением батареи 67/977 на Феркингсдаде. Пленные также использовались на строительстве причалов, насосной станции и на селедочной фабрике.

Производительность труда военнопленных была весьма низкой, что объяснялось главным образом их истощенностью и физической слабостью, а также отсутствием желания работать на врага в полную силу. Расчеты о производительности работы пленных на снегоочистительных и снегозадерживающих работах в районе Салтфьелля за год (227600 трудодней) показывают, что производительность пленных составила всего лишь 4,5 % от нормальной рабочей силы.

Советские военнопленные мелкими партиями использовались и на других непроизводительных работах — там, где требовался тяжелый физический труд. Так, например, когда население Сульдаля (Северная губерния) не стало справляться с наложенной немцами повинностью по заготовке березовых дров и древесины, то на зимнее время привлекли 35 советских военнопленных. Они валили деревья и очищали их от веток, в то время как местные норвежцы вывозили их из леса на склады.

Лагерь Мадла (коммуна Ставангер) принадлежал 978-му полку береговой артиллерии армии, и его узники использовались при сооружении батареи береговой артиллерии. Лагерь пользовался дурной славой и отличался особой жестокостью администрации по отношению к советским военнопленным. Норвежцы были частыми свидетелями избиений пленных. Работы начались зимой 1943 и закончились в апреле 1944 года.

4. Условия жизни в лагере

Тот факт, что СССР не подписал Женевскую конвенцию о военнопленных, это никоим образом не освобождало немцев от обязанности относиться к советским во-

еннопленным так же, как и к пленным других стран. Но немцы грубо игнорировали это положение и в отношении советских пленных применили самые бесчеловечные и жестокие методы обращения.

6 июля 1943 года военные в Норвегии, отвечающие за советских военнопленных, получили разъяснение о том, что они являются большим ресурсом для рейха не только потому, что ему нужен их труд, а и потому, что, находясь в плену, они лишены возможности сражаться против немцев. Развивая логически второй из этих аргументов, немцы в Норвегии морили их голодом и непосильным трудом. Ведь мертвые советские военнопленные уже никогда не смогут воевать против немецких арийцев!

Вот образец нацистских инструкций по вопросу «здоровой и вкусной» пищи для военнопленных:

«В качестве дополнительного пайка каждый военнопленный может ежедневно получить 500 г картофеля. При недомогании или заболевании ему можно выдать 125 г цельного молока, кроме добавочной порции скисшего молока... Особое внимание должно быть обращено на физическое состояние больного. Предписание врача действует в течение полумесяца и должно быть после этого возобновлено». Далее лицемерный Берлин советует администрации лагерей давать военнопленным витамины, содержащиеся в травяных отварах, и обязательно регистрировать в их учетных карточках случаи болезни заразными заболеваниями и название вакцин, которые им якобы будут сделаны. Вопрос о госпитализации больных пленных должны были решать местные лагерные врачи.

Педанты из лагерной администрации высчитали, что для нормальной физической работы каждому военнопленному полагалось не меньше 2400 калорий в день, но этой нормы не выполнил ни один лагерь, находившийся в ведомстве вермахта, а еще меньше — в лагерях, подведомственных ОТ.

Когда после войны одного бывшего советского военнопленного в транзитном лагере Ватне (Ставангер) спросили, чем он питался все эти годы в Норвегии, тот ответил: буханкой хлеба в день на шестерых, никакого картофеля, немного кольраби и шпината, иногда немного рыбы из рук норвежцев, когда охранник благосклонно отвернется в сторону, и еще реже — банку мясных консервов (850 грамм на 100 человек!)

Норвежцы свидетельствуют, что они часто видели, как пленные едят остатки еды для свиней, мерзлую картошку, гнилую рыбу, отходы рыбных продуктов, траву и цветы, и как был застрелен советский военнопленный только за то, что он подобрал на дороге голову от гнилой рыбы.

Интересно, чем было вызвано появление вот такой инструкции:

«В соответствии с порядком деньги и другие ценности у советских военнопленных должны быть изъяты, а им на руки выданы квитанции. Деньги и ценности надлежит взять на хранение... При переводе военнопленного в другой лагерь принимающий лагерь должен подтвердить и получение этих денег и ценностей». Откуда было появиться деньгам у советских пленных, можно только гадать. Но у немцев во всем должен был быть порядок!

В качестве денег пленным служил табак. На этот счет были тоже составлены инструкции: военнопленным запрещалось продавать свои поделки за деньги, но разрешалось обменивать их на сигареты. Коменданты лагерей должны были установить параметры такого обмена и цены, для чего следовало развесить в лагерях соответствующие объявления.

Согласно немецким инструкциям, снабжение советских военнопленных куревом должно было обеспечиваться из ресурсов оккупированной страны, т.е. Норвегии. Причем табак для них должен был быть иного сорта, нежели тот, которым снабжали немецких солдат. Но норвежских ресурсов явно не хватало, а потому немцы «родили» вот такую инструкцию по табачным делам — опус, достойный для помещения в рубрику «нарочно не придумаешь»:

«Снабжение табаком военнопленных, ввиду его нехватки, явно недостаточно... Чтобы дать военным начальникам и руководителям рабочих команд возможность хотя бы в минимальной степени использовать табак в качестве вознаграждения пленных за хорошую работу, все воинские части должны заниматься сбором сигарных и сигаретных окурков и передавать их в ближайшие лагеря. Таким сбором следует заняться в солдатских казармах, в столовых, в домах отдыха для офицеров и вообще для военнослужащих, и с течением короткого времени можно накопить определенное количество табака».

В редких случаях норвежцы снабжали военнопленных саженцами табака, когда это ценное растение выращивалось внутри лагеря. Но вырастить табак было не так просто, поэтому пленные предпочитали получать табак сушеными листьями. Норвежцы с удивлением наблюдали, как русские готовили себе удовольствие, мелко рубя листья и стебли, а потом заворачивая нарубленное в газетную или другую грубую бумагу. От такого курева продирало все внутренности! Смертельная вещь, пишут Скарстен и Стокке. Часто норвежцы видели такую типичную картину: пленные идут строем на работу, впереди идущий закуривает «самосад», делает одну затяжку и передает скрутку назад, тот тоже прикладывает к ней и передает ее следующему.

От заразных болезней, от переохлаждения, от недоедания люди умирали, как мухи. А кто регистрировал многочисленные аварии и несчастные случаи на рабочих местах, где техника безопасности являлась чистой фикцией? Сколько советских военнопленных погибло от несоблюдения элементарных правил безопасности и сколько из них стало инвалидов? В архивных документах немецких концлагерей не обнаружено ни одного случая наказания окружных врачей или лагерной администрации за тотальное несоблюдение ими всех этих предписаний.

Условия жизни пленных в южной и средней Норвегии резко отличались от условий жизни на севере страны. Но и здесь в большинстве случаев военнопленные проживали в закутах, сараях и свинарниках, мыться и стирать одежду было негде, помещения фактически не убирались, вши и блохи размножались с необыкновенной быстротой и проникали везде: в волосы на голове, в одежду, в кровати. И здесь, на юге страны, пленные постоянно испытывали голод. Многие соглашались на выполнение дополнительных услуг и работ в лагере, чтобы заработать лишний кусок хлеба.

Добыча дополнительной пищи была постоянной заботой военнопленных. Нужда заставляла военнопленных идти на хитрости. В лагере Санде (коммуна Сула) пленные санитарного барака, где к зиме собирались сильно простуженные люди, чтобы получить добавку к недостаточному основному пайку, пошли на следующую хитрость: они стали забивать водопроводные трубы тряпками, бумагой и пр. до тех пор, пока трубы окончательно не засорились. Немцы вызывали норвежских слесарей, а те, как правило, шли в барак не с пустыми руками, а приносили с собой еду. На это и рассчитывали «злоумышленники».

Фермеры в районе лагеря выращивали кольраби, и пленные, марширующие мимо полей на работу, часто тайком получали от норвежцев этот овощ. В некоторых случаях пленным удавалось добыть и мясной приварок: они ловили беспризорных собак и поедали их.

При оккупации Норвегии немцами в апреле 1940 года на складах Ставангера накопилось большое количество соленой и вяленой рыбы, предназначенной на экспорт. Позже рыбные оптовики бесплатно предложили рыбу немцам для военнопленных.

Сильно повезло однажды и военнопленным из лагеря Русенберг. Они занимались разгрузочными работами на местной верфи, когда к причалу подошел норвежский рыболовный скутер с сельдью и начал продавать рыбу всем желающим. Один из покупателей Магне Линдангер спросил у капитана скутера, не подарит ли он рыбки советским военнопленным.

— Сколько им нужно? — спросил тот.

— У меня с собой лошадь с телегой,— ответил Магне.

— Гони ее сюда,— сказал рыбак.

Линдангер подогнал лошадь с телегой, и рыбак вывалил на нее полцентнера рыбы.

Влага, холод, грязь и антисанитарные условия проживания в лагерях делали свое дело — заразные болезни «косили» военнопленных целыми косяками. Когда в 1945 году пленные освободили бараки в Сумамюре и туда вошли наводить порядок норвежцы, они пришли в ужас: достаточно было сунуть щетку в какой-нибудь угол, как она сразу покрывалась серой шевелящейся массой. Когда в лагерь случайно заглянули английские десантники, их с радостью встретили советские военнопленные. Но англичане с трудом заставили себя пообщаться с ними, потому что не могли выдержать исходящей от них вони и вида многочисленных насекомых на их теле и одежде.

В лагере была столярная мастерская, и пленные, кроме предметов быта, вырезали шкатулки, рамки и игрушки, которые они обменивали у норвежцев на еду и тем спасались. Для своих поделок пленные подбирали все, что попадалось им на глаза: куски дерева, железа или алюминия, гвозди, стальную проволоку и пр. Краску они добывали из сочной травы, листьев деревьев и кустарников и цветов.

Лагеря в Мадле, Санде и Фолькворде в районе Ставангера пользовались особенно дурной славой. Норвежцы утверждают, что по крайней мере трое советских военнопленных были на их глазах застрелены в Фолькворде. Пленные из лагеря Русенберг (Ставангер), работавшие на строительстве объектов для ВМС и ВВС, по пути на работу все время искали глазами местных жителей, которые либо умудрялись бросать пакеты и кульки с едой (кольраби, картошка и пр.) прямо в маршевую колонну, либо оставляли ее в укромных местах во мху, в торфе и в канавах по пути следования пленных. Из-за экономии времени немцы кормили пленных прямо на месте работы. Если в самом лагере питание было скудным и недостаточным, то на работе оно было еще хуже.

В лагере Вигдель (коммуна Сула, Ставангер) раздавали хлеб, который выглядел как камень. Суп-кашу варили из остатков этого хлеба и ржавой селедки. Ежедневный рацион обычно состоял из 1 литра жидкого супа (завтрак), из остатков ужина (обед), хлеба и искусственного кофе (ужин). Мяса, сыра или картофеля они практически не видели. Дневной рацион хлеба составлял не более 300 г, а к 1945 году он сократился до 220 г. Но и этого количества пищи часто не доставалось из-за штрафов и наказаний. Любой проступок заканчивался одним: «Твой номер? Фамилия? Сегодня без еды!»

В лагерях в северной Норвегии положение с питанием военнопленных было еще более ужасающим. Пленных из Фолькворда, работавших на строительстве бункеров и оборонительных объектов, собственных лагерей, а также на погрузке-разгрузке в порту Санднес, сопровождали четверо охранников: двое шли по бокам, один — впереди и один — сзади. Более всего норвежцев поражало то, что большинство пленных не имели обуви — они обматывали ноги мешковиной и завязывали ее веревочкой. На более дальние объекты их отвозили в грузовиках, и тогда их набивали в кузов, как селедку в бочки.

Комендантом Сомармюра был подполковник, отличавшийся особой жестокостью по отношению к пленным. Когда немцы капитулировали, он подошел к заключенному Михаилу Аренбергу и сказал:

— Я рассчитываю, что ты не забудешь, что я был добр с тобой.

— Аренберг сказал в ответ всего лишь два слова:

— Я — еврей.

— Проклятая свинья,— зашипел немец.

Кстати, еврей Аренберг выжил благодаря тому, что тщательно скрывал свою национальность и несколько раз менял свои имя и фамилию. Однажды его узнал один немецкий солдат, с которым Аренберг когда-то учился в школе. Но солдат не выдал его и помог ему выжить.

В большинстве лагерей, пишут Скарстен и Стокке, среди советских военноплен-

ных наблюдались сильное сплочение и солидарность. Тех, кто пытался нарушить эту атмосферу, подвергали остракизму и выживали по возможности из своей среды, добиваясь их перевода в другие лагеря. Все опрошенные историками свидетели тех событий подтверждают, что более сильные и здоровые пленные, как правило, помогали своим слабым товарищам, отдавая им часть своего пайка и заботливо поддерживая их при возвращении с работы в лагерь. Полученной из рук норвежцев едой пленные делились со своими товарищами по барaku или по работе.

Норвежские девушки Сольвейг Братланд и Вальборг Свенссон наблюдали, как при распределении пищи военнопленные, чтобы соблюсти полную справедливость, пользовались самодельными весами. Охранявший их солдат, чех по национальности, сказал девушкам:

— Мы многому у них можем поучиться. Смотрите, как они распределяют еду между собой.

Свободное от работы и сна время военнопленные занимались добычей пищи, ремонтом одежды и обуви или поделками из подручного древесного или металлического материала. В лагере Форус оказался военнопленный, который делал товарищам татуировки. В некоторых лагерях пленные занимались пением — в основном по воскресеньям. Военнопленным в Мадле разрешили обменивать у норвежцев и даже у охранников свои поделки — шкатулки, кольца, сабо, игрушки - на еду. У каждого военнопленного, занимавшегося ремеслом, был собственный инструмент, который они на ночь сдавали охранникам на хранение. Немцы в большинстве случаев не возражали, чтобы местные норвежцы делились с пленными пищей. Дети передавали ее через окна барakov, т.е. им разрешалось войти на территорию лагеря. Иногда охранники брали у детей пакеты с едой и сами вручали их непосредственно нуждающимся заключенным. По просьбе местных фермеров администрация лагеря предоставляла в их распоряжение военнопленных, которые выполняли различные работы по дому или на огородах, например, посадка картофеля. В таких случаях фермеры подкармливали рабочих, и некоторым из них удавалось кое-что из продуктов незаметно присвоить.

Но и в Мадле не все охранники проявляли снисходительность к «проступкам» пленных. Среди них были и настоящие садисты. Эрик Финнестад, тогда 9-летний мальчик, вспоминает, как один из них зверски избивал военнопленного прикладом от винтовки.

Обстановка внутри лагерных барakov обычно была самой примитивной — грубо сколоченные столы, печка, нары и набитые соломой грязные матрацы. Но и в этой обстановке попадались отдельные «счастливчики», которым жилось относительно легче других. Пленный Иван Горбоконенко из лагеря Севландсвик был профессиональным художником и использовал свое мастерство при установлении контактов с норвежцами. Его картины до сих пор висят в норвежских домах, в том числе копия знаменитой картины Шишкина, на которой изображены играющие в сосновом бору медвежата. Немецкие офицеры также заказывали ему картины, так что от всех работ он был полностью освобожден и целыми днями занимался любимым делом.

Наиболее страшные картины голода советских военнопленных относятся к Северной Норвегии. И без того скудные пищевые рационы для советских военнопленных имели там по мере продолжения войны однозначную тенденцию к сокращению. Скарстен и Стокке, написавшие свое исследование, в основном, о военнопленных, оказавшихся в районе Ставангера, замечают, что у них создалось впечатление, что в некоторых лагерях немцы рассчитывали на то, что военнопленные должны были сами заниматься своим пропитанием. Часть пищи отбирали сами немцы, предоставляя военнопленным недоброкачественные и гнилые продукты. Капуста кольраби, которая обычно использовалась при приготовлении супов, часто лежала сваленной в кучу перед баракom и постепенно сгнивала, издавая вокруг вонь.

Вообще лагерная система немцев, особенно на севере Норвегии, исходила из то-

го, чтобы на ослабевших от голода и болезней пленных не тратить ни лишних продуктов, ни лекарств. В лагерях Квесменеса и Шиботна действовало правило: кто не мог работать, тот еды не получал. По ночам пленные глодали кору и сухие листья. Доведенные до крайности пленные, чтобы выжить, были вынуждены заниматься людоедством. А пропитание находилось рядом: как выяснилось, в первые дни после войны немцы забили свои склады продовольствием на целых 6 месяцев!

Лагерь смертников Малльвитц в долине Китдал, губерния Тромс, представлял собой барак из бревен без потолка. Полом служили брошенные на землю неструганные доски. От комаров пленных защищали грубые сетки в проемах, которые с трудом можно было принять за окна. В каждой комнате (если эти закуты можно было называть комнатами) на 30 кв. м полагались 20 больных и голодных пленных. У каждого пленного для отдыха и сна были по три тонких истрепанных коврика.

Еду давали только тем, кто мог поправиться в течение 2 месяцев, объясняли потом немцы. Почему 2 месяца? Потому что они ждали наступления Советской Армии на этом направлении не позднее мая. Высшим командованием немецкой армии планировалось к этому времени передислоцировать выздоровевших пленных в южные районы Норвегии. Они не планировали покидать Норвегию, они хотели ее оборонять до последнего, а русские пленные им бы еще понадобились. Тех, кто таких шансов не имел, немцы морили голодом или расстреливали.

Вот типичный эпизод из жизни военнопленных в лагере «Малльвитц», куда, в частности, отвозили «доходяг» со строительства оборонительной линии Люнген. Военнопленного немцы выгоняют из барака и начинают бить. Потом его ведут к огромной яме — общей могиле — и стреляют в лоб, так что его мозги брызгают во все стороны. Один из военнопленных, которому приказано похоронить убитого товарища, подбирает мозги и поджаривает их на огне. И съедает. И, кстати, остается в живых. Еще один эпизод людоедства в этом лагере зарегистрирован за 2 дня до конца войны. Очумевший от голода пленный отрезал часть тела умершего товарища. Немцы, обнаружив это, загнали голодного в барак и нашли человеческое мясо уже в котле, в котором готовилась еда на трех пленных. Всех троих немцы расстреляли из пулемета.

Вот ежедневный рацион питания в этом лагере: завтрак — теплая вода, очень редко чай; обед — 800—900 г супа, сваренного из горстки муки; ужин — 100 г хлеба, 800 г мясных консервов и 500 г маргарина на 4—5 человек. Слабых и больных в лагере «Малльвитц» убивали ядом (керосином), делая им смертельные инъекции. Чудом выжили двое пленных, они-то и рассказали о зверствах немцев.

Рабочее время военнопленных варьировалось от лагеря к лагерю.

Пленный из лагеря Мадла рассказывал, что в летнее время они работали, как правило, до 5 часов пополудни. Если они падали от изнеможения, их били. Если они пытались передохнуть, их снова били. В пять часов они получали по пол-литра жидкого супа из кольраби. На этом их питание в этот день заканчивалось.

На строительстве аэродрома в Суле военнопленные работали с 9:00 до 15:00, но при недостаточном питании, плохой одежде и сильных холодах в зимнее время, когда морозы достигали -15° — -17° , многие пленные не выдерживали и умирали.

Летом рабочий день удлинялся: он начинался в 8:00 и заканчивался в 16:00 или 17:00. В 12:00 был перерыв на то, чтобы попить воды из колодца. После работы уставшие и голодные пленные должны были еще добираться пешком до лагеря, который зачастую находился на расстоянии 2—3 километров от места работы. Некоторые ослабевали на работе до того, что не могли идти. Тогда немцы разрешали одалживать у местных норвежцев тачки, чтобы довести такого «доходягу» до лагеря.

Конечно, полуголодные пленные работали без особого энтузиазма. На работу их пригоняли в пешем порядке. Они шли в колонне, но строй, естественно, держали плохо, вразнобой шмыгая по земле ногами. При этом, несмотря на окрики охранни-

ков, спешить на работу не собирались: чем позже они появятся на объекте, тем короче окажется рабочий день.

Одежда военнопленных тоже была ниже всякой критики.

Многие советские пленные были одеты в свои еще советские шинели, в которых они ходили практически круглый год, во-первых, опасаясь, что в их отсутствие шинели украдут и, во-вторых, используя их для скрытия неожиданно полученной от норвежцев «подкормки». Многие ходили в ватниках (фуфайках). На подкладке шинелей и фуфаек пленные вшивали как можно больше карманов, чтобы туда можно было положить что-либо нужное и полезное. Головные уборы были самые разные: некоторые сохранили еще свои буденновки, большинство же ходило в пилотках, шапках-ушанках типа «эзовки» или теплых картузах.

Часто пленные возвращались с работы в лагерь под дождем. В бараках они должны были развесить мокрую одежду поближе к печкам. *«Мы можем только с трудом представить себе запах от всех этих шинелей и курток»,* — пишут Скарстен и Стокке. — *«Это издавало такую вонь, что немецкие солдаты, приходившие утром будить пленных на работу, не решались войти в бараки».*

Немцы пытались одеть пленных в стандартную лагерную и рабочую одежду, но ее на всех не хватало. Как замечают норвежские историки, эта одежда по своему крою напоминала довоенную униформу норвежских солдат, только отличалась от нее цветом. Возможно, так и было на самом деле: немцы захватили норвежские склады, перекрасили норвежские мундиры в серый цвет и раздали пленным. Во всяком случае, на металлических пуговицах курток сохранились норвежские львы.

Пленным иногда выдавали носки, но они были изготовлены из целлюлозы и при первом же дожде расплзались на части. А дождь в Норвегии — нередкий гость. А если пленные работали в торфяной местности? Или в болотах, что тоже часто случалось? Ревматизм и другие болезни были обычным явлением среди пленных.

5. Охрана и комендатура

Комендант лагеря был царь и бог над своими подопечными, а охрана — солдаты т.н. батальона Landeschützen — его послушными помощниками. В инструкции для охраны, между прочим, говорилось, что она должна была *«демонстрировать безоговорочную жесткость при малейшем признаке сопротивления со стороны военнопленных»* и без размышлений применять оружие. Между охраной и военнопленными допускался минимум общения; никакого общения не разрешалось между военнопленными и местным гражданским населением. Для недопущения контактов в последнем случае тоже разрешалось применять оружие.

В лагере Санде охрана менялась каждую неделю. В течение войны инструкции для охранных батальонов много раз менялись в сторону ужесточения. Очевидно, наверху были обеспокоены неточным исполнением ими инструкций и были обеспокоены происходящими время от времени неприятными инцидентами. Так, были случаи, когда военнопленные крали у охранников оружие. Причина очевидна: охранники расслаблялись и заводили с военнопленными недопустимо близкие отношения. Особую бдительность охранники должны были проявлять при транспортировке пленных на дальние расстояния и на рабочих местах.

Вот выдержки из лагерного циркуляра за 1943 год:

«26.5.43 г. старший капрал П. во время работ военнопленных стал жертвой нападения сзади и был убит лопатой. Из охраняемых им пленных 7 человек совершили побег и до сих пор не пойманы. Нападение стало возможным, потому что охрана не следовала предписаниям в отношении военнопленных и позволила двум военнопленным во время марша подойти к капралу сзади».

«22.6.43 г. (обратите внимание на дату!) во время расчистки поля от мин на

старшего ефрейтора охраны напали военнопленные, которых он охранял. Они сбежали и до сих пор не найдены. Инцидент стал возможным, потому что охрана упустила военнопленных из вида. Слишком часто охрана во время работ пленных погружена в чтиво».

«30.6.43 г. старший стрелок К. во время работы получил удар железным прутком сзади. Рана оказалась опасной, и его жизнь находится пока под вопросом. В результате нападения пятеро военнопленных пытались бежать, один из них до сих пор не пойман. Нападение стало возможным, потому что охранник плохо следил за передвижениями военнопленных».

Очевидно, нападения на охранников были не таким уж и редким явлением и совершались они главным образом с целью побега. Заметим также, что все выше перечисленные случаи имели место во время работ или при следовании пленных к месту работы (с работы) и в летнее время, наиболее благоприятное для побегов.

Инструкции однозначно рекомендовали руководству лагерей почаще и без всякого предварительного предупреждения проверять работу охранников.

Охранники в лагере Сумармюр были из Гамбурга и со временем стали более-менее снисходительно смотреть на отдельные нарушения дисциплины пленными. Отношение охраны к советским военнопленным, согласно Скарстену и Стокке, стало слегка меняться в лучшую сторону по мере того, как немцы проигрывали войну.

К концу войны, когда вермахт терпел большую нужду в солдатах, немецкая охрана стала кое-где заменяться «власовцами» или Hiwis (Hilfswachmannschaften), добровольцами, набираемыми из прибалтов, украинцев, белорусов и поволжских немцев. Именно эти охранники, выслуживаясь перед немцами, проявляли наибольшую жестокость.

Следствием учащенных побегов являлось «закручивание гаек». В теплые времена года охрана усиливалась и устанавливалась норма — 1 охранник на 10 военнопленных, охранники не должны были слишком далеко удаляться от военнопленных, а лагерной администрации вменялось в обязанность совершать рейды по контролю за поведением охраны. Нерадивым охранникам грозило наказание.

Последнее не было пустой угрозой.

Вот выписка из циркуляра: *«Вице-капрал лагерной охраны Юнгмихель установил дружеские отношения с польским офицером. Он передал этому военнопленному инструмент, карту и другие предметы, которые помогли ему и другим пленным организовать побег. Юнгмихель решением суда осужден за измену в период военных действий и приговорен к смерти. Решение было исполнено 5.3.1943 года. По данному делу информированы лагерные комендатуры и охранные подразделения».*

В другом случае, когда при транспортировке 529 советских военнопленных сбежали 61 человек, за расхлябанность и за то, что охрана пленных была поручена местной полиции, а не специальной немецкой охране, был наказан офицер разведки штаб-лага. Пленные, как утверждает в циркуляре, добыли перочинные ножи, безопасные бритвы, ножницы и т.п. и использовали их для побега.

19 июля 1944 года генерал-полковник фон Фалькенхорст издал приказ, согласно которому все чистокровные евреи в лагерях для советских военнопленных, а также те, кто подозревался в организации побега, должны поступить в распоряжение службы СД. Для этих советских военнопленных такое решение означало смерть. В лагере Санде сразу отыскивали трех евреев. Ими занялось Ставангерское отделение СД во главе с оберштурмбаннфюрером СС Фридрихом Вилькес. Скоро трое военнопленных, избитые, с переломанными ногами и руками, были доставлены в Санде, но не обратно в лагерь, как думали бедные жертвы, а на кладбище, где для них были уже вырыты могилы.

В лагере Агдер особой жестокостью по отношению к пленным отличался хаупт-фюрер СС Пауль Гломб, получивший кличку «Убийца русских». На его совести около 50 казненных пленных — и это всего за какие-то полтора-два года его управления лагерем.

Многие садисты, подобные подручным Вилькеса, в мае 1945 года были арестованы и судимы. Многих из них приговорили к расстрелу. Фойерлайн понес заслуженную кару: сначала его судили англичане за садистское отношение к английским парашютистам, взятым в плен в Норвегии, а потом его передали властям СССР. Всего из администрации немецких лагерей в Норвегии в Советский Союз для суда и следствия отправлены 444 немца, из которых 264 человека были подсудимыми, а 180 — свидетелями.

Скарстен и Стокке приводят и другие примеры внезапных расстрелов советских военнопленных, основанные на свидетельствах норвежских очевидцев, как, например, расстрел 7 пленных из лагеря Сула. Немецкий расстрельный «порядок» безостановочно работал до последних дней войны. Так, 7 Мая, за день капитуляции Германии, 6 советских военнопленных из лагеря Аустволль были назначены комендантом лагеря к расстрелу, поскольку они оказались коммунистами. Беднягам повезло: приговор привести в исполнение не успели, потому что война на следующий день кончилась.

Итоги «работы» лагерных комендатур и охранных отделений в Норвегии известны: 22 тысячи советских военнопленных, погибших от их рук или по их вине. Основная доля погибших падает на Северную Норвегию: там и пленных было больше, и в жестокости северные лагерные комендатуры превосходили все другие.

6. Вербовки в РОА и вермахт

По данным КРЖПР, германскому командованию за все время войны удалось из числа советских военнопленных и перебежчиков сформировать подразделения общей численностью около 250 000 человек*.

К осени 1944 года, когда Гитлер, наконец, дал согласие на организацию Власовым т.н. РОА, в лагерях для советских военнопленных уже полным ходом проходила кампания по вербовке в нее добровольцев. В Норвегии она началась весной 1943 года. Провозглашенные Власовым цели — освобождение России от коммунистов — разделяли немногие военнопленные, а потому разъезжавшие по лагерям 40 пропагандистов-вербовщиков привлекали их в основном сытной едой и довольствием. Когда добровольцев не находилось, прибегали к насилию. Особенно жестко эти вербовки стали проводиться с сентября 1944 года, когда вся лагерная система в рейхе перешла в руки СС. Немцы загоняли военнопленных в РОА под страхом смерти. В Ставангере их жестоко избивали, а в Бергене отправляли в штрафные лагеря. В январе 1945 года, когда Власов формировал свои 1-ю и 2-ю дивизии, пленных в лагерях вокруг Бергена, отказавшихся завербоваться, отправляли в штрафной лагерь в Ульвене, в нем находилось 620 «отказников».

Для агитации немцы стали выпускать специальные 2 газеты: одну — для военнопленных, другую — для «остарбайтеров». Военнопленные в Норвегии считали своим долгом при контактах с норвежцами подчеркивать, что среди них сторонников Власова не было, и что в их лагере никто не поддавался на уговоры вербовщиков из РОА.

Несколько тысяч военнопленных, все-таки подписавших согласие, в Германию не поехали, и в немецкую форму их не одели. Их даже не перевели во вспомогательные воинские подразделения — им просто увеличили пайки. Так произошло с военнопленными в Ставангере, Бергене и в губернии Тромсе. Скарстен и Стокке утверждают, что часть завербованных осенью 1944 года была отправлена на Восточный фронт, а завербованных позже оставили в распоряжении вермахта в Норвегии.

В лагере Сальтфьеллет, да и в других лагерях военнопленные должны были сделать выбор между службой в РОА и голодной смертью. В лагере Сумамюр, по свиде-

* Мы уже убедились, что Комиссия исходила в своих оценках о советских военнопленных из принципа минимизации. Поскольку по данному пункту — количество завербованных пленных в армию Гитлера — других данных нам не встретилось, то будем использовать цифру КРЖПР.

тельству М. Аренберга, семеро «отказников» были расстреляны. Многих привезли в гестаповские застенки в Ставангере. Это подействовало на многих, но не на всех.

Думается, немцы сами испытывали острый недостаток во вспомогательных войсках и предпочли под видом вербовки в армию Власова приобрести себе в Норвегии дармовых помощников. В лагере в Мадле агитация проходила под жестоким силовым прессом. Георгий Чеверда долго сопротивлялся, к нему делали подход три раза, но он считал, что, поскольку его отец и брат сражались на фронтах, воевать против них было бы изменой. Татарин Могдан Шарифулин, происходивший из раскулаченной семьи, коммунистов ненавидел, но в РОА записываться не захотел, потому что считал, что там были одни украинцы, которые вряд намеревались воевать за освобождение Татарстана от коммунистов.

Осенью 1944 года военнопленные из лагеря Санде получили предложение от вермахта работать на его оборонных объектах в обмен за хорошее обхождение, улучшенные по сравнению с лагерями для военнопленных жилищные условия и усиленный, как у немецких солдат, паек. Эту службу немцы называли *Ergänzungsdienst*. Записавшиеся туда военнопленные сохраняли свой прежний статус и оружие не получали.

Предложение вызвало оживленные дискуссии среди узников лагеря. Мнения, как и следовало ожидать, разделились. Одни считали предложение подходящим: можно было жить рядом с местом работы и нормально питаться. Другие называли это предательством. Несколько человек записалось, остальные военнопленные стали их презирать.

Двое советских военнопленных, взятых в плен в Крыму, рассказывали потом после войны, что самым тяжким для них испытанием в Норвегии оказались грубые и жестокие вербовки в армию Власова. Некоторые не выдерживали давления — и морального, и физического — и сдавались, хотя никакого внутреннего желания служить изменнику родины у них не было. К таким бывшим товарищам военнопленные относились снисходительно и даже с сочувствием. Один из этих пленных рассказывал:

«Немцы использовали самые варварские способы вербовки. Каждый из нас был поставлен к стенке, и они начали угрожать нам оружием — пистолетами и штыками. Они приставляли ножи к горлу и говорили, что сейчас отрежут нам голову. Поскольку мы продолжали упорствовать, они избивали нас до потери сознания. Я получил 100 ударов кнутом, и несколько дней мне не давали есть. Если бы не норвежцы, мы отдали бы концы».

Скарстен и Стокке оценивают общее число советских военнопленных, завербованных в РОА и *Ergänzungsdienst*, до 1 млн. человек. Сколько таких лиц оказалось в Норвегии, неизвестно, но если исходить из общей статистике по всем военнопленным, их должно было быть около 11,5 %, т.е. более 11 тысяч человек. На долю РОА количество симпатизирующих в лагерях, расположенных в северной губернии Тромс, по подсчетам норвежских авторов, приходилось около 3300 человек (а там находилось около 60—65 % всех советских военнопленных), а по всей стране их было не более 4 тысяч человек, т.е. не более 4 %. Остальные 7,5 тысячи были завербованы во вспомогательные военизированные подразделения вермахта. Д. Хауген на примере лагеря в губернии Агдер сообщает, что из 1042 военнопленных лагеря в так называемую вспомогательную службу записались 157 человек.

Определенное количество военнопленных, в частности, мусульмане Кавказа, Крыма и Средней Азии, были завербованы в так называемые национальные легионы и активно использовались вермахтом в разведывательно-диверсионных операциях и боях на восточном и других фронтах.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Владимир Королев
(г. Смоленск)

ПЕРЕПРАВА — АД И СЛАВА Главы из повести

Повесть известного смоленского писателя и журналиста Владимира Королева «Переправа — ад и слава» рассказывает о судьбах защитников Соловьевой переправы на Днепре кровавым летом 1941 года. Прототипами большинства литературных героев произведения являются реальные участники великой войны и истинные патриоты Смоленского края. Один из главных героев повести — тульский учитель-политрук Семен Туликов. Соловьева переправа — особое место на Старой Смоленской дороге и древнем торговом пути «Из варяг в греки». Здесь во времена многочисленных войн русские ратники с честью, достоинством, отвагой и мужеством встречали захватчиков, рвущихся к Москве. Так было и в периоды польского нашествия в XVII веке, и во время Отечественной войны 1812 г., и в 1941 г. Команданту Соловьевой переправы полковнику Александру Лизюкову еще 5 августа 1941 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Повесть посвящена памяти Константина Симонова, столетие со дня рождения которого отмечалось в 2015 году. Его жизнь и творчество неразрывно связаны со Смоленщиной и Белоруссией, а его талант военного журналиста и писателя-баталиста ярко раскрылся именно в «сороковые роковые».

*В жару крапива кровью пахнет —
Вся скорбь Днепра дерет мне мозг!
И ждешь спиной, что взрыв шарахнет
И дыбом вздыбит новый мост.
Тот, что воздвигнут в этом веке
И бомб войны не слышал свист.
...Шуршат машины; как по треку
Летит рыбак-мотоциклист.
Живет река, живет Россия,
И переправе жить века!
Наверно, есть места красивей,
Но нет той сини в васильках!
И нет отваги, что пронзает,
Когда перила под рукой
Поют тебе, что Днепр знает,*

*Какого мужества покрой
Здесь берега крапавил кровью,
Штыком фашиста доставал
И языкастою свекровью
В бой до Победы матом гнал.*

Владимир Королев,
22 июня 2015 г.

ПРИВИВКА ИМЕНИ МИЧУРИНА

— Женька, повесь мою ножку на яблоню, пусть как следует проветрится! — отец, сидя на низенькой скамеечке, кряхтя, отстегнул башмак с вырастающей из него деревянно-кожаной голенью и кочергой, что вымешивают жар в летней печке, двинул протез на скатерку майского луга. — Пожалуйста, дочушка!

Женька светится. Ей пятнадцать лет. С радостью и интересом, который свойственен только юным хозяйкам, она шурует большой желтой из сухой сосны выструганной ложкой в чугуне (там зреет шурпа — папка пригласил на застолье в честь 9 Мая товарищей-фронтовиков) и тонкими пальцами (нет, это не от них подмигивают Ивану Максимовичу солнечные зайчики — их пускает сталистая полоска ножа!) кружавчиками снимает с литых картофелин параграфы шелухи.

Отец, только что любовавшийся стригущими (ни дать — ни взять — ласточка!) движениями милых-милых рук, вынужден отвлечь Женьку: готовка-готовкой, однако и бате минуту внимания можно, в конце-то концов, уделить!

Быстренько вытерев ладошки о передник, дочь взяла ходячую историю, как называет отец свой протез, и потащила его к дереву. Узкая спина ее напряглась, стала точеной, отчего бедрышки, раньше почти незаметные из-за циркульно легких и высоких ног, вдруг выпукло обозначились под веселой весенней юбкой.

— Тяжелый?

— Тяжелый, — хмурясь, ответила Женька, приспособив пахучее от сыромятных ремней деревянное изделие к нижнему, самому толстому суку развесистой яблони, вскипающей иссиня молочной пеной.

— Шесть килограмм, — Иван Максимович аккуратно, по окружности, подогнул брючину, и его куцая левая нога, устроенная на лавке как на лафете, коротким мануфактурно-пушечным дулом устояла в сад. Два десятка тонких прутиков, посаженных осенью, разбежались по усадьбе, однако откровенной весенней силой радовала только старуха-яблоня: со скамейки, что была метрах в семнадцати от дерева, ее корона казалась непробиваемым шаром, а с дальнего края улицы — фрегатом, летящим под полным парусом в хрустальную синеву околицы (так думала Женька); терем, укрытый белым облаком, виделся отцу. Впрочем...

— Одуван, вылитый одуван! — однажды воскликнул, прежде чем подняться на крыльцо, Иван Максимович. И потом, возвращаясь с работы, всякий раз он задирает голову и независимо от поганости настроения и объема усталости произносил:

— Одуван!

Женька не поняла, что это за сорт яблок-яблонь — «одуван», а потом звонко-звонко, так, что брови чуть к макушке не убежали, рассмеялась: «Одуванчик! Одуванчик, но только очень-очень большой. Одуван!»

Яблоня чудом уцелела в морозную зиму страшного первого года войны. Немцы, влекую вырубившие весь сад на дрова, столь могучее дерево, видимо, отложили «на потом», но, скорей всего, пожалели варвары свои тесаки, боясь выщербить их о казавшийся дубовым, угрожающе седой от инея кряжеватый ствол яблони. Однако война все-таки ужалила красавицу — она перестала дарить чудо-плоды. Сначала говорили: «Не яблочный год», но, когда за семь лет подряд дерево не разродилось ни

единым яблочком, Иван тихо взбеленился. Ведь он, вернувшись с фронта, первым делом посадил сад. Тогда, прыгая на одной ноге вокруг Женьки, держащей прутик, отец ссовывал в ямку землю своим протезным башмаком и приговаривал: — Вырастет быстро, есть за кем тянуться, на кого равняться! — имея в виду устоявшую в войну яблоню.

Саженьцы взялись, однако зима сорок седьмого года жестоко обделила снегом деревню Шурубы, зато морозы насылала такие, что голая земля на огородах покрылась трещинами, в которых запросто скрывался штык лопаты, — и прутики вымерзли.

— Проклятая война, суки немцы! — матерился Иван, часто называя захватчиков не только суками.

Повзрослевшая Женька вновь держала прутики — и вновь вокруг нее, стараясь быть обстоятельным и ловким, передвигался батя, присыпая вымоченные в коровяке корни растений рыхлой, с розовыми энергичными червяками, землей:

— Без яблочка народ оставили, отродье поганое!

Со второго захода прутики прижились, и по лету зеленые их листочки уже шелестели также, как и листья взрослых деревьев. Но урожая яблок от них надо было ждать и ждать! И вот тогда Максимыч вынужден был взять в оборот довоенную сластену.

— Пол-огорода высасывает, а проку никакого! — говорил он, хлебая холодник. Женька протерла через решето ошпаренный кипятком первый весенний щавель, добавив в раствор горсть творога и стакан сливок. Бате кушанье очень нравилось, однако он продолжал брюзжать: — Яловка*! Я-лов-ка! Ты вот так кислицу по бугоркам бегаешь — собираешь, а можно было б все на своих грядках посеять. Так нет — всю землю этой царице отдаем. Ждем. А она — ни в какую! Одна радость, что цветет красиво.

«Одуван», улыбнувшись, подумала Женька и спросила:

— Пап, добавки?

— Нет, голубушка, спасибо. Вот тебе деньги, сбегай, купи в сельпо килограмм семь песка.

— Папа, у нас сахара на два месяца запас... А соли — на год!

— Беги, пока я правильно думаю, а то будешь пуд покупать.

Женька взяла чистую наволочку, которую часто использовали как тару под крупу или муку, и понеслась в магазин.

Иван Максимович достал из комода бинты, вату, коробку пластилина, а из шкафчика — бутылку «Московской», налил стаканюгу и, перекрестившись на икону Николая Чудотворца, со словами: «Помоги, Господи!» — вылил водку в широкий рот.

Женьку отец, через плечо которого висела полевая сумка, встретил в сенцах и развернул в сад.

— А песок?

— Песок бери с собой... Где лестница?

— Под стрехой, с той стороны, ты там ее оставил, когда березу подкручивал.

Максимыч сходил за лестничкой, прислонил ее к яблоне. И снова направился за угол хаты.

— Пап, ты скоро? Мне уроки делать надо!

— Уроки? Да мы сейчас с тобой такой урок, урок ботаники, заварганим, что сам Мичурин с того света явится опыт перенимать. И «пятерку» поставит. Тебе. А мне — «пятерку» с плюсом!

Вторым рейсом батя притащил полведра березовика. Женька наблюдала за ним, как Буратино за папой Карло. Старик что-то затеял, и, похоже, действительно Ивану Владимировичу Мичурину следовало готовиться к тому, чтобы стать сегодня у Кириенковых ассистентом...

* Яловка — бесплодная корова.

Еще одним предметом, который был положен к подножию лестницы, оказалась воронка: ею чаще всего пользовались в сенокосную пору, когда наливали в фляжку находящийся в чулане, сдобренный жареным ячменем березовый квас, холоднящий даже в июле.

— Ну что, дочушка, готова поработать Мичуриным?

Женька поняла, что ей придется карабкаться по лестнице. Встав босой ногой на первую перекладину, девушка спохватилась:

— Пап, наволочку заberi. Мешает же!

— Заберу. Когда она пустой станет.

У Женьки опять брови полезли к макушке.

— Что, до сих пор не догадалась? А еще отличница! Ладно, так и быть: твоя задача — очень, ну очень-очень аккуратно засыпать песок в дупло.

Только теперь поняла Женька, что задумал батя. Летом громадная дыра в стволе яблони из-за густой зелени была не видна, зато черно-белой зимой зраком выхваченного из печки чугунок взидала она на исходящую дымами деревню и всякий раз напугала девочку, когда та, придя из школы, вынуждена была оглядываться с крыльца: чугунок взгляд яблони упирался прямо в дверь коридора, которую отпирали Женька, и во взгляде том соединяли свою фиолетовую гипнозно-голодную суть и филин, и сова, и удав, и, наверное, даже кобра, хотя Женька ее ни разу и в кино не видела. Сейчас, когда разгулялась весна и рядом находился батя, ее охранитель и выдумщик, Женька страха не ощущала, наоборот, ей стало ясно, что и тому, зимнему, страху осталось жить минут десять, ну — пятнадцать, и все — и зимой ей никто не будет спину до пупка сверлить!

Уложились в двадцать минут. Женька, не просыпав мимо и щепотки, заправила дупло сахаром, через воронку вылила в шипящую дыру сок и запломбировала ее пластином. Иван Максимович, вытягиваясь и становясь почти колодезным журавлем, протянул дочке бинт.

— Пап, тут и пластилина достаточно...

— Дочушь, рана, она и есть рана, хоть на вояке — хоть на деревяке, — и должна быть забинтована.

Женьке санитарить понравилось — и она, чтобы ровным слоем тугой марли закрыть все-все заусенцы и шрамы страдалицы-яблоньки, даже попросила второй, похрустывающий упаковкой фунтик. Поскрипывая внизу протезом, Иван Максимович, любуясь гибкостью и ловкостью Евгении, уже предвкушал огненную горечь водки, стекающей по пищеводу в честь завершения садовой операции имени Мичурина, как вдруг ему пришлось прервать свое перспективное смакование: Женька (Женька!) испуганно ойкнула. Кровь! Обо что-то острое, когда взялась по-быстрому завязывать на узелок бинт с обратной стороны ствола, она расшарахала ладошку!

Чтобы остановить струйку, Женька прижала пораненную ручонку к запеленутой кукле дупла.

— Быстрее слезай, у меня еще один бинт есть! — отец сильно-сильно заскрипел деревяшкой.

— Пап, там железяка какая-то торчит. Ее, наверное, вырвать надо...

— Железяка-железяка... Осколок это. От немецкой бомбы.

— Он... он как бритва!

— Не-а, трогать не будем. Он намертво врос. А вырвем — дыра будет, можем — это тебе не дупло — и не залечить! Ты же сама знаешь, что у меня под левой лопаткой шрапнелька сидит, а хирурги ее не трогают, боятся, что мне амбец будет.

Пока Женька осторожно спускалась вниз, держа ладошку на отлете, Иван Максимович смотрел на забинтованную шею яблони, на алое пятно, оставшееся на ее белой махровости, на палевую любопытную ворону, уютившуюся на крыше соседнего дома, на громадные карие глаза дочери и почему-то грустно кивал и кивал головой...

— Пап, ты что? Мне ни грамма не больно! Не волнуйся. Сейчас перевяжем — и все, смотри, кровь уже подсыхает...

— А знаешь ли ты, что мне тоже, когда ногу оторвало, сначала тоже было не больно... Пойдем-ка в хату!

В комнате Иван Максимович, смочив водкой клочок ваты, промокнул разваленную надвое мякотку и взялся за бинт.

— Папочка, я сама! — Женька, перестав кривиться от боли, чмокнула отца в гранатовую от танкового ожога правую щеку, своими порхающими руками — одна помогала другой — моментально обрядила ладошку в белую рукавицу.

— Видишь, ничегошно, даже красиво получилось. Как варежка у Снегурочки! Единственно, водкой воняет!

— Воняет?

— Еще как!

Иван Максимович хмыкнул — и разлил остатки «Московской» в стакан и рюмочку, из которой предварительно извлек подснежник. Рюмка стояла на подоконнике: вчера Женька устроила в эту граненую на одной хрустальной ножке ямку первый весенний голубоглазый цветок. И вот теперь пришла пора использовать рюмку по ее прямой принадлежности.

— Запах ей не нравится... — бурчал отец. — А инфекция? Ее изнутри надо убивать тоже.

— Пап, так что — пьем за дезинфекцию?

— Нет, дочушка, — за нашу Советскую Родину!

Женьке опять захотелось поцеловать батю в шершаво-гранитную щеку, однако прижалась она к нему только после того, как сумела-таки, брезгливо скорчив рожицу, сглотнуть эту противную-препротивную водку.

Обнявшись, они простояли минуты две. В широкой груди отца гулко стучало сердце, рубаха пахла яблоневым цветом, а крепкая шея казалась домкратом, не позволяющим поседевшей голове склоняться перед невзгодами и кознями судьбы.

— Шрап-нелька! Шрап-нелька! Шрап-нелька! — в висках у Женьки рыбкой билось это слово, и она очнулась только тогда, когда вновь увидела в руках бати хрупкую рюмку: чайной ложкой он лил под стебелек подснежника колодезную воду, черпая ее из своей любимой алюминиевой кружки, всегда стоявшей на отцовском краю стола.

МУЗА

...Было это три года назад. В первое после «мичуринской» прививки лето яблоня — увы — ничем не порадовала, и Иван Максимович ходил до самой осени с тяжеленным лицом, зато через зиму расцвела так буйно и бело-пламенно, как не цвела никогда — и к Яблочному Спасу почти вся лужайка у дома Кириенковых, дразнящая взгляд сочным зеленым колером, представляла собой громадный бильярдный стол, на котором было не счесть пропитанных медом многих-многих десятков медово-желтых шаров.

А еще через год яблоки стали главным украшением длинного-длинного свадебного стола, за которым кричали «Горько!» Женьке и ее избраннику, корреспонденту районной газеты Анатолию Цареву. Царев ушел на фронт семнадцатилетним пареньком: сразу после выпускного он вступил в комсомольский истребительный батальон, потом попал в минометное училище, командовал батареей, а заканчивал войну уже сотрудником «дивизионки»: в 43-м, сразу после форсирования великой славянской реки он рискнул отправить в редакцию стихотворение «Днепр позади — Берлин впереди», — его опубликовали, а вскоре за Царевым приехал инструктор политотдела дивизии с приказом генерала на руках о переводе комбата-минометчика в военкоры газеты «Суворовский натиск».

Демобилизовавшись, капитан Царев стал осваивать гражданскую журналистику. Просиживая в редакционном домике с восьми утра до восьми вечера, а часто и позже, правя неловкие заметки селькоров и чеканя свои абзацы (теперь уже о трудовых подвигах фронтовиков, возрождающих израненные смоленские деревни), Царев выпивал с десяток стаканов круто, по-офицерски, заваренного чая и верил, твердо верил, что мышца газетной строки благодаря его неумолимости становится все более выпуклой и все более вдохновляющей земляков на возрождение и созидание. К тому же вечером, когда никто не отвлекал, у Анатолия начиналось святое время — он писал стихи. Но лирика не шла — его все еще душила тема фронта: мины, штыки, автоматы, призывы «За Родину! За Сталина!» появлялись чуть ли не в каждой строфе, а бывшему комбату хотелось лугов, черемухи, косынки, нежного взгляда и дерзких переборов баяна. «Неужели я так ожесточился в окопах?» — в очередной раз спрашивал себя Царев, швыряя в мусорную корзинку смятый в комок исчерканный лист, в котором «Огненные трассы вонзались в брюхо «мессершмитта»...

Женька принесла в редакцию рассказ «Одуван» — о том, какое чудо случилось с их яблоней, и Анатолий пригласил девушку на заседание «Колоса», литобъединения, которое он организовал при газете. Цвет литературной молодежи Речистого собирался в редакции по субботам, потом поэты и поэтессы шли в ДК на танцы, а Анатолий и Евгения оставались в накуренном и еще горячем от творческих споров редакторском кабинете. Веселиться в Доме культуры у них не получалось — неподалеку от танцверанды в сквере покоилось братское кладбище, где вместе с воинами, погибшими при освобождении поселка, были захоронены и останки их матерей и младших сестренек: гитлеровцы, отступая, согнали в колхозную конюшню детей, женщин и стариков, подперли ворота оглоблями, плеснули бензина на углы и под стрехи — и ударило в небо пламя с печальными каемками копоти на концах своих безжалостных оранжевых языков. Восьмилетнюю Женьку свалил тиф, и неделей раньше ее на саночках увезла в другую деревню выхаживать бабушка Сима, мать отца...

Второй причиной непосещения ДК стали стихи, которые Анатолий не хотел, да и не мог читать на литобъединении. Лирика, подспудно копившаяся, вдруг ударила фонтаном, его брызги заиграли радугой, снявшей, наконец, с души фронтовой нагар. А раду-гу-то лучше не толпой созерцать! Какое же это созерцание! Другое дело, если рядом она, Муза, которая ловит каждое твое слово...

Максимум одобрил выбор Женьки, но поставил условие — за родимый порог он дочь не отпустит: «Пока ты в доме — я жить хочу, и буду жить. Так что води капитана к нам. Наш он, фронтовик, мы друг друга пойдем. Я вам мешать не буду».

Евгения, хоть безмерно и любила Ивана Максимовича, но в свою очередь спросила так, что у него на отсутствующей стопе засвербела пятка:

— А не споишь ли ты мне, папа, Толю?

— Сто грамм наркомовских... Что от них молодому мужику станет!

— Так! — в голосе дочери Максимыч вдруг услышал звеняще жестяную интонацию Нины, Женькиной матери. Нина брала это ноту всегда, когда хотела — и на то у нее были основания — согнуть Ивана в бараний рог:

— Наркомовские пей один, а с Толей — только на День Победы, 23 февраля и в день рождения!

— А еще 5-го августа, когда Сталин Лизюкову Героя Советского Союза дал!

— Хорошо, — спохватилась дочка. — Да, папа, 5 августа — святое. Прости! Я тоже чокнусь с вами.

Не было б 5 августа 41-го, не случилось бы и исторического для всей планеты Земля и 9 Мая 45-го! Полутораногий старшина убедил в этом не только себя...

КИПЯЩИЙ ДНЕПР СОРОК ПЕРВОГО

День 5-го августа для Ивана Максимовича был таким же пьяным, горьким и счастливым, как и 9 Мая. В сорок первом году сержант Кириенков в качестве механика-водителя танка служил в подчинении полковника Лизюкова, коменданта Соловьевой переправы на Днестре, между Кардымовом и Дорогобужем. Потом фронтовая судьба определит танкиста Кириенкова сдерживать немецкую армаду на Волоколамском шоссе, обожжет под Сталинградом, поставит на острие прорыва огненного копья во время Ленинградской блокады, а у Кенигсберга, когда они по ходу атаки будут натягивать порванную гусеницу, осколок отрубит ему ноги, — но обо всем этом Максимыч и через десять, и через двадцать, и двадцать пять лет будет говорить: «Семечки! Чепуха! Сивая неправда! П...здешь! Так страшно и так кроваво, как было на Соловьевой переправе, не было нигде! Кто прошел через нее, тот всю войну мстил немцу за нашу кровь, за побитых и утопших на этой Соловьевой переправе».

Женька много раз — и когда угощала батиных друзей-инвалидов за праздничным столом под яблоней, и когда отец, в одиночку, стоя перед Святителем Николаем, поднимал памятную стопку, — слышала: — Переправа! Соловьева переправа! Ад и слава — переправа! Ад — крошечный, а слава — горькая-горькая!

Позврослев, она пробовала что-то найти в книгах про этот тяжкий крест, что образовывали в разные века в годину испытаний, пересекаясь, великая славянская река Днепр, водный путь, и сухопутный тракт, Старая Смоленская дорога. Да куда там — сорок первый год! Отступление, миллионные потери. О битве под Москвой, когда немцев отбросили, — написано много и патриотично, о Ельне, — там гвардия родилась, немного, но есть, а о Соловьевой переправе — нигде и ничего! Да, события на Соловьевой переправе опишет в литературе Константин Симонов, Иван Стаднюк, Борис Васильев, коснутся их в своих мемуарах военачальники, но это будет уже в 60—70 годы...

Только, когда приехал из Гомеля в Речистое племянник полковника Лизюкова молодой доцент Иван Афонасьев, сумевший тактично, системно и обстоятельно расспросить отца о том, что творилось на переправе в июле-августе сорок первого, Женька, слышавшая весь разговор, влюбленная в газетных и книжных Зою Космодемьянскую, Александра Матросова и молодогвардейцев, поняла, сколько же их на самом деле много, таких героев, очень много, а о них ничего никто не знает. И не узнает, скорей всего. Как хорошо, что есть папка! Как хорошо, что он выжил! Как хорошо, что Афонасьев расспросил его о Лизюкове. Александр Ильич — герой, спасший тысячи жизней! И батя — герой! Был ведь огонь, была кипящая вода, летевшие со свистом бомбы — а они мосты строили и защищали тех, кто по этим мостам шел: раненные, женщины с детьми и — главное — части трех армий, части, которые, переправившись через Днепр, будут драться под Ярцевом, Вязьмой, Сычевкой, Ржевом, Можайском, Волоколамском, Тулой, измотают врага и отстоят столицу.

Отец рассказывал Афонасьеву:

— На переправе — киш-миш. Но это с виду, со страху. На самом деле там был порядок, который держал железной рукой Александр Ильич. Переправа работала день и ночь. Когда он спал, я не знаю. Ночью дремлю в танке, а он пошел в деревенскую церквушку (там что-то вроде штаба) операции по защите переправы разрабатывать, с разведчиками и саперами встречаться.

Только понтоны наведем — немец их разлупит. Так что придумал Лизюков — сделать подводный мост! Машины ЗИС-5 загнали в Днепр, рамами друг к другу прижали, кабины сбили — путь с берега на берег есть, а с воздуха летчики его не видят! Утром немцы прилетели, а бомбить нечего! Лизюков народ рассредоточил вокруг деревни, по кустам и рошицам, заставлял в других местах реки на всяких корытах и плотках плыть к правому берегу, чтоб от главной живой нитки самолеты уве-

сти. Немцы пройдутся вдоль Днепра, из пулеметов врежут, водичку вскипятят, а бомбить по-крупному им нечего!

Лизюкову, конечно, вредительство один прыткий особист хотел приписать, однако Александр Ильич успел его к нам в танк пригласить. Они без меня там разговаривали, но полковник семнадцать месяцев в одиночке в Ленинградской тюрьме НКВД отсидел, Сталин его за год до войны вернул в армию — и Лизюкову после этого какие-то особисты уже были по хрену! Но потом он с нами поездил несколько часиков, чтоб понять, как Родину любить. Самолеты за танком тоже пробовали гоняться, но только я резко тормозить и виражи закладывать еще до фронта научился на танкодроме. Школа Лизюкова, он ведь мог машину заставить «яблочко» вприсядку танцевать. И меня к себе взял, потому что я у него тоже кое-что успел перенять. А особист, конечно, шишек, когда я тормозил, набил!

Кто думает, что переправа — это дорога, мост и орава лезущих «скорей-скорей на тот берег» людей, то очень ошибается: это не переправа, а бардак! Лизюков до Соловьева десять дней руководил переправой на Березине под Могилевом — и на Днепре уже он распоряжался, отбирая для организации дела нужных ему командиров с боевым опытом, зная повадки немцев, расписание бомбежек, умея разговаривать с паникерами.

Александр Ильич с первых дней своего комендантства заставил всех, кто мог держать лопату, рыть окопы и щели в деревне и на обоих берегах Днепра. Зенитки маскировать, на штыри надевать колеса от телег, а на колеса ставить пулеметы, чтоб по самолетам сподручней было бы бить. Так что переправа не огрызалась, а себя защищала! Да, народу с каждым днем добавлялось, и Лизюков этот поток разбивал на ручейки — в восемнадцати местах переходы были! Ясное дело, основные в Соловьеве и Ратчине, однако и в других точках войска переправляли.

С Лизюковым прибыл с Березины и его сын Юра. Шестнадцать лет, а танк водил почти как я! Юру Лизюков использовал больше как вестового. Парень легкий на ногу, отцовские приказы он быстрее радио куда надо доставлял. Когда Лизюкову дали в распоряжение «катюши», Юрка батарейцам позиции показывал. Я у него спрашиваю: «Ну, что, эта згорода на машине лучше танкового дула?» А он мне: «Танку — танковое, ракете — ракетное». Но видно было, что понравилось ему этими стрелами-букетами пулять, хотел к их комбату перейти служить, но Александр Ильич пообещал ему танковое училище. Юрка поехал потом в Саратов, это уже в августе, из-под Ярцева, уже когда нам с ним по медали «За отвагу» досталось, а Лизюкова командиром первой Московской дивизии назначили. Третьего и четвертого были последние дни переправы, из-под Смоленска все части двадцатой армии перешли у нас на другой берег, а пятого августа Рокоссовский сообщил Лизюкову, что товарищ Сталин звание Героя ему присвоил. А мне Александр Ильич пятого августа рекомендацию в члены ВКП(б) дал!

Лизюков мог бы переправу и еще поддержать, но тогда бы мы попали в окружение. А так еще на Вопи, обороняя Ярцево, Александр Ильич контрнаступление организовал, чтоб отвлечь немцев из-под Ельни и помочь Жукову взять город. Дивизия за Ярцево получила орден Красного Знамени. Нас потом на переформирование под Можайск отвели. Я еще тогда был о двух ногах и думал, как это из соловьевского пекла я без единой царапины выбрался! А вот Лукашу там руку отху... отхряпало. Евгения, как и отцовскую ногу, так и протез левой руки дяди Пети Лукашова тоже подвешивала на яблоню. Случалось это чаще всего на пике застолья, когда уже пропели «Майскими короткими ночами» и «Землянку» и вот-вот должны были грянуть «Варяга» или «Артиллеристы, Сталин дал приказ!». Лукаш делал знак Женьке (он всегда сидел крайним) — подойди, мол, срочно, дочка, выдвигал в ее сторону левое плечо, расстегивал пиджак и какую-то уздечку под рубашкой — и нате вам, девушка, примите, пожалуйста, сию двусуставную канделябру!

После этого Лукаш порывисто вставал и командовал:

— А теперь — «Артиллеристы»! Среди искалеченных, могущих сидеть за столом, и безногих, которым Женя на травку стелила домотканые половики, не было ни одного артиллериста, сам Лукаш — из саперов, однако эту песню любили так и пели так, что при словах «За слезы наших матерей, За нашу Родину — Огонь! Огонь!» с яблони хлопьями начинали слетать лепестки! Конечно, пару поддавал Лукаш — он дирижировал своей правой так, как не могли махать одним клинком Чапаев с Котовским вместе взятые!

Петр Егорович Лукашов, Лукаш, тоже знал Лизюкова: на параллельной переправе в Ратчине, в пяти километрах от Соловьевой, полковник расставил саперов с топорами по плавучему мосту вдоль матиц, длинных досок, которые вязали бревна по краям от берега до берега. Такой мост не очень-то разбомбишь, бревна как намыленные, и немецкие летчики стремились класть пулеметные строчки, чтоб распороть доски вдоль. Нет доски — нет связки, нет связки — концы бревен свободно болтаются — и нет переправы! Для самолета главное — разбить матицы, а саперы, стоящие по краям, дело уже вроде как второе, однако свинцовые струи сшибали ребят прямо в Днепр: не удалось немцу раскурочить звено-связку — получи, руссифшвайн*, остаток боезапаса! Кто уцелел — нашивает новые доски, кого унесла река — тому вечная память, кого ранило — тому повезло. Лукашу, выходит, повезло...

Лукаш — дирижер отменный, но лучший голос, очень душевный, не у него, а у Степана Ильича Егоренкова. Его привозит из Бердяева на майскую сходку жена, Анна Ивановна. Она работает в сельсовете секретарем исполкома, и на двоих с председателем им положен конь. Анна усаживает Степана на подводу, поправляет на голове кепку, чтобы козырек прикрывал от злого весеннего солнца незрячие глаза мужа, отдает ему в руки вожжи, а жеребчику командует: — Голубь, в Речистое!

Голубь знает все дороги округи и названия деревень: если бы мог говорить — сдал бы экзамен по местной географии! А вожжи в руках у Степана — для ощущения влести: мужик должен править, считает Анна.

У Степана тоже нет ноги.

— Но руки-то есть? Есть. Ухи есть? Есть. Нога, хоть и одна, есть? Есть. Кое-что, чуть повыше колена, у нас есть? Есть. Я у тебя, самое главное, есть? Есть! — Анна целует мужа в щеку, вытирает уголком косынки выкатившуюся бусину слезы. — Поехали!

...Лукаш наливает стаканчик Степану Ильичу и говорит:

— «Темную ночь», пожалуйста.

— Ты мне налил?

— Налил.

— А Нюре?

— Извиняюсь, сейчас-сейчас...

Каждую весну Лукаш почему-то забывает наполнить рюмку Анне Ивановне — и всякий раз Степан Ильич не торопится опрокинуть стопку, а проверяет, оказано ли законное внимание супруге. Как же он чувствует, что Лукаш «опять забыл»!

Но вот Егоренков встает, и, пока он поет «Только пули свистят по степи», Женя наблюдает за Анной Ивановной. Чем взрослее она становится, тем больше ей нравится эта женщина. Может потому, что на маму похожа? Да. А еще потому, что ухаживает за Степаном Ильичом совсем-совсем не по обязанности. Вот все эту песню любят, слушают внимательно. А внимательней и правдивей всех — тетя Нюра. Бернеса так не слушают!

Женька вспомнила, как в позапрошлом году застолье почти накрыла гроза. Из-за плотной марли одувана прозевали тучу — и громыхнуло! Мужиков — девять душ, у

* Швайн (нем.) — свинья.

всех протезы развешены на яблоне, вот-вот ливень со стола всю закуску смоем и будет не праздник, а потоп, а они: «Люблю грозу в начале мая... Наливай-ка по седьмой!»

— Слушай мою команду! — Анна Ивановна сказала это совсем не женским голосом — и фронтовики протрезвели. — Мокрые вы нам не нужны! Эй, двуногие, обнимите одноногих — и марш в дом. Однорукие, если закусывать собираетесь — берите миски с винегретом. Протезы пусть висят, они не простудятся! После дождя как новые будут! Женья, поднимаем Кузнецца...

Дядя Толя Кузнецов свою фамилию оправдывал абсолютно — работал кузнецом. И это при том, что обе ноги за ним уже не числились! Сейчас он, угнездившись на половике, играл с леворуким — правую руку «откусил» ему под Вязьмой Гудериан — пастухом Левшуновым «в ножички».

— Левшунов, тебе уже винегрета не осталось нести, за холодец отвечаешь! Бегом! Толя, одну руку закинь Жене на левое плечо, другую — мне на правое. Оп-па! Понесли!

Дядя Толя, собираясь на застолье, надел новый костюм в полоску, и папа, который придерживал дверь в сенцы, чтобы она не захлопнулась, крикнул с крыльца:

— Девки, вам где такой гарный пиджак обломился? Не уроните, а то вымажете!

Кузнец-пиджак, вися на крепдешиновых женских плечах, подал голос:

— У меня руки свободные, какую-нибудь тарелку дайте! Подсоблю...

Конечно, в доме такого приволья как под яблоней не было, однако и тесноты тоже. Хозяйки-хлопотуньи все успели перетаскать: и остатки еды, и табуретки, и дорожки. С протезами связываться не стали — и так грохота хватало. Иван Евдокимович помог письменный стол Женьки придвинуть к обеденному, а из печки достали второй чугунок тушеной картошки.

Тетя Нюра всех бойцов устроила, рассадила, разложила и сказала:

— Ну вот, теперь можно за стол — и по седьмой! — и распахнула створки окна. Живой воздух мая снова обнял фронтовиков.

На свадьбе Егоренковы дуэтом спели «Спят курганы темные», и жених признался Женьке:

— Если бы тебя не было, я бы за Анной Ивановной приударил!

Большинство из отцовских друзей на свадьбу не пришли — навывдумывали каждый кучу уважительных причин и предлогов, а на самом деле постеснялись, дескать, за столом будут все молодые и красивые, а мы — войной меченые-калеченые. Степан Ильич и Анна Ивановна тоже пробовали отказаться, но невеста взяла и у их дочери (ее тоже Женькой зовут) спросила:

— Хочешь ко мне на свадьбу?

— Хочу.

— Приглашаю. И папу-маму приводи.

Дядя Степа Женьку больше всех на свете любит, а тетя Нюра и сама хотела погулять по-молодому на все Речистое — вот и сидели они рядом со счастливым Иваном Евдокимовичем как самые близкие люди ему, Евгении, а теперь и Анатолию.

А поэтессы литобъединения на Толю глядели и песню орали: «Зачем ты в наш колхоз приехал, зачем нарушил мой покой?»

Николай Макаров
(г. Тула)

МИЧУРИНСК
(Из цикла «Воспоминания батальонного врача»)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

...В восьмой класс я перевелся в школу № 8 города Мичуринска. Вырос из детских штанишек, и на семейном совете решили: учиться старший сын должен в Городе. Жил — то у одной (2 года), то у другой (2 года) бабки. Да, что удивительно (не забыл, вспомнил): в первую смену мне пришлось учиться только в первом классе и второе полугодие одиннадцатого: и здесь Никита Сергеевич подсуетился и в сфере образования — в школе был только один — один! — выпуск одиннадцатилетки, наш выпуск; до нас, с нами, и после нас — десятилетки; подсуетился здорово — в институтах двойной наплыв абитуриентов. Пережили. И все. Остальное посещение школы — только вторая смена. Кого как, а меня вполне устраивал такой расклад.

Какие запоминающиеся события этих городских школьных четырех лет?

Вкратце, штришками, как и все мои предыдущие и последующие мазки тех далеких дней, преданья седи.... Нет, не седины, второй половины двадцатого века.

...Первый урок в новой (городской) школе — физика. Преподаватель Алексей Иванович Головин — псевдоним «Голова» («Голова» — не из-за фамилии; он всем ученикам за удачный оригинальный ответ говорил: «Это — Голова!»). И на этом, первом уроке он задает «на дом» смастерить — ни много, ни мало — перископ (!).

Ничего оригинального не придумав, склеил из ватмана квадратную трубу, с обеих сторон приклеил зеркала под сорок пять градусов; хотя и примитивный, но перископ получился. С портфелем в одной руке и перископом в другой иду в школу, где на пол-дороге меня догоняет Генка Шелудько и просит, чтобы он отдал «Голове» перископ. Я ничего против не имел, тем более, что Генку знал еще до перехода в городскую школу — наши родители дружили еще с института.

— Вот, Алексей Иванович, — протягивая перископ преподавателю, заявляет Шелудько, — мы с Макаровым сделали (!).

Как выяснилось, это оказался единственный перископ на два восьмых класса. Тут же вспомнилась родная сельская школа: получи такое задание — все бы пацаны, да и некоторые девчата показали бы на следующем уроке свои изделия.

А Генка Шелудько получил свою первую «пятерку» по физике, и, как оказалось, единственную до окончания школы...

...В девятых — одиннадцатых классах мы четыре дня учились в школе, а два (вторник и пятницу) из нас готовили автослесарей и шоферов-профессионалов. Три года мы посещали, под опекой Казакевича Леонида Антоновича — нашего руководи-

теля производственного обучения, Мичуринскую автотранспортную контору. В основном были на подхвате: пойдя, принеси, подкрути, помоги, а то и просто без дела шатались по территории автобазы. В десятом сели за руль подаренного школе автобазой, грузовика: старенького ГАЗ-51. Зимой в одиннадцатом классе, ближе к весне, нас распределили для практического, почти самостоятельного вождения по штатным машинам, к настоящим шоферам в качестве бесплатного приложения. Мне и Генке Шелудько (капитаном Советской Армии погиб при невыясненных обстоятельствах в конце семидесятых) «достались» самосвалы — ЗИЛ-130. Мы за рулем. Шоферы — мирно дремлют рядом, изредка направляя на истинный путь, т.е. правильную дорогу. В основном возили уголь. По городу, по официальным документам — не более трех ковшей экскаватора. За город, по деревенским халтуркам — восемь (!) ковшей, не меньше. Рессоры прогибались в обратную сторону. Вот это и были (а прерывались ли они когда-либо?) рыночные отношения, во всей своей подпольной нелегальной красе.

...В апреле экзамен. Вначале по слесарному делу. Из нас всех (пятерых из 11 «Б» и двенадцати из 11 «А») только двое-трое (не помню точно, тем более, что слесарное дело нас, мягко выражаясь, особенно не влекло и не прельщало) сдали на третий разряд. Остальным, и мне в том числе, выдали документ с гербовой печатью: «Свидетельство о присвоении квалификации» слесаря-авторемонтника второго разряда. Во, как!

Затем — экзамены непосредственно на шофера. Но прежде парой слов вернусь на год назад, в шестьдесят пятый. Внимание! 14 апреля 1965 года мне вручили «Удостоверение № 9756» — Водителя (еще раз — особое внимание!!!) велосипеда. Владелец этого удостоверения имел право управлять только велосипедом и, ни дай Бог, мопедом или другим каким гужевым (лошадь, верблюд, осел, слон, буйвол) транспортом. Повеселились? А вы как хотели? Поехали дальше.

В первую очередь сдавали теорию (собрали нас, таких бедолаг, со всего города). Впервые в истории Тамбовского ГАИ сдавали по трафаретной системе: вопрос и три-четыре ответа, один ответ из них правильный. Всего десять вопросов. Ответившие на 9—10 вопросов получали, при успешной сдаче вождения, права шофера-профессионала третьего класса (категории «В», «С» — по-нынешнему); ответившие на 8 вопросов — водительские права шофера-любителя (категории «В»).

Результат был ошеломляющий. Потряс всю нашу школу. Из семнадцати (пятеро, мы, т.е. «Бэшники» и двенадцать «Ашников») только Виталька Аносов, неформальный наш лидер, чемпион города по десятиборью и прыжкам в высоту, ответил правильно на все десять вопросов и успел заполнить (всю!) карточку-трафарет Генки Шелудько на почетные любительские восемь ответов; мой ответ потянул на «золотую середину» — девять правильных ответов. Остальным пришлось расстаться с мечтой о получении водительских прав. Ну, а практическое вождение сдать было делом техники. Тем более, что техника была наша: школьный ГАЗ-51.

...Одиннадцатый класс. 11 «А» — двенадцать ребят, двадцать три девчонки. 11 «Б» — пятеро ребят, двенадцать девчонок. «Несправедливость», неравенство разделения объясняется размерами классных комнат. Никакой: ни расовой, ни половой дискриминации и в помине не было.

Первое сентября. Урок физики. Учитель (не препод!) — Головин Алексей Иванович. У доски, обычное явление на его уроках, пять-шесть человек. Мне достается самое «простое» задание — написать все (это после летних-то каникул?) формулы из физики — из трехтомника Перышкина — какие я знаю, какие помню, какие люблю, желательно — побольше, в идеале — все. Я и написал. Все! Нинка Емельянова, сидя на первой парте, аккуратно, не спеша перелистала все три тома Перышкина от перво-

го до последнего листа. Все формулы были написаны. На доске. За спиной учителя. Отметка — «хорошо», четыре балла, то есть. Почему?

...Второй урок физики в 11 «А». Аналогичное задание получает будущий серебряный медалист, Толя Савилов, любимец физика. И, конечно, в силу отсутствия подручных средств, пишет только половину формул. И получает, соответственно... «Отлично», пять баллов, то есть. Почему?

— Примета такая,— объясняет нам на большой перемене физик,— первая поставленная мной в учебном году, отметка, должна быть «четверка». Тогда и весь год будет удачным. А напиши Макаров (т. е. — я) всего одну формулу, результат был бы тот же самый — «хорошо».

Где логика? А нужна ли она? мистика? Но год-то прошел, вроде бы, не плохо: войны-то не было...

...На выпускном вечере мне было высказано, с размахиваниями перед моим лицом четырьмя парами кулаков, все, что обо мне думают мои одноклассники. Из 11 «Б» класса. Виталька Аносов. Сашка Летуновский. Славка Лошаков. Генка Шелудько. И свою лепту в эти высказывания вносила наша классная руководительница Гаврилова Людмила Степановна. Как это так: у них, у 11 «А» — одна золотая (Ритка Бочарникова) и целых четыре серебряные медали, а у нас, у 11 «Б» — всего две золотые (Клавка Шарова и Лидка Кузнецова). Мол, ты (т. е. — я) о чем думал, куда смотрел — всего четыре «четверки» в аттестате (для «серебра» нужно было две «четверки»); не мог, что ли, поднапрячься, поднатужиться и в последнем полугодии, и на выпускных экзаменах дотянуть, дожать, добить, додолбасить несчастные эти две «четверки» до «пятерок». Не мог!

Четверка по русскому, четверка по литературе, четверка по английскому, четверка по химии.

Русский и литература. Отец — литератор. Уйма прочитанных книг. Большая домашняя библиотека. Устный ответ — законные пять баллов. Сочинение — «четыре», как ни крути, изредка за содержание — «пять».

Английский язык. В селе преподавался через пень-колоду. В общей сложности в пятом-шестом-седьмом классах не наберется и двух полнокровных четвертей изучения английского языка. Не ехали почему-то в наше село «иностранки» — «дефицит» на них был. Плюс к этому: полное отсутствие способностей к языкам.

Химия. Учебник знал наизусть. Переписывал по десятку раз все химические законы и формулы. Устно — «отлично». Контрольная — «три-четыре». Непонятки какие-то. Не лезла в меня химия. Кошмар, да и только.

Первый экзамен — сочинение. Классная передает слова директора школы Буданцевой Александры Петровны, что если сочинение мной будет написано на «пять-пять» или на «пять-четыре», то они подумают о моем «серебре». С натягами, с переписыванием сочинения, с трехкратной его проверкой всеми «русачами» школы, кое-как вышли на рубеж: русский — «хорошо», литература — «отлично». Заветные «пять-четыре». И отослали работу, наряду с другими претендентами на медаль, в вышестоящую инстанцию. В ГОРОНО (Городской отдел народного образования). Результат известен. Не плачевный, однако.

После вступительных экзаменов в институт я впервые в своей жизни, применительно к себе, понял библейское высказывание: «Что ни делается — к лучшему». Получи я медаль, попал бы в такую передрагу с самых первых институтских шагов... лучше не ворошить, тем более, ни к чему прибегать к сослагательному наклонению в реальной жизни...

...Черчение. Высший пилотаж! В девятом классе — «мясорубка». Чертежи каждой детали. Чертежи всего агрегата. В трех проекциях. Сборочный чертеж. Сбороч-

ный с разрезом. На миллиметровке. На ватмане. Карандашом. Тушью. «Отлично». В десятом классе — какой-то замысловатый «вентиль».

Ситуация повторяется. Одиннадцатый класс. Четыре «халтуры» — четыре чьих-то диплома о высшем образовании. В чертежах. Толстые папки чертежей. Тушью. На ватмане. Честно заработанные деньги...

...Второй выпускной экзамен. Алгебра, устно. Захожу за Виталькой Аносовым. Заплаканная мать. Потерянно раздавленный отец. Сына забрали в милицию. Ударил вчера, около своего дома, сидя на лавочке, пьяного прохожего, ткнувшего зажженной сигаретой в шею его будущей супруге Людке Орловой из 11 «А» с отягчающими обстоятельствами: перелом ключицы и прокурорский родственник у этого пьяницы. Поднялась вся школа. Вся общественность. Включились видимые и невидимые рычаги и рычажочки. По подписке о невыезде освободили моего друга до суда, дали сдать выпускные экзамены. Потом суд. Условный срок. Апелляция «потерпевшего». Областной суд. Вердикт первой инстанции остается в силе...

...За всю мою жизнь меня ударили (физически ударили) всего один раз. Ударили сзади. Неожиданно. Подло. По уху. Без причины ударили. При Алке Беляевой, из 11 «А», первой красавице школы, которую я провожал после последнего сеанса из кинотеатра «Октябрь». Ударили. Обогнали нас. И убежали. Подло ударили. И подло убежали.

На следующий день, видя мой заплывший правый глаз и содранную кожу около уха, мой двоюродный брат Валерка Макаров, в определенных кругах пользующийся должным расположением, быстро выяснил совершившееся несправедливое, не по понятиям, безобразие.

Кто инициатор? Кто исполнитель? Кара последовала незамедлительно и в более жесткой форме. По понятиям.

И небольшое резюме: не зная, кто перед тобой — вначале подумай о возможных последствиях...

...Сентябрь тысяча девятьсот шестьдесят пятого года. Панский лес на окраине Мичуринска. Кросс! День кросса в нашей школе. Самой спортивной школы города. Кульминационный забег. Последний. Бегут старшеклассники. Спортивная элита школы и города. Одна тысяча метров. Километр. По пересеченной лесной местности. По лесу. По лесной тропинке. Узкой тропинке, по сторонам которой сплошной часток кол молодого дубняка. Пятсот метров затяжного, прямо со старта, тягуна и пятсот метров в обратном направлении, по другой тропинке, пологого спуска.

Одна тысяча метров общей дистанции. Кросс.

В нашем 11 «Б» — трое спортсменов: Аносов — десятиборец, первый разряд; Шелудько — велосипедист, первый разряд; Макаров — чистый спринтер, первый разряд. В 11 «А» и в обеих десятых — все средневики, второй-первый разряд на 800—1500 метров. Особенно силен Мишка Белов из 10 «А», фаворит нынешних соревнований. Да и другие — под стать ему. На победу у нас троих — никаких шансов. Даже на призовое место нет шансов. Ни наш тренер, Григорьев Анатолий Сергеевич, ни наша классная, ни наши школьные подруги, никто в нашу победу не верил. Тем более, остальные болельщики, ясное дело, тоже не верили. Не принимали нас даже в расчет. Вошли бы в десятку и то — хорошо. Ишь, победы им захотелось. Но все забыли, что у Шелудько пятьдесят процентов хохляцкой крови, а посему в его голове рождается авантюрный план. Рвануть со старта изо всех сил. Рвануть на тягун! Изо всех сил. Двое впереди, перекрывая сопернику возможность обгона. А третий, нога в ногу, не отставая, буром прет за ними. Чтобы при переходе на вторую половину трассы, вырваться из-за их таранных плеч и лететь по пологому склону к финишу.

Хватит или не хватит сил у этого третьего — никого не волновало. Хватит! Хватит сил! Чтобы первому разорвать финишную ленточку (хотя, вторые-то никогда и не рвут никаких финишных ленточек)...

Финишную ленточку я рвал в полубессознательном состоянии. Задыхаясь от нехватки кислорода. На верхней ступеньке пьедестала мы стояли втроем...

...Десятый класс. Больница. Земская (с того давно канувшего в лета девятнадцатого века). Мичуринская больница. Ее до сих пор так и называют: «Земская». Я лежу в палате «косарей» и «глухарей». Палата большая. На двадцать человек. Слева — глазные больные. Справа — больные ухо, горло, нос. Меня в больницу направил военкомат. У меня больные глаза. С самого раннего детства (может, осложнение после дифтерии, может еще что?).

Больные глаза с неустановленным диагнозом, кстати. Где только меня не обследовали. Мичуринск. Тамбов. Симферополь. Рязань. Томск. Москва — НИИ — институт глазных болезней имени Гельмгольца.

И нигде не был поставлен окончательный диагноз. Вроде — это? Или — то? А может — другое?.. Все лекарства, применяемые при лечении глазных болезней, прошли через мои органы зрения. Толку никакого. Незначительные улучшения... незначительные ухудшения... И, не мудрствуя лукаво, призывная комиссия выносит вердикт: По статье 88 «Б» (помню до сих пор эту статью) «Расписания болезней» (тогдашнего «Расписания»): «Не годен в мирное время, ограниченно годен в военное». Гербовая печать. Роспись... Приплыли! «Волчий билет!» Он мне потом, этот «волчегодник», изрядно попортит нервы. А сейчас — билет, так себе билет: ни к чему не обязывающая бумажка...

...После выпускного вечера мы с ней обменялись часами. Под утро. На берегу речки Лесной Воронеж. Мокрые после купания и с песком в непромытых волосах. Я ей — свою «Неву», она мне — свою золотую «Зарю». В залог нашей, до гробовой доски любви. Вместо Ольги Ерохиной, как и моя младшая сестра, она стала Ольгой Макаровой. Но фамилия у нее была не моя. Моего однофамильца. А я забросил ее золотую «Зарю» в речку. В Лесной Воронеж. В том месте, где два года назад мы голые купались после выпускного бала...

...Электричество. Мое тесное (очень даже!) знакомство с электрическим током случалось трижды. До трагедии дело не доходило. Но...

...Где-то в году пятьдесят шестом — пятьдесят седьмом (прошлого века) наше село радиофицировали. К каждому дому, к каждой избе подвели провода и мы стали чуть-чуть ближе к цивилизации двадцатого столетия. Электричества, понятное дело, еще не было. Не было и лучин, не было свечей. Были керосиновые лампы. Трех-, пяти-, семилинейные (что это за такие «линейные» — я до сих пор не знаю).

Так вот, с радиопроводкой начались эксперименты. Пробую взяться рукой за вилку, включенную в розетку радиоточки. Никакого эффекта. Никаких последствий. Тока, что ли нет? Но радио-то говорит. Значит — ток есть! Но маленький. А не попробовать ли вилку языком? Подумано — сделано! Ведь умудрился каким-то образом языком замкнуть оба штырька вилки...

Замкнул! И получил такой удар по мозгам, что летел со стула метра три. Легкие ушибы, незначительные синяки и на всю жизнь обеспеченное «табу» на всевозможные вилки и розетки.

...Шестьдесят шестой год. Май месяц. Девятое число. Праздник Победы! Великий Праздник!!! Мичуринск. Дом дяди Саши, младшего брата отца. С улицы открываю калитку и... мимо меня, выпущенный как из катапульты, что-то орущий, в эту самую открытую калитку, пролетает мой двоюродный брат Валерка и падает в про-

текающий рядом ручей, перелетев заодно и тротуар. Что же произошло? Вырисовывается картина. Прекратила вдруг звучать из радиоприемника бравурная музыка. Причину обнаружили быстро. В розетке отошли контакты, а под рукой не оказалось ни отвертки, ни пассатижей. И Валерка полез зубами (!) откусывать изоляцию на проводе. Все бы ничего, но забыли выключить рубильник на щитке... И пришлось брату совершать беспримерный полет с табуретки в ручей. Шесть с половиной (мы измерили) метров он пролетел после знакомства с электрическим током. Без каких-либо последствий. Не считая небольшого потрясения и мокро-грязной одежды. А если бы не было меня? Если бы я не открыл калитку за мгновение до его полета? Невероятное совпадение...

Мистика?..

Яков Шафран
(г. Тула)

КОЕ-ЧТО ИЗ ЖИЗНИ ХИЩНЫХ И ТРАВЯДНЫХ

Притчи

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

КАК ТРИНАДЦАТЬ ВОРОТИЛ НАРОД НАКОРМИЛИ

Жили да поживали воротилы. И было их не так много, но и не так мало, а ровным счетом тринадцать. А местными они прозывались не потому, что жили тут,— проживали-то они как раз в местах отдаленных, там, где были их сердца, то бишь деньги, хоромы-терема, благоверные с детьми, любовницы и прочее добро. Здесь же была та часть их имения, что они когда-то, во времена приснопамятные за гроши присвоили, или, прямо скажем, своровали, и которая давала им немереный прибыток.

Коротали они время и беды не знали. Но вот как-то скука обуюла то одного, то другого, а потом и всех сразу. Созвонились они, списались и решили в кои-то веки встретиться — все некогда, важные дела,— и повеселиться. Сняли ресторан в центре столицы, с музыкой и богатым застольем, но без лишних людей — надоели!..

Пьют, едят, музыка играет — а скука не проходит.

— А ведь скоро, братцы, годовщина,— промолвил один.

— Что еще за годовщина? — спрашивает другой.

— Как же? — Как мы с вами стали богачами, большими людьми!

— И правда, если посчитать — точно! — воскликнул третий.

— Это дело нужно отметить! — продолжил первый.— А что если нам отправиться, каждый на своей яхте, на необитаемый остров, на недельку, да на такой необитаемый, чтобы там и травинки не было?

— Но на яхтах у нас должно быть все! — поддержали его сотоварищи.

Ну как же, тузы да без всего. И решили они взять с собой вина и коньяки, припасы с деликатесами, музыку с музыкантами, прислугу высокого класса, танцовщиц широкого профиля, благоустроенные палатки, в которых будут жить только они с подругами, а остальные — на яхтах, на которых свой капитан да штурман с несколькими матросами.

Выбрали они остров, передали все дела приказчикам своим, сели на яхты и двинулись в путь...

Долго ли, коротко ли странствовали, но вот и остров их, необитаемый. Сошли на берег,— но вначале только одни,— чтобы совершить обряд, о котором столковались в пути. А надумали они ни много ни мало, как воздать хвалу *своему* создателю и благодетелю за пожалованное им богатство.

И вот сели они в кружок, напрягли свои мысли и, зажмурившись, проговорили хором заранее разученную речевку... А когда открыли глаза, глядь — яхт-то нет! Где они?! Смотрят, но даже до горизонта нигде не видать. Обежали остров — небольшой

был — нет и нет. Они уже, грешным делом, начали щупать и щипать друг дружку, не спят ли, и не грезится ли им все это. Однако, не грезится... Они за смартфоны — нет связи! Хотя она была, когда они выходили на берег, связывались с «большой землей» — с семьями, друзьями и приказчиками. Даже друг с другом связи нет. Хотя она у них спутниковая — тузы все ж таки.

И тут у каждого, в тот же миг, как по волшебству какому, случился вдох и выдох, сопровождающийся долгим «а-а-а-а!» Поплыли крыши у наших деловых башен... Снова схватились они за смартфоны — хотели проверить свои счета, — хотя, знамо, Интернета-то тоже нет. Это еще сильнее удручило их, так как что еще страшнее для воротилы, чем невозможность лицезреть свои деньги, хотя бы в электронном виде.

— Что там с нашими счетами?! — возопили они, опять же хором.

Но мобильные банки, само-собой, так и не отозвались. И оказались наши приятели одни одишечки на мертвом клочке земли, посередь моря-океана, без какой-либо связи с родом людским. С неизбывной кручиной, со слезами поглядели они друг на друга — что делать? Кушать тянет, на грудь принять тянет, скучища несусветная, да и жара нещадная. А голод все сильнее и сильнее, не привыкло их чрево к такому умерщвлению плоти. И тут начала видаться им самая любимая пища. Однако при виде всего этого у них, буквально обонявших все эти благоухания, в организмах жидкости никакой не было для слюноотделения.

И, пошатываясь, бродили они, неприкаянные, залезали в воду и сидели там — все полегче. Однако на второй день уж больно слабые, только лишь лежали в тени скалы и дорого бы дали за глоток воды. На острове же ни травинки, ни кустика и никакой живности. Сами выбирали пустынейший из пустынных. Никогда в жизни приятели не попадали в такой переплет: денег горы, а пустить их в ход и поправить нынешние свои дела не могут!..

— Люди, люди! — простонал один.

— Вот кабы сейчас люди узнали о том, что с нами случилось, помогли бы как советские! — промолвил другой.

— Ведь мы тоже и сами были когда-то пионерами, а закон у них — помочь дружба-бану в беде, — в беспамятстве пролепетал третий.

— Я бы полцарства отдал тому, кто вытащит меня отсюда! — из последних сил вскричал, как ему казалось, четвертый.

— И я! И я! И я! — присоединились к нему остальные.

...А под утро, очнувшись от своих ночных кошмаров, один из них начал тормошить других:

— Глядите! Глядите!

— Да что?.. Что такое?.. Где, что?..

— Да вон там!.. — И показал им вдаль.

В глубине острова копошились люди... Поднялись воротилы, или то, что от них осталось, и побрели туда, куда указывал их приятель по несчастью. Подошли... И правда, люди — мужчины, женщины и дети, по виду бедные, несчастные, больные. А рядом валяются пустые пузырьки из-под настойки пустырника.

— Вы кто?

— Да мы... вот... работы нет... у предков пенсии — на крышку гроба не хватит... А цены и плата за ЖКХ о-го-го! — отвечают.

— Понятно... А как вы здесь оказались?! — опомнившись, удивленно спросил, один из воротил.

И как только он это произнес, — все мгновенно исчезло.

Вернулись горемыки в тень скалы и в полной немощи опустились на камни.

Однако одна беда не ходит, и морока их продолжилась. Им все что-то не переставая мерещилось. Казалось, что они что-то возглашают и кличут куда-то других. Но посторонний наблюдатель, если бы таковой оказался рядом, приметил бы только

тихое бормотание и легкое шевеление рук и ног. А еще им виделось, будто каждый из них доброволец (надо же такому привидеться!), и, засучив рукава, пособляет нищим и горемычным: кто кашу раздает, кто старается медбратом в поте лица, кто расселяет их в специально построенные жилища...

Так и лежали они, вконец измученные жаждой, голодом и химерами, уже едва не в обморочном состоянии. А ночью поднялся сильный ветер, стало холодно. Они, дрожа, очнулись. Светила полная луна, яркие крупные звезды низко висели в южном небе.

И уже когда ни одна дума не приходила в голову, по какому-то наитию сели друзья в тесный кружок, прижавшись спинами друг к другу, и взмолились, но уже не *своему* покровителю, как при схождении на берег, а Отцу Небесному, о котором когда-то читали, и как учил тому Тот, Кто бичом изгонял барышников из храма (что им раньше сильно не нравилось...)

И вдруг разверзлись небеса и раздался глас свыше, повторявший одни и те же слова, что громом раздавались в ушах этих измученных существ: «Отдай награбленное! Отдай награбленное!..»

Это невозможно было снести... И вдруг зазвонили телефоны. — Связь есть! Они опустили на камни и потянулись к ним. А голос все звучал. Не отвечая на звонки, приятели трясущимися пальцами открыли свои мобильные банки, свои счета и стали переводить деньги с них в «кошелек» державы, что раньше держали за свою вотчину-рашку, в народные предприятия, больной детворе, в детские же дома, в медицину, в образование... И делали это почти до полного обнуления счетов.

Голос перестал, и они забылись тяжким сном...

А когда открыли глаза и, поддерживая друг дружку, с трудом, шатаясь и падая, встали на колени, то увидели у берега свои яхты идвигающиеся к ним шлюпки с людьми...

...А в державе все СМИ, захлебываясь и стараясь лишить одно другого первенства, как это обычно с ними бывает, наперебой стали оповещать весь подлунный мир о великом чуде, о благословении Небес, по которому, наконец, наступила пора правды и благоденствия.

А НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ-ТО СПОДРУЧНЕЕ...

Перефразируя известное высказывание Л. Н. Толстого, можно сказать: все счастливые люди похожи друг на друга, а все несчастные несчастны по-своему...

Вот жилось бы мировым воротилам и жилось, так нет — подавай им плавающий город, да не просто, а на сорок тысяч человек. То бишь на все их триста семейств с сестрами-братьями, детьми, внуками и правнуками. И жилось бы им уже и поживалось в покое, ибо столько добра нажили, что и не счесть, так снова нет — решили они сотворить полную перестройку всего белого света: ни много, ни мало — поголовно заменить трудящихся людей роботами* под началом ИР**. А всех жителей Земли-матушки за ненадобностью без остатка извести, напустив на них нарочно придуманную заразу-убийцу, а тех, кто устоит, доизвести, но постепенно, с помощью особых уколов. Решили даже не оставлять никого для присмотра за этими самыми роботами и, как говорится, для смазывания-ремонта, а также для создания их вновь, и вкупе с ними надсмотрщиков за этими ремонтниками. Ибо боялись, что снова размножится род людской на земных просторах. И все — от аза до ижицы — постановили возложить на робов.

Долго ли коротко ли дело делалось, а было сделано, тем более что оно шло без каких-либо помех и сделок между уже ненужными им, воротилам, нынешних царств и королевств, и шло довольно-таки проворно.

* Авторское название роботов.

** Искусственный разум.

И вот, наконец, остались они со своими семействами на этом плавающем острове и беды не знают. Наслаждаются почти натуральным климатом, чистым воздухом, а роботы снабжают их всем нужным и обороняют от всех мыслимых и немыслимых угроз. Рай, да и только!

Жили они, жили, у внуков уже дети родились, все хорошо — лучше не бывает. Но что-то тоскливо им всем стало. Куда ни пойдешь — одни и те же виды, одни и те же физиономии, — все одно. И так годы и годы.

И вот одному из воротил, как говорится, вожжа под хвост попала. Не хочу, мол, тут со всеми вековать — подавай мне особый плавучий город. Приказал он ИР, а тот, соответственно, роботам построить его семейству отдельную такую обитель. И построили — долго ли умеючи, когда все золотые горы, молочные реки и кисельные берега в подчинении. Переехал он со своими домочадцами, и стали они жить-поживать припеваючи.

Однако, как известно, пример заразителен. И другие воротилы сделали то же самое, а общее свое место жительства оставили про запас, на всякую оказию. Все довольны, жизнь, продленная новыми разработками ИР донельзя, продолжается.

Живут, дни за днями идут (а день у них уже стал, что твой год), но то ли хворь какая на них напала, то ли что, а каждый из воротил, чуть не в одночасье, восхотел освободиться от одинаковости своего бытия. К тому же сородичи его не то по этой же причине, не то от кровосмесительства — ведь других людей нет, все свои, — впали в умопомрачение. А также стали чуть ли не в очередь становиться к воротиле — как ко всему голове — со своими вопросами, тяжбами и затеями. Что делать?

И каждый из воротил, кто немного раньше, кто немного позже, решил устроить себе отдельный плавучий замок и удалиться в него, чтобы не видеть и не слышать никого и ничто.

А ИР, поняв это уединение как приказ, по уже налаженной схеме, не спрашивая и не уточняя, устранил и «сородичей», подобно прежнему устранению обитателей Земли.

И не так долго это делалось, но было сделано. Зажили воротилы сам-один, лучше и помыслить нельзя: на всем готовом и без всякого народа...

Шли годы, роботы трудились, снабжали всем и под управой ИР за здоровьем их следили, упреждая даже ничтожные от него уклонь. А воротилы, каждый в своем обиталище жили, как хотели, ни перед кем не конфузясь, ничего не страшась, вольными особями: хочу — в чем мать родила буду ходить, хочу — ни мыться, ни бриться не буду, хочу — на дерево залезу и там орехи щелкать буду или кокос грызть. А захочу — и на четвереньках ходить стану: так, на поверку, и проще, и сподручнее...

И перестали они изъявлять желания да пожелания свои, перестали походить на человеческие существа: забыли человеческую речь, обросли, завоняли...

А ИР в купе со всеми роботами действовали по трем правилам:

— исполнять приказания повелевающих особ;

— налаживать все условия для жития тех особ и всех их сожителей;

— ежели нельзя исполнять первые два правила, по причине неимения повелевающих особ и их сожителей, приступить к творению вновь рода людского, для чего было задолго, наряду с ИР, налажено и хранилище семени и женских яйцеклеток.

И ИР, присмотрев пригодный уголок Земли, с потребными условиями, принялся за творение нового человечества. А тот, недавно образовавшийся, малочисленный отряд человекоподобных обезьян, из-за неимения самок, довольно скоро вымер...

ЗАЯЧЬИ БОИ

Сошлись как-то волки, хоть и немного их осталось, сошлись на свой сход — обсудить свои волчьи нужды, да и просто потолковать. И в конце сходки, когда уже и толковать было не о чем, поднялся один серый и предложил:

— Что мы зайцев-то все ловим, да едим, ловим, да едим... Скучно и нудно. Почему бы нам не споровить для забавы заячьей бои?

— Как так? — раздалось на поляне.

— А вот так: пусть они точат лясы и перечат один другому, препираются, бранятся, режутся на словах и увещевают один другого, мы же будем слушать, потешаться и, вообще, наслаждаться. Не все же нам после еды давить ухо, да по ночам выть на луну.

— А есть-то мы будем их, зайцев-то?

— А как же! Будем, да еще как! Но только не этих. Эти пусть нас забавляют, мы их и морковкой кормить будем после действия, не убудет с нас — зато весело заживем.

Разобрали все по косточкам волки, побились об заклад раз, другой и третий, да и сошлись — тому быть!

Изловили они восемь зайцев, правда, только сухопарых, так как более упитанных, удержу нет, съели. Разделили их на две дружины — какой же взаправдашний спор без того? Один устал, другой ему на смену заступает. И стали потихоньку приучать и морковкой кормить — зайцы-то со временем и вовсе ручными стали: ходят осанисто, судят да рядят, а по вечерам дружина на дружину набрасываются. Да и то волк, ответственный за это дело, наущает их, мол, позлее, позлее будьте, один на другого нападайте как на злейшего своего супротивника. Кто будет так выступать, да со смыслом, да с вывертом и страстью, тот получит двойную, а то и тройную порцию морковок.

Долго ли сказка сказывается, да недолго дело делается. А оно пошло. Даже волчье телевидение заинтересовалось и стало передавать на все волчьи поляны. И на морковку теперь этим волкам-устроителям не приходилось тратиться. А зайцы знай хрюкают морковью, но все ж на волков косятся, косятся. Один не выдержал и говорит:

— Не верю, братцы, я им. Съедят они нас, за милую душу съедят!

— Да брось ты! — ответил ему другой. — Мы же им полезны. Смотри, как смеются и хлопают!

— А может это начало нового житья — согласия между зайцами и волками?! — воскликнул третий.

— Да, жди... Не дожدهшься, — возразил ему первый.

Но так или иначе, а деваться-то некуда — взялся, как говорится, за гуж... И бьются зайцы на говорильной сече аж до потери сознания порой, а после в очереди за морковкой улыбаются друг дружке, да приятельски толкуют меж собой.

Так и жирели наши зайцы, и до того разжирели, что многие волки, сидевшие вокруг поляны для боев, уже облизываться стали да задумываться — а не съесть ли нам их?

Так и шло: зайцы косятся, а волки подумывают. И чем больше зайцы косятся, тем больше волки задумываются, а чем больше волки думают, тем больше зайцы косятся...

Сколь долго бы все это тянулось и чем разрешилось, неизвестно, не случись неожиданное, нежданное. Откуда ни возьмись, появились в лесу тигры, да как раз в тот момент, когда на поляне происходило это самое действо. Да до того свирепыми оказались те тигры, что сразу, недолго думая, окружили то место говорильное и, издав боевой рык, растерзали в миг тех волков и зайцев в клочья и... съели.

На том и закончились заячьей бои со страхами и волчьей мечтания.

Мстислав Казанский
(г. Богородицк Тульской области)

ЖАВОРОНКОВ И ЕРМАКОВ
(Отрывок из книги «Гудериан в Богородицке»)

Казанский Мстислав Вячеславович — член Союза писателей РФ, хозяйственный руководитель, общественный деятель. Родился 27 мая 1948 г. в с. Михайловском Куркинского района. С 1971 г. работает на Богородицком заводе «Ресурс», прошел путь от инженера-технолога до генерального директора. Автор книг «Жемчужины Богородицка», «Дочь Сталина», «Донская доля», «Кудеяр на Непрядве», «Гудериан в Богородицке» и др. Почетный гражданин Куркинского района Тульской области.

После взятия Орла очередной целью немецкой 2-й танковой армии стала Тула как самый крупный индустриальный город, прикрывающий Москву с юга. Гудериан только что совершил танковый марш, продвигаясь по 130 км в день, твердо был уверен в деморализации советских армий и надеялся пройти расстояние до Тулы (180 км) за 2—3 дня. Действия противника по нанесению удара на Тулу начались сразу после захвата Орла, т. е. 3 октября 1941 года.

В этой обстановке Тульский обком и горком партии вместе с командующим Московским военным округом генерал-лейтенантом П. А. Артемьевым приняли экстренные меры по подготовке к обороне. 3 октября в Туле был создан Городской комитет обороны. Все воинские части и формирования, находившиеся в Туле и ее окрестностях, были подчинены командующему Московским военным округом. Он приказал направить в район Мценска силы Тульского гарнизона. По тревоге были подняты истребительный батальон, 14-я стрелковая запасная бригада, курсанты Тульского оружейно-технического училища, 400 бойцов полка НКВД. Сборы закончили к девяти часам утра 4 октября 1941 года, и 5500 человек отправились в распоряжение 1-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор Д. Д. Лелюшенко.

5 октября 1941 года наши соединения остановили «бронированный кулак» 2-й танковой армии Гудериана. Последовавшая пауза в боях за Мценск была использована командованием Красной Армии для приведения в порядок войсковых соединений. 21—23 октября 1941 года вышла из окружения основная часть сил Брянского фронта, в том числе и 50-я армия. Ударом на Белев она смела вражеские части, прорвалась через боевые немецкие порядки, переправилась в районе Белева через Оку и перешла к обороне. Однако эта армия находилась в плачевном состоянии, в ней оставалось всего 9727 солдат и офицеров, 35 орудий, 46 пулеметов и всего 8 минометов. При выходе из окружения 10 октября 1941 года погибли командующий армией Герой Советского Союза генерал-майор М. П. Петров (он был тяжело ранен и умер через месяц от гангрены) и член Военного Совета, бригадный комиссар Н. А. Шляпин. В командование 50-й армией в соответствии с директивой Ставки 13 октября вступил генерал-майор Ермаков.

В соответствии с директивой ставки ВГК от 23.10.1941 года соединения и части

формируемой 26-й армии (командующий А. В. Куркин) были переданы для усиления 50-й армии. В подчинение А. Н. Ермакову перешли: 10-я стрелковая дивизия, танковая дивизия, 2-я кавалерийская дивизия. Это уже была внушительная сила, способная остановить Гудериана.

23 октября немецкая 2-я танковая армия возобновила наступление на тульском направлении. К исходу 24 октября противник, имея превосходство, прорвал оборону 6-й гвардейской стрелковой дивизии и занял поселок Чернь. 25 октября в наступление перешли все соединения 2-й танковой армии Гудериана. Оставшиеся после боев под Мценском немецкие танки 24-го танкового корпуса были объединены под командованием полковника Эбербаха в особую группу и вместе с полком «Великая Германия» образовали авангард наступления на Тулу.

24 октября штаб 50-й армии прибыл в город оружейников. Временно исполняющим обязанности командующего армией был назначен генерал-майор Куркин. Ермаков до 25 октября занимался управлением оперативной группой войск 50-й армии, поэтому первые документы по обороне Тулы подписывал А. В. Куркин.

Алексей Васильевич Куркин произвел на первого секретаря Тульского обкома партии Жаворонкова неважное впечатление. Генерал был растерян, и как командующий армией, прибывшей защищать Тулу, не выражал необходимую твердость. Жаворонкову хотелось знать действия армейского командования и понимать, какие меры военные принимают для защиты города. Он хотел влиять на распоряжения и приказы военных. И тут ему представляется и. о. командующего 26-й армией Куркин. Чувствовалось, что настроение у командарма было подавленное, он сразу начал рассказывать Жаворонкову о сложностях военной обстановки на подступах к Туле. Василию Гавриловичу надоело это ныть, и он прервал Куркина вопросом:

— Товарищ генерал, скажите, сколько у противника танков?

Куркин промолчал. Жаворонков повторил свой вопрос:

— Сколько у противника танков?

И Куркин ответил, потрясая поднятыми к голове руками:

— Что танки, танки?.. Сам Гудериан сюда идет!

— Ну, и черт с ним, что он идет. Сколько здесь у него танков?

— Вам это для чего? — вопросом на вопрос ответил генерал.

— Я артиллерист.

— 400! — Выпалил собеседник первого секретаря.

— Вот это другой разговор.

— Как!

— Да так! Не так страшен черт, как его малюют! Вы все боитесь Гудериана, он запугал вас своими немецкими танками, вы все дрожите от него. А мы, туляки, сейчас поставим полсотни 85 мм зенитных орудий на танкоопасных направлениях, направим на немецкие танки и будем бить их, как молотком по орехам. Не надо бояться Гудериана, он обычный наглый, хоть и неглупый немецкий генерал, которому пока везет на поле боя, но здесь, под Тулой, мы раскатаем его в стельку. Вот увидите, товарищ генерал. Вы уезжаете в Москву, а нам из Тулы некуда уезжать!

«Такой оборот разговора вразумил моего собеседника,— вспоминал Василий Гаврилович,— он ушел от меня с другим настроением. Тула будет сражаться!»

25 октября в Тулу прибыл генерал-майор Ермаков и даже не зашел в городской комитет обороны, не представился Жаворонкову. Он был твердый, сильный генерал и вел себя независимо. Василию Гавриловичу о прибытии командарма доложили, и ему очень не понравился этот вызывающий поступок генерала. Из тактических соображений Ермаков перенес свой штаб в поселок Медвенка (северо-восточнее Тулы), чем снова вызвал недовольство Жаворонкова.

Я считаю, что, конечно, был неправ генерал Ермаков. Он не придал соответствующего значения взаимодействию с партийным и советским руководством области.

Ермаков со своей армией отступал от западных границ, громил фашистов, выводил свои части из окружения, и нигде ему не оказывали никакой помощи штатские руководители. Он привык не надеяться на них и сам решать стоящие перед ним задачи. А здесь он был поставлен главным военным начальником обороны города. Поэтому и вел он себя так независимо. Но в Туле первый секретарь обкома партии Жаворонков тоже являлся личностью. Причем незаурядной. В Туле, был большой собственный военный гарнизон, и Жаворонков привык решать вопросы обороны города совместно с командирами местных частей. Он не отсиживался в тиши кабинета, он воевал и хотел знать все планы командования 50-й армии по отражению танкового генерала Гудериана.

Я фрагментарно коснусь лишь главных этапов защиты Тулы и остановлюсь лишь на некоторых психологических моментах поведения и действий командиров как советских войск, защищавших Тулу, так и германских, стремившихся захватить город оружейников.

24 октября с целью обхода плотного заслона советских войск на шоссе Орел—Тула, боевая группа полковника Генриха Эбербаха из состава 24-го танкового корпуса форсировала Зушу севернее шоссе и, переправив на другую сторону реки свои танки и артиллерию, начала продвигаться к Плавску, выходя глубоко в тыл оборонявшимся на шоссе советским частям. Тем самым командир 3-й танковой немецкой дивизии генерал Герман Брайт вынудил войска 50-й армии отступить в северо-восточном направлении к Туле. Командующий 50-й армией генерал Ермаков знал, чем грозит его армии окружение, потому он с боями выравнивал сплошную линию обороны.

В тот же день в направлении на Тулу наступали другие соединения 2-й танковой армии. В первом эшелоне двигался 24-й танковый корпус (командующий — генерал танковых войск Гейер фон Швеппенбург), во втором эшелоне — 47-й моторизованный корпус (командующий — генерал танковых войск Йоахим Лемельзен). В направлении Белев—Алексин—Тула наносили удар 43-й (командующий генерал пехоты Готхард Хейнрици) и 53-й (командующий — генерал пехоты Карл Вайзенбергер) армейские корпуса.

Танки Гудериана идут на Тулу

26 октября наступающие немецкие танки группы Эбербаха достигли Плавска, в следующие три дня (27—29 октября) — поселков: Ясная Поляна, Косая Гора, Ивановские Дачи. Деревня Ново-Басово была также занята немецкими частями.

Генерал-майор Ермаков готовился к отражению штурма Тулы и, находясь на передовой, лично расставлял части своей армии на наиболее вероятных направлениях танковых атак противника. Дальнейшие события в целом подтвердили правильность действий Ермакова. Учитывая манеру немцев осуществлять обходы и наносить фланговые удары, он оптимально осуществлял перемещение частей на направления ожидаемых ударов войск противника, проводя активные упреждающие действия на различных участках обороны самой Тулы.

Гудериан писал:

«29 октября наши головные танковые подразделения достигли пункта, стоящего в 4-х километрах от Тулы. Попытка захватить город с хода натолкнулась на сильную противотанковую и противовоздушную оборону и окончилась провалом, причем мы понесли значительные потери в танках и офицерском составе».

Гудериан в этот день получил второй после Мценска сильнейший удар. Он был в растерянности, но приказал снова наступать на Тулу, усилив состав своих частей. Ночью 30 октября Гудериан бросил в район Орловского шоссе 80 танков, две роты мотоциклистов и полк пехоты. Несмотря на значительное превосходство противника, эта атака была опять отбита. Потеряв 19 танков, немцы отошли. Но Гудериан не останавливался. Он был взбешен упорством защитников Тулы и, сосредоточив танковые части и элитный пехотный полк «Великая Германия», в 8 час. 30 мин. 30 октября снова бросил войска в атаку.

Генерал Ермаков правильно определил направление главного удара Гудериана и подготовился к его отражению. Атака немцев проводилась массировано с разных направлений. Вдоль Орловского шоссе при поддержке артиллерийского и минометного огня на Тулу наступали два батальона пехоты с 50-ю танками, а в направлении Гостеевка — Тула — батальон пехоты и 30 танков, по Воронежскому шоссе — рота мотоциклистов и 18 танков.

Атаки были отбиты на всех направлениях. В 16 часов 30 октября немцы предприняли четвертую за день атаку. По Орловскому и Воронежскому шоссе двигалась группа танков по 15—20 штук и два батальона пехоты. Противник занял предместье, отстоящее от Тулы на 15—20 км. Дальнейшее его движение было остановлено зенитной артиллерией. Было подбито 5 вражеских танков. В итоге боев 30 октября советские войсковые подразделения уничтожили 31 танк противника.

Штаб немецкого 24-го танкового корпуса в этот момент находился в Ясной Поляне. Давайте отвлечемся, дорогой читатель, от военной темы и коснемся темы пребывания немцев в этом памятном месте. В Ясную Поляну немцы вошли 29 октября 1941 года. 1-го ноября туда прибыл Гейнц Гудериан. В знаменитой усадьбе расположилось командование 24-го танкового корпуса барона Гейера. Входящая в это соединение ударная танковая бригада полковника Генриха Эбербаха три дня безрезультатно штурмовала Тулу, которая упорно не сдавалась. 2-я немецкая танковая армия несла большие потери. Гудериан был крайне удивлен и раздосадован заминкой в наступлении, срывался его план быстрого удара на Москву по прямой дороге. Он лично решил проинспектировать свои передовые части, ему захотелось разобраться в причинах неудач.

У дома графа Толстого он увидел широкие козлы из неошкуренного дерева, на которых висела туша могучего быка, и трое солдат плоскими карабинными штыками сдирали с него шкуру. Вывалившиеся из чрева животного кишки мотались по снегу, оставляя на морозе крупные капли замерзшей крови. От такой натуралистической картины Гудериана передернуло, слащавый запах крови затруднял ему дыхание. Гудериан запахнул шинель, прикрыл рот меховым воротником и шагнул вперед, к жи-

дававшему его командующему 24-м корпусом. Полковник Эбербах докладывал фальцетом, срывая слова и жестикулируя, видно было, что он в крайнем возбуждении:

— Мой генерал, я не ожидал такого упорного сопротивления русских под Тулой. Они перекрыли подступы к городу минными полями, противотанковыми рвами, а по направлению моего движения врыли в мерзлую землю зенитки и пушки и настильным прямым огнем расстреливают мои танки. Разбиты уже более семидесяти машин, еще пара дней моего штурма Тулы и русские сдерут с меня шкуру, как вот с этого быка, — Эбербах обреченно махнул рукой в сторону окровавленной туши.

Вперед вышел генерал Гейер фон Швеппенбург, командующий 24-м танковым корпусом:

— Ваше превосходительство, нам не взять Тулу в лоб, мы думали, что это обычный русский город с деревянной дверью — типа Орла, а здесь оказалась чугунная дверь, которая не поддается нашим ударам и не желает открываться и пропускать нас к Москве. Предлагаю обойти Тулу с востока и выйти к Коломне, за спину этому генералу Жукову. Он нас не ожидает с той стороны. Не он нас, а мы освежаем Жукова, сдерем с него шкуру. А там недалеко будет и до Сталина.

— Кто обороняет этот город, какой генерал командует обороной Тулы? — спросил Гудериан.

— Пятидесятая русская армия. Разведка доложила, что ею командует малоизвестный русский генерал Ермаков. Он отличается большим упорством, мы под Трубчевском, Вязмой и Брянском три раза окружали его армию, а он каким-то образом выскальзывал из рук.

С северо-востока слышалась сильная артиллерийская канонада, рядом где-то в парке звучали короткие звонкие разрывы ручных гранат.

— Русские генералы за эти полгода научились воевать, многие из них необыкновенно умны и храбры, но надо сломить их силы быстрыми обходными прорывами, необходимо взять Тулу и выйти к Москве с востока.

Гудериан оглянулся вокруг, поморщился, увидев снова окровавленную тушу быка, потом ровным голосом приказал:

— Покажите мне дом и могилу этого русского писателя Толстого. *Er schrieb ein großes Buch über Napoleon.**

Гудериан ничего не осматривал, просто прошел через дом, зато порученец-адъютант Бюсинг, идущий за ним, захватил с собой две фотографии Льва Толстого, якобы на память своему командиру. Затем по глубокому снегу, пробитому колесами тяжелых вездеходов, Гудериан с офицерами прошел к могиле великого писателя. Вдоль аллеи безмолвно взирали на немцев вековые дубы, лишь иногда вздрагивая от близких разрывов гранат.

— Там что, бой идет? — спросил Гудериан у Эбербаха. — Почему рвутся гранаты?

— Нет, герр генерал, — ответил полковник, — вчера с позиции привезли более полусотни офицеров и унтер-офицеров, погибших при штурме этой Тулы. Генерал фон Гейер приказал капеллану похоронить их тут же, рядом с могилой графа.

— Да, — отозвался фон Гейер, — для русских этот Лео Толстой святой, и могила его святая, русские ходят кланяться и молиться сюда. Пусть русские кланяются и молятся и нашим храбрым офицерам, погибшим сегодня, но принесшим в эту варварскую страну гуманность и порядок.

Земля в Старом заказе у оврага промерзла в эту осень глубоко. Немецкие солдаты шурфили верхний слой, закладывали в шурф гранату с динамитом и взрывали землю для устройства больших общих могил. При приближении генералов землекопы встали по стойке смирно. Замерзшие, полураздетые трупы офицеров валялись рядом впо-

* Он написал большую книгу о Наполеоне.

валку, словно большая поленница гнилых дров. Солдаты сдирали со своих мертвых сослуживцев теплую одежду. Холодно было.

— Где могила Толстого? — поморщился от увиденного Гудериан.

— Так вот она, — резво ткнул полковник Эбербах на продолговатый, полузанесенный снегом бугорок земли.

— Я слышал, что Толстой аскет, — пробормотал Гудериан, — но не думал, что настолько, чтобы родовитый русский граф лежал в крестьянской могиле.

Гудериан подошел вплотную к могиле писателя, помолчал полминуты, а потом твердо сказал:

— Граф, я пришел освободить Россию от евреев и коммунистов, я пришел дать русским волю!

Резко стих ветер, перестали качаться деревья, и Гудериан вдруг услышал старческий глухой голос: «Россия не нуждается в заботе немцев, она воспрянет сама без их помощи»...

Примечание: Спустя лишь месяц после освобождения Ясной Поляны, в начале января 1942 года могила Льва Николаевича Толстого была полностью восстановлена. Яснополянцы зимой вырыли 83 фашистских трупа, вывезли их с территории усадьбы и захоронили за рекой Воронкой, в двух ямах, оставшихся от взрывов авиационных бомб.

...Фронт обороны Тулы в эти дни растянулся от Алексина до Ефремова длиной около 200 км. Генерал Ермаков, чувствуя наивысшую опасность для Тулы, стремление Гудериана во что бы то ни стало, не считаясь с потерями, захватить город, своим приказом № 5 от 30.10.1941 г. создал Тульский боевой участок. Его командующим назначил своего заместителя, генерал-майора Попова, в состав ТБУ включил 217-ю стрелковую дивизию и еще шесть стрелковых полков. Штаб находился в здании обкома партии.

31 октября, используя рельеф местности для накапливания сил, Гудериан силами до 100 танков и до полка пехоты восемь раз производил атаки на части армии Ермакова с южного направления. Наземные войска широко поддерживала авиация. Все атаки были отбиты. Солдаты сутками сидели в окопах и танках, постоянно участвуя в боях. Потери с обеих сторон были значительные, но советским армейским частям помогали в обороне Тульский рабочий полк, части Тульского гарнизона и в немалой степени население.

К тому же, Ставка Верховного Главнокомандования и командующий Западным фронтом маршал Г. К. Жуков внимательно следили за боями под Тулой и передислоцировали в помощь 50-й армии ряд свежих соединений. В т. ч. в распоряжение генерала Ермакова поступила 413-я стрелковая дивизия, которая спешно выгрузилась в Сталиногорске.

Это соединение имело перед собой задачу организовать непосредственную оборону Сталиногорска и не допустить продвижения противника в сторону Рязани. Нельзя было дать врагу возможность ударить на Москву с юго-востока и окружить ее. По приказу Ставки Верховного Главнокомандования 413-ю стрелковую дивизию направили в район Дедилова, станций Узловая и Маклец, где она сразу вступила в бой.

Период со второго по шестое ноября характеризовался увеличением активности противника главным образом западнее Тулы и усиленной разведкой в районе Дедилова. Атаки с юга на Тулу Гудериан не прекратил, но они предпринимались меньшими силами, чем прежде.

Гудериан был в смятении, не зная, что предпринять. Армия его таяла, горели танки, сотнями погибали солдаты и офицеры, а Тула не сдавалась. Она выглядела неприступной цитаделью, и Гудериан не понимал, откуда взялись силы у 50-й армии, которую он уже дважды окружал, и казалось, что она должна была уменьшиться до

минимума, но армия полностью возрождалась, словно птица феникс, и снова стояла у него на пути.

Хотелось завить волком немецкому генерал-полковнику от неудач в эту студеную русскую погоду. А тут еще фельдмаршал фон Клюге висел над головой Гудериана и жарко дышал ему в затылок:

— Ты почему не можешь взять Тулу, Гудериан? Почему ты перед этим городишкой стоишь на одной ноге, как нищий инвалид? Гудериан, ты не быстроходный Гейнц! Ты тихоходный Гейнц! Ты малоподвижный трактор, ты не танк! Ты черепаха, Гейнц! Ты позволяешь русским в упор расстреливать немецкие танки. Ты забыл, что такое танковый охват, железные клещи, стальные клинья. Ты все забыл, Гейнц, ты перестал думать! Ты неудачник, Гейнц. Тебе пора уходить, Гудериан! Иди, отдыхай на теплой постели со своей любимой толстой Маргаритой. Мне не нужны такие генералы!

Фон Клюге в крике переходил на прямые оскорбления, Гудериан едва сдерживал волю, чтобы не поехать в штаб группы и не застрелить обидчика. Он так любил свою жену Маргариту, которую не видел уже полгода, а этот грязный пес Ганс Клюге позволяет себе оскорблять ее. «Проклятый, грязный Ганс, ты догавкаешься, я застрелю тебя как паршивого пса, и фюрер простит меня. Будет тебе возмездие, Ганс, за оскорбление моей фрау!» — думал про себя генерал. А тут еще разведка донесла 27 октября о подходе новых русских дивизий с востока. Гудериан начал думать о переброске 53-го армейского корпуса на участок Епифань — Сталиногорск. Генерал так описывал этот момент:

«Ввиду невозможности взять Тулу с фронта, генерал барон фон Гейер предложил мне обойти город с востока. Я согласился с этим предложением и приказал ему наступать в направлении на Дедилово и захватить переправу на реке Шат. Когда авангард 53-го армейского корпуса приблизился 2 ноября к населенному пункту Теплое, он неожиданно натолкнулся на противника. Это была крупная русская группировка, состоящая из двух кавалерийских дивизий, пяти стрелковых дивизий и одной танковой бригады».

Вот как об этом моменте пишет известный тульский писатель-исследователь Николай Наумович Дронов в своей книге «Разные судьбы»: *«Но и новый вынужденный (обходной) маневр не удался немцам. Их 53-й армейский корпус, усиленный 5-й танковой бригадой Эбербаха, в районе населенного пункта Теплое встретила 3-я армия Героя Советского Союза генерал-майора Я. Г. Крейзера, направленная командующим Брянским фронтом генерал-майором Г. Ф. Захаровым на выручку 50-й армии. Встречное сражение продолжалось до 13 ноября, после которого враг, хотя и потеснил войска 3-й армии, но окончательно потерял надежду взять Тулу».*

11 ноября Ставка Верховного Главнокомандования расформировала Брянский фронт, и 50-я армия была передана Западному фронту, которым командовал генерал армии Г. К. Жуков. Георгий Константинович немедленно удлинил полосу обороны 50-й армии, включив в нее оборону Узловой и Сталиногорска. Держать стокилометровое пространство силами ослабленной в жестоких боях 50-й армии было чрезвычайно трудно. Благоприятной ситуацией сразу воспользовался Гудериан, он начал активные боевые действия восточнее Тулы.

53-й немецкий армейский корпус наступал на участке фронта Волово — Дедилово. 14 ноября 167-я и 112-я пехотные дивизии двигались на Ломовку, Богородицк и Епифань. 15 ноября Богородицк был взят противником практически без боя. Но после Богородицка наступление немцев приостановилось на несколько дней.

Здесь мы воспользуемся свидетельством Виталия Алексеевича Богомолова из его книги «Оборона и освобождение Сталиногорска в 1941 году». Он пишет:

«15 ноября 1941 года 239-я стрелковая дивизия (командир — полковник Мартиросян Гайк Оганесович), выгрузившись на станции Узловая, сходу вступила в схват-

ку с противником, и в течение двух суток вела оборонительные бои, обеспечивая выгрузку прибывающих эшелонов с частями дивизии. С утра 18 ноября 1941 года противник предпринял серьезную атаку силами 112-й и 167-й пехотных дивизий со стороны Богородицка, поставив задачу пробить нашу оборону с юго-запада в сторону Узловой и Сталиногорска-1»

Бой выглядел примерно следующим образом. 112-я немецкая пехотная дивизия (командующий генерал-лейтенант Фридрих Мит) уже два дня находилась в Богородицке. Здесь же в Богородицке располагался также штаб 112-й немецкой дивизии. Утром 18 ноября противник начал выдвигаться из Богородицка на линию опушки Богородицкого леса, на деревни: Юлинка, Крутой Верх. Но перед этим ночью здесь на линии Юлинка — Притоны — Федоровка занял позиции наш 817-й стрелковый полк 239-й стрелковой дивизии. Начался бой, который Гудериан описывал очень мрачно и с душевным расстройством:

«17 ноября мы получили сведения о выгрузке сибиряков на станции Узловая, а также о выгрузке частей на участке Рязань — Коломна. 112-я пехотная дивизия натолкнулась на свежие сибирские части. В виду того, что одновременно дивизия была атакована русскими танками из направления Дедилово, ее ослабленные части не были в состоянии выдержать этот натиск. Оценивая их действия, необходимо учитывать, что каждый полк уже потерял к этому времени не менее 400 человек обмороженных, автоматическое оружие из-за холода не действовало, а наши 37-мм противотанковые пушки оказались бессильны против русских танков Т-34. Дело дошло до паники, охватившей участок фронта до Богородицка. Эта паника, возникшая впервые со времени начала русской кампании, явилась серьезным предупреждением, указывающим на то, что наша пехота исчерпала свою боеспособность и на крупные успехи уже была неспособна. Положение на фронте 112-й пехотной дивизии исправлено собственными усилиями 53-го армейского корпуса, который повернул 167-ю пехотную дивизию на Узловую».

Такое перемещение частей 2-й танковой армии Гудериана не осталось без внимания командующего 50-й армией А. И. Ермакова. Он сразу разгадал хитрый замысел танкового генерала. Аэроразведка донесла ему информацию о движении немецкой армии к Теплому и завязавшихся там тяжелых боях. Генерал-майор Крейзер прислал донесение о том, что немецкая армия прорвалась в обход Тулы с востока. Ермаков пришел к выводу, что Гудериан решил взять Тулу в полное окружение, в танковую удавку и давить небольшими силами, а самому со всеми частями двинуться на Москву. Надо не дать его удавке затянуться на шее Тулы, нужно опередить Гудериана.

В ночь на девятнадцатое ноября Ермаков срочно переправил из-под Тулы на Веневское и Сталиногорское направления ударную 108-ю танковую дивизию, 11-ю танковую бригаду, 31-ю кавалерийскую дивизию и еще пять боевых артполков, сняв эти части с более защищенных направлений обороны Тулы. Вся эта группа войск составляла примерно одну треть частей оборонявших город.

Под Тулой на оборонительных рубежах остались пять стрелковых дивизий, пять стрелковых отдельных полков, два дивизиона «Катюш», знаменитый полк НКВД, легендарный Тульский рабочий полк, не менее славный 732-й зенитно-артиллерийский полк. В Туле остались: командир Тульского боевого участка генерал-майор В. С. Попов (его позже сменил генерал-майор Я. С. Фоканов). Кроме того, в Туле энергично действовал комендант гарнизона полковник А. К. Мельников.

Ермаков считал, что данных сил хватит для обороны Тулы, так как наступление на Тулу у Гудериана выдохлось, и оставшиеся боевые единицы он как раз и двинет в восточный обход Тулы. Это было правильное решение командующего 50-й армией, его одобрили многие военные историки, исследовавшие события Московской битвы. Вместе с приказом о передислокации воинских частей Ермаков отдал приказ о перемещении штаба 50-й армии во главе с его начальником Н. Е. Аргуновым в Венев.

О своих перемещениях и приказах Ермаков не сообщил председателю Городского комитета обороны В. Г. Жаворонкову, и это была большая политическая ошибка командующего 50-й армией. Жаворонкова ошеломило известие о том, что Ермаков без предупреждения и совета с ним снял боевые части с обороны Тулы и увел в неизвестном направлении. А еще более разозлило секретаря то, что генерал Ермаков решил «драпать» со своим штабом подальше от Тулы. Жаворонков заявил:

— Трус генерал Ермаков, паникер, а не командующий, надо срочно с ним разобратся в партийном и судебном порядке. Он хуже Куркина! Тот боялся Гудериана, но воевал с ним, а этот надменный хлыщ в генеральском звании бежит от Гудериана, как гонимый заяц. Надо убирать его к черту!

Отношения Ермакова и Жаворонкова в течение последнего огненного месяца под Тулой и в самой Туле совершенно не складывались. Ермаков не признавал главенства Жаворонкова в обороне Тулы, можно сказать, игнорировал первого секретаря обкома партии, а Жаворонков не являлся на заседания Военного Совета 50-й армии, членом которого был назначен. У него тоже было предостаточно партийного гонора: «Коммунистическая партия руководит всеми процессами в стране, в том числе и обороной страны», — так считал партийный секретарь.

Вместе с тем Жаворонков проводил большую организаторскую, политическую и военную работу. Он руководил оставшимися в городе оборонными предприятиями, организовывал функционирование всех жизнеобеспечивающих систем города, ежедневно находился на переднем крае обороны Тулы. У Жаворонкова многое получалось в организации обороны Тулы, не удавалось только наладить отношения с командующим 50-й армией генералом Ермаковым. А тут еще пошли наветы на генерала Ермакова со стороны партийных руководителей городов и районов Тульской области.

Жаворонков писал: *«В ночь на 20 ноября 1941 года секретарь Сталиногорского горкома партии И. С. Голубенков и секретарь обкома партии по оборонной промышленности Б. М. Агафонов сообщили мне, что войска, обороняющие Сталиногорск, получили приказ командующего 50-й армией А. Н. Ермакова об оставлении Сталиногорска».*

У Василия Гавриловича помутилось сознание: «Отдать без боя врагу Сталиногорск, город Сталина, предать имя, которое носит город, это значит предать самого Вождя — товарища Иосифа Виссарионовича Сталина. Это измена, это удар в спину Советского Союза!»

Жаворонков встретился в ночь на 21 ноября с генералом Ермаковым в присутствии Н. И. Чмутова и В. Н. Суходольского. Разговор был острый и очень напряженный.

В. Г. Жаворонков писал в своем очерке «Непокоренная Тула»:

«Мне не просто было определить, то ли здесь имеет место измена, то ли проявляется трусость, или полное непонимание обстоятельств, а, как известно, на деле трусость всегда идет рядом с изменой и предательством. Мы отвергли предложение Ермакова об уходе штаба и командования из города, требовали этого не делать и заявляли, что партийное и советское руководство города и области Тулу не оставит, никуда не пойдет и сдавать город врагу не будет».

А Ермаков, выслушав Жаворонкова настаивал на своем:

— Враг активно наступает на Сталиногорск, причем, пошел в обход его и рвется к Кашире. Я как главнокомандующий 50-й армией должен быть перед фронтом наступления Гудериана и руководить своей армией, а не отсиживаться в Туле, которой в настоящий момент ничто не угрожает. У немцев нет сил, чтобы в ближайшую неделю захватить Тулу.

И генерал со своим штабом уехал в Венев.

Жаворонков Василий Гаврилович таким поведением Ермакова был взбешен и

той же ночью от имени городского комитета обороны дал на имя Сталина телеграмму, в которой заявил: *«Командование 50-й армией не обеспечивает руководство разгромом немецко-фашистских людоедов на подступах к Москве и при обороне Тулы. Поведение военного командования может быть characterized, как трусливое, по меньшей мере. Просим ГКО, Вас товарищ Сталин, укрепить военное руководство 50-й армии».*

Телеграмму подписали: В. Г. Жаворонков, Н. И. Чмутов, В. Н. Суходольский.

21 ноября 1941 года, во второй половине дня, Жаворонкову позвонил член ГКО Георгий Михайлович Маленков и сообщил:

— Ваша телеграмма товарищем Сталиным рассмотрена, просьба ваша удовлетворена, к вам завтра придет новый товарищ, фамилию не сообщаем по понятным причинам.

Командовать 50-й армией прибыл Иван Васильевич Болдин — генерал-лейтенант, который первым делом посетил Тульский городской комитет обороны и представился Жаворонкову. Генерал-майор Ермаков сдал дела в Венева Болдину и уехал в Москву.

В. Г. Жаворонков этой скоропалительной, основанной на личной неприязни телеграммой испортил всю доблестную военную службу генералу Ермакову. Кто виноват в этом — Жаворонков или сам Ермаков, трудно сказать. Известно одно, Жаворонков защищал Тулу, а генерал Ермаков защищал Москву и всю Россию. Но оба они были великими патриотами Родины. Сегодня легко рядить, кто виноват и кто прав. А тогда все было в дыму и крови, светлого горизонта было не видно, каждый воин и политик защищал свои интересы. Но Сталин поверил партийному руководству и без разбирательств отстранил Ермакова от командования.

Алексей Яшин
(г. Тула)

**ИЗ ЦИКЛА НОВЕЛЛ
«БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ»**

КАТЕНЬКА МИСЮРИНА

— Антисфон, ученик Горгия,— начал Стивен,— отнял пальму первенства в красоте у племенной матки Кюриоса Менелая, аргивянки Елены, у этой троянской кобылы, в которой квартировал целый полк героев,— и передал ее скромной Пенелопе.

Джеймс Джойс «Улисс».
Часть II. Эпизод 9

♦ Николай Андреянович, матерый доцент кафедры ракетостроения Тулуповского университета, а до пенсионного возраста трудившийся в знаменитом конструкторском бюро «Меткость» академика Гусакова, имел хорошую память на лица, даже женские, что в последние десять-пятнадцать лет, при изобилии подешевевшей косметики и устойчивой моде на распущенные, беспричесочные волосы, стали инкубаторскими — от старших школьниц до «заслуженного отдыха». Скорее всего профессиональное, когда на полигонных испытаниях глаза его, десятилетиями «пристрелявшиеся», на полном автомате едва ли не точнее аппаратуры, которой забит целиковый КУНГ*, фиксируют в ближней зоне пуска ракеты весь ее «эквilibр» от расчетных параметров. Он даже не то что не присматривается к встречным-поперечным на улице, но просто в зрительной коре его мозга сигнал с сетчатки глаз, минуя сознательную, оперативную (это как в компьютерах) память, занимает в подсознании положенные ему нейроны и синапсы.— Так друг с биофака профессор Скородумов поумному объяснял специфику его зрительной памяти.

Вот взять сегодняшний день, размышлял Николай Андреянович, расположившись после ужина на покойном диванчике, в полудреме временами поглядывая на экран телевизора, что с увлечением смотрела супруга, но поглядывая отстраненно, не вникая, идет он после занятий домой — всего-то пути проспект перейти и свой небольшой квартал по диагонали — и боковым зрением отмечает: в соседнем с ним дворе остановилась машина. Машина как машина; сейчас только голоштаные доценты и профессора их не имеют. А из нее выходит с рулевой стороны солидноватый (но не то чтобы уж солидный!) мужик, где-то между сорока и полтинником, а с другой — молодая женщина лет двадцати пяти, может чуть поболее. И привычно, без разговоров идут к дому, в подъезд. Поскольку машину поставили на торцевой заасфальтированной площадке между домами, которую к ночи плотно забивают авто, значит, здесь она и будет стоять до утра, а там кто знает?

* Так в армии для краткости называют грузовой автомобиль с закрытым высоким кузовом КУНГ — кузов универсальный герметический.— Прим. авт.

Отметило его зрение парочку из автомобиля, передало цепочку сигналов куда следует в мозг, а Николай Андреянович в это время уже с интересом, главное осознанно, смотрит на двух *ихнего* двора котов Тайсона и Рыжего, что в виду проходящей мимо полосатой кошки решили проимитировать супротивные друг другу воинские действия. Очень уважал солидный доцент котовское сословие. И лишь сейчас, мимолетно взглянув на экран, он вспомнил встреченную парочку у недалекого дома их квартала. А почему вспомнил? — Потому что в душещипательном сериале на телеканале «Домашний» он узрел почти сходное: также из автомобиля вышла несколько мезальянская по возрасту парочка и проследовала молча, привычно к подъездной двери.

Вспомнил в следующей последовательности. Во-первых, в одежде, вроде бы и обыденной, чуть выше среднего класса, в походке встреченной молодой женщины, даже в ее коротком, молчаливом пути со спутником от припаркованной машины до недалекого подъезда, что-то показалось ему не совсем... не то что необычным, но, как бы это поточнее, по-инженерному определить? — отличающимся от принятого для ее возраста, местожительства, наконец, фасона одежды, стандарта с элементами некоей специфичности. Во-вторых же, он просто вспомнил *ее*! — Скорее по походке и фигуре, нежели по лицу, что имеет свойство — у женщин особенно — меняться даже в недолгие годы. А первый раз Николай Андреянович увидел, нет, отметил в зрительной памяти, ее лет десять назад, еще совсем юной. И отметил по услышанному ее с подругой разговору, а присмотревшись тогда к ней, вспомнил знакомое лицо: девчонка из их квартала. Такое вот сложное воспоминание в квадрате, нет, даже в кубе, завлекло Николая Андреяновича на покойном вечернем, послеужинном диванчике.

Увидел же он ее, отметив в памяти осознанной, оперативной, с десятков лет назад на трамвайной остановке, что на углу их квартала, через улицу. Тогда Николай Андреянович еще трудился в «Меткости» и в июле месяце ушел в отпуск, на третий день которого собрался съездить на книжный развал около центрального рынка. Вот и ожидал трамвай, который явно не торопился. «Опять, наверное, какая-нибудь курва с купленными правами на рельсах застряла! Вот теперь на час и трамваи станут», — кивнув Николаю Андреяновичу, проворчал шапочно знакомый мужичонка ростом «метр с кепкой» из соседнего дома, тоже куда-то намылившись прокатиться. Рассеянно поздоровавшись, Николай Андреянович, избегая ненужного ему глупого разговора, перешел на другую сторону рельсового пути, вроде как интересуясь чем-то в витрине ларька-сникерской при остановке трамвая. А в полутора метрах, на другом углу ларька беседовали две девчонки — то ли старшие школьницы, а может и только что окончившие школу, либо первокурсницы. Вернее, одна, росточком поменьше, с интересом слушала. Другая, повыше и постройнее, начавшая оформляться фигурой под выход из юности в раннюю молодость, в пестреньком платьице с пояском, увлеченно что-то рассказывала. Поначалу Николай Андреянович все это воспринимал для себя словесным фоном, дополняющим ворчание того же плюгавого мужичонки, шуршание шин пробегающих по параллельной рельсам дороге машин, или их тарахтящего стукотенья, если в сплошном встречном потоке иномарок вдруг встречался «жигуль», «волга» или «москвич» — наследие предыдущего государственного устройства. Но здесь на светофоре автопоток притормозил, а мужичонка по ту сторону рельс закурил сигарку, приостановив клясть как нынешнюю, так и все предыдущие власти. В установившейся относительной тишине до Николая Андреяновича уже четко доносились слова монолога девицы, что повыше ростом и звалась Катенькой. Девицы не видели доцента, стоявшего за углом у витрины ларька.

♦ — Как мы в прошлом году, Леночка, школу с тобой закончили, — при этих словах говорившая произвольно указала рукой на здание школы в сотне метров от трамвайной остановки, в которой учились, в числе других окрестных, все ребята их квартала, — так я по ранней осени с ним и познакомилась. Случайно. В парке в воскресенье на скамейке у фонтана мороженое ела, а он так вежливо подсел, поговорил,

потом погуляли по парку, на уток в пруду посмотрели, договорились созвониться через пару дней — он работает, а в среду с полудня свободен. Быстро сдружились, встречаться начали — у его школьного еще приятеля своя однушка, а сам вахтовым порядком в Москве на стройке работает. Приятель этот вскоре и моего Сашу туда сманил, так что всю эту зиму и начало мая встречались разок в неделю-две. Но потом ему друзья работу здесь нашли, на оптовом складе, и сейчас там же, на приятелевой квартире, встречаемся. Не жадный, иногда подарочки делает: духи типа польских, бижутерия чешская, так что по мелочам. Вот вчера вечером гуляли по проспекту, зашли в магазинчик «Связной» посмотреть новинки. Очень мне понравился один мобильник: цвет шоколадный, обратная сторона корпуса так изящно изогнута, полифония... словом, чувствую — все по мне, мое все! Он сначала как-то не обратил внимания, но потом увидел мое восхищение, решил купить. Жалко, что у него с собой только полторы тысячи было, а мобильник две с сотенкой стоит. Ладно, в следующий раз мимо проходить будем...

— Катенька, так у вас серьезно?

— Вряд ли. Парень он неплохой, пьянством не увлекается, но... перспективы у него особой нет: живет с родителями и сестрой моложе его, еще школьницей, родичи работяги, сам он тоже без образования, на подхвате в своей оптовке. Саша в себе уверенный, настойчив, вполне возможно и состоится. Но сколько этого ждать! Так, погулять пока молодая. Опять же не школьница уже, надо постоянного партнера иметь. Сама знаешь, как на девушку, не дурнушку собой, без своего парня со стороны смотрят? Похоже и он сам понимает: дружим для взаимной приятности, как говорится, без обязательств. Ну и замечательно. В таких отношениях главное особо парня не баловать. Встречаемся-то каждый вечер, а на приятелеву квартиру, мол, чтобы мать не орала, заходим пару раз в неделю, но к одиннадцати часам он меня домой провожает. С ночевкой же не более двух раз в месяц. Еще,— здесь рассказчица понизила голос, но заинтересовавшийся клубничкой матерый доцент напряг слух,— и в постели не все позволяю. Мужчины ведь на дармовщину норовят без презика, а мне зачем противозачаткой организм травить? Опять же знаешь, что сейчас о СПИД'е по телеку говорят, в нашей «Толоке» и «Молодом ленинце» пишут. А он парень почти видный из себя, девки же сейчас словно с голодухи, так и зыркают глазенками — под кого бы лечь? И излишеств всяких — ведь насмотрятся порнухи! — ни-ни, даже чтобы не заикался. Поберегу для более серьезных отношений.

— Это как?

— А вот заведешь себе парня, так сама начнешь соображать.

— А когда на эту... приятелеву квартиру не заходите, то просто гуляете?

— Зачем же просто. Он кормит меня обязательно — в кафешке недорогой, в парковой шашлычной. В кино иногда ходим, когда идут новые американские фильмы. На позапрошлой неделе Киркоров на стадионе выступал — сюрприз сделал, сводил. Боюсь порой, как бы не влюбился, тогда придется...

Но здесь интересную беседу заглушил грохот подкатывающего трамвая нужного Николаю Андреяновичу направления движения, и матерый доцент заторопился перебежать рельсовый путь.

Спустя пару лет опять же в разгар лета, когда Николай Андреянович собирался в грядущее первое сентября продолжить трудовой путь уже в университете, опять «встретился» с Катенькой, уже повзрослевшей лет так до двадцати. К вечеру этого дня он малость повздорил с супругой — как раз по причине уже решенного перехода из «Меткости» в университет. Собственно, как всякую здравомыслящую женщину, в таковой перемене трудоустройства мужа ее беспокоила исключительно материальная сторона. В «Меткости» как раз наметились перемены к лучшему после уныния девяностых и нулевых годов — в рамках директивного оживления военно-промышленного комплекса. Это «светило» отразиться и на зарплате. Тем более, хотя Николай

Андреянович никогда не стремился начальствовать, но, как конструктор-ракетчик с большим опытом и знаниями, даже «оформивший» себе кандидатскую ученую степень, мог претендовать на солидную прибавку к окладу, что в сумме превышало скромную зарплату доцента. Понятно отсюда неудовольствие жены. Николай Андреянович лениво отбивался, стараясь свести скандалчик к шутливой интонации... впрочем, забыв слова Козьмы Пруtkова, что-де не шутите с женщиной, ибо шутки эти зело неприличны. «Все равно ведь, не имея генеральского чина, всех денег не заработаешь,— склонялся будущий доцент к фольклору,— как раньше в деревнях говорили: на трудовые гроши годовой псалтыри не закажешь!»

А на дворе стояло жаркое, душное лето того достопамятного, на чертову дюжину заканчивающегося, года. К радости сторонников и пропагандистов очередной выдумки мирового империализма и транснациональных компаний всех профилей — якобы глобального потепления. ...И к огорчению слабоимущих обитателей их квартала, хотя бы в престижном месте города расположенном, но пятиэтажного, построенного в хрущевский квартиросозидательный бум, заселенного трудящимися от станка, инженерного кулмана, школьной аспидной доски и других богоугодных профессий. Нынешние жильцы, преимущественно в первом и втором потомстве, тоже особенно не стремились вливаться в мелкобуржуазную биомассу, поэтому кондиционеров не заводили, а от безветренной духоты аномального лета спасались по старинке: женщины устремлялись на «шесть соток» или прогуливались своими болтливыми компаниями по близкому к кварталу тенистому центральному парку, а мужики, разоблачившись до семейных сатиновых трусов, весь световой день лежали на диванах, с наслаждением смотрели по телевизору ментовскую классику девяностых с Толиком Дукалсом. Перед обедом принимали по паре стопок водки (в ней сорок градусов, в атмосфере почти столько же, значит уравниваются друг друга...), а затем в горячечном дневном сне забывались до вечера. Проснувшись, до темноты освежались чаем с лимоном, курили, сидя на балконах и по-соседски, чуть повысив голоса, обсуждали виды на урожай и футбольные новости. Дождавшись остужающего полуполночного часа, оставив настежь открытыми балконные двери и форточки, просмотрев последние на этот день теленовости с оптимистическим прогнозом насчет спадения жары «еще немного, еще чуть-чуть», отходили ко сну по-шахтерски уставшими.

♦ Каково же чувствовалось североморцу Николаю Андреяновичу, родившемуся и выросшему, как те песенные «ребята семидесятой широты», на самом выходе из Кольского залива в Баренцево море, хотя и не замерзающее, но точно названного поморами Студеным? И хотя давным давно он живет в среднерусском Тулуповске, но, как объяснил ему друг, профессор-биофизик Скородумов, организм его настроен на тот климат, в котором он провел детство, отрочество и начало юности. Потому-то лениво отбояривался от меркантильных доводов супруги из-за упадка физических и умственных сил, а напившись от пуза вечернего чая любимой северной, то есть крепкой, заварки, и вовсе никак не мог призвать к себе отдохновляющий сон. Нет, конечно, в полной темноте и тишине, поворочавшись и пообломав бока, он бы впал во вполне нормальный, до утра покой. Но как раз тишиной до двенадцати, до нуля, говоря по-флотски, до часу пополуночи двор их дома не отличался. Ибо дом этот, а значит и его двор, имел несчастье расположиться ближайшим — черед дорогу и трамвайную линию — к входу-выходу центрального городского парка и бывшему Дому культуры профсоюзов, в описываемое время воспоминаний Николая Андреяновича еще не снесенным главным торговым армянином* Тофиком Бобяном под

* Без обиды для армян, да они и не обидятся. В каждом областном среднерусском городе всегда наличествуют два главных армянина: один по торговой (в широком смысле) части, другой по культурно-воспитательной в армянской диаспоре. Вот мой тесть (жена полуармянка-полурусская), профессор филологии и писатель-публицист, свыше полувека был главным армянином в Рязани по части культуры и воспитания... к сожалению, не по торговой.— Прим. авт.

строительства аквапарка и сорокаэтажного делового центра. После того, как Дом профсоюзной культуры стал основным в городе молодежным развлекательным учреждением, естественно, в девяностые годы получившим вывеску с американским названием латиницей, то к летней полуночи все старшие школьники, студенты, рабочая молодежь, как говорили в советское время, то есть нынешние менеджеры и офисные креветки, недогулявшие в парке и американизированном *Albany*, понятное дело, устремлялись в ближайший двор Николая Андреяновича. И до часу ночи уснуть в квартирах, как у него, выходящих окнами и балконом на двор, могли только глухие или мертвецы пьяные. Война жильцов с клубом под открытым небом велась уже два десятилетия, с начала лихих девяностых — раскрепощения нравов и круглосуточных магазинов. Ни регулярные вызовы милицейских, тогда еще не полицейских, нарядов, ни постепенное — официальных по коллективным заявкам жильцов, а то и просто явочным порядком — снесение всех подъездных лавочек, детских площадок и всяких там качелей-каруселей, ни женские вопли и мат мужиков с балконов — ничто разгулявшуюся молодежь не останавливало. Правда, в последние годы власть начала устрожаться по части общей дисциплины и благонравия порядка, потому и молодежь во дворе несколько сбавила децибелы. Но все одно в ту ночь Николай Андреянович только за полночь после курантов поймал за хвостик некрепкий сон. И столь некрепкий, что уже через пару часов, в самую глубь и тишь ночи, его разбудил всего лишь негромкий женский разговор во дворе — там все же от снесенного детского городка сохранилась деревянная приступка, на которой могли притулиться двое-трое. Если не особо задастые.

Чертыхнувшись, включил бра над кроватью, посмотрел — точно, три часа. Выключил, присмотрелся в раскрытую балконную дверь: начало июля, поэтому небо-склон, насколько его не заслонял соседний дом, уже отливал свинцоватой синевой. В полнейшей тишине даже негромкие голоса вливались в квартиру, а слова четко различались. Тем более, что загулявшие девицы явно утомились, потому не стрекотали в оба голоса одновременно, но говорили поодиночке и размеренно, не увлекаясь. То, что их беседа слышна в «час волка», как минимум, в половине квартир обоих домов двора с растворенными форточками и балконными дверями, да наверное и до соседнего двора долетают, им и в голову не приходит. Совершенно проснувшись, Николай Андреянович, полагая глупым лежать в темноте бодрствующим чурбаном, поднялся, вышел на балкон, присел на невысокую табуреточку, закурил. А здесь и вовсе, что с ночными беседницами в одной комнате находится! — по слышимости, но в полной невидимости. Поначалу, не вслушиваясь в разговор, он по тембру пробовал составить «портрет» полуночниц. Явно подгулявших всласть, но не до пьяну, как в их среде на всяких девишниках принято. Но в приятной ночной — по сравнению с дневной духотой — прохладе с предутренним ветерком хмель выходил из их голов, оставляя разговорчивость, что называется, по душам. Как представил себе Николай Андреянович, парочка разновозрастная: одна, отвечавшая односложно, явно внимательно слушающая, совсем молодая, лет двадцати «плюс-минус»; но по глуховатому контральто, уверенности в построении фраз, каким-то другим признакам и содержании речи второй, держащей в своих руках беседу, он сразу дал лет тридцать, скорее даже тридцать три — тридцать пять, но не более — голос и речь еще не обабившейся молодой, но уже матерющей женщины, прошедшей огонь, воды и медные трубы. А поневоле вслушиваясь в разговор и вовсе восхитился: матерая понятными словами, но не сбываясь на откровенную, конкретную грубоватость, передавала своей *tête-a-tête* весь немалый опыт общения с мужчинами — от способов завлечения в сети любовных отношений до описания строгой последовательности в закреплении этих отношений и долговременного удержания мужика в таковых сетях, чтобы он не начал засматриваться на других. С особой тщательностью она описывала постельные позы и способы, в том числе «незалетные», опять же в строгой последовательности разре-

шения их партнеру по мере его привязки и опутывания сетями, дескать, «одна моя знакомая с мужем так постоянно делают», или «как-то у подружки ее парень порнуху нам показывал; мы с ней, конечно, расплевались, но... знаешь, интересно там». «Главное, Катенька, мужику от тебя одно удовольствие должно идти, а от него то же самое в обрат, но в добавок обеспечение. Как простецкие девки с косолученской заводской окраины говорят, любви и денег тебе во все дырки! Грубо, конечно, но верно».

Услышав про имя молодой собеседницы, Николай Андреянович даже прихлопнул ладонью по лбу: вот почему ее голос, хотя бы она и редко вставляла слово-другое в ликбезную лекцию старшей своей подруги или просто знакомой, показался ему вроде бы уже где-то слышанным? А он имел достаточно выраженную особенность: вовсе не противенький такой, окающий по-нижегородски и как будто горячая картофелина во рту катается, по-американски, которому они все в миг обучились непонятно почему и как. Может от смотра бредятины «Дом-2» по телящику? И еще изюминка таки приятная: легкое, почти неуловимое грассирование на глухих согласных, что украшает молодую женщину, как, например, совсем небольшое косоглазие — с точки зрения мужчин, конечно.

Память слуховая Николая Андреяновича, как и зрительная, редко подводила. А не та ли это Катенька в пестреньком платьице с пояском, чей разговор с подружкой Леной он невзначай подслушал пару лет назад на трамвайной остановке? Гм-м, но в жизни так часты и совпадения. Если же она и есть, то значит сейчас уже с достаточным опытом общения с другим полом? Но ведь, как гласит житейская мудрость, учиться надо всю жизнь. Теперь ему стали понятны и короткие, уточняющие вопросы младшей ночной собеседницы: умная девушка Катенька вызвала расслабившуюся на девишнике старшую подругу, нет, скорее просто знакомую, на откровенность «по заданной теме», чтобы почерпнуть прибавку к собственному опыту, а заодно проверить: правильным ли путем она идет?

Неужели простое совпадение? — Мало ли грассирующих на глухих согласных, говорящих достаточно чистым русским языком девушек... они же молоденькие женщины.

Сомневающие размышления бессонного грядущего доцента прервал со стороны торца дома резкий взвизг шин на лихом развороте, и к первому подъезду (Николай Андреянович во втором) подкатила машина Петьки, соседа-бомбилы. В свете фар, еще на развороте осветивших сидящих на деревянном приступке собеседниц, Николай Андреянович тотчас узнал в младшей из них давешнюю Катеньку с трамвайной остановки. Даже идущий к ней фасон платья с пояском тот же.

...Поздним утром следующего дня Николай Андреянович вышел из дома с намерением отдать прощальный визит ностальгически родной «Меткости», то есть забрать в отделе кадров трудовую книжку и получить в кассе расчетные деньги. Получать их всегда хорошо, но отдавать не очень. А пришлось, проходя соседним двором, выдать мелочь тамошнему мирному алкашу Володьке, живущему на пенсию матери. — «Выручи, Андреяныч, на пиво не хватает, трубы горят» и так далее. Получив требуемое, Володька разговорился, что-де сегодняшней ночью «из твоего, Андреяныч, двора аж до нашего дома разносился разговор молодых бабенок: как мужиков охмурять и к себе захоравливать, как перед ними задом вертеть и прочее. Не слышал? Интересно, разэтакое, говорили». «Нет, спал», — ответил Николай Андреянович, шутиливо откозырял и свернул в сторону проспекта к остановке. Ехать долго, с пересадкой с троллейбуса на трамвай. На утреннем служебном автобусе, которыми из всех районной города доставляют тружеников «Меткости» в лес за городом, он ехать постеснялся: вроде как дезертировал с флагамена оборонпрома. «Ну, Катенька, верным путем идешь», — все усмехался он, едучи троллейбусом, потом долгим трамваем и еще четверть часа в пешем порядке.

♦ Катенька Мисюрина в свои двадцать семь лет, совсем недавно исполнившихся, мало была довольна тусклым летом этого года. «Следующий, «двадцать-двадцать», как сейчас принято говорить, будет високосным,— ненавязчиво думалось ей,— по високосным у меня всегда случаются изменения в жизни: в прошлом познакомилась с нынешним, а в позапрошлом рассталась с первым... в смысле, первым постоянным, не считать же юное любопытство насчет *этого* за что-то стоящее отметины в памяти?» «Не ходите, девки, замуж — ничего хорошего...» — усмехнулась Катенька, вспомнив того же времени хулиганскую припевку.

Понятие «подруга» она исключила для себя со старших школьных лет, серьезно приняв слова матери, из житейски умных деревенских баб, лишь с юности горожанки, что дружество — это мужинское занятие, особенно по части выпивки, а «для нашей сестры подругами становятся только к старости или от безысходности, а до того подружки завистливы и первые соринку в твоём глазу увидят и при первом же случае весь белый свет оповестят». Поэтому, случайно встречаясь лишь с давними знакомыми, в ничего не значащих разговорах на якобы сожаление собеседницы, что-де вот ты, Катенька, наверное, жалеешь об отсутствии диплома о «верхнем» образовании, она совершенно искренне отвечала, что по нынешней жизни нужна не «вышка», но твердая профессия: «Владельцами универских дипломов забиты, как консервная банка кильками, все магазины за прилавками, лавчонки. Побегушки в офисах и конторах, рекламные зазывалы, obsлуга в ресторанах и забегаловках, в гостиницах... да долго перечислять — все с дипломами!»

Катенька не оправдывалась, ибо ее профессия не заставляла ее дрожать при слове «сокращение» в участившиеся кризисы, непристойно заискиваться перед самым мелким начальником, тем более «не раздвигать красиво ноги» перед боссом за мелочную прибавку. Не дура, но и не зубрила, она все же по окончании школы, поддавшись общему настрою, отнесла документы в приемную комиссию Тулуповского университета, но по ее скромным баллам ко времени зачисления «бюджетненько» (о платном с ее родителями-работягами и речи не заводилось) выходила ей такая малопрестижная техническая специальность, даже от названия которой во рту ощутимо чувствовался привкус металлической стружки, одобренной тавотом, что она махнула рукой и вернулась домой со своим школьным аттестатом. А самый умный в практической жизни родственник, родной дядька, материн старший брат, посоветовал племяннице продолжить образование в лицее, то есть бывшем пэтэу, что в пригороде Носкове: «По опыту общения с тамошними выпускницами знаю: отменно там готовят профессиональных компьютерщиков, пользователей, конечно, но высокого класса, то есть от набора текстов до практики графических программ, редактирования и всего такого прочего. А если параллельно заочные бухгалтерские курсы, не напрягая себя, окончишь, то цены тебе, Катенька, не будет... в смысле, цена высокая, баки всем, которые с дипломами, набьешь в любом офисе или государственной конторе!»

Так она и поступила, а через два года — с Сашком уже разбежались — была уже при деле в солидной торговой фирме. Для разнообразия, благо при ее профессии и набранном опыте, невзирая на всякие кризисы, безработной она не останется, поработала в налоговой службе, затем снова вернулась в частное дело. Так прошло три с небольшим года до знакового прошлого високосного, в котором ей исполнилось двадцать два года. В общем-то нудноватое общение с компьютером не утомляло, но и не завлекало ее, а возраст первого расцвета молодости требовал своего. Времена простоватого Сашка вспоминались мимоходом, с усмешкой. Тело наливалось почти еще неутоленной страстностью, но в поколенной памяти от матери, подгородней деревенской бабы, эта страстность умело управлялась чисто женской практичностью: здесь она еще больше походила на дядьку, материного брата. Пару раз заводила отношения с коллегами, ровесниками по возрасту и, как сейчас принято говорить, по социальному положению, но особо это не длилось: и парни попадались «без особой

перспективы», и они, тоже смышленные, расхолаживались: приданого за Катенькой, тем более квартирного, не предполагалось.

Многое для нее изменилось по первому году работы. После корпоратива, тоже первого в ее трудовой жизни, заболталась она с Людмилой, опытной в жизни тридцатичетырехлетней сотрудницей, уже побывавшей и замужем, и дочь воспитывающей. Жили они с ней почти рядом, в соседних кварталах, идти от тоже недалекого офиса своего в одну сторону. По теплой летней ночи присели, благо Людмилу понесло душу выкладывать молоденькой коллеге, на каком-то подобии скамейки во дворе дома, недалеко от Катенькиного. Многое от той ночной душевной беседы запало ей в голову. Даже не запало, ибо какой-никакой опыт общения с парнями имелся, но все поставило на свои места. Особенно Людмила советовала молоденькой сослуживице соотносить две вещи: бытовую действительность, не из лучших, и притягательную силу первой молодости, тем более при внешней привлекательности и «недурственной мордашке с непустой по практичности головенкой». «...Из такой для тебя, Катенька, соотносительности следует желательность «спонсоров» или папиков. Причем даже не в смысле более или менее комфортно обставленного траханья, что тоже для здоровья необходимо, но, так сказать, как нас в универе учили, для первоначального накопления капитала: квартирка с обстановкой, счетец в банке, приличный круг общения. Но и здесь не увлекайся: как только все это случится, даже по минимуму, впрочем, хорошему минимуму! так ближе к тридцати годам спонсоров и папиков побоку, находи себе среднестатистического мужика, рожай, словом, создавай нормальную семью, напрочь выкинув из головы все предыдущее! И будет тебе спокойное, хотя бы умеренно обеспеченное счастье...».

Уже на первом месте работы, кстати, при содействии Людмилы, Катенька попробовала найти покровителя в лице еще относительно молодого зама по маркетингу. А в налоговой конторе зацепила сорокалетнего начальника отдела регистра. Но оба почему-то решили, что молоденькую симпатичную подчиненную интересует только содержимое их штанов. Да еще жена зама по маркетингу, которой добрые люди донесли весть о пассии супруга, устроила прилюдный скандал в офисе, почему, собственно, Катенька и ушла из фирмы в налоговую службу.

Меж тем прежний быт затрещал: сестра ее собралась замуж за бесквартирного суженого. Их хрущевская трешка грозилась превратиться в ту самую банку с кильками. К этому времени Катенька распрощалась с государственной налоговой конторой и удачно устроилась снова в частную фирму. Другую, конечно, не с халявным замом по маркетингу. И должностишка здесь у нее даже появилась. Небольшая, но в подчинении бабенки с дипломами! Проработала она несколько месяцев, а здесь пришел с елочным корпоративом знаковый для Катеньки високосный год. Хозяин фирмы, небольшой, но из числа непотопляемых в любых кризисах, солидный из себя мужик в начале пятого десятка, расчетливый, но с добродушием в характере и нежный, имел несколько страхолюдную супругу — обычный атрибут женитьбы по мелкому расчету — и ее племянницу в качестве секретарши. И подчиненные бабенки все постарше Катеньки, замужние. А у Дмитрия Алексеевича возраст заматеревшего кобелизма... Словом, после новогоднего елочного корпоратива в ресторанчике с «номерами для отдыха» Катенька обрела надежного папика, да к тому же в полном расцвете мужественности. Как говорит ее мать, правда, по другому поводу: «Тароват да умен — два угодия в нем».

Памятуя наставления Людмилы, дескать, сначала чрезвычайно восхити состоятельного мужика в постели, а потом ненавязчиво заключай с ним «коллективный договор», Катенька уже к майским праздникам обитала в двухкомнатной квартире, любовном гнездышке. Привыкшая к своему кварталу, хотя и пятиэтажному, но престижному для людей несколько выше «среднего класса», она и порекомендовала Дмитрию Алексеевичу, наедине — Димчику, купить квартиру неподалеку от ее ро-

дательского гнезда. Матери она объяснила все напрямую и получила полное одобрение, знала, что дочь все делает с дальним умыслом. Она же приструнила слегка заворчавшего отца, выставив тому пару бутылок, и завидущую новобрачную дочь — сестренку Катеньки. По «коллективному договору» квартира переходила к Катеньке через несколько лет, если и она соблюдет все свои обязанности. В фирме же она скоро получила место главбуха с персональным окладом. Умный Дмитрий Алексеевич полагал более экономным содержать Катеньку за счет фонда зарплаты.

...День выходной. Попивая утренний кофе на уютно, как и вся квартира, устроенной кухне, Катенька все держала в хорошенькой головке эти недавно исполнившиеся двадцать семь лет. Много это или мало? — Для исполнения дальнейших планов, конечно. На этот день рождения Димчик сделал роскошный подарок: за верность почище супружеской, благонравие характера и отсутствие хронических женских капризов и удовлетворение его мужественности он переписал дарственной квартиру на Катеньку. А поскольку дела его фирмы шли в гору — выиграл за малый откат выгодный тендер, — то впридачу к квартире «уполторазил» ей оклад.

Двадцать семь лет. Квартира с обстановкой, счет банковский все круглеет и круглеет, ибо она так поставила «коллективный договор», конечно, ненавязчиво, но только легкими намеками, что из своих денег тратит только необходимый минимум. Все остальное благодущный Димчик, почему-то почувствовавший удовольствие дарить своей очаровательной, на свой откуп охотно берет.

Год-другой у нее в запасе, а там пора рожать (абортов она благоразумно в жизни избегала) без осложнений и всякого там кесарения. Для ребенка нужен законный муж. Она хохотала над мелодрамными сериалами: выходить замуж за мужика на двадцать лет старше? Смешно хотя бы по причине не столько уж далекого снижения мужественности Димчика. Да и развести его себе в убыток: на страхолудине тот женился по расчету, она и совладелица его бизнеса. И вообще она только вступает в серьезную жизнь. Значит... но впереди еще полтора-два года, что-нибудь придумает. Кстати, надо встретиться с Людмилой, та без доброго совета не оставит. Однако размышлялась: через час Димчик придет.

Молодая содержанка владельца сети супермаркетов «Копейка рубль бережет» Авдотья Никитична подготовку к ежегодному бизнес-балу городского купечества начала уже пополудни. И как положено у женщин — с прически. Горничная Глаша не нахвалится роскошными волосами хозяйки:

— Ах, барыня, что за роскошь у вас волосы: прядка к прядке, локон к локону, на перхоть даже намека нет. А все потому, что не используете все эти рекламируемые химикалии, а только натуральные отвары. И травы подбираете все правильные; это я вам как кандидат биологических наук, ранее доцент, говорю. И откуда вы только эту рецептуру знаете?

— А я, Глаша, ведь химик-фармацевт по образованию. И бабушка моя покойная была деревенской знахаркой, траволечением на жизнь зарабатывала.

— Почему же, Авдотья Никтична, по специальности не работаете?

— Обе мы, Глаша, давно уже не по специальности на хлеб насущный зарабатываем. У тебя, вот, наверное, НИИ за ненужностью прикрыли, а я после конкурса красоты по рукам пошла, пока не закрепились за нынешним хозяином.

— А не грешно, барыня?

— Грешно, Глаша, это когда грешишь, а я работаю, вот как и ты, но только по другой специальности — из самых древних женских.

КЛИКОВ И НЕДОЛАЙКИН, ИЛИ ЖИЗНЬ В ЦИФРОВОМ ОДИНОЧЕСТВЕ

Неустанно вязавши чулки, Перегуд додумался, что «надо изобресть печатание мыслей». Гутенбергово изобретение печатания на бумаге он признавал ничтожным, ибо оно не может бороться с запрещениями. Настоящее изобретение будет то, которому никто не может помешать светить на весь мир.

Н. С. Лесков «Заячий ремиз»

Цыпленок зачинается в яйце тогда, когда оно портится.

Григорий Сковорода

♦ Семейства Юрки, по давнему, еще школьному прозвищу Юрец, Клюквина и Макса Недолазова переселились в новопостроенный дом близ городского стадиона одновременно в год, когда Юрец и Макс, тоже в один выпуск, окончили Тулуповский университет, который в городе и области в досужих разговорах упорно именовали политехом, каковым он и являлся со времени основания в первые сталинские пятилетки и до лихих девяностых, когда по всей бывшей 1/6 части земной суши все школы переименовали в гимназии, пэтэу — в лицеи, училища — в колледжи, а все институты, включая уездные «педы», — в университеты. Ну-у, это «предания старины глубокой». Оба семейства из торгового среднего класса, измучившись в родительских еще хрущобах, поднакопили деньжонок, продали наследованные совмещенки и купили вполне пристойные их доходам квартиры в почти престижном двухподъездном многоэтажном доме фасона «спичечный коробок, поставленный на попа». Надо заметить, что никоим образом члены этих семейств, до переезда на новину проживавших в различных, удаленных друг от друга, районах широко раскинувшегося Тулуповска, и не подозревали о существовании друг друга: Клюквины — Недолазовых, соответственно, Недолазовы — Клюквиных. Даже Юрец и Макс, одновременно учившиеся в одном вузе, не были даже шапочно знакомы: встретиться на улице — равнодушно пройдут мимо друг друга, как все мы проходим, разминаясь с совершенно неизвестными людьми. Во-первых, с советских времен в политехе, затем в университе-

те, числилось под двадцать тысяч студентов; во-вторых, сорок корпусов и вспомогательных зданий растянулись в половину района, а Юрец и Макс учились на разных факультетах, чуть ли не в километре друг от друга.

А полупрестижный, то есть без фигурных башенок, эркеров и прочих архитектурных излишеств, дом оказался с занятным сюрпризом. Как то положено в последние три десятка лет, чтобы не тратиться на всякие коммунальные подводы к зданию, дорогостоящие хлопоты на расселение сносимого жилищного и хозяйственного старья, не осваивать пригородные пустоши и прочее, строительная компания за умеренный бакшиш (административные и которые в погонах чиновники и мелочью не брезгуют) приобрела участок под дом-вставку. Но когда подрядчик руками молодцов-гастарбайтеров скоренько сгношил коробку, то сообразился архитектурно-привязочный конфуз. Дело в том, что участок выдался этакой узкой, почти в толщину коробки полосой, зажатой между двумя дорогами: уличной и радиальной общегородского значения, тянувшейся от центра к окраинному обводу-развязке. Последняя спешно начала строиться одновременно с полупрестижным домом. Поскольку же дорожное и домовое строительства подчиняются различным планирующим городским ведомствам, то и вышел такой архитектурный конфуз. Отыскали и наказали стрелочников из мелких чиновников, которым и без того ни копейки-цента не перепало из домового отката, то есть бакшиша. Известно дело исстари на Руси святой: алтынного вора вешают, а полтинного чествуют.

Радиальная общегородская дорога как раз расположилась вдоль фасада новостроящегося дома, поэтому он из класса почти престижного — по ценам квартир — перешел в разряд полупрестижных, ибо ни о каком, ранее зарекламентированном застройщиком, дворе с детскими площадками, грядущими тенистыми тополями и развесистыми конскими каштанами (гордость Тулуловска — почти Париж и Одесса!), даже скромными скамеечками для старушек и столиками для пенсионеров-доминошников, речь уже не шла. И, о ужас! даже обычные подъездные выходы по технике безопасности и всяким там санитарно-пожарным нормам соответствующие инспекции (после скандала и бакшиш из осторожности не брали, себе в убыток инспектировали...) запретили выводить в сторону достраиваемой стахановскими темпами дороги с губернаторским контролем. Архитекторы и застройщик поломали головы и перепланировали оба подъездных выхода: теперь они, изогнувшись внутри здания — один вправо, другой влево, — выходили на улицу из торцов дома в метре от фасадных углов.

Принято сетовать, что в современном мире отчужденности люди, годами проживающие в одном подъезде многоэтажного дома, порой не знают друг друга даже в лицо. В определенной степени это относится и к жителям сконфуженного дома. Но здесь и вовсе случился феномен разобщенности двух его подъездов. Поскольку, ввиду отсутствия двора и тротуаров, даже узеньких пешеходных дорожек вдоль фасадной и тыльной сторон зажатого дорогами злосчастного строения, пройти от одного торцового подъезда к другому невозможно, то связь таких автономий с внешним миром оказалась возможной только в противоположные стороны: выйдя из своего подъезда, гражданин, товарищ (это который с погонами) или господин должен, гуляючи, пройтись метров с полтора по дикорастущему скверу между дорогами по сгношенной строителями асфальтовой дорожке, а дальше для обитателей правого и левого (со стороны фасада глядя) подъездов «выход в люди» существенно различался. «Леваки» под прямым углом поворота улицы сворачивали на ее тротуар и еще метров триста шли до проспекта; свернуть с этого тротуара не было возможности: с одной стороны глухая длинная стена ограждения стадиона, с другой — несколько состыкованных друг с другом оград и стен двух университетских корпусов и вспомогательных служб-зданий. «Правяки» же тоже под углом, но только тупым, огибали здание музыкальной школы и выходили на тротуар переулочка, ведущего в про-

тивоположную проспекту сторону. Если прикинуть в уме и на пальцах, то попасть из левого подъезда в правый, равно как и наоборот, можно было, после сложных петляний, где-то за тридцать-сорок минут бодрого солдатского шага. Это как на плацу учебного отряда дивизии brave старшины командуют новобранцами: «левой, левой! солдатский шаг — шестьдесят сантиметров!»

Таким образом, обычная автономность подъездов многоквартирных домов здесь перешла в абсолютную самостоятельность и независимость. По отношению друг к другу подъезды стали анклавами: это как Калининград и Крым для материковой России, но там-то есть поезда и паромы и семнадцатикилометровый мост. Опять же лизинговые «бойинги» лётают. Уже не говоря, что свои автомобили среднеклассные обитатели полупрестижного дома, матерясь, размещали где придется вдали от визуального оконного надзора, но для правого и левого подъездов все было различным: «свои» магазины и службы жизнеобеспечения, даже почтовые отделения и операционные филиалы Сбербанка разные. Обычная должность старшего по дому, как нонсенс, не существовала, раздвоившись на старших по подъездам с правами первого для каждого из них. Русский человек ко всему скоро привыкает и уже ничему не удивляется. Поэтому когда житель дома вызывает водопроводчика, электрика, телевизионного или компьютерного чинильщика, увы, и *03-машину*, если занедужит, то принимающая заказ диспетчерша уточняет, услышав название улицы и номер дома: «Та-ак, квартира тридцать восемь. Это с какой стороны: от стадиона или от музыкалки?» Люто ненавидели жильцов дома почтальонши из двух отделений связи: адрес-то один по улице! Хорошо, что в век интернета письма бумажные не пишут, телеграммы не посылают и посылки от всеобщей скупости не шлют. И еще момент: по новой строительной моде балконы в доме вовнутрь и отгорожены друг от друга вертикальными, по всей высоте здания, ребрами-выступами. То есть, даже опасно перегнувшись над перилами, соседа не увидишь и не услышишь.

Собственно, для чего мы остановились столь подробно на ляпсусах современного городского строительства? — А просто чтобы сказать: семейства Клюквиных и Недолазовых поселились в различных самостоятельных подъездах, оба на пятом этаже с видом из окон на достраивающуюся радиальную городскую дорогу. Понятно, что жители различных подъездов, Юрец и Макс друг друга не знали. Только и всего-то. А читатель, не хуже прокурора, смысла доискивается...

♦ Макс он и есть Макс: и имя и кликуха. Про Юрца уже сказано. Но они уже выросли в эпоху всеобщего и полномасштабного оцифровывания, поэтому со средних школьных классов уже имели свои интернетовские *ники*: Люк у Юрца, Дол у Макса — слоги из своих фамилий, удачно получились: и кратко и импортом отдает. Все по-компьютерному, интернетовскому. Но что удачно для интернета, то для него же их фамилии сыграли злую шутку: по созвучию каждый из них получил еще в школе прозвища за глаза, то есть Кликов — для Юрца, Недолайкин — для Макса. Поначалу это обоих злило, но потом оба же махнули руками: зовите, мол, как хотите, только денег в долг не просите.

Поскольку родичи Юрца и Макса выбились в среднестатистические люди не так уж и давно, то с прибавлением семейств своих по возрасту запоздали, то есть пришлось ограничиться единственными наследниками. В тихой жизни все перемены приходят скопом. Так и у Юрца с Максом по времени совпали переезды в новые квартиры, получение дипломов и официальное трудоустройство, именно — официальное, поскольку по компьютерной части подрабатывали еще с первого курса. По специально-сти, что в дипломах проставлена, оба, слегка подумав и посомневавшись, работать не пошли, хотя в исторически оружейном Тулуповске в наступившие годы оборонпром частично восстановился. Впервые за последние двадцать лет зарплаты инженеров на серьезных предприятиях, из числа оживившихся, превысили доходы рядовых офисных клерков и торговых менеджеров — в основном по причине падения последних в

черере всевозможных кризисов. Но ведь превысили! как бы там арифметические пропорции не раскладывались. Это как пресловутая инфляция, которой на самом деле сейчас и вовсе нет, а есть дефляция, попросту говоря, вялотекущее подорожание всего и вся и массовое постепенное обнищание.

Ну-у, неча в высокие категории лезть. У Клюквина-старшего по случайному совпадению — отошли от дел и перешли в разряд предпенсионных рантье сразу два его конкурента — несколько расширился рынок сбыта, потребовался компьютерный системщик по части логистики. И он с удовольствием оформил трудовую книжку на Юрца. «ООО Клюквин и сыновья», — слегка загрустив при множественном числе слова «сыновья», беззлобно сыронизировала мать, когда Юрец с аппетитом ужинал, вернувшись с первого трудового. В небольшой авторемонтной мастерской Недолазова, в основном перебивавшейся тонировкой стекол и рихтованием умеренно побитых передков, компьютерщики не требовались по определению рода работ. Поэтому Макса отец устроил в офис оптовой торговли к давнему знакомому и собутыльнику по зимней рыбалке.

По странному совпадению матери Юрца и Макса трудились по педагогической линии: первая в школе, другая в коммунально-строительном техникуме. Кстати говоря, единственным в городе и области, который не прельстился на американское обезьянническое название «колледж». Как объясняла Елена Григорьевна Недолазова супругу и сыну причину такого вызывающего анахронизма, на момент массовых переименований в девяностые годы в техникуме директорствовал по отставной разнарядке подполковник из «компетентных органов», люто ненавидевший американцев и вообще западников: его карьера в «органах» обнулилась из-за неудачи в выполнении задания по оперативной работе, где его по мелочи, но все же переиграла цэрэушники...

Вот обе-то матери вполне справедливо положили по женской природной категоричности, что новые просторные квартиры и начало трудовой деятельности их любимых чад всенепременно должны замкнуться в треугольник (это по определению Елены Григорьевны, обучавшей будущих коммунальных строителей математике) женитьбой. Девиц Юрец и Макс не избегали, но без увлечения — чтобы как все, от этих *всех* не отставать, но сама мысль о женитьбе в двадцать с мелочью лет им представлялась смешной. Но заботливые и резонные в своих доводах матери, начиная издалека и заканчивая близко, неседали на сыновей по линии замыкания равносторонних треугольников. Более мягкохарактерный и послушный Юрец пару раз даже вяло согласился с убеждениями матери, для очистки совести раз и другой прошелся по сайтам знакомств в городском ареале. Ровесницы по возрасту, образованию и, так сказать, имущественному (из лексикона отца) положению все были на одно инкубаторское лицо: распущенные волосы ближе к блондинистому цвету, умеренный макияж, чуть удлинённые этими волосами и макияжем. Неумелые еще «а ля Голливуд» зубастые улыбочки, обязательно втянутые — для искусственных сексапильных ямочек — при фотографировании щеки. Инкубатор и есть. И не только на фото, но и в стандартности принятых в таком случае резюме: «Веселая, но скромная, понимаю юмор, люблю путешествия, коммуникабельная. Любимая книга — Дина Рубина* «Синдром Петрушки»; любимый фильм — «Мосты округа Мэдисон». Любимая еда: итальянская паста, чизкейк, смузи, стейк из семги, лазанья». Перестал он искать невест для спокойствия матери в инте, а в жизни реальной когда-то еще наметится?

Макс слушал Елену Григорьевну молча, но когда ему напрочь надоели матема-

* Несколько лет назад для проведения новомодного всероссийского диктанта на русскую грамотность текст взяли из сочинений Дины Рубиной, израильской русскоязычной писательницы. Затем в окололитературной прессе случился легкий скандалчик: некто досужий грамотей отыскал у Дины фразу про «спилённое бревно»...— Прим. авт.

тические доказательства матери о необходимости замыкания равностороннего треугольника, то он просто привел домой «на ужин» офисную коллегу, которая пробовала ластиться к новому в их коллективе парню. Ей же объяснил — посмотришь как живу. По-своему истолковав такое прямое предложение (про родителей в квартире он умолчал), девица Лиза, называвшая себя Джулией, соответственно нарядилась и наштукатурилась, а при виде строгой училки Елены Григорьевны и почти за ними пришедшего домой Недолазова-старшего потеряла и без того слабый дар речи. После тягостного семейного ужина, который не оживила даже выставленная хозяином бутылочка массандровского хереса, гостя заторопилась домой: «Мама будет волноваться». Отец, мать и даже Лиза-Джулия поняли и — каждый по-своему — оценили фортель Макса. Отец при случае похихатывал, Елена Григорьевна на время отстала от сына со своей треугольной геометрией, а в офисе девицы фыркали при утреннем появлении на работе Макса. К его явному удовольствию, ибо еще со дворового своего отрочества он крепко запомнил хулиганскую присказку о нежелательности совмещения места жительства и работы и постельного общения с девицами.

♦ Наступила слякотная зима. Юрец и Макс вошли в новый ритм своей жизни без особых изменений в ней. Только нуднотину учебы, где соскучившиеся к пенсионному возрасту от ничтожной зарплаты, поменьше дворницкой у гастарбайтеров, и десятилетиями одно и то же произносимого на лекциях, доценты одним своим неряшливым видом отбивали интерес к чему-либо, сменила унылость нижних ступеней пресловутого бизнеса. Если Юрец на правах сына босса и сам-один компьютерщика еще как-то ощущал себя человеческим человеком, то Макс у чужого дядя тупо зарабатывал близкие к смешным деньги. Словом, поденщина для головы, оброк для души.

На глазах Юрца и Макса, от начального школьного детства до сегодняшнего дня, в жизни окрест их произошли такие перемены, которые во флоте соответствуют команде «кораблям поворот всем кругом». В этом самом детстве они еще застали отголоски «лихих девяностых» с пивными брезентовыми палатками на каждом свободном клочке асфальта, круглосуточно торгующими водярой магазинами. По дороге в недалекую школу, у каждого свою, первоклассники Юрец и Макс завистливо поглядывали на старшеклассников обоего пола, что перед началом уроков, воробыными стайками рассевшись во дворах соседних со школой домов на изгородях и наружных трубах отопления, дымили сигаретами, а то и вовсе пивком освежались. Но страну начали в быстром темпе подтягивать к порядку и дисциплинарному благонаравью. По мере перехода из класса в класс, затем с курса на курс, Юрец и Макс наблюдали, как исчезали пивные палатки, общедоступные забегаловки, ночники, а еще советской поры рестораны и кафе перепрофилировались в магазины, порой со странным, невостребованным товаром — явно для отмывки многих тонн черного нала из ближней столицы. Предложение стимулирует спрос — девиз общества потребления, но директивное ограничение предложения ограничивает этот спрос — не спросившись у потенциального потребителя. Все меньше народа наблюдали студенты Юрец и Макс на улицах, даже в длинные и солнечные дни благодатного лета: взрослые горбатились на частный капитал, зарабатывая все большим потом все меньшие деньги для содержания своих семей, раскатавших было нос на легкие деньги девяностых, когда от всеобщего разворовывания страны кой-чего перепало и мелким лавочникам, порой даже и бюджетникам. О заводах и фабриках тогда забыли и думать. Это еще школьникам Юрцу и Макс объяснили их отцы, мелкие частнобизнесники. — Под бутылочку горькой в разразившийся в конце двухтысячных, нулевых годов всемирный кризис.

...А младшие поколения тоже стали избегать обычных для их возрастов радостей вольной жизни: от шатанья по улицам и дворового общения для школьников до совсем замечательной студенческой жизни с дружескими посиделками в дешевых заве-

дениях «с подачей», футболом на университетских стадиончиках, знакомствах с девушками в доступных еще клубах — бывших заводских домах культуры, наконец, с всепоглощающей первой серьезной любовью. Все минуло как сон, ушедший в далекое прошлое. Все эти поколения, почище тюремного заключения, заковал в свои цепи интернет, за последние два десятилетия от занимательной игрушки для недорослей и удобного (без зарплаты!) помощника для людей трудящихся превратившийся в гигантский спрут, сделавший человека своим роботом. Это уже студентам Юрцу и Максу объясняли старого закала препода, порой разговорившись на лекциях сверх политкорректно и толерантно выверенной программы. Но таких все меньше оставалось, отходили по возрасту, а то и по доносам самих же студентов, от дел на заслуженный отдых.

И Юрец с Максом, даже не подозревающие о существовании друг друга, стали придатками интернета.

♦ Странная это штука интернет, порой проскальзывала у Юрца и Макса нечаянная мысль. Вроде как ты член всемирного, двух-трех, а может и более миллиардного, сообщества, а с другой, как обычный *живой* человек, совершенно одинок, почти что изолирован от общения с другими *живыми* людьми. Вот и Юрец, уже месяц как втянувшийся в новую интернетовскую игру с иерархией в двенадцать уровней, по мере восхождения с уровня на уровень, где каждая такая ступенька, учитывая сложность игры, занимала не менее пяти-шести плотно занятых вечеров, иногда задумывался: а что из себя представляют его коллеги-конкуренты с уже примелькавшимися никами? По условиям игры участники никаких иных сведений друг о друге, кроме ников, знать не должны: полное обезличиванье. Не само по себе, разумеется, но, чтобы миную контроль диспетчеров игры, недобросовестные участники не сговаривались друг с другом по иным каналам связи. Это как в покере шулеры играют парой. Чтобы не расплыться, Юрец выделил участника с ником Дол, который уверенно переступал уровни вровень с ним. Кто он в своей живой оболочке? Каков собой, из какой страны или города, если соотечественник? Возраст его, характер и все остальное, человеческое... Почему-то Дол вырисовывался — что за игра воображения! — индусом или японцем лет тридцати — тридцати пяти, с университетским образованием, а индус и вовсе в Америке учился. Сложнее с профессией — не обязательно компьютерщик. Например, японец офисный менеджер, а индус перебрался в Австралию (где-то прочел, что там много индусов работают) и трудится в тамошнем филиале компании *Hewlet Packard* или *Googol*. И так далее, вплоть до семейного положения и любимого сорта пива.

...И Макс заприметил в числе своих конкурентов участника с ником Люк. Почему-то он представлялся ему подмосковным жителем из бывшего наукограда, работает же в Москве, тратя по два часа дороги туда и столько же обратно, правда, через день — в сетевой компании, ровесник.

По условиям игры для прыжка на предпоследний уровень финалистов (а среди них победитель и два премиальных дипломанта выбирались цифровым лототроном) следовало выбрать участника, который, в свою очередь, и его выберет. Это уже не игра в орлянку, а следовало проанализировать весь ход игры, начиная с нижнего уровня, отслеживая более или менее рядом идущего соперника. Это условие было объявлено диспетчером в четверг, ответ следовало дать до полудня субботы. В четверг и пятницу Юрец и Макс весь вечер и начало ночи, часов до двух, ломали головы. Пришла и финальная суббота. Оба отказались от завтраков, вообще не выходили из своих комнат. Девять часов. Десять часов. Одиннадцать с четвертью. Без четверти двенадцать — роковой час. Все, пропали полтора месяца жизни... Юрец в полном отчаянии вскочил со стула и, не взвизывая белого света, со злобой шарахнул тыльной стороной кулака по стене, к которой придвинут его рабочий стол. И Макс в полном отчаянии ударил кулаком по стене, в полнейшем отчаянии спрыгнув со стула. И — о

чудо из чудес! — от удара Юрца квадрат, где-то полметра на полметра, стены, разорвав обои, прогнулся вовнутрь чужой квартиры. В тот же миг ответным ударом разорванного Макса этот же квадрат снизу вогнулся в сторону квартиры Юрца, а затем и вовсе отлетел от стены и грохнулся на его стол. Хорошо не дотянул нескольких сантиметров до ноута, иначе бы расшиб его.

Пригнувшись к квадратной пробоине, тот и другой изумленно уставились друг на друга.

— Ты кто?

— Юрец. А ты?

— Макс. Чего это стены ломаешь?

— Да вот с игрой беда. А ты чего?

— То же самое. Слушай, а какой у тебя ник?

— Люк. А твой?

— Дол. О-о-о, братан, так мы с тобой одну партию ведем. Пять минут до двенадцати осталось, давай срочно сообщаем ники: ты — мой, я — твой.

...Юрец и Макс вышли в финалисты. И хотя цифровой лототрон обошел их обоих своим виртуальным вниманием, но и стать финалистом — большой почет: их имена, настоящие, не ники, навечно теперь внесены на цифровую доску достижений солидной компании компьютерных игр. Юрец с Максом сдружились, что редкость в наше время цифрового одиночества.

♦ ...Как потом выяснилось в судебном разбирательстве по дознанию и технической экспертизе, застройщик, снизив цены за квартиры, когда выяснилось что из-за строящейся впритык радиальной городской магистрали у дома не будет двора, автостоянки — и вообще ничего, дабы не особо потерять в прибыли, отдал команду прорабу экономить буквально на всем: «Хоть внутренние стены из г... лепите, но чтобы ни один обломок кирпича, ни единая щепка мимо дела не прошли!» Так получилось, что при разгрузке панелей для некапитальных квартирных стен, в том числе в проемах между кирпичными кладками стен межподъездных — для крайних квартир, неряшливый крановщик так неаккуратно «приземлил» пакет этих панелей, что проломил нижнюю о торчащий булыжник. Когда строители-таджики указали прорабу на бракованную плиту, то последний, еще добротной советской закалки, беззлобно выматерил арийцев* Азии, а затем процитировал известный лозунг Леонида Ильича: «Экономика должна быть экономной». Затем самолично красным карандашом, что обычно держал за ухом, по плотницкой линейке обвел квадратом полметра на полметра, велел самому понятливому гастарбайтеру выпилить квадрат по контуру, изготовить такого же размера из какого-нибудь ненужного обрезка плиты, вставить в отверстие плиты, закрепив клеем. «...Затем зарихтуй заподлицо, а при установке все следы и вовсе исчезнут при известковой обмазке».

Как с видимым удовольствием от проделанной работы доказывал на суде молдцеватый технический эксперт, перемигиваясь с роскошно-длинноногой судебной секретаршей, из той же частнособственнической экономии вместо добротного клея «хенкель» на стройке использовался дешевый китайский эрзац, поэтому-то квадратная вставка и вылетела от двух ударов Юрца и Макса — явно не боксеров или гиревиков...

А в момент происшествия на тройной грохот — кулаками Юрца и Макса и от падения вылетевшего квадрата на стол Юрца — в комнаты финалистов сбежались оба семейства, заодно и познакомились через квадратную пробоину. Как люди деловые, старшие Клюквин и Недолазов тотчас вышли из своих квартир и через двадцать минут уже сидели в равноудаленном от автономных подъездов ресторанчике с интерес-

* Таджики, как иранцы и обе афганские народности, принадлежат к этноязыковой индо-европейской, или арийской, группе народов.— Прим. авт.

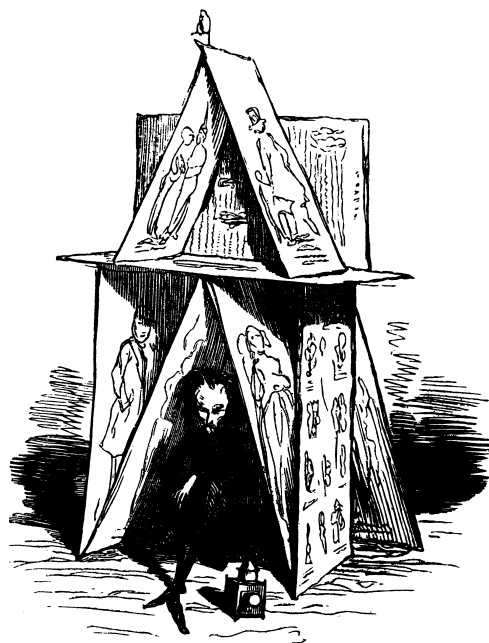
ным названием «Библиотека», каковая здесь же ранее и размещалась.— В архаичную эпоху чтения бумажных книг, точнее, вообще чтения.

Выпив по первой за знакомство, сразу перешли к составлению диспозиции. Сами частнособственники-предприниматели средней руки, они решительно отвергли какие-либо мирные переговоры с застройщиком. «Хрен возьмешь с тарелки деньги у попа»,— приговорил Клюквин, в первом поколении городской житель, помнящий едкие деревенские присказки. «Только суд и суд показательный! — согласился Недолазов,— главное, иск выставить на предельно разумную цифру, всякий там моральный ущерб...».

С понедельника сражение началось. Клюквин понес в районный суд коллективное, от двух квартирохозяев, исковое заявление, а Недолазов позвонил в популярнейшую в городе и в области желтую газету «Толока». Там восхитились скандальностью происшествия и тотчас прислали молодого, но уже ловкого корреспондента Дениса Коротина, подписывающего свои материалы в газете как Дэн Кóрвин, и фотокора. Вошедшие в апофеоз сражения Клюквин с Недолазовым выкупили прямо в редакции «Толоки» две пачки очередного номера, а Юрец и Макс, тоже почувствовавшие вкус охоты, пользуясь стенным отверстием, распределили номера и самолично отоварили ими почтовые ящики обоих подъездов. Весь дом хохотал: ядовитейше написанная Дэном статья-фельетон сопровождалась почти десятком фотографий, на которых в стенном проломе весело помахивали ручками обитатели злосчастных квартир, здоровались также за руку в отверстие, на столе Юрца лежал, прислонившись под углом к стене, выпавший кусок. Венчали фотосессию два снимка: Юрец и Макс, обнявшись, позировали в качестве финалистов новомодной компьютерной игры, а на другой — панорамный вид на дом, стиснутый двумя дорогами. Не только огороженный дом, но и весь город с областью целую неделю хохотали. Говорили, что и сам губернатор с интересом читал. Но судья, принимая исковое заявление, с сомнением покачал головой, дескать, такие дела тянутся годами, а там и с застройщиком что-либо чудесное случится по коммерческой, например, части...

Но подмога пришла откуда не ждали. В одной из квартир Клюквинского подъезда проживала пожилая пара, у которых имелась какая-то досадливая недоделка, а главное, их старший сын, проживавший в столице, был известен как модный, блестящий адвокат, глава своей конторы «Совестлизов и партнеры». Уважая обиженных родителей и для создания себе имиджа в родном городе — Москва большая, но и окрестные места надо к своей практике приобщать! — он и взялся бесплатно поддерживать иск Клюквина и Недолазова. На заседании суда он произнес такую великолепную речь, что в освещавшей процесс «Толоке» ее сравнили разве что с хрестоматийными русскими дореволюционными адвокатами А. Ф. Кони и Плевако...

Истцы процесс выиграли. Из обладминистрации нажали на застройщика. Компенсацию Клюквины и Недолазовы получили по пристойному максимуму. Однако возвращаться к прежней автономности подъездов, здраво рассудив, квартиросъемщики не захотели: а вдруг сотовая связь и интернет пропадут? Совсем не общаться что ли подъездам? Ведь живем в эпоху глобализма как на вулкане. Словом, в стенной квадрат вставили что-то навроде непрозрачной форточки, открывающейся в обоих направлениях. Но только при одновременном повороте запорных рычажков.

Даже в проникнутой духом коллективизма Советской стране интеллигент стремился к некоторому уединению; таких мест было немного: кухня с бутылкой горькой сам-один да туалет. Новейшие времена, казалось бы, благоприятствуют полному уединению, тем более, что при вороватой организации жизни общение с другими людьми просто опасно. И пошло и поехало. Столично-мафиозная часть бывшей культурной прослойки для уединения построили виллы во Флориде и в Испании, а у остальных, нищенствующих, средств хватило только на карточные домики. Материалами же для их строительства послужили найденные на свалках отечественной истории артефакты: верноподданический монархизм, обрядовая церковность, умеренное диссидентство, начатки европейского либерализма от Чаадаева, внешнее славянофильство от братьев Киреевских и Хомякова, отголоски евразийства и добрая власть, у которой злые бояре-чиновники украли «жалованную грамоту» для народа.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Белинский
(г. Москва)

СВЕТ НАДЕЖДЫ

Анатолий Белинский родился в 1944 году в Краснодарском крае, детство и юность провел в г. Ростове-на-Дону. Окончил Ростовское художественное училище им. М. Б. Грекова и Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское) по специальности «художник-конструктор». Почти сорок лет проработал в бюро технической эстетики в разных НИИ, одновременно занимался пейзажной и портретной живописью. Живет в Москве. Стихи пишет с юности. Произведения публиковались в литературных альманахах и журналах. Дипломант Международной поэтической премии «Образ». Автор книги стихов «Мелодии Нескучного сада», вышедшей в московском издательстве «Образ» в 2020 году.

СВЕТ НАДЕЖДЫ

Все чаще думаю о лете.
Мне зимний лес не по нутру,
Там ветви голые, как плети,
Пощелкивают на ветру.

Там пни чернеют островками
У перемерзшего пруда,
Простудно дышит сквозняками
Берез волнистая гряда.

Все чаще с робкою надеждой
Смотрю на лес, считая дни,
Где сквозь листву, густую прежде,
Бил солнца яркого родник.

Где и представить невозможно
Рассвет без трели соловья...
И в чаще, свет надежды множа,
О лете буду думать я.

ТРАМВАЙ

Пятнадцатый номер трамвая,
За окнами синяя мгла.
Дорога, как стрелка прямая,
В обратный конец пролегла.

Кондукторша что-то бормочет,
Зевот прикрывая рукой.
Пятнадцатый номер грохочет
Сегодня с особой тоской.

Провал безучастного неба.
Повсюду, куда ни взгляни,
Под медленным мартовским снегом
Бегут, исчезая, огни.

На эти щемящие виды
Мне грустно смотреть из окна,
И мысль о недавней обиде,
Как полночь, пуста и темна.

Трамвай отчужденно грохочет,
Мои поражения не в счет.
Но сердце смириться не хочет,
На что-то надеясь еще.

СТАРЫЙ ТАЛЛИН

Медный шпиль, устремленный в пространство,
Тает в сизой полуденной мгле.
Наслаждайся, влюбляйся и странствуй
По обласканной солнцем земле!

На фасадах дворцов без усилий
В архаическом блеске эпох,
Попирая приличья и стили,
Прорастает безнравственный мох.

От подвалов до крыш черепичных,
От колонн до лепных потолков
Ощущается духа величье
Мастеров прошумевших веков.

Есть душа у цветов и деревьев,
И у камня есть тоже душа.
У соборов, больных суевьем,
Как паломники, листья шуршат.

Кто же ты, очарованный странник,
Присмиривший у древней стены?
Окрыленного ль века избранник
Иль наследник седой старины?

Созерцай, удивляйся и думай,
Историческим ветром дыши...
Хорошо, когда в мире подлунном
Есть простор для ума и души.

В СНЕЖНУЮ НОЧЬ

В эту снежную ночь
Мы с тобой разминемся.
Мы пройдем где-то рядом,
Отчаясь вконец.
Не откликнемся, не обернемся
На биение жаждущих встречи сердец.

В эту вьюжную ночь мы с тобой не иначе
Станем жертвой проделок
Капризной судьбы.
И, во мраке дыханием путь обозначив,
Разойдемся, в снегах оставляя следы.

В эту зимнюю ночь,
В миг возможного счастья,
Без надежды глаза устремив в пустоту,
По капризу судьбы,
Как друзья по несчастью,
Мы пройдем, разминувшись,
С тобой в темноту.

* * *

Холодно. Чисто. Светло.
Солнца алмазные слитки.
За ночь сугроб намело
Вровень с калиткой.

Мне ли грустить одному!
С важностью первопроходца
В руки лопату возьму,
Тропку расчищу к колодцу.

Сяду на низенький сруб,
Взором окину пространство...
Здравствуй, врачующий труд!
Мыслей и чувств постоянство!

Андрей Новиков
(г. Липецк)

Наш постоянный автор.

ПЕРЕКРЕСТЬЕ

Летающий шум от миротворенья,
Из космоса до ветреного дня.
Я знал слова печали и забвенья,
Но думал: это все не про меня.

Из комнаты, откуда убежали
Года в стекло и залегли во тьме
На мрачные панельные скрижали
Пятиэтажек в тихой стороне.

У времени — замашки святотатца,
Бредущего на миражи огней,
В желании скитаться и расстаться,
Среди бетона, ветра и камней.

Так где живут согласные стихии
И ломаются от праздников столы?
Рога где поднимая золотые,
Бредут в тиши библейские волю?

Где вечности отпляшут на потребу,
Порой до крови закусив губу,
И где порой ломает стены небо,
Гудя в Иерихонскую трубу.

Там произносят тайное известье,
Оно и есть краеугольный пласт.
Земной дороги тяжелой перекрестье,
Сжимает нас и проникает в нас.

ВОЗРОДИВ ОГОНЬ

Возродив огонь из сажки,
Сотворив еще чудес,
Никому не скажешь даже,
Что и сам теплом воскрес.
Пламя языками чалит,
Треск костра почти затих
В толкование печалей
Или радостей благих.
Обостряет восприятие,
Познавать явленья суть,
Это странное занятие —

Изучать лучистый путь.
Жить бы дальше не по числам,
По законам естества,
Даль и тьму наполнив смыслом
Одинокого костра.

МЕЛКИ НА АСФАЛЬТЕ

На асфальте цветными мелками
Нарисованный домик с трубой,
Неказистый корабль с парусами,
Небосвод небольшой, голубой.

Голенастое дитяtko, здравствуй!
Дай вернуться в твой возраст на миг,
У курносого облика странствий
На лице торжествующий блик.

Простота накануне улыбки,
На качелях взлетает восторг,
И кузнечик играет на скрипке
В пестрой клумбе, похожей на торт.

Но упрямое время верстает,
Упрекнув фантазера во лжи,
Мальчуган дураком вырастает,
И зарёванный дальше бежит.

Так какой мы помазаны кровью,
Если гостем случайным в дому
Вера общая схожа с любовью?
Но противна хмельному уму.

БУБЕНЧИК

В жажде жизни, в ее круговерти
Перемешаны правда и ложь,
Много скучного в опыте смерти,
Не тождественно правилам... Что ж?

Безутешно одетый дух речи
Удивлял повседневности бровь,
И за ближнего страх недалече
Был на жалость похож и любовь.

Но размажь эту смесь мастихином,
Не желей не кармин, не белил,
Ремесла полновесным цехином
Ты давно и за все заплатил!

Небо крыл непечатною жостью,
Жадно ел пирожки с требухой,
Исходивший глухие предместья,
Молодой, бесшабашный, бухой.

Муки вечные щедрой пригоршней
Собирал и прощенья просил...
Потому и в груди скомороший
Вместо сердца бубенчик носил.

НОЧЬ

Дует ветер дел заплечных
Буйной голове в висок.
Путь, и тот явился Млечный,
Набекрень, наискосок.

Отчего смертельна свежесть
И поставлена в вину?
Волки, кровожадно нежась,
Скалят пасти на луну.

Клювы вороны прочистив,
Больше очи не клюют.
На душе светло и чисто,
Да и в душу не плюют.

Только чья — то тень святая
Тает в медленном огне,
Крылья больно вырастают
На истерзанной спине.

Порч и почестей небесных
Узелком связать невмочь,
За слезой простой и честной
Отправляйся в эту ночь.

ОДНА МИНУТА

Ушел в дурмане, стыдно малость,
Простые позабыл слова.
Черна, как хлеб, разлуки жалость,
Черства уютом, как вдова.

Не быть нам снова молодыми,
Уйти, и больше ничего,
К не подытоженной твердыне
Благоразумья своего.

Но век не изменяет облик
Для новой встречи роковой,
Пока еще не приспособлен
К отмиценью опыт неживой.

Когда дороги изогнуты,
Тоской пылят издалика,
Хватило бы одной минуты,
Чтобы простится на века.

Валерий Сухов
(г. Пенза)

ИСХОД
Цикл стихов

**27 июля 2021 года исполняется 180 лет со дня гибели
М. Ю. Лермонтова.**

Сухов Валерий Алексеевич родился в 1959 г. в с. Архангельское Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского и аспирантуру при Московском педагогическом университете. В 1997г. защитил кандидатскую диссертацию «Сергей Есенин и имажинизм». Работает на кафедре литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного университета. Член Союза писателей России. Автор семи сборников стихов. Стихи печатались в разных журналах. Лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О, Русь, взмахни крылами...» и Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова за 2009 и 2020 гг. Редактор отдела поэзии журнала «Сура».

ПРИЧАСТЬЕ

Кесарь в «немой России»
Воцарил на века.
В полк Тенгинский — мессию
С глаз долой — от греха.

Бурлит Валерик в ущелье.
Смерти не миновать.
Принял в крови крещение,
А царю — исполать.

Поэт, как изгой, отвержен.
Власть пророков гнобит.
Кровавый финал неизбежен.
Он пулей «друга» убит.

Боже! Прости ничтожеств.
Помоги замолить грехи...
А царь Николай ведь тоже
Мог сочинять стихи:

«Туда ему и дорога.
Собаке собачья смерть...»
Дар пророка — от Бога!
Бездарна — зависти месть.

Царь или псарь — убийца?
Да не все ли равно.
Кровь Поэта струится,
Как причастья вино.

ЗЕМНАЯ ГОРЕЧЬ

Не узнать его в лихом рубаке
Со смертельным холодом в очах.
В красной канаусовой рубахе
И в косматой бурке на плечах.

А в хрящах заросшего ущелья
Клокотал реки гортанный крик.
В ярости кипя, на «голос мщенья»
По камням срывался Валерик!

Рукопашный в ледяной купели
Эхом отзывался по горам!
«Резались жестоко» и хрипели:
«Господи, спаси!» — «Аллах Акбар!»

Досыта свинца тогда хлебнули.
Но невидимым покровом крыл
От кинжала и чеченской пули
Охранил архангел Михаил.

Дождь хлестал, и выл протяжно ветер.
Пенилось кровавое вино.
Небо заглянуло в реку смерти —
В ужасе отпрянуло оно...

А полынь клонилась под копыта.
И касался конь ее едва.
Все, что душу мучило — забыто.
Исцеляла горькая трава.

Слезы на седых степных ресницах
Отразили сумрак грозовой.
Вновь навстречу буре всадник мчится,
Напоенный горечью земной!

ИСХОД

И в небесах я вижу Бога.
М. Ю. Лермонтов

Огромной огненной купелью
Кипел полночный небосвод.
Поэт не спал перед дуэлью —
Предчувствовал ее исход.

Свеча погасла на рассвете.
Растаял пепел без следа.
И что писал он перед смертью,
Мы не узнаем никогда.

Какие строки родились
Под черным дулом пистолета?
На сердце кровью запеклись
Последние стихи поэта...

Судьбе доверился он слепо.
И роковой замкнулся круг.
Упав на землю, обнял небо
Раскинутым изломом рук.

Открылась звездная дорога
К вершине тверди голубой.
И в миг последний образ Бога
Поэт увидел над собой!

СТЕПЬ

А моя мать — степь широкая.
М. Ю. Лермонтов

У татарника — медовый запах,
Но роднее горькая полынь.
Не перестает о сыне плакать
Зноем горя выжженная синь.

«Странная любовь» — любовь до боли.
И не всем ее дано понять.
Только степь ему была, как мать.
И о ней он тосковал в неволе.

У горы Машук в чужом краю
Перед смертью родину он вспомнит.
И полынь седая тихо склонит
Над поэтом голову свою...

ТАКАЯ РУССКАЯ СУДЬБА

Поэт по склону Машука
Взошел на русскую Голгофу.
И хлынул ливень на века!
От грома Петербург оглохнул.

Казалось, молнией гроза
Его сразила, а не пуля...
«Собачья смерть» — так царь сказал —
Псать руки потирал, ликуя.

Такая русская судьба.
«Чего везете?» —
«Грибоеда»...
И вновь прокрустова арба
Лафетом стала для поэта.

Не поместилось тело в ней,
Забрызганное красной глиной,
К земле клонилось все сильнее
Кустом надломленной рябины.

Повержен демон — и уста
В усмешке горестной застыли...
Пророка, снятого с креста,
Без отпеванья схоронили.

ДОЖДЬ В ТАРХАНАХ

И снова дождь пошел в Тарханах,
Окутав дымкой степь кругом.
Так плавно с колокольни храма
Волною наплывает звон.

Поэта в церкви отпевают.
Дрожат молитвенно уста.
И оживают, оживают
Глаза распятого Христа.

Он в светлой муке всепрощенья
С молящихся не сводит глаз,
Благословляя за мученья,
Которые принял за нас...

Июльский дождь идет в Тарханах.
Июльский благодатный дождь.
Земли залечивая раны,
Шумя, как молодая рожь.

И вспомнится лиловый ливень
У проклятой горы Машук.
Да! Трудно выбрать смерть «счастливей».
От пули. Молодым. Без мук.

Да! Лучше умереть на взлете,
Чем на излете умирать...
И вырвалась душа из плоти,
Чтобы обнять, тоскуя, мать.

Летящую над черной бездной
Ее — архангел Михаил
Всем воинством своим небесным
От злого демона хранил...

Шумит под дождиком осока.
И тихо дремлет старый пруд.
А надо, в сущности, немного.
На миг остановиться тут.

Услышать благовест рассвета
И вдруг увидеть рай земной.
Мятежная душа поэта
В нем светлый обрела покой.

СОЛОВЬИ

Есть загадка у песенной силы,
И ее нельзя разгадать.
Соловиный язык России
Может только поэт понять.

И весной на рассвете рано,
От росы охмелев до зари,
Только так в родимых Тарханах
Могут русские петь соловьи!..

Сердце снова забыться хочет.
Окунуться — хотя б во сне —
В синеву соловьиной ночи
И вишневой метели снег.

Нет! Последняя песня не спета.
Потому от зари до зари
Над свинцовой купелью поэта
Так безумствуют соловьи!

Владислав Бусов
(г. Кашира Московской области)

«БОЖЬЕЙ ДУДКИ» СЛЫШУ ГРУСТЬ...

Владислав Бусов родился в 1946 году в Мариуполе. Образование высшее техническое. Соавтор поэтических сборников «Библиотека современной поэзии», «Серебро слов», антологии «Золотое перо Московии», альманаха «Рукопись», журналов «Поэзия», «Александръ», «Причал», «Бийский вестник». Лауреат литературного конкурса Георгия Кольцова «Звездное перо». Член каширского литературного объединения «Зодиак».

ПРИКОСНОВЕНИЕ

«Несказанное, синее, нежное...» —
Я держу поэтический клад,
А поля нынче зеленью свежую,
Как и прежде, мой радуют взгляд.

След поэта в трагической точке,
След поэта в приокских лугах,
В каждой памятной образной строчке
И в привольных весенних полях.

Проскакать бы за ним мне вдогонку,
Так, как он «гулкой ранью» скакал,
И увидеть того жеребенка,
О котором в стихах написал.

Посмотреть бы с холма на излучину
Той реки, у которой он рос,
Чтоб в душе отозвался созвучием
Тихий шелест рязанских берез.

* * *

Гой ты, Русь, моя родная...

Сергей Есенин

Я сегодня встану рано,
Чтоб увидеть ширь полей.
Солнце мне блинов румяных
Испечет погорячей.

В небе жаворонок вьется
С песней звонкою своей.
Славно так ему поется,
От нее в душе светлей.

Я сегодня утром рано
«Божьей дудки» слышу грусть.
Так поэт золотоголовый
Воспевал родную Русь.

* * *

*Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.*

Сергей Есенин

Найти слова мне осени печальной
О времени багряно-золотом,
И чтоб звучало это не банально
И озаряло тихим светом дом.
Тот дом родной родительский поэта,
Что по сей день живет в его стихах,
Не потому ли первозданным светом
Горят костры в рябиновых садах...

* * *

*О, Русь, взмахни крылами!
Поставь иную крепь!*

Сергей Есенин

Во все года бывшие
Поэта глас в России
Звучал, как камертон,
Звал к обновленью он.
Кольцов в «златой ряднине»
И Клюев, как и ныне,
«Середний брат» он с ним,
Деревне пели гимн.
Шел вместе с ними в ногу,
Молясь в дороге Богу,
Есенин, воспевая
Родную Русь, и рая
Ему взамен не надо.
Поэту как награда
«Воспрянувшая» Русь.
С ним тоже помолюсь:
Как прежде, в небе синем
Лети, страна Россия!
Все помыслы о том —
Будь сильная крылом!

ЕСЕНИНСКАЯ СТРОФА

Выткнулся на озере алый свет зари...

Сергей Есенин

Выдался по-летнему теплый майский день.
Средь березок трепетных птиц веселых звень.

Небеса лазурные не омрачены
И лучами-струями светят с вышины.

Буйный цвет черемухи — от нее дурман.
Яркими, как сполохи, грезами я пьян.

Пронесется с ветрами дивный месяц май,
Отзвенит приветами и покинет край.

Юность не воротится, сколько ни проси.
Колокол на звоннице зазвучит в выси.

В жизни так устроено — прорастет зерно.
Каждому отмерено то, что суждено.

ОБРАЩЕНИЕ

В честь святого Радонежского Сергеем
Вас назвали, тезкой Вашим был и мой отец.
Жили вы в Москве в одно и то же время —
Время новому начало, старому — конец.

Говорил отец мне, по Первопрестольной
Нехороший будто слух ходил тогда о Вас,
Слух, что в пьяных драках и кабацких ссорах
Круговертью скорой жизнь поэта пронеслась.

Только далеко не это отмечал он —
Отмечал, что Богом свыше данный Вам талант
Молодым служил поэзии иконой,
Громко по стране родной звучал его набат.

В пору прославления соцреализма
Долго разложения на Вас висел ярлык —
На Руси глухим вождям социализма
Было не дано услышать Ваш душевный крик

Вы, поэт, ушли так очень рано в вечность
На крутом изгибе сложных и безбожных лет,
Оставаясь с милой Родиной сердечной,
Сотворив себе стихами звездный яркий след.

* * *

Колокольною медью звенит
Одинокая в поле береза,
Листья желтые сбросив свои
В ожидании первых морозов.

Вот зазимок припорошит
Серебром ее ветви нагие,
Будет платье ей белое шить,
Наряжая в искрящийся иней.

Словно Лебедь она проплывет
И закружится в танце со звоном.
Знать, пришел в ее жизни черед
Обручиться с есенинским кленом.

* * *

Кто на Ваганьковском, кто на Аладинском —
Там их земля приняла.
Голос поэтов возвышенный ангельский
Рвал кабалы удила.
Пел соловьиною ночью весеннею
Песню рязанский поэт.
Далью сибирской, зарею осеяной,
Послан созвучья ответ.
Спите, сыны слова русского славного,
Родина помнит о вас.
Вы со стихами, где строки все главные,
Гордо взошли на Парнас.

* * *

На крыльцо зайду и в сени
Дома твоего.
Я приду к тебе, Есенин,
Постучусь в окно.

Ты откроешь мне калитку,
В сад с тобой пройду,
Там, где белая накидка
Яблони в цвету.

Постоим мы у сарая,
Вспомним сеновал,
На котором ты, мечтая,
О любви писал.

И пойдем на луг, Есенин,
Ты покажешь мне,
Где пасутся в час весенний
Кони на заре.

Сколько лет пройдет, не знаю,
Но скажу, поэт,
Ты в душе моей оставил
Неизбывный след.

* * *

Распускается тополь по-прежнему,
Посадил его в мае поэт.
На поля выходил он безбрежные,
На луга, где лазоревый цвет.

На Оку выходил синеглазую
И в просторные дали глядел,
И слова оживали неспроста —
Он стихами за Русь отболел.

И поныне живет слово чистое
И лучистое, словно венец.
Там, за дальними вечности высями,
Бережет его душу Творец.

Валерий Кулешов
(г. ЩекиноТульской области)

СЛЕЗА И СВЕТ

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

* * *

Когда меня прочтут,
пусть для начала — это,
дежурный подавив зевок,
откроется она — моя планета,
притянет,
чтоб прочесть — меня всего.

Она везде и здесь,
пред слухом и за взглядом,
она уже звучит,
хотя неясен звук:
неведомое — там,
ниспосланное — рядом...
Она — из первых рук.

Когда меня прочтут,
всего прочтут, и — больше,
услышат даже то,
что я сказать не смел...
Когда прочтут меня,
тогда воскликну: — Боже!..
что получил,
сполна я отдал всем...

* * *

В зыбких сокрыта знаках
вечная тайна души.
Если во сне — не плакал,
и наяву не жил.

* * *

Одну и ту же песнь жуем
(вся жизнь на вырост):
что из того, что в долг живем,
Господь — не выдаст...

У Бога
взгляд на все — иной.
А это значит:
казниться нам своей виной.

Господь — не плачет.

* * *

Как пусто все... Неужто сорван
Покров?
Проклятию сродни
суть подменяющие формой
бессовестные наши дни.

Но ляжет ночь. И в славе полной
Господь.
Вновь царствуя в ночи,
вздыхает Он
и катит волны:
молчит и смотрит... и молчит.

* * *

...а настоящее — не с нами:
свеча
над вечностью горит...
Душа —
она времен не знает,
которые сама творит.

Но вечность — каждую отметит.
И вздрогнешь,
так и не узнав,
ту искру,
что мелькает в этих,
судьбой завязанных узлах.

* * *

Явь неоглядную застит
морок неверных снов,
и
— у него во власти —
цифру сбиваем в число.

Боком выходит дело,
гранью добра и зла.
Слово
— душой из тела —
тихо течет из числа.

* * *

Все, что имею,
теперь это ваше.
Силы по крохам собрав,
песня крылами прощальными машет,
всем вам желая добра.

Все, что могу.
За душою — лишь слово.
Знайте, родня и друзья:
можно и жизнь положить за другого,
прожить за него нельзя.

* * *

Я прошел по земле,
я устал торопиться,
я прошел по земле,
продохнуть бы чуток, да водицы.

Я стою на земле,
изнемогшие ноги не держат,
я стою на земле,
изогнулись и посох, и стержень.

Я сижу на земле,
нету мочи собраться, подняться,
я сижу на земле,
вы простите уставшего, братцы.

Я лежу на земле,
наточите острее лопаты,
я лежу на земле,
проводите достойно, ребята.

Я лежу под землей,
я в земле — не растаю,
я лежу под землей,
я в ее сердцевину врастаю.

Я взойду из земли,
поднимаясь глубинною песней,
я взойду из земли,
оставаясь корнями с ней вместе.

Поднимусь над землей,
загляну в неземные пределы,
поднимусь над землей,
значит — путь свой не даром проделал.

Растворюсь в небесах,
но с землей — не прощаюсь:
растворюсь в небесах,
ясным светом сюда возвращаясь.

ПОЛЕ ЖИЗНИ

...в целом его — не вижу
(жгуч горизонт в глазах),
шире куда и выше
грозный его размах.

Даже прошив пространство,
суть — подведя итог,
здесь
навсегда останется
строчка моих следов...

* * *

Еще давалось, что звалось,
что отзывалось,
а дуновение с волос —
такая малость...

Все было так. Совсем не так
все это ныне:
одно в потерянных следах —
трава да иней.

И только пьяный ветерок
в порывах слабых...
Но как же близок... как далек
твой запах.

* * *

День ото дня — потери
(мало ли что хотел...),
временем — не владею,
главная из потерь.

Много чего осталось,
если, звезде верна,
ловит усталая старость
свет на конце пера.

* * *

Не разобрать: где явь, где сон...
Молчи и слушай,
как этот птичий перезвон
взрывает душу,

как на осколках чувств твоих,
тех чувств великих,
простое чудо сотворив,
играют блики

огня былого,
как знаком
и близок вроде,
извечный подтвердив закон,
свет новый всходит...

* * *

Эта песнь — не моя,
отголосок чудного, все более внятного зова,
но ее — мне пропеть суждено,
я не знаю,
откуда скупое, корявое слово,
и за что мне досталось оно.

Я нашел это слово,
сложил его в странную песню,
я искал его, душу при этом спалив...
Встречный поиск,
и он оправдается, если
эта песня меня вдруг признает — своим.

ВОПРОС

Что это было... и зачем?..
И мне — в ответ
неумолимый глас Очей:
слеза и свет.

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

* * *

Плоды победы раздарив
Тем, кто подарков недостоин,
Героев занесли в архив
Примером для грядущих войн.

И стали снова жить как встарь,
Уроков снова не усвоив.
Не одолев еще букварь,
Храм знаний бодро взялись строить.

Но выходило все не так,
Как было в липовых отчетах.
Те, кто привычно гнали брак,
Не слазили с Доски почета.

А те, кто что-то создавал,
Тонули в море указаний.
Инструкций и запросов вал
Вел в завтра как Иван Сусанин.

В бумажном мире и прогресс
Возможен только на бумаге.
Росло число чиновных мест
В заботе о народном благе.

Собою заменив народ,
Номенклатурные банкроты
Страну вели за годом год
В туманом скрытое болото.

И грязь взлетала все смелей,
Крича: «Настало наше время!»
Под смрад болотных пузырей
Взрастало молодое племя.

А кулики со всех сторон
Хвалили аромат болота.
Мол, вам мозги прочистит он
И напрочь снимет все заботы.

Все круче становился путь
Под одобренье заграницы.
И оставалось лишь чуть-чуть,
Чтоб прямо в топь лицом свалиться.

А на лицо летел туман.
На коже от его порывов
Из незаметных микроран
Рождались гнойные нарывы.

И три упитанных прыща,
Плененные болотной гнилью,
Свет лучшей жизни обещав,
Страну вконец с дороги сбили.

Она распалась на куски,
Упав в болотистую жижу,
И стала промывать мозги
В заботе о своем престиже.

А к ней, спеша наперебой
Решать насущные вопросы,
Уже веселою гурьбой
Слетались орды кровососов.

И берег был не так далек,
Но путь назад стал слишком сложен:
Нет больше связки рук и ног,
А голова болтать лишь может.

Плоды победы раздарить,
Конечно, можно: только вскоре
И память можно растворить
В налипшем на былое вздоре.

* * *

Клинок гражданской лирики в крови
Предавших и народ, и идеалы.
Но, как и прежде, врут календари,
Убогих поместив на пьедесталы,
Об их заслугах день за днем твердя,
Их грязные дела опровергая.
Из пустословья замки возводя—
От повторений крепнет чушь любая.
И продолжает снова предавать
Род мыльных пузырей, надутых кровью.

Чего у этой стаи не отнять —
Так это их завидного здоровья.
Раздавишь их — они всплывают вновь,
Переменив лишь грязную одежду.
И в уши льют свою дурную кровь
Внимающим им с завистью невеждам.

* * *

Уходят творяне великой страны.
А что остается — менялы и клерки.
И, в общем, большие права им даны,
Но как их дела мимолетны и мелки.

Уйдут — и сотрет их следы пустота,
Которой они в этой жизни и были.
Но это скрывала тогда суета,
И, вроде бы, с пользой дни проходили.

И был так комфортен привычный обман
Для громкоголосых порожних сосудов.
Природа всегда прикрывает изъян,
Возникший в создании нового блюда.

Из проб и ошибок, из боли и слез
Природа себе отберет лишь крупницы.
А то, что сегодня не вызвало спрос,
Живет и собою гордится.

* * *

Чем больше самомнение,
Тем меньше в мире гениев.
Лишь у себя, любимого,
Достойные творения.
Все прочее — ничтожные
Попытки подражания.
Авторитеты ложные,
Ошибочные знания.
Чем меньше самомнение,
Тем мир вокруг привычнее.
За чудные мгновения
Сойдут вполне обычные.
А что до гениальности —
То это нам неведомо.
Зачем такие крайности,
Не из разряда бреда ли?
Коль в меру самомнение,
Жизнь мчит вперед уверенно.
Но все ж гнетут сомнения:
А мера кем измерена?

* * *

Если стареть не хочется.
Есть много других занятий:
Таежное одиночество,
Участие в регате,
Автопробег по Крыму,
Поход на Кардывач,
Ловля зимой налима
Или хоккейный матч.
Если болеть не хочется,
То нужно забыть про ЗОЖ,
Чтобы не заморочиться
Тем, что ты ешь и пьешь.
В мыслях болезни прячутся
И выжидают час,
Чтобы весь хмель чудачества
Выветрился у нас.
Чтоб стала жизнь размеренна,
Сжавшись до рамок «Тут».
И уж тогда уверенно
К власти они придут.

* * *

Под смех гиен в людской саванне
Брели мы часто наугад,
И каждый встретившийся странник
Для нас, наивных, был как брат.

И были мы всегда готовы
С ним разделить и хлеб, и кров,
И верить сказанному слову,
И не искать кругом врагов.

А между тем, врагов хватало.
Но под наркозом доброты
Мы так стремились к идеалам,
Что были слепы, как кроты.

Мы и теперь врагов не ищем.
Пусть вновь ползут во тьму веков.
А мы останемся лишь пищей
Для их досужих языков.

Под смех гиен в людской саванне
Мы продолжаем тяжкий путь.
Чтобы придти в конце исканий
Когда-нибудь куда-нибудь.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ГЛАВА ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

Наш постоянный автор, дважды лауреат (по поэзии и публицистике) всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЛАМПАГИЯ И МУНУЗА

Посмотреть на девицу
желает вали,
И Лампагию тут же
к нему привели.

Повидал он немало
невольниц, гетер...
Но за сердце схватился
суровый бербер!

Сразу бросило в жар,
застучало в висках.
Он с великим трудом
прошептал: «О, Аллах...

Под угрозой рассудок
раба твоего...»
Красота юной девы
сразила его.

Показалось ему,
будто ангел с небес
Снизошел до него
под походный навес.

Луноликой богини
чарующий стан
Волновал и манил...
Что с тобою, Утман?

Ведь тебе не впервой
брать добычу на меч.
Сколько было в походах
насильственных встреч!

Сколько ты обесчестил
и отдал в обоз...

А теперь онемел
и растроган... до слез?!

Ты желаньем горишь,
чтоб любила тебя
Эта лань не за страх,
а... душою любя?!

Что за глупая блажь!
Уж не юноша ты:
Мог и сам бы понять,
что напрасны мечты.

Даже если разденется
здесь донага,
Неужели всем сердцем
полюбит врага?

И — опомнись, вали,
не затем ли ты здесь,
Чтоб кафирам нести
справедливую месть?

Ты умом рассуди:
при таких-то делах
Как поладит с Христом
всемогущий Аллах?

А что скажет Дамаск*?
Правосудный халиф?..
Но безмолвен наместник
и, вздох затаив,

Только с нежностью смотрит
на девушку. Он
Очарован, восторжен,
безумно влюблен...

С подчиненными строг,
а порою и крут
Тот, которого франки
Мунузой зовут.

Трижды хлопнув в ладоши,
он слуг подозвал
И отдельный поставить
шатер приказал:

«В нем во время походов,
чтоб ей не тужить,
Будет в полном довольствии
пленница жить.

Называть ее всем
госпожою велю.

* Столицей халифата во времена династии Омейядов был город Дамаск.

Кто обидит, того
на куски изрублю!»

Каждый вечер он к милой
в шатер приходил.
Был он ласковым с ней
и подарки дарил.

Он не трогал ее.
Становясь все нежней,
Он арабские сказки
рассказывал ей.

Пел ей песни пустынь,
чем богат его край,
Про верблюдов в пути
и оазисов рай.

Обучал *аш-шатранджу**,
Великой игре...
И надежду лелеял
в желанном шатре.

Говорил: «Моя жизнь
для тебя лишь одной!»
Он смиренно молил ее:
«Стань мне женой!

Я люблю тебя, пери!
Хоть я и не юн,
Будь со мной, моя Лейла,
а я твой Меджнун!»

Дева слушала молча,
потупясь в кошму.
Но однажды она
улыбнулась ему...

Тем, кто любит, совет
да любовь! И почет...
Так там было иль нет,
кто теперь разберет?

Между нами столетий
таинственный мрак.
Только хочется верить,
что все было так,

Что любовь держит верх
над жестокой войной...
И Лампагия стала
Мунузе женой!

* Аш-шатрандж (араб.) — шахматы.

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила Воробьева
(г. Минск, Белоруссия)

ОДУХОТВОРЕННАЯ ЗЕМЛЯ СИБИРСКАЯ

Член Союза писателей Белоруссии с 2017 г., академик Международной литературно-художественной академии Украины (2019), лауреат многих международных премий, а также литературной премии им. М. Булгакова (2020), Международного литературно-художественного конкурса им. Де Ришелье (2020) и «Славянский калейдоскоп — 2018», награждена Дипломом за высокие помыслы и духовный аристократизм — Золотой GRAND (Германия, 2020), Дипломом за большие заслуги в области литературной деятельности — Золотой GRAND (Германия, 2020). Автор трех книг литературной критики. Литературно-критические статьи публиковались во многих российских и белорусских журналах и газетах, а также на ряде интернет-порталов.

Крестьянин и земля, хлеб и воля — корни русской традиции в «Сибирском романе» Николая Олкова в пяти книгах.

Барнаул: «Новый формат», 2020.

*О, сколько ты в себя вместила!..
И почернелые избушки,
И тихие разливы вод,
И деревенские церквушки,
И многостраждущий народ.*

Иеромонах Роман, «Росія».

«Землю, как мать, не забудешь надолго», — немногословно высказывался М. Горький, хорошо зная врожденную тягу русского человека к земле. Современная словесность имеет свойство уводить читателя в иную реальность бытия, наполненную легучестью земного существования, далекого от русской традиции, не говоря уже о создании глобального произведения, отражающего историю России, ее неразрывную связь с крестьянскими корнями. Сегодня, пожалуй, наибольшее возмущение вызывает

ет то, что происходит именно с землей, с крестьянами,— настоящее общее горе. Находясь в своих перенаселенных мегаполисах, мы забываем, что деревенские люди в отличие от нас живут на земле. Как забываем и о том, что крестьянский труд — самый необходимый и справедливый.

Создать в наше непростое время роман, включающий пять книг, по сути, более чем вековую летопись жизни российской деревни, причем в самые ее переломные исторические моменты,— событие достаточно крупное для современной литературы. Однажды каждый век отечественной словесности обязательно разливается мощным половодьем эпохального произведения. Таковым по праву можно считать и «Сибирский роман» Николая Олькова. Юбилейная дата — 75-летие русского писателя — дает важное основание в очередной раз вернуться к его творчеству, еще раз, возможно, под новым углом зрения взглянуть на его прозу, сказать о его самобытных писательских качествах, отметить присущее ему благородство, душевную деликатность, чувство справедливости и всечеловечности.

Николай Ольков постоянно ищет необходимую для художника меру ясности и правды. Поистине поражает постановка социальных задач, которые он поднимает в своем многогранном романе, их по-шолоховски надмирное, национальное соединение с духом лиризма и поэтикой народного языка, с эпическим размахом, наполненным социальной борьбой, с темой рождения нового общества в муках и боли, в потерях и надеждах, проникнутой настоящим трагическим эпосом — трагическим свидетельством эпохи социалистического строя. То, что глубоко национально, именно то и является всечеловеческим. Здесь автор подключает свою совесть, свое понимание справедливости и честности к писательской этике и морали, что порой далеко не всем приходится по нраву и вкусу. Не секрет, народ и власть нынче существуют параллельно. Однако при всех ситуациях русский народ никогда не отрекается от отчих корней, а живет и продолжает трудиться на земле.

Чтение «Сибирского романа» подкупает тематической глубиной разработки, простым, доступным изложением художественного текста. Перед нами — прекрасная, написанная сильной и уверенной рукой проза, заключающая в себе великую традицию понимания минувшего времени, способного воскресать в продолжении нашей жизни, когда предстает целая историческая ретроспектива поколений: переселенцы, повстанцы, кулаки, советские труженики колхозов, новые русские фермеры, возрождающие землю, уставшую от «травы забвения», заждавшуюся цветущего колоса, хлебного, насущного, всегда нелегкого, но и радостного для крестьянских натруженных рук. «То есть, сама судьба у Николая Олькова сложилась так, что для нее он стал не только одним из наиболее значительных прозаиков и лауреатом писательской премии Союза писателей России «Имперская культура», а и тем человеком, слово которого заслуживает нашего самого пристального читательского внимания», — искренне, точно сказал о нем главный редактор газеты Союза писателей России «Российский писатель» Николай Дорошенко.

Вологодская Вытегра — историческая родина Николая Олькова, предки его в начале XVIII века подались с берегов Онежского озера, какое за свою величину недаром называют морем, в Сибирь и основали его родное село (ныне) Афонькино. Вытегра — районный центр, имеющий прямое отношение к ежегодным вологодским Беловским чтениям, там же есть и село Ольково. Примечательно, что из городка в десять тысяч жителей в советское время вышли шесть Адмиралов ВМФ СССР.

Николай Ольков был учителем, корреспондентом, редактором в районных и областных газетах Северного Казахстана, Омской и Тюменской областей, заведовал районным отделом культуры, занимался предпринимательской деятельностью. Жизнь и судьба писателя всегда были неразрывно связаны с этими местами: сегодня он живет в селе Бердюжье Тюменской области, где построил церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Он является автором десятков книг романов, повестей, рас-

сказов, более 25 книг публицистических и краеведческих очерков. Если избирательно бросить взгляд на русскую прозу XXI века, то в литературном современном процессе Сибири личность Николая Олькова высвечивается как знаковая фигура писателя третьего тысячелетия, твердо придерживающегося русской православной традиции, ее глубокой нравственности, того, что дано ему от земли, от кровных истоков. При этом во всем чувствуется присутствие скрытого духовного взора писателя, проникающего в его корневую систему, в свой род. Ведь корни человека — это не только земля, на которой он родился. Но это еще и нравы, устой народа, это жизненное устройство его отцов, дедов и прадедов. Это то, к чему человек должен испытывать неизбежно благодарность и уважение.

Жизнеобразующая канва, соединяющая все произведения в «Сибирском романе», включает множество различных исторических персонажей, представляющих моральную цельность народного характера — яркую полихронию образов и великую полифонию жизни русского народа, неотделимую от национальной судьбы России. Автор погружается в стихию материала, проникает в сущность происходящего, когда сами образы словно вырастают из реальной почвы бытия. На первый план выходит характер конфликта, угол зрения, психологичность ситуации, когда художник подключает все возможные резервы слова, которые в народе поистине неисчерпаемы, являя читателю его эмоциональную выразительность, стилистическую точность слова, взятого из самих недр народной речи, из ее глубинно-сущностных родников. Отсюда очевидна и вся богатейшая сокровищница писательского творчества Н. Олькова, выдерживающая сравнение с классическими работами В. Распутина, В. Астафьева, В. Белова, Ф. Абрамова, Е. Носова, творчество их и сейчас излучает тихий внутренний свет, какой есть только в русской природе. Стоит сказать, что Н. Ольков впитал основательные знания деревенской жизни, поэтому прозе его характерна достоверность и открывающая всю пространственную необозримость исторического времени широта изображения. Литературовед Л. Яцкевич, анализируя его произведения, вполне закономерно вписывает их в общий контекст сибирского эпоса XX века. Золотой запас России: Ю. Казаков, В. Распутин, В. Белов, В. Шукшин, О. Куваев, К. Воробьев — тот бесценный литературный запас, который отличался глубинным идейным содержанием и который оказал свое мощное влияние на творчество Н. Олькова. Главные смыслы у него мастерски впаяны в отточенную художественную форму.

Сибирь, Тюмень, Алтай, Красноярск, Якутск, Омск — «прирастающее богатство России», справедливо считал русский ученый-универсал М. В. Ломоносов. С острой болью писал о проблемах русского многострадального народа, о нерушимой целостности страны В. Г. Распутин, все творения которого были обращены к душе русского человека. Убедительное слово известных литераторов имело колоссальную силу! С. П. Залыгин, В. И. Белов, В. Г. Распутин обратили вспять решение ЦК КПСС о повороте сибирских рек в Среднюю Азию. Крестьянство — хребет нации русского народа, его вековая боль и невысказанная мука — одна из ведущих тем художников эпохи соцреализма. Так, писатель-сибиряк Г. М. Марков — автор эпического повествования «Строговы», «Сибирь», где эпицентром является судьба крестьянской семьи, а его роман «Соль земли» рассказывает о крупных преобразованиях послевоенной Сибири. И прозаик И. М. Ермаков, «князь сибирский», с его самобытным, сочным языком, вероятнее всего, даже ближе Н. Олькову. Нет, мы еще далеко не осознали, что такое язык нашей деревни. Писатель вслушивается в живую, разговорную речь деревни наших современников. Как потускнел, обеднел народный язык за минувшее столетие. А ведь народная речь питает жизнь и литературу! Она — благодатная почва для прозаиков и поэтов!

Думается, что такой писатель, как Николай Ольков, вовсе не нуждается в положительно-восторженной статье о нем, поскольку духовные ценности общества могут определяться для него самого лишь в связи с собственной традицией, выстраданной,

пережитой на подлинном материале, на той самой правде жизни, о которой Василий Шукшин говорил, что она и есть нравственная основа творчества. Это — та самая правда, в какой в той или иной степени найдет свое внутреннее отражение каждый.

САМЫЙ ХЛЕБНЫЙ ДОЖДЬ

«Сибирский роман Николая Олькова». Книга первая. «Переселенцы», роман.

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Николай Рубцов,
«Тихая моя Родина».

*...Что русский исход тяжелей,
чем еврейский исход...*

Надежда Мирошниченко,
«Я им говорила...»

Незабываема, величественна Сибирь в произведениях В. Иванова, В. Зазубрина, В. Шишкова. Как региональное, так и общенациональное выходит на первый план в творчестве В. Распутина, К. Балкова. «Деревенское направление», которого придерживалась великая троица: В. Астафьев, В. Распутин, В. Белов, а также которому следовали такие писатели, как А. Яшин, Е. Носов, М. Алексеев, Ф. Абрамов, В. Шукшин, В. Тендряков, В. Лихоносов, Б. Можаяев, С. Залыгин, сближало их всех с народом, их сочувствие, тревога непосредственно передавались и их читателям. Целая философия жизни русской деревни, неповторимая крестьянская ойкумена не отпускает нас и в «Сибирском романе» Н. Олькова. Писатель ведет обстоятельный, вдумчивый разговор со своим читателем, предлагая ему самую качественную прозу, выверенную, выдержанную по мысли и слову, и, как бы сказали в стародавние времена, неторопкую по манере изложения, неспешную.

В романе Н. Олькова присутствует свой особый краеведческий подход к этой извечной русской теме: на примере истории жизни двух губерний, двух крестьянских семей автор показывает предреволюционную ситуацию в России, раскрывает суть Столыпинской реформы, решительно нацеленной поднять экономику и сельское хозяйство, тем самым окончательно ликвидировать волну террора и народного недовольства, захлестнувшую страну, вовлекает в мир крестьянского быта, не отделяя его от остальной напряженной жизни Российской империи.

Книга «Переселенцы» начинается с повествования о хлебной Тобольской губернии Сибири, где живет и трудится на своей собственной земле Антон Николаевич Вазгустов, владелец крепкого многоукладного хозяйства, что досталось ему от деда и отца. «Разнообразна и размеренна крестьянская жизнь, у каждого времени свои заботы. Зима позволяет и отдохнуть, и в гости сходить, и за столом посидеть, только большое хозяйство долго лежать не велит», — все налажено у хорошего и заботливого хозяина, и мы буквально с первых строк с интересом вчитываемся в текст, все у него есть сполна: и «коровы все пять тяжелые», и «кобылицы, тоже три на сносях», и овечки с будущим скорым приплодом — вот, она радостная минута бытия! Испокон веку деревенский дом — хранитель устоев и традиций. «Изба — святилище земли...» — писал о ней, как о живом существе, друг и учитель С. Есенина поэт Н. Клюев, родина которого, так же как и предков Н. Олькова, — знаменитая Вытегра.

У Антона Вазгустова — «дом крестовой, с просторной прихожей, кутью, горницей и опочивальней», — подробно, с любовью описывает автор крестьянский быт, что невольно хочется заглянуть в Толковый словарь живого великорусского языка неумолимого собирателя русских слов Владимира Даля: Куть — задний, бабий, второй (по старшинству) угол в избе, кут. Мы еще не раз откроем это уникальное сокровище казака Луганского! Проникаешься писательской чуткостью к деревенскому языку, в котором живут россыпи золотого народного слова, обращаясь и к роману Н. Олькова. Крестьянская речь — нечто душевно-точное, ведь русские классики благоговели перед крестьянской речью. Предостаточно найдем мы в книге и предметных, бытовых деталей, когда автор рассказывает о сибирской общине, которая решала важные вопросы деревенской жизни, в том числе строительства новых домов и «пристройка к дому». Община имела старосту, писаря, звала общество на сходы, народ при таком разумном управлении все решал самостоятельно, зная наверняка, что ему необходимо. А нынче кто-то спрашивает народ? — вдруг возникнет мимолетный вопрос, заведомо повисающий в воздухе.

«Вазгустовы, иных таких нет», — может смело сказать о себе сибирский мужик. Недаром он на большой Никольской ярмарке, торгуя свиным салом «самого высокого качества», «сорвал солидный куш». Самобытность русского уклада автор колоритно живописует, перенося читателя на Никольскую и Шадринскую ярмарки. Несказанное удовольствие читать подобную книгу, смакуя массу разных неожиданных, дорогих русскому человеку подробностей, присущих всевозможным вещам и предметам, где никогда не бывает мелочей, где ничего не может наскучить. «Вся базарная площадь в уезде превратится в огромный стан, цыганский табор: сотни саней, груженных рыбой, мясом, шкурами, да и готовым товаром: пимами катаными, полушубками и тулупами, сапогами на собачьем меху», — это лишь небольшая выдержка из всего описания столь захватывающего красочного действия, когда голова идет кругом от одних только продуктовых рядов, не говоря уже об смекалистых уральских самородках — «мастеровых людях», об умелой и бойкой торговле скотом и всякой живностью... Тут во всей своей красе налицо и народные характеры, для каких у художника тоже припасены и свои краски, и свой колорит, и своя интонация, выделяющая особенности родного сибирского характера.

Вторая линия в книге «Переселенцы», что выстраивается параллельно линии Тобольской губернии, — это история Саратовской губернии, а вместе с ней и история жизни семьи другого крестьянского хозяина Никиты Артемовича Забелина. Ниточка человеческой судьбы нежданно-негаданно, благодаря сыну Игнату, «солдату служивому», несшему службу в Сибири и полюбившему дочь Антона Вазгустова Матронушку, пока еще издали, но уже сплетает будущее полотно жизни семьи Забелиных. Абсолютно противоположная картина, удручающая постоянными «нуждой и тяготами», «унылым запахом бедности», открывается читателю, когда он знакомится с хозяйством Никиты Забелина. Отнюдь неслучайно зреет в его истрадавшей душе «тяга к иной жизни, более справедливой и наполненной достатком», и все неотступнее с каждым днем одолевают его думы о переселении в Сибирь, заставляя быть собранным, сосредоточенным в мыслях и поступках. Не зря же польский шляхтич Казимир, социалист, пытавшийся взорвать самого Столыпина и сосланный на поселение в Сибирь, — сквозной персонаж в книге — поражен богатством этого края, его благодатными землями. «А там голод постоянный, ситный хлеб кушают немногие, да и ржаного не досыта», — рассказывает он о Северной и Центральной частях России, заведомо подогревая раздор в настроениях сибиряков, относительно переселенцев, внося смуту в их умы и сердца. Поэтому и Антон Вазгустов поначалу приходит к решению — «никаких поселенцев», лишь община должна остаться навсегда. «...чужие люди в твоём дворе — добра не жди...» — убежден он, отметим здесь существенную деталь, сознательно отделяя Сибирь от остальной Рации, так тогда называли

они Россию-матушку. Далее в своем «Сибирском романе» Николай Ольков неоднократно подчеркнет причину столь существенной разницы.

Центральная фигура повествования — это личность Петра Аркадьевича Столыпина, к ней, словно к краеугольному камню, ручейками стекаются самые разные человеческие судьбы, как-то случайно, тайно связанные между собой и соединяющиеся в единый мощный поток, — личность яркая и вместе с тем достаточно противоречивая, неординарная, если оценивать, как это талантливо делает Н. Ольков, соотношение личности, истории, духовности и бытия. Именно Саратовская губерния в первую очередь связана с его деятельностью во главе Российского правительства. В книге «Переселенцы» немало говорится о преобразованиях Столыпина, проводимых им в аграрном вопросе, поясняется суть экономических преобразований и земельных реформ, выпавших на долю русского народа. Дает автор и четкую характеристику той сложной политической ситуации, вызванной Японской войной, частыми неурожаем, когда террор был на невиданном подъеме. «Россия тяжело несла себя через начало века», — разве не пророчески звучат в романе слова писателя, мысленно возвращающие нас и к началу XXI века?

«Бедность и нищета в селениях и деревнях саратовской земли» вызывали у Столыпина горькие чувства, только от одного страшного вида деревенских торговцев, «убогости товаров», выставленных ими на продажу, он приходил в ужас. Вспомним сибирские ярмарки и сибирского торговца — огромная пропасть, будто два мира и две отдельные страны. «За что воевать? <...> «Земли своей нет, хлеба нет. Откуда взяться патриотизму?» — вполне справедливо рассуждал он, будучи в то же время сторонником жесткого управления, считая, что должен, чего бы это ему ни стоило, пусть даже жизни, — «несокрушимо навести порядок». Приняв Саратовскую губернию, Столыпин затем возглавит Министерство Внутренних Дел. Как крупный государственный деятель, он хорошо понимал «необходимость очень болезненных изменений в экономической политике и мироустройстве», видел, что «народ не желает жить по-старому», что «государство не вполне управляет страной», что только «глубокие реформы способны шевелить общество и двинуть Россию вперед», что победа над революцией «основывается не на физической силе, а на силе духовной». Думая о великом предназначении России, реформируя ее, Столыпин хотел создать «сильное духом государство». Так, аграрная проблема должна была решаться путем «установления нового порядка землепользования» и самое существенное — передачи крестьянину определенной части земли «в личную собственность». «Трудолюбивый крестьянин, то есть соль земли русской», освобождался от тисков и получал невиданную доселе возможность «закрепить за собой плоды трудов своих и предоставить их в неотъемлемую собственность». Предполагалось увеличить и «товарность крестьянского хозяйства».

«Столыпинский галстук», «столыпинский вагон», который был еще на очереди, чтобы потом навсегда войти в жизнь и судьбу русского человека, свое суровое действие возымели. Ирония истории, похожая на оживающие мифы и легенды, — не исключение в русской жизни, а история, как известно, имеет свойство не только повторяться, но и мстить. Такие размышления есть и у русского поэта А. Хабарова, заключающиеся в том, что Россию нынешнюю вернули ко времени «столыпинских» реформ. Этакий сценарный копирайт... Россию отправили в своеобразный «круиз», как в его одноименных стихах, что интересно, — по железной дороге (и как тут не вспомнить Блока, Есенина, Радищева...). Однако в поэтике Хабарова она ассоциируется прежде всего с железнодорожной пересылкой по этапу. И вот «рванули чужие кони»:

Ни разъездов... Сплошная тряска. / Запеваем на стук и стык,

В каждом слове — слеза да сказка, / В каждом стыке — осьмой тупик...

И несемся меж звездной ссыпи, / В черном дыме и в скрипе лет.

Это что ж за вагон? / — «Столыпин»! — / Пьяный стрелочник крикнет вслед...

И вот уже почти сто лет нас трясет на этих стыках. А что нашли — «осьмой ту-пик»? Пресловутую свободу? Парадоксы той же истории, то, за что боролся народ, он так и не получил. Но обратимся к роману, как пишет Н. Ольков: «Судьба хранила Столыпина для более важных дел и событий...» И он вершил ее, несмотря ни на что, без страха идя к своей цели. Между тем экономическое и военное положение страны накануне войны было таковым: с 1885 года Россия занимает первое место в мире по темпам роста экономики — высокая степень концентрации в русской промышленности сочеталась с передовой технологией. Современный писатель, публицист Д. Дарин в очерке «Лицо России не тени, а синяки» отмечает суть «стольпинских» реформ, подводя их итоги: «Избыток хлеба в 1916 году составлял 1 млрд. пудов. И это за восемь лет действия реформы, а Столыпин просил двадцать мирных лет, заявляя, что тогда «вы не узнаете нынешней России». Напрашиваются аналогии с Россией сегодняшней, ведь после развала Державы прошло тридцать лет, а выводы неутешительные. Мы до сих пор помним слова Петра Столыпина, активного государственного деятеля Российской империи, обладавшего бесстрашным характером, слова, ставшие крылатыми, сказанные им в 1907 году, в конце первой революции: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Видимо, все так и было бы, но история, как принято считать, не допускает сослагательного наклонения, может, поэтому для истории, как и для литературы, в конечном итоге более ценна правда о человеке.

Идея служения человеку, правде жизни в высоком значении понимания этого слова является первоосновой и для художественной прозы Н. Олькова. При всей его симпатии и предпочтении к сибирскому мужику, который исторически никогда не знал крепостного права, помещиков, и обладал в отличие от мужика срединной России, знавшего постоянное притеснение и угнетение, совершенно иной психологией свободного, сытого, уверенного в себе и в завтрашнем дне крестьянина, преданного своей общине. Писатель, надо отдать ему должное, сочувствует, сострадает в равной степени и тем и другим, и зажиточным и бедным, стараясь объективно рассудить каждого, и правого и виноватого. Добровольная основа, положенная во главу угла аграрной реформы, вывела мужика «из многовековой спячки», что стало началом движения малоземельных крестьян Центральной России в Сибирь. Однако голод по-прежнему оставался самой неизлечимой болезнью России.

Причиной этому, как ни странно, была и природа, которая предчувствует внутреннее состояние людей и вызывает определенные ассоциации, от ее непредсказуемой стихии порой зависит урожай, она либо способствует решению человека, либо окончательно его останавливает. В. Закруткин некогда писал: «Земля же, как это всегда было, жила по своим, независимым от людей законам, и в ней тоже непрерывно, то тайно, то явно, происходят могучие процессы, перед которыми были бессильны разрозненные, враждующие между собой люди». Природа может вступать и в явное противоборство с человеком, и далеко не всегда из этой неравной борьбы он выходит победителем. «Лето того года стало жестокой страницей в жизни крестьянина Никиты Забелина, за все лето не выпало ни одного настоящего дождя... <...> Никита едва сдерживал слезы... <...> За неделю обмолотили рожь и просо, свезли в амбар. И без меры видел хозяин, что не только до новины не дожить — до Пасхи дай бог», — такова удручающая атмосфера жизни семьи Забелиных, психологически достоверно переданная в романе «Переселенцы. «Крестьяне имеют переменную душу от погоды, природы, от ветров и потоков», — так же тонко ощущал дыхание природы и тесную связь человека с ней А. Платонов. Неоднократно в романе в самые решающие моменты человеческого бытия обращается к природным истокам и Н. Ольков.

Утешает лишь то, что всегда во спасение человеку остается надежда: Никита Забелин окончательно осознал, что единственно правильный выход — переселение и «начал собираться в Сибирь». На первой же встрече переселенцев с сибиряками он

трагически погибает, столкнувшись с непреодолимым противостоянием, потому как не хотели сразу зажиточные крестьяне принимать «нищету из Расеи», не желали идти на передел разработанных своими же руками пахотных земель. Стремительно разрушались на их глазах старые основы общины. Сибирский мужик был опасен, независим и самостоятелен, бурлила в его крови еще со времен царицы Екатерины лихая вольница. Несмотря на стихийные протесты, тот же Антон Вазгустов внутренне готов изменить принятое им радикальное решение и пойти на компромисс, возглавив стихийный штаб помощи и поддержки переселенцев. Ведь главное для русского человека — сохранить мир в душе, самое ценное — кровная соприродность земле, — то, на чем стоит вера православная. Крестьянин должен с приходом новой весны сеять, а не предаваться праздным мыслям, а тем паче воевать друг с другом. Духовное равновесие — дороже всего. «Революция — дело богопротивное, потому православный человек никогда супротив Государя руки не поднимет», — так отвечал сибирский священник ссыльному поляку Казимиру, яростно призывающему мужика к мятежу.

«Весна каждый год ожидаема, как девушка на свидание, и является она всякий раз по-разному, одна на другую не похожа», — крестьянин всегда живет в преддверии наступления весны, будущего сева, целительной весенней влаги, и «долгожданных дождей», чтобы «зернышко напитать и колос вырастить», и «в великих раздумьях и сомнениях» он, как «глубоко заборонить семя», «или чуть только притрусить землицей», как спасти его от изнурительной засухи. Извечные тревоги, муки и радости тяжелого крестьянского труда, в котором нет и следа обыденной мимоletности, за который болит душа и у автора, ведь мало для него написать роман, он сам участник всех происходящих событий с его героями, он с ними рядом, и в поле, и на веселье, он всегда здесь, на родной сибирской земле. Отрадно, что за простоватой повседневностью, — это и есть его непреходящее, вневременное — его слова красоты и истины, взятой от родной земли. Земля для него — нечто живое, нечто большее, чем данная реальность, она вечна и навсегда. Бунин в рассказе «Золотое дно» находит потрясающее определение: «Ведь земля-то сущее золотое дно».

Русская литература вобрала в себя глубины национального духовного опыта, непреложно сохраняющего верность нашим традициям. «Мать земля — это прежде всего черное, рожденное лоно земли-кормилицы, матери пахаря, как об этом говорит постоянный ее эпитет «мать земля сырая»... Но ей же принадлежит и растительный покров, наброшенный на ее лоно. Он сообщает ее рождающей глубине одеяние софийской красоты... она же является хранительницей нравственного закона — прежде всего закона родовой жизни», — заключал русский историк, философ и литературовед Г. Федотов («Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам»). Органическое единство с «тайнами земли», аналогично равное нравственному — высшему Божественному закону, чувствовал в себе и Г. Успенский. Он считал, если крестьянин свое «крестьянство» забудет, «тогда не будет больше этого народа, тогда не будет больше мировоззрения народа, не будет больше душевной теплоты, которая от него проистекает». «Останется только пустой аппарат пустого человеческого организма», — трудно нынче не согласиться с ним, бесследно то и последующее за ним время для русской многострадальной деревни не прошло, и сегодня мы пожинаем горькие плоды собственного забвения отчих корней. Кроме глухой, внезапно пронзающей боли, равносильной вселенской тоске, когда видишь умирающие деревни нашей современной российской глубинки, ничего иного и нет в душе.

Следуя неизменной логике бытия, с надеждой на лучшее завершает Николай Ольков первую книгу своего «Сибирского романа»: свадьба Игната Забелина и Матрены Вазгустовой — новая жизнь и рождение новой семьи — внутреннее примирение и примирение человека со всем миром. Согласитесь, ведь весна всегда располагает к любви, когда оживает природа, так хочется радости, душевного света. Будет ли

Игнат счастливее своего отца? — поверим, что не напрасно Никита Забелин ради лучшей мужицкой доли принял русскую смерть, пришедшую без срока и унесшую его в своих кровавых потоках. Возможно, в земле и содержится оправдание всех прошлых, нынешних и будущих потерь. И весенняя природа радуется открывающемуся добру и полнившееся теплотой сердце крестьянина дождем, «тихим, проникающим, самым хлебным». И надеется Антон Вазгустов на собственные крестьянские руки, которые не боятся труда, и полон непоколебимой веры этот «мужицкий философ», хорошо знающий цельность и мудрость жизни, а посему, как заключает он вместе с автором, «не должно быть недобрых перемен». Как видим, размышляя сам, Николай Ольков дает пищу для размышлений и своему читателю, ставя вопросы, не теряющие своей актуальности и остроты на протяжении веков.

СИБИРСКАЯ ВОЛЬНИЦА И НОВАЯ ВЛАСТЬ

«Сибирский роман Николая Олькова». Книга вторая. «Гриша Атаманов», повесть.

*Что впереди? Победа, конец?
Значит, не зря, объявляя Поход,
Самый горячий крутой жеребец
Под Атаманом копытом бьет.*

Павел Васильев,
«Песня о гибели казачьего войска».

*Видимо, в каждом веке
Свой сумасшедший год!*

Николай Кудашев,
«Ледяной поход».

Самые, может быть, любопытные страницы «Сибирского романа» Николая Олькова содержит его вторая книга «Гриша Атаманов», где показана национальная трагедия русского народа, его основной части — крестьянства, едва ли когда-то на своем веку испытавшего столько зла и насилия, трагедия, перерастающая в духовный кризис, который охватил первые годы существования молодого государства. Февраль 1921 года вошел в советскую историю невиданным крестьянским восстанием, когда сибирские мужики в ответ на продразверстку, сравнимую с настоящим «грабежом», резко отличавшуюся от прежнего налога, встали, как бывало в судьбоносные моменты на Руси, всем миром. Но судьба мятежа сложилась трагически.

Однако о печальном — позже. Пока, как говорится, «суд да дело», герой повести Данила Богданович Атаманов основательно обустроивается на новом месте: поначалу переселенец срубил большую избу, затем вырос у него и добротный дом из кирпича. Как «мужик сообразительный», деловой, он сразу выбирает невесту — милую, скромную девушку Веру Тагильцеву. «До глубокого вздоха, до тайной слезы, до боли сердечной рад был жизни Данила Богданович: и с женой ему повезло несказанно, хозяйка, красавица, на ребят плодовита; и дела его выстраиваются в заметное предприятие, вот маслоделательный заводик направит, и на всю жизнь занятие...» — в таком же размеренном, радостно-приподнятом ключе, как течет жизнь Данилы Атаманова, неторопко льется и повествование Н. Олькова. Нежная и сильная линия любви пронзает все пространство книги, она будто по духовному наследству передается от отца к его сыну Григорию, четвертому, младшему в роду Атамановых, особенно ладному, да и умом, красотой не обделенному. И «вот, какую силу поимел в сибирских краях новый род Атамановых, пять мужиков, пять семейств будет со временем,

ничем не пережать и ничем не перекусить наше слово и дело!» — уверен герой Н. Олькова.

Но другая судьба была уготована Григорию Атаманову. Иные планы на сей счет зрели и в государстве, правду и свободу для сибирского крестьянина отменяющие. Дурные предчувствия одолевали Григория: Первая мировая война, ставшая несчастной и роковой для России, революция, одним словом, беспокойное время выпало на его долю, втянув в водоворот протестных событий, истоиво разгоравшихся в крестьянской среде. Ему было суждено стать одним из первых действующих лиц Ишимского восстания — командующим Северной Народной армией — чтобы организовать, объединить поднявшихся против власти крестьян. Всему причина — набирающая угрожающие обороты злостная продразверстка: «цифры доведенного задания, они были страшными», поскольку вступил в силу приказ Ульянова — «вытряхнуть хлеб из Сибири», хлеб — то единственное, что могло спасти революцию. «Власть себя обнажила», — к такому окончательному неутешительному выводу приходят отец и сын Атамановы. Создаваемые большевиками продотряды безжалостно грабили крестьян, забирая буквально последнее, повсеместно насильно утверждался «язык пролетарской диктатуры». Сибирская вольница заканчивалась! Неспроста отец Григория, двигаясь «к неведомому краю Сибири», и фамилию себе тогда решил взять вольную, свободную, поменяв Чайкина на Атаманова. Автор приводит образное, колоритное сравнение малорусского крестьянина — «убогого, с черными руками и согбенным плечом» с сибирским мужиком — сытым, довольным жизнью, успешным, «потому свободным».

Если в природе есть свои незыблемые законы, то для человека этого нет. Власть ни с чем и ни с кем не считалась, руководствуясь лишь принципом: все «выгребать до доньшка». «Видимо, с давних пор увязалась за человечеством примета, что природа всегда опережает крупные перемены и знаменские события, как бы предупреждая человека о неотвратимом, мол, готовься, хотя от тебя уж ничто не зависит», — с тонким психологизмом автор объясняет причину лютых морозов, внезапно и резко ударивших в ту роковую зиму. Не к добру примета. Вот и М. Пришвин, всем своим существом погружаясь в природу, подчеркивал: «Неустройство в природе так действует на душу, что русский человек чувствует себя самого как бы виноватым во всем с виною в душе». Казалось, и природа согласна, что «народ сломлен», бессилен противостоять большевистскому произволу. «Продразверстка была исполнена», — врезается в память строка из повести, слова принадлежат Ленину. Эта цитата вождя пролетариата хорошо напоминает другую, ранее претворенную им в жизнь, которая кардинально изменила судьбу Державы, повлияв на дальнейший ход всемирной истории: «Россия завоевана большевиками» (ПСС, т. 36, с. 128). На сей счет напрашивается правомерный и неоспоримый вывод: обычно так говорят о вражеской и чужой стране. Есть над чем задуматься.

Стихия восстания сибирских мужиков выглядела непредсказуемо, и поначалу она развивалась спонтанно. Бунт, расправа, самосуд — ужасная картина, не поддающаяся однозначному пониманию. Пожалуй, это самые мрачные, кровавые моменты в книге, рисующие невыносимые сцены казни, что пугают, вызывают у читателя шок своей обнаженной натуралистичностью: «Весь вечер над деревней висел собачий лай, гремели выстрелы, бабий вой и мужской грубый мат смешались в страшном хоре. Полная луна с испугу прикрылась тучами, белесый туман жутким саваном накрыл землю». Автор вместе со своими героями не только вершит человеческие судьбы, но и думает о природе исторических бедствий, революций, войн, пытается понять причины затаенной ненависти. Главный ужас их даже не в стрельбе, не в голоде. Он в том, что освобождаются доселе скрытые, низменные, человеческие страсти. В людях накапливается огромная концентрация зла. «В народе великая злоба зрела», — говорится в повести. То, что в человеке прежде подавлялось законами, неизбежно выхо-

дит наружу. Для многих существуют лишь внешние законы, а внутренних табу у них нет, и когда-то всему этому должен быть выход — наступление всеобщего помутнения разума. Благочестив, но и бессмыслен, беспощаден русский человек. Свои в дикой, неистовой ярости убивали своих же, верша непоправимое. В этой битве победителей не бывает.

В любом случае, Григорий Атаманов горько переживает жестокую смерть отца любимой им девушки. Он знает, что время уходит, а повстанцы не получают должной и обещанной помощи и не в состоянии собственными силами взять железнодорожную станцию Ишим, не могут они захватить и город, чтобы перекрыть большевикам пути поступления хлеба в Москву и в Петроград. Понимая всю обреченность, безысходность, всю дальнейшую трагичность мятежа, автор сочувствует своему герою, сравнивая его состояние с состоянием «обложенного волка», который аналогично чувствует «неизбежность гибели» и лихорадочно ищет спасения. Григорий вспоминает давнюю охоту с отцом и мужиками на волков: тот взгляд волка ему никогда не забыть — взгляд загнанного матерого зверя. Особенно тяжело читать финальные строки повести, когда природа дышит весной, когда торжествует нестерпимо яркий запах воздуха, а Григорий Атаманов готовится к расстрелу, когда так хочется молодому человеку, полному сил и желаний, жить. Но звезды на весеннем небе решили иначе: не суждено ему никогда увидеть сына, который вот-вот должен появиться на свет.

«Бездонное чистое небо со звездами. Теплый ветерок подул из казахских степей, только начало апреля, а уже чувствуется, что весна идет. Атаманов закрыл глаза, и слеза сверкнула на его щеке в свете восходящего утра...» — и сердце сжимается, и тоже хочется сглотнуть подступающую к горлу слезу... Как коротко пребывание человека на земле, как нестерпимо больно за его жизнь и судьбу! Николай Ольков — мастер создания духовно властных образов. Перед нами — неминуемая смерть героя и вместе с тем, вопреки настойчивому зову смерти, поднимается чувство некоей огромной спокойной силы и надежды, поднимается и начинает расти внутри. Нечто похожее прочитывается и у прозаика Леонида Андреева в финале его рассказа «О семи повешенных» (1908 г.), где смерть продолжает бороться с пробуждающейся жизнью, до последнего надеясь победить ее торжество, еще только набирающее силу: «И так же мягок и пахуч весенний снег, и так же свеж и крепок весенний воздух... Так люди приветствовали восходящее солнце».

Стоит заметить, что где-то суровый и в то же время где-то трепетный писатель Николай Ольков почти виртуозно улавливает нерв создаваемого текста. Он способен заставить читателя не только радоваться, но и страдать, и сопереживать, и способен скупую слезу у него вызвать — некая своего рода проверка на истинность современного творчества, уже достаточно редко чем-либо трогающего наши усталые души. Совершенно иное дело классики, там действуют высшие измерения. «Есть чувство правды в сердце человека, / Святое вечности зерно...» — до сих пор остаются пронзительны лермонтовские строки. Именно правда жизни и правда литературы пересекаются и в прозе Николая Олькова, никоим образом не противореча друг другу, а наоборот рождая в его «Сибирском романе» это святое зерно всеобщей истины, зерно слова и дела, зерно писательского и крестьянского труда.

Продолжает тему народного восстания, народного гнева, кровавого и беспощадного, завершающий книгу рассказ «Повстанец». Весьма необычен в нем ракурс раскрытия происходящей действительности: жизнь сибирского крестьянина, его безысходная трагедия видится здесь глазами деревенского паренька Кольки, который по своему осмысливает судьбу Демьяна Трушникова, активного зачинщика бунта, казнившего в 1921 году комсомольцев и коммунистов, затем осужденного на 25 лет валить лес. Рассказ имеет сквозную связь, благодаря которой сохраняется единство персонажей, крепость их преемственности. Обращает на себя внимание одна сущест-

венная деталь: тайна — то, что крылось под оболочкой, в глубине самой натуры этого, мягко говоря, странноватого повстанца.

Демьян поведал приглянувшемуся мальчишке свою неизбывную боль, рассказал о гибели сына, какому было тогда 15 лет, как нынче и Кольке. Поволжские «инородцы» из продотряда, силой забиравшие наличный хлеб, не пощадили его сына. Охватывает чувство невосполнимой потери, настолько пронзительно автор смог передать горе Демьяна, когда тот после поджога избы, где спали убийцы, возвращается домой: «Оделся, вышел — в морозном воздухе пахло свежестью, ветер уносил запах пожара в другую сторону. Постоял, стал мерзнуть, пошел во двор, где жило его горе», — всего лишь скупой и точный штрих и, кажется, уже навсегда образ готов. Современные писатели этим порядком пренебрегают, тогда как прежние писатели относились к подобным деталям с особенным вниманием. Колька слушал этот предельно откровенный рассказ, будучи потрясен до глубины души, до внутреннего катарсиса, что можно вот так просто казнить своих же людей. Тут поражает и монолог самого Трушникова, поднявшегося до философского осмысления жизни: «Вот стал я думать тогда, а что же есть человек? Отчего из-за куска хлеба целый народ на дыбы поставили?». Власть разделила собственный народ, помогая одним и презируя других. Коммунары, чувствуя поддержку государства, получая от него технику, деньги, не стремились работать с самоотдачей, а нанимали местных крестьян. Зажиточные же мужики составляли конкуренцию коммунарам, потому что у них превалировала, как утверждал В. П. Рябушинский, «выстраданная идея собственности», которую «русский народ никогда больше не отдаст», — делает вывод видный политический деятель в своей статье «Судьбы русского хозяина».

К примеру, у современного писателя А. А. Яшина есть повесть «Коммуна комиссара Гоши», где он описывает калужскую деревню по линии своей матери, убедительно касаясь и роли коммунаров, которые прибыли в деревню, чтобы организовать передовой колхоз-коммуну, но вместо одного занимались пьянством, грабежом, разбоем, весьма печально закончив это поначалу громкое, многообещающее предприятие новой власти. Замечу, что небольшой рассказ Н. Олькова — сложная по художественному жанру форма — вбирает в себя немало судьбоносных пересечений, сопоставлений, сравнений, из которых и состоит человеческая жизнь. Мы вновь встречаемся с Григорием Атамановым, когда он уже осознает всю противоречивость, двусмысленность повстанческого движения: «...много жестокости, чересчур — много», — признается он в своих мучительных прозрениях. Задача взять Ишим провалилась, вероятно, в большей степени из-за узости и неадекватности крестьянских взглядов и убеждений, когда все намерения бунта и установления порядка общины заканчивались у себя же в селе, а то, что было за околицей, сибиряков серьезно не волновало. Вполне закономерно, ведь русский народ отрицательно относился ко всем революциям.

Но как бы там ни было, зло всегда порождает зло. Самосуд и казни, совершаемые повстанцами, не могли принести им душевного покоя и счастья. Убитые и убийцы — их в рассказе не разделить. «После обеда судьи и палачи напились в доску, топя в сагогоне страх перед людьми и Богом <...> Свои деревенские казнили других лютой казнью», — где-то бесстрастно, явно скрыв эмоции, пишет автор. Может быть, ошибаюсь, но единственно заслуженная казнь, не вызывающая сожаления, хотя автор этого прямо и не выказывает, — казнь губернского продкомиссара Инденбаума, жестоко разорявшего крестьян. Так или иначе, не пожалел и его повстанец Демьян, не дрогнула уверенная рука сибирского мужика, дескать, знай наших.

Что характерно: похожая мировоззренческая основа трагичности человеческой судьбы, вечных поисков русской правды заложена в последних мыслях главного героя в повести «Гриша Атаманов» и в последних словах другого героя в рассказе «Повстанец», которую едва ли посчитаешь внезапной литературной параллелью.

«Помни меня как повстанца, а не как бандита. Прощай»,— говорит Кольке, будто исповедуется, Демьян Трушников, тем самым подводя свой итог восстанию сибирских крестьян. Невольно всплывают в памяти слова русского святого, преподобного Серафима Саровского: «Мир между людьми начинается с мира в человеке». Но как нелегко утвердить мир и сохранить его в себе, как мучительно человек приходит к очевидным и простым истинам. Исходя из всего имперского могущества Руси, из всего духовного прошлого русского народа, писатель Борис Зайцев мудро считал, что «истинная Россия есть страна милости, а не ненависти».

«НА СЕБЯ ВЫЗЫВАЕТ ОГОНЬ...»

«Сибирский роман» Николая Олькова. Книга третья. «Кулаки», роман.

*Славя крест, имущество славя,
Проклиная безверья срам,
Волны медные православья
Тяжко катятся по вечерам
<...>*

*И сказал Евстигней: / — Разлука
С прежним хуже копылий, ям,
И с хозяйством,— / Горчее муки
Тихо высказал,— / Не отдам.*

Павел Васильев,
«Кулаки». 1922 г.
(Разгар коллективизации).

*Мой ли с миром путь не одинаков!
Чем же всех других виновней я? —
Боже, Боже звезд и хлебных злаков,
Пощади меня и муравья.*

Геннадий Фролов,
«Ничего не надо...»

Довольно многопланова в сюжетном отношении, глубокомысленна в нравственно-философских коллизиях третья книга «Сибирского романа» Николая Олькова «Кулаки». Прежде всего, в ней возрастает критическая настроенность относительно несправедливо устроенного общества, ибо оно не может принести крестьянину счастья, полной удовлетворенности результатами своего труда, дать ему радость свободного созидания на родной земле. Впрочем, не исключено, что кому-то роман «Кулаки» покажется замечательно несправедливым и одновременно замечательно острым по мысли. Мы не найдем у автора откровенного осуждения, либо полного неприятия советского строя, но нет у него и явного оправдания того тотального зла, которое принесла революционная эпоха. Будучи корневым русским человеком, уверенно стоящим на твердой крестьянской почве, писатель отличается — по тематике, слогу и художественному направлению. В этой книге немало аналитических раздумий, гражданской тревоги автора за человеческие судьбы, ведь попав в опасный водоворот истории, выживали самые стойкие. Мировая война, революция, война гражданская, интервенция нанесли крестьянству невиданный ущерб, пожалуй, как никакой другой части населения. Были разорены тысячи деревень, заброшены миллионы гектаров пашни. Повсюду в стране начинался голод.

Роман особенно актуален сегодня, когда мы буквально недавно перешагнули столетний рубеж НЭПа. Восемь лет новой экономической политики — самый удач-

ный проект советской власти. Крестьяне поверили, что и к ним власть прислушивается. Да и сам НЭП стал разумной реакцией на вооруженные протесты 1921 года, вспыхнувшие против продразверстки, о чем, как мы уже знаем, идет речь в повести Н. Олькова «Гриша Атаманов» и в его рассказе «Повстанец», имеющем с ней прямую взаимосвязь. X съезд РКП (21 марта 1921 г.) законодательно утвердил продналог, что пришел на смену продразверстке. После введения НЭПа словно манна небесная снизошла на деревенских мужиков: появились хорошие и дешевые продукты, а крестьяне, исстрадавшиеся по своему любимому делу, будучи в напряженном ожидании обещанной передачи земли, трудились не покладая рук. Даже без тракторов и комбайнов с 1922 по 1928 гг. сбор зерна вырос с 36 до 77 млн. тонн, хотя еще в целом крестьяне по-прежнему жили бедно.

Однако Сталин не мог окончательно принять частную собственность и во главу угла ставил социалистический принцип обобществления — это та неразрешимая дилемма, что до сих пор вызывает горячие споры в обществе. И тогда, и сегодня опять мало чего дождались крестьяне. Опасаясь реставрации капитализма, правительство очень скоро прихлопнуло НЭП, а крестьянам оставалось жить надеждой, что землю им все-таки дадут. Доколе продлится такое унижение собственного народа, затянувшееся на долгие десятилетия? Сильное противостояние охватило весь народ: с одной стороны — крестьяне как основной союзник пролетариата, с другой — они же как объект длительной борьбы. Посему и в книге «Кулаки» мы наблюдаем верх бесчеловечности — раскулачивание зажиточных сибирских семей — конечный итог политики НЭПа, когда кулака истребили как класс. Именно зажиточных крестьян называли не иначе, как кулаки, «сельская буржуазия».

В центре повествования романа Н. Олькова «Кулаки» — Мирон Демьянович Курбатов, «думающий, расчетливый крестьянин», прочно обосновавшийся в сибирском селе Бархатово, которое является главным средоточием основных событий. «Нынче хлеба свезли столько, что моих мужиков с последним возом чуть назад не отправили: некуда ссыпать. Разве такое было когда? Три последних года трудящийся мужик хорошо окреп, судьбу за бороду ухватил. И кредиты будем брать под посильный процент, и технику покупать. Я сразу бы трактор взял, край нужен», — с воодушевлением, с трудовым энтузиазмом, какие переполняли его, говорит Мирон об эффективности системы НЭПа председателю исполкома, большевику Всеволоду Щербакову. Их разговор сразу выявляет столкновение разных взглядов: коммуна как будущий путь развития деревни, опора власти на беднейшее крестьянство, ни на что самостоятельно неспособное, ожидающее помощи от государства. Совершенно иной подход у крепких мужиков, составляющих, по мнению Курбатова, настоящий «костяк села». Тут тебе и «большие пашни», и «большие сотни пудов» мяса, и «паровые мельницы», снабжающие мукой весь край, и лес, и изготовление шпал для железной дороги, и уникальная выделка шкур — всего и не счесть! «Все мужики трезвые, семейные, детные, в жизни уверены, да и не особо озабочены иными делами, кроме своих», — разве они могли поверить, что власть однажды передадут бедноте?

Да и Сталин, будем откровенны, испытывал страх: «Россия может вернуться к капитализму», — этот двусмысленный факт подчеркивает и Н. Ольков. НЭП — явление временное — не без веских на то оснований считает и довольно неоднозначная личность в романе — партийный работник Щербаков, что, собственно, очень скоро становится очевидным и для остальных персонажей: крестьянского хозяина Мирона Курбатова и торгового купца Емельяна Колмакова. «Ни хрена у вас не получится обмануть Мирона Курбатова, он ужом проползет, черным вороном взлетит, но своего не отдаст», — так рассуждает своевольный сибирский мужик, принимая «крутое решение» — исход из села в глухую тайгу. Они снова построят дома, распашут земли и опять станут жить, как жили их отцы и их деды. Это свобода! «Уйти в тайгу на пустое место, начиная жизнь заново с топора и сохи», — во многом и утопичная идея-

мечта Мирона о честном колхозе все же возымела свое действие: полтора десятка самых зажиточных семей уходят далеко в тайгу. «Обоз в тридцать саней, ни на что не похожий, катился по сельской дороге от одной деревни до другой, третьей», — и, казалось, труднопреодолимые версты и для сибиряков, и для автора, и для читателя оставались позади.

Любопытно и честно об истинной природе русского мужика размышляет мыслитель, публицист, так же, как и автор социальных романов А. Зиновьев и бывший в СССР под запретом И. Солоневич, заставляя задуматься о том, кто врет: история или мысль? Солоневич давал оригинальные и неожиданные оценки тем или иным историческим событиям, говорил не только о «таинственной славянской душе», но и пытался исследовать природу русского мужика, которого недооценивала та же русская литература, русская классика, оторванная от реальности, ставшая в той или иной степени причиной революции, а в последствии и Великой Отечественной войны. «Крепостной режим искалечил Россию», — отмечал Солоневич. А расцвет русской литературы совпадал с апогеем крепостного права, которого, повторюсь вслед за Н. Ольковым, никогда не знал сибирский мужик. Выдающиеся русские классики писали в пору этого апогея, отличаясь при этом весьма противоречивыми суждениями о русском мужике. Русская литература, по словам писателя-историка И. Солоневича, была великолепным отражением «великого барского безделья, недооценивавшего крестьянина, когда русский мужик — деловой человек». Подтверждение этим мыслям можно найти в романе Н. Олькова «Кулаки», когда сибирский мужик МIRON Курбатов способен в экстремальных ситуациях мобилизоваться, оставаясь человеком деятельным, энергичным, который ни при каких жизненных обстоятельствах не опускал руки и не боялся никакой тяжелой работы. Кроме того, он трезвый человек, а не бездельник и праздный пьяница, заметим, по душевому употреблению алкоголя дореволюционная Россия стояла на одиннадцатом месте в мире. Именно о таких людях с прочным внутренним стержнем пишет Н. Ольков. Крестьянский мужик — человек, знающий, что ему надо, в отличие от русского интеллигента, одержимого лишь идеями социального мессианства, к тому же русская интеллигенция всегда была в оппозиции правительству. Дело же русского крестьянина — дело маленькое, но это есть дело. Оно требует знания жизни и людей. Поэтому мужик должен быть умнее Бердяевых. Они, русские крестьяне, сталкивались с миром конкретных вещей, не могли позволить себе права на ошибки в отличие от тех же философов, литераторов. Классики же упорно представляли нам лики бездельников, создавая все новые и новые загадки. Толстовско-каратаевское непротивление злу, Достоевская любовь к страданиям, Чеховское безволие — со всей исторической эпопеей русского народа далеко не всегда, лишь отчасти, либо вообще не совместимы. Герой Н. Олькова, сибирский мужик МIRON Курбатов, волевой, независимый, не собираясь сдаваться на милость обстоятельствам, как раз и доказывает обратное.

Майор Буллит, первый американский посол в СССР (1933—1936 гг.) писал: «Русский народ является исключительно сильным народом с физической, умственной и эмоциональной точки зрения». Факты истории говорят сами за себя: слабый народ не мог построить великой империи. Пассивность русского народа — блеф и миф. Сделав некоторое отступление, вновь вернемся к роману, к его главному герою МIRONу Курбатову, тоже не имеющему права на ошибку и решившему основательно «готовить место для будущей деревни». Первыми должны были уйти взрослые дети, а затем и семь семей заговорщиков собрались тайно от общества и властей покинуть село, уйти подальше, вглубь тайги, «чтобы власть не подумала искать и наказывать». А все потому, как считал И. Солоневич, что сам «правлящий слой ушел от народа, и народ ушел от правящего слоя». Обращает внимание на глубокий социальный конфликт, на беду отчуждения народа и власти, постигшую нашу страну, и писатель Н. Ольков. Он досконально владеет темой, о которой пишет, знает саму русскую почву!

Практически каждый художественный образ, создаваемый автором, вне зависимости от его общечеловеческой значимости и идейно-эмоциональной нагрузки, заслуживает особого психологического анализа.

Все нити в романе ведут к образу Мирона Курбатова, здесь прослеживается системный реалистический подход, когда расставляются и все точки над *i*, когда люди ждут его последнего слова, прислушиваются к его суждениям, которые отличаются глубиной и точностью, когда единодушно верят ему, дружно, слаженно работая в артели. И Мирон понимает, что «он в ответе за тех, кто ему поверил». Да, он «ничего не знал, кроме родной своей земли», мало учился, трудно было крестьянину открыть не только для себя, но и для других единственно нужное слово. «И вдруг слово это, которое он искал, ждал, находил и снова терял, вдруг оно ясно обозначилось в сознании: воля, свобода», — обозначилось оно и в романе, — то сокровенное, что никогда нельзя отнять у сибирского мужика.

А тем самым временем, пока Мирон строил таежную жизнь артели, пока учился у той же природы «готовности человека ей противостоять», пока открывал ее живые чудеса, бьющие ключом горячие родники, а рядом с ними пастбища, среди зимы покрытые зеленым ковром разнотравья, — вдаль от тайги, по всему сибирскому краю активно разворачивалась коллективизация, шло раскулачивание, нарастали репрессии. Н. Ольков достоверно передает «неизвестность и страх», охватившие крестьян. В книге приводится список исчерпывающих данных, свидетельствующих о политике немедленного раскулачивания. «Насильственное решение о коллективизации партийных органов» было окончательным и пересмотру не подлежало — у большевиков все исполнялось «под наганом». Горько читать эту деревенскую честную прозу, горько осознавать, что надежды на справедливое создание колхозов уже не было.

1929 год Сталин назвал «годом Великого перелома» и заявил о переходе к политике «ликвидации кулачества как класса». Вождем пролетариата обосновал теорию классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Перечитывая пронзительные строки Н. Олькова о «глазах вечного крестьянина», «самостоятельного и независимого», чувствуешь, как внутри вдруг поднимается волна протеста, замысел власти становится все яснее: «иллюзии насчет единой деревни» рухнули. Это признает и большевик Щербаков. «Сибирь всегда была общинной», — обозначает автор важность крестьянина ощущать себя хозяином своей земли, разумную необходимость трудиться на свое личное, а так же и общее благо. Коллективизация подобный принцип полностью исключала. Вскоре Сталин сам возглавил заготовку зерна в Сибири. Закупочная цена, которую он назвал крестьянам, их не устраивала. Возмущению Сталина не было предела. Он незамедлительно принимает решение — взять силой хлеб у зажиточных землевладельцев. Действовали специальные тройки НКВД, репрессивные суды, тех, кто отказывался идти на укрупнение хозяйств, жестоко раскулачивали. В итоге было раскулачено 3, 5 млн. личных хозяйств, сослано 7 млн. крестьян. Лютая ненависть зрела в народе к советской власти. В романе говорится о «революционном напоре и неотразимой настойчивости» крестьянства, когда насилие и кровь, частые поджоги стали нормой деревенской жизни. Вынужденное самоубийство Никифора, брата Мирона, расстрел его верного степного друга Молдахмета, помогавшего таежным беглецам сохранять скот, арест купца Колмакова, не успевшего распродать свои прибыльные магазины, — звенья одной цепи в системе, карающей человека за любое непослушание ей.

Как результат коллективизации и раскулачивания, аналогично той же продрозверстке, — страшный голод 1931—1933 годов. Резко сократился валовой сбор зерна, повсеместно шел массовый забой скота. «Боже, что они сотворили с деревней! Не от работы, а от голода вымрет народ!» — до глубины души возмущался Мирон неутешительным сводкам по удоям и севу, читая новости в газете «Правда», подшивки которой ему заботливо собирал Молдахмет, когда он навещался к другу за необхо-

димыми покупками для артели, различными вещами и предметами быта, инвентарем. Суть происходящего противоречия высказывает в романе секретарь уездного комитета партии Пашенный: «Как ни верти, а все крутится вокруг частной собственности, и крестьянин за нее может отдать все, даже жизнь, потому что собственность — это свобода, воля». Но вместо свободного труда — труд подневольный получил крестьянин, не имевший даже паспортов, которые лишь начиная в 1974 году власти разрешили выдавать. А между тем на крестьянском дворе стояла последняя четверть XX века!

К концу 30-х годов в селе Бархатово, где происходит действие романа «Кулаки», был колхоз, работала машинотракторная станция, открылись курсы механизаторов, хотя область считалась одной из самых отстающих по развитию сельского хозяйства. Как видим, карательные меры бездарной власти не принесли желаемого результата. О чем это говорит? Государству не нужны эффективные люди, высокие профессионалы. Еще одна существенная деталь: теоретиком экономического развития социалистической страны, подготовившем программу НЭПа, был Бухарин. Что же касается непререкаемой исключительности вождя мирового пролетариата, то позволю себе во многом усомниться, таким ли гениальным теоретиком был Сталин, как в советское время учили нас? «Нищий социализм — это паршивый социализм», — утверждал Бухарин. Сталин же наоборот фермерство считал вредным для социализма. Тяготы бесцельной, безысходной жизни укрепляли народ в мысли, что ничего нельзя изменить к лучшему. В период раскулачивания (известно также как раскрестьянивание) было уничтожено 20 млн. кулаков — наиболее эффективных крестьян. Общая цифра всех пострадавших от этой преобразовательной компании в два раза выше. Примечательно, что все тот же Щербаков констатирует: самодостаточный крестьянин, кулак, мог быть назван рожденным НЭПом советским крестьянином нового типа. Но — не назван.

В качестве альтернативного примера поиска новых путей развития возьмем Китай. В сложный для страны момент Дэн Сяопин соединил экономическую теорию Николая Бухарина и доктрину Мао, взяв на вооружение оба варианта оптимального экономического развития разных стран. Таким образом, создавались русские корни современного китайского чуда, которое сегодня воочию наблюдает весь мир. Дэн Сяопин в институте марксизма-ленинизма выделил целый этаж для изучения бухаринского наследия. Массовое изучение и внедрение трудов нашего теоретика — основа китайского чуда. Когда Россия в лихие 90-е годы, в период хаотичной перестройки, стояла перед таким же схожим выбором экономического пути, внимания на труды Бухарина она не обратила. Зато, напомним, 2015 год в России был ознаменован настоящим всплеском возрождения сталинизма! Поистине — страна бесконечных парадоксов!

Суровая тема, представленная Н. Ольковым, особо не располагает к романтике, но есть в книге и нечто, метафизический лейтмотив неслучайности, в большей степени свойственный поэзии, — открытый космос сибирской эпопеи. Образ вечной звезды, звездного неба в русской литературе и в жизни пересекаются в пространстве романа. Казалось бы, Мирону, сеющему хлеб, постоянно пребывающему в тревоге за урожай, некогда думать о чем-то ином, но в минуты отдохновения от земных трудов взоры его обращены вверх, к загадочному ночному небу, где явственно видит он «горящую падающую звезду». «Как сложно все в мире! Куда падет эта звезда, если долетит до земли — не сожжет ли посевы крестьян, не подпалит ли городишко, не загубит ли несчастного», — не от светлых ли звезд, не из глубины ли самой Вселенной тихой таежной ночью пришли к сибирскому мужику эти неожиданные мысли? Семя и звезды, земля и небо, как земное и небесное, замыкающее вечный круг бытия, — эта правда, явившаяся ему, была куда как выше правды обыденной жизни, различимой простыми глазами. А еще «память на всю жизнь» — «загадка не его ума» — отра-

жающиеся звезды на глубине колодца вспомнятся Мironу на чужбине, когда будет он защищать Родину от иноземного врага. Заветных строк в романе много — неизбывная интонация любви, лирическая и сильная, — верная жена Марфуша и поздняя любовь к молодой казахской девушке Калиме — извечный неразрешимый треугольник. Увлекательно раскрывает автор сибирские тайны, ведь жизнь таежная полна трудностей и постоянных забот, но полна она и чудес. Избыток образов, колоритных и самобытных, выходят из-под пера мастера, заполняя все пространство книги. Подогревает читательский интерес и встреча героев со старообрядцами, давно живущими в тайге, последышами единой христианской веры, сохранявшими волю и землю — свои кровные истоки. Это следование традициям предков объединяет две артели. Неслучайно старик Банников так почитает и бережет икону Николая Чудотворца, с Божьей помощью которой крестьяне вершат все дела. Невольно возникает параллель и с трилогией А. Т. Черкасова «Сказания о людях тайги», что включает три романа: «Хмель», «Черный тополь», «Конь рыжий». Первая часть посвящена старообрядческой общине Филарета Боровикова, ее непростому существованию вдали от остального мира именно в тех местах, где происходят события романа «Кулаки».

Любовь к сибирской природе Н. Ольков передает и своим героям, их каждодневный труд вознаграждается дарами тайги: грибы, ягоды, орехи — неповторимые богатства этой чудодейственной земли. Сколько же прелести в крестьянском труде находит автор, зная его досконально, не понаслышке. Сколько дорогого для русской души сосредоточено в любимой работе! «До обеда стог, после обеда стог. А впереди работают косари, девчонки готовят сухие валки, завтра и там начнется, придут метальщики, копновозы, кладельщики, подстребальщицы. И снова будут расти стога», — разве это не та же поэзия в прозе?! Стоит не преминуть случая и вновь открыть уникальный словарь знатока русской словесности В. Даля, его бесценное детище: Стог — Копна — Копновоз — подробно прочитав каждое определение, можно проследить единую, непрерывающуюся смысловую связь. Поразительно богат и красочен народный язык у Н. Олькова, невероятно насыщена художественно-речевая ткань его текста. Сибирский говор здесь торжествует! Старинное, сочное слово, полное мудрости, которое он зачерпнул и у яркого писателя И. Ермакова, красочной россыпью блистает на страницах «Сибирского романа». «В структуре каждого национального языка воплощаются следы мыслей родителей, дедов, прадедов и пращуров, их жизненная психология и философия», — верно отмечает это следование традициям белорусский ученый-методист, профессор В. Протченко. Своеобразное видение мира сквозь призму крестьянского языка, его вечно сияющего слова, будто пришедшего из старинных книг, пожалуй, одно из главных достоинств деревенской прозы Н. Олькова. Природа писательского дара прозаика столь же таинственна, сколь и проста. Талант художника слова остался природным и самородным. В этом и заключается русская традиция!

Мужество книги — тема войны с фашизмом. Война всколыхнула замкнутое лишь на себе жизненное пространство артели, поставив ее членов перед выбором: как им быть в данной ситуации, включаться ли в народную войну? «Небо разломилось пополам, извергая ветвистые молнии, и они, как корни могучих деревьев, пытались зацепиться за землю, но при ударе рассыпались в мелкий дребезг, осыпая искрами все окрест. Илья-Громовержец тоже вышел на войну...» — природа в романе словно благословляла человека на правое дело освободительной борьбы, и не мог Мiron Курбатов остаться в стороне от общей беды, что пришла на его Родину. Корни его дерева, расщепленные молнией, навеки были связаны с ним и с корнями его родной земли. «Война всех на шивовость проверяет», «Народ всегда воевал не за власть, а за Родину», «Неуж то мы сделаем вид, что нас судьба России не касается» — вот она, сушая правда, правда житейская, что укрепляла Мирона в его необоримых мыслях, в которых было много обыденной справедливости. У автора, как и у

его главного героя, тоже свои собственные представления о совести, чести, гражданском долге и ответственности за судьбы Родины, своя тревога за народ. Безысходная, бессильная ненависть, иссушающая души, не проросла окончательно в сердцах таежных жителей, а злоба и разочарование на власть не взяли верх над их разумом и любовью к своей земле. Потому что для русского человека Родина не там, где лучше, а там, где больнее. Отечество — тот таинственный, но живой организм, очертания которого ты не можешь для себя отчетливо определить, но прикосновение которого к себе непрерывно чувствуешь, ибо ты связан с этим организмом непрерывной пуповиной.

Взошла на небосклоне еще одна звезда, освещающая военную дорогу Мирона Курбатова, — солдатская звезда! «Я за каждый колосок, за каждое зернышко им отомщу, они проклянут день и час, когда казах Ахмадя послал русскому мужику Мирону голубя с красной ниткой на правой ножке», — это был знак начала той страшной войны, и крепла в его душе великая ненависть к врагу-захватчику. Тут оживает в памяти рассказ М. Шолохова «Наука ненависти», его бессмертные строки, созвучные чувствам Мирона: «И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков». Мирон Курбатов, как и шолоховский солдат, «и воевать научился по настоящему, и ненавидеть, и любить».

Вот и получается, что классическая русская литература встала против истории. Литературные психологические образы несовместимы с основными фактами русской истории. И, безусловно, соглашаешься с Солоневичем, что Каратаевы взялись за дубье, и Обломывы прошли тысячи две верст на восток и потом три тысячи верст на запад. Империя на 1/6 части земной суши показала всем свою реальную мощь. Не зря же Бисмарк завещал Европе: «Не воевать с русскими». Когда-то русская литература спровоцировала революцию и немцев на завоевание. Природа же, как известно, не терпит пустоты. Немцы и рванули, как и русские, в революционный рай, им той же мыслью предсказанной. В романе Н. Олькова нет иллюзий в оценках действительности, он придерживается трезвого реализма, поэтому прав и литературно, и жизненно. «А простой мужик рассуждал просто: ко мне во двор залез ворюга, да не просто, а бандит, грабит, насилует, тащит не свое. Как тут терпеть?» — глазами этого обычного мужика видит автор войну, твердо зная, что его «лесному человеку» надо раз и навсегда «свою землю от скверны очистить».

«Война. Нет в русском языке слова более жестокого и страшного.<...>Родина ждалась до масштаба малой твоей деревни, а патриотизм влезал в жаркое объятие самого меньшего сына, последыша», — от подобных мужественных слов писателя поднимается волна гордости за стойкость и героизм наших людей, завоевавших миру Победу. Не постичь было Гитлеру психологию русского человека, который с невероятным энтузиазмом строил города, возводил на голом месте заводы, изготавливал небывалую технику. «Русские малограмотные самородки, прямая линия от Левши, изобретали уникальное оружие и хитроумное оборудование», — отдает должное Н. Ольков русскому умельцу и патриоту, как некогда отдавал должное «баснословным мастерам», «так глаз пристрелявши», таланту русских мастеров-оружейников Н. Лесков. Недаром самообытный классик любил показывать стойких, смелых, могучих, удалых русских людей, ибо были они «своему отечеству верно преданные». Любил любоваться одаренностью русского человека, который свято уверовал в «русскую полезность», в то, что «и у нас в доме свое не хуже есть...». В романе Н. Олькова изображение народа также основывается на глубоком знании русской жизни, ее бытового уклада. Чувствуется, что жизнь писателя богата мудрым опытом, что накапливается не сразу, десятилетиями. В его произведениях предстает народная жизнь во всем ее многообразии, показаны люди разных общественных слоев, и жизненная правда здесь гораздо сильнее горькой иронии. Это подтверждает космическая загадка судьбы Мирона Курбатова, когда «погибший вернулся с войны».

Эмоционально торжественен, наполнен светом и верой в человека финал романа «Кулаки». Коротко очерчивая вехи пути артели, празднуя вместе со своими героями великую Победу, оценивая их немалый вклад в общее дело помощи фронту, автор подводит повествование к своему кульминационному моменту — к возвращению таежных беглецов в родное село Бархатово, к остальным людям, к воссоединению со всем народом-победителем. Пройдя дороги войны, орденосец Мирон Курбатов твердо убежден, что у граждан его артели, у нового, молодого поколения должно быть будущее. Он пишет письмо товарищу Сталину с просьбой принять их честную артель, никогда не предававшую свою Родину, в государственную хозяйственную систему и «считать колхозом». Нам остается только верить в справедливость и торжество жизни, полагаясь на Божий Промысл о человеке.

«Будем бодрствовать!.. Любовь к своему народу и земле делает борьбу обязательной», — утверждал И. Аксаков. Ибо русский человек всегда в ответе за судьбу родной земли, принимая боль земли, как свою собственную боль. Такова Россия, такова доля ее крестьянская!

«АХ, СИБИРЬ, ТОСКА И РАДОСТЬ МОЯ...»

«Сибирский роман» Николая Олькова. Книга четвертая. «Сухие росы», роман.

*Воспоминание о полувеке,
Пронесшейся грозой уходит вспять...*

Борис Пастернак,
«После грозы».

*Русь извечная, Русь избяная
Прядет жизни волшебную нить.*

Евдоким Русаков,
«По-над лесом...»

Четвертая книга «Сибирского романа» Николая Олькова «Сухие росы», как и три предыдущие книги, выдержана в жанре реалистично-бытового повествования, которое вбирает в себя активный период послевоенного восстановления сельского хозяйства, возрождения сибирской деревни, затем 70—80-е годы — годы мирного созидания, коллективного труда, и начало 90-х годов — новый сложный период — перестройка, повлекшая за собой распад великой Державы. Как видим, у писателя нет ни одной части его сибирской эпопеи, где бы не высвечивалась трагедия того или иного этапа в истории страны.

Кроме того, Н. Ольков — хранитель подлинной, из самой народной жизни зачерпнутой тайны русской души, русской природы, тайны самой земли. Книга «Сухие росы» открывается картиной мощного весеннего половодья. С такой же широтой каждой строки, с таким же привольем народного слова разливается и повествование романа, излучающее радость бескрайней сибирской земли, когда «весна каждый год ожидаема, как девушка на свидание...», когда манит ее головокружительный простор! Кажется, пахнет вся природа, и тающий снег, и талая земля, и будущий хлебный колос — все запахи сливаются в единый сильный запах весны. Во всем ощущается чистое народное мирозерцание, народное чутье, тонкое восприятие красоты, составляющие степень народности, — то, что в романе и есть мера художественности. Автор, прежде всего, выделяет трех основных персонажей — это партийный руководитель района, прямой и честный коммунист Григорий Хмара, перспективный агроном, будущий руководитель совхоза Юрий Долгополов и председатель колхоза «Светлый путь» Макар Чуклеев, — цельные, основательные, художественно завер-

шенные образы, олицетворяющие нерасторжимую сцепку людей, целиком и полностью посвятивших себя крестьянскому труду. Их всех объединяет вечное, первостепенное — «состояние души, живущей вместе с хлебом». Пожалуй, лучше и не скажешь. Роман захватывает житейской правдой, неожиданными явлениями человеческих характеров, запутанными психологическими коллизиями, лирической, проникновенной мелодией любви, словом, простой и настоящей жизнью людей, самоотверженно работающих на земле.

Отметим, не может оставить читателя равнодушным и поэтический язык, присущий прозе Н. Олькова. Причем язык блистательный, искрящейся юмором, смехом, доброй иронией. Тут непременно вспомнишь и шолоховские образы! Когда-то В. Астафьев создал целый континент «сибирского» языка, отличающегося неповторимой манерой изложения. Сибирский говор — ценность и богатство этой земли. «Высота и богатство слова невозможны без высоты и богатства самого бытия», — писал В. Кожин. Высокое должно сопрягаться с обыкновенным, никоим образом не противореча друг другу. Такой искрометный язык в романе Н. Олькова, прежде всего, связан с образом председателя Макара Наумовича Чуклеева, весь облик которого вызывает добродушную улыбку. Однако он человек особенный, самозабвенно влюбленный в свое крестьянское дело, и кому-то смеяться над собой вряд ли позволяющий. «Макар встал, прошелся по кабинету, время от времени останавливаясь и покачиваясь на носках, любясь новыми бурками с блестящими калошами: — Это хорошо, критика и самокритика, сорта и дипломы, а норму посева на сеялке, например, установить ты умеешь?» — живо, незабываемо описывает автор встречу председателя колхоза «Светлый путь» с молодым агрономом-отличником, защитившим диплом по новым сортам яровой пшеницы, Юрием Долгополовым. Крестьянский мужик Макар Чуклеев вовсе не скрывает, что крайне скептически относится ко всем агрономам, считает их «людьми ненужными».

К примеру, Короленко, когда рассуждал о Гоголе, Чехове, Успенском, как о писателях, делавших попытку смеяться над русской действительностью, понимал, что не все задуманное им удавалось. Он приходил к выводу: «...в русском смехе есть что-то роковое». По его мнению, если употреблять терминологию химиков, то это «неизбежно дает ядовитый осадок, разрушающий всего сильнее тот сосуд, в котором она совершается, то есть душу писателя». Но народная смеховая культура традиционно близко сопрягается с фольклором, она находит мудрое духовное равновесие, исцеляет человеческие души радостным, благотворным смехом. Данный феномен ярко проявлялся в творчестве Шолохова, Шукшина, который мог и соленую шутку отпустить, красочно высвечивался у сибирского писателя Ермакова. Вот и герой романа «Сухие росы» Макар Чуклеев, пусть и «не обремененный теоретическими познаниями», никогда особо не спрашивающий чужого мнения, зато называющий землю «не иначе как пашенкой», сочетает в себе и глубину души, и в то же время легкую иронию, народный юмор, — то загадочно неуловимое, что присуще лишь русскому мужику. Это как раз тот случай, когда мы имеем дело с юмором неглупым, имеющим под собой серьезную, объективную природу вещей. И даже его любимое выражение «критика и самокритика», как бы оно не воспринималось, напрямую подводит к известному высказыванию Сталина о том, что «критика и самокритика — движущая сила нашего общества».

В книге обращает на себя внимание и жизненно важная тема современной науки, научного подхода в культуре земледелия как неотъемлемой части крестьянского труда. Проблемные вопросы сельского хозяйства Сибири, в частности, вопросы селекционной науки, новых принципов хозяйствования, тесно взаимосвязанных со сроками сева, элитными семенами, сортами яровой пшеницы, партийный руководитель Григорий Хмара пытается досконально выяснить, встречаясь с академиком Терентием Мальцевым. «Сибирь — зона рискованного земледелия...» — подчеркивает уче-

ный. Он поднимает крайне острые, назревшие проблемы «системы организации труда в полеводстве как самой оптимальной, приближенной для крестьянина к результатам своего труда напрямую», предлагает «убрать показатели и оставить крестьянину только реализацию продукции», «перестать командовать», не донимать его «мелочной опекой». Противоречия, крившиеся годами, становятся все более явными, требуя безотлагательного решения. Не видя реальных результатов труда, его рациональных стимулов, люди постепенно утрачивают и чисто профессиональный интерес. В России уже более ста лет не могут надежно зафиксировать результаты своего скорбного, зачастую невыносимого труда и передать их детям, хотя бы и с некоторыми потерями. Зыбкие отношения с собственностью сообщают русской жизни некую апокалиптическую летучесть. Григорий Хмара, предчувствуя грядущие перемены, пытается хоть в чем-то предвосхитить время, давно требующее от крестьянина конкретного подхода к делу. «Завтрашний день невозможен без ломки старого», — уверен и агроном Юрий Долгополов, руководитель иного типа, рискованный, предприимчивый, который тоже старается предугадать, поймать запоздалое время перемен.

Квинтэссенцией авторских взглядов в романе стали мысли академика Мальцева, когда он говорит об особой значимости крестьянина, высвечивая его лучшие человеческие качества: «Не тот пахарь, кто пашет, а тот, который любит свою пахоту. Пахать многие могут, а вот любоваться не всякий способен». Н. Ольков очередной раз подтверждает это чисто народное виденье мира, своей духовной миссии на земле, характерное лишь русскому человеку. Непокколебима и вера крестьянина, испокон веков сохраняющего рассудительность: «Кольца веры народной рассыпаны и утрачены, хоть лба русский мужик в храме не расшибал. Но боялся! И жить старался по правде...» — ни в коей мере не сомневается в христианских добродетелях русского человека Терентий Мальцев.

Мифологичность происходящего, сказочность, которой напитана вся сибирская земля, поэзия простого деревенского бытия ощущаются здесь в самых обычных вещах. Героев книги соединяет природная сила любви, когда родную землю любишь непредсказуемо, первобытно. Теперь ясно, откуда земляк Н. Олькова, писатель И. Ермаков, брал свои сочные краски, когда писал о сибирских местах, как о «рае земном для скотинушки».

Мы должны знать, что все в мире не напрасно, что все имеет смысл — Божий Промысл о человеке, направленный к тому, чтобы наша жизнь была достойна радости и гордости за свой труд. Русский человек «живет в нагрузку», как точно подмечает в книге академик Мальцев. Может поэтому он так любит вещи простые, понятные, знает цену, как и Григорий Хмара, каждому выращенному «пшеничному зернышку, вскормившему всю большую страну»? Да, русский мужик знает цену родным булкам и калачам, их ароматному запаху, их особому, ни с чем несравнимому вкусу! Стоит от начала и до конца прочесть эту красочную песнь сибирской земле, его Величеству Хлебу! О, сколько она вместила в себя: и боль сухой земли казахстанских степей, мучительно ждущей влаги, дождя, что сделает ее «радостной землей», и спасительное чудо июньского дождя, когда «хлеба еще сохранили способность к полноценному росту, встрепенутся, раскинутся кустиками, трубку стебля выкинут, потом колос», и когда «август порадует хлебом», и когда настанет «осенняя сибирская ночь, без ветра, без туч», когда не бывает росы, когда можно надеяться на подарок природы — на счастливый урожай!

Необозримые поля с бесконечными рядами вызревающей золотистой пшеницы были для Григория Хмары тем единственным местом на земле, где он находил духовное отдохновение, духовное равновесие. Но с новой политикой перестройки, непонятной, хаотичной, все чаще посещала его тревога за будущую судьбу деревни. Что стало причиной необдуманных перестроечных реформ? Возможно, ложь, двусмысленность, страх перемен. В образе партийного руководителя проступают такие

моральные качества, как решительность, преданность идеалам Родины, служению своему народу, зримо проявляется такая же необоримая, изрядная сила — то явное сходство, что прочно сближает его с героем романа «Кулаки» Мироном Курбатовым.

Перестройку, которая разорила жизни и судьбы миллионам наших граждан, даже сложно назвать историей. «Мы не чувствовали никакой близости к тем, кого вынесла наверх перестройка», — признавался В. Войнович. В конце своего романа Н. Ольков как раз подводит нас к этому моменту общей усталости, спада, разочарования, горечи, послевкусия пережитого, что мы испытали в разрушительный перестроечный период. Автор вместе со своими героями остро воспринимает происходящее. Это — урок поведения при разных режимах жизни. Оставаться равному самому себе — при всех меняющихся политических режимах отстаивать свою позицию, быть рядом с народом. Сегодня понимаешь, что это были лучшие годы созидания, выпавшие на долю нашего народа, прошедшего через революционные бунты, раскулачивание, сталинские лагеря, войну. Нет-нет, да и мелькнет ускользающая мысль, почему было не взять на вооружение накануне самой перестройки ту же теорию Бухарина, — именно то, что так грандиозно сделал Китай? Но история не любит сослагательных наклонений, предоставляя это право литературе, укрепляющей человека в вере, дающей ему надежду.

В эпилоге романа «Сухие росы» звучит подлинный гимн Сибири, «земле одушевленной и одухотворенной...», ее неиссякаемым богатствам, гимн-посвящение сибирским труженикам, влюбленным в этот край. Вслушиваясь в слова писателя, в их поэзию, принимаешь всем сердцем его самородный сибирский эпос, впечатляющий своим размахом, раздольем — той безграничной широтой природного пространства, которая имеет некую таинственную родственную связь и с широтой русского слова, что сливаясь воедино, олицетворяют великую Россию. В этой памятной любви к отчей земле и проявляется в творчестве Н. Олькова его напряженная страда на ниве слова, сравнимая с многотрудным посевом зерна: «Вот тут радуются сухой росе, сухоросу, неожиданному ижданному, когда влажный воздух ветра поднимут высоко от земли, а зерно останется сухим и твердым на радость немногословному крестьянину». Созреет пшеница на полях, уродится рожь, и земля будет с урожаем, а человек с хлебом...

«ХЛЕБ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ. И НА ВСЮ ЖИЗНЬ»

«Сибирский роман» Николая Олькова. Книга пятая. «Хлеб наш насущный», роман.

*Стою в полях. И в дымке синей
Я слышу здесь, сквозь ветра зов,
Как дышит сердце всей России
В волненье зреющих хлебов.*

Евдоким Русаков,
«Рассвет».

Логическую завершенность «Сибирскому роману» Николая Олькова, вобравшему в себя синтез разных эстетических измерений, его нескончаемым, горячим думам о России придает пятая книга «Хлеб наш насущный», заканчивающая художественно-исторический цикл всей грандиозной сибирской эпопеи. Она наглядно свидетельствует о том, что в минувшем времени, пусть и насыщенном событиями, каким был век XX, оставаться нельзя, и представляет на своих страницах новые исторические условия хозяйствования.

«Я верю в возможность русского человека вырастать из глубин культурных корней своего прошлого и уходить к небу общечеловеческой цивилизации, не теряя сво-

его удивительного своеобразия, своей универсальности и своей духовности», — пишет российский политический деятель В. Игрунов («Русское и советское»). Н. Ольков, будучи внимательным наблюдателем жизни, создает именно такие человеческие образы, какие способны внутренне противостоять жизненным обстоятельствам, способны оставаться собой. Роман писателя рассказывает о судьбе человека, вся жизнь которого — сплошная борьба: вначале за элементарное существование, затем за «место под солнцем», а в конечном итоге — за собственную душу, за высший смысл бытия. Вот лишь общие штрихи петлистого пути деревенского парня Родиона Бывакина, основного персонажа книги: безотцовщина, постоянная травля мальчишки его же одноклассниками, тюрьма, куда он попадает по малолетке. Повествование развивается по законам хорошего детективного жанра, глубоко увлекая читателя элементами тайны и загадки. Сюжет достаточно энергичный, находящийся в движении, как бы незаметно, но поступательно его герой идет к намеченной цели.

Отсидев свой срок на малолетке, Родион попадает во «взрослую» колонию, где его берет под личное покровительство тюремный авторитет Доктор. Такая опека для него была «и благом, и наказанием». Чтобы сохранить немалые капиталы, которые будут для молодого парня не только испытанием, но и шансом начать другую жизнь, Доктор, используя старые связи в криминальном мире, добивается его досрочного освобождения. Мы видим воочию, что в нашу когда-то предсказуемую и налаженную жизнь стремительно вторгается иная новая действительность — не утопически-очищенная, которую выстраивали в своем воображении в 1987 году путающие литературу с жизнью либералы-интеллигенты, а реальность с кровью, преступлениями, рэкетом.

Судьба не щадила героя Н. Олькова. Вопреки всему происходящему, Родион открывает в себе предпринимательскую жилку, редкое умение прибыльно вести серьезное дело, и деньги Доктора пришлись как нельзя кстати. Сам же владелец этих солидных капиталов, настоящее имя которого Иван Александрович Бачурин и которому наш Родя до конца дней своих будет благодарен, вскоре умирает. И герой романа буквально спустя какое-то время уже не Бывалый, как совсем недавно знал его криминальный мир, а Родион Петрович Бывакин, сумевший не только ловко вести бизнес, но и своевременно вернуть зарубежные деньги, а в горячий разгар приватизации приобрести солидную строительную организацию с собственным производством и двумя заводами, объединив все это в состоятельную корпорацию «Командор». Он занимает прочное место в новом мире, пришедшем на смену старому, открывающему для него самые высокие двери. Теперь уже губернатор говорит с ним на равных, поскольку удачливый бизнесмен активно развивал производство у себя на родине. Ведь тогда в перестройку люди казались странно обезличенными, как-то большинство в одночасье потеряло свою индивидуальность. Те, у кого были деньги, открыто стремились на Запад, поближе к доступным благам цивилизации. Но для Родиона Бывакина всего дороже оставалась родная деревня с чисто русским названием Лебедево. Нет, не забывал он, как в колонии у него была заначка — кусочек хлеба, «подсохшего, пахнущего мышами и махоркой, но — хлеб, его ничем не заменишь». Хлеб и правда, такая же трудная, порой горькая, которая тоже у каждого своя. Хотя не только хлебом единым сыт человек, но и без него не выжить. Автор, как бы невзначай, ненавязчиво направляет главного героя в нужное русло, чувствуя его врожденное стремление к земле.

Неизменный читательский интерес вызывает и сквозная тема книги — тема непреодолимой дилеммы социальных сословий. Среди авторских подходов здесь присутствует соединение разнородных стилей, идей, встречаются некие особенности эклектичности. Подобным примером обращения к старинной манере изложения мыслей, душевной, неспешной, манере утонченной, оставшейся в XIX веке, можно считать письма прадеда княжны Лады Станиславовны Бартеневой-Басаргиной, хра-

нящиеся в ее личном семейном архиве, которые она любезно предлагает прочесть своему знакомому Родиону Бывакину. Сегодня уже, увы, практически никто так не пишет! Он откровенно захвачен этим далеким повествованием, письмом к горячо любимой жене, полным чистых и высоких чувств, поражен судьбой осужденного и сосланного в Сибирь прадеда Лады, так живописно поведавшего об удивительных сибирских местах, при этом не утратившего веры, любви к жизни. Родион понимает всю иронию судьбы, что коварно проявилась в неожиданно вспыхнувших к нему чувствах Лады, «сопредседателя губернского Императорского собрания», в ее любви, граничащей с безумием, да еще к кому, к бывшему зэку! «Вы живете иллюзиями, а я в гуще каждодневной жизни с ее грязью, обманом, воровством...» — жестко отвечает он девушке, подразумевая абсолютную противоположность их взглядов. «Нас века разделяют», — бросает ей Родион резкую фразу, словно подписывает окончательный приговор, ни на минуту не сомневаясь, что подобное разделение стереть невозможно. Ведь и создание сословного общества — тупик, некая иллюзия, когда не стоит рассчитывать на «новых дворян». Социальное разобщение — неизбежный спутник размывания вековых общинных скреп народной жизни. К сожалению, оно поразило и наше современное общество.

Следуя достаточно подробным бытовым деталям повествования, надо признать, что личная жизнь нашего героя, сопровождаемая разными любовными историями, не сразу складывается удачно, а степной образ луноликой красавицы в череде каждодневных забот, неотложных дел так и останется для него лишь прекрасной и недостижимой мечтой. Переосмыслить свою жизнь, вернуть утраченное, вновь обрести единственную женщину и сына его заставляет смерть матери. Родион Бывакин принимает важное и мучительное решение, что станет в его судьбе самым главным: он создает в родной деревне Лебедево агрофирму «Труд». Причем само название заключает в себе великий смысл: труд — значит, творчество, которое приходит с любовью к земле, а не просто рабская работа, что от слова раб. «Целую деревню поднять — это великое дело <...> А главное — родина, земля, и люди тебя помнят», — обращаются к предпринимателю его земляки. В то же время настораживает один момент, что многие, по словам жителей деревни, «на себя уже робить не хотят», народ привык к «железной руке», перестал верить в свои силы, в то, что что-то путное может у него получиться. Отойдя от книжных событий, мы сталкиваемся с неким раздвоением личности, случившемся с целым народом, повлекшем за собой неизлечимую болезнь потерянной родины. Сказалось пагубное влияние перестройки, когда человек опять отвык трудиться на земле. А чья она? Произошло вырождение нации, необоримая усталость, корнями уходящая в прошлое, одолела народ, усталость, заставляющая забыть его о своем духовном первородстве.

Подлинный мастер эпического полотна народной жизни, русский писатель П. Проскурин говорил: «Слишком глубоко зашло разрушение. А спасение только в осознании своего национального пути, своего национального характера. Спасение придет только тогда, когда русский народ осознает себя историческим народом, как это было раньше, и чего попытались его лишить». Бесконечно печальный писатель В. Распутин словно вторил ему, когда характеризовал период перестройки: «Народ оступился. Если раньше он оступался, то ненадолго. Он брал себя в руки. А тут он не захотел уже. Он устал... Сейчас, мне кажется, обречен весь мир. Подошло время негодности этого мира». Какие вещие строки! Очень хочется, чтобы Распутин ошибся в своем приговоре. Ведь им же было сказано и другое: «Несомненно, русская литература жива...»

Жива и русская земля, необозримая по широте и величию своих бесконечных пространств. Когда в голодные годы из Центральной части России переселялись в Западную Сибирь крестьяне, о чем рассказывается в книге «Хлеб наш насущный», они везли с собой и свою церковь. Крестьянин — от слова крест. Надежда на возро-

ждение у русского человека остается всегда. Нет-нет, да и наши мысли вернутся в сегодняшнюю Россию: «Душа и глаз просят церкви на одном из холмов — белой свечи, которая тотчас собрала бы день и даль, а чаша озера при первом звоне ответила бы чаше неба. Но далеко разошлись друг от друга русские деревни, все меньше изб выбегают посмотреть на свое отражение, и красота отзывается болью, как если бы весь этот ненаглядный день в облаках, птицах и водах о чем-то молил твое сердце, заранее зная, что не удержит тебя», — с пронзительным лиризмом писал В. Курбатов, так же, как когда-то и П. Проскурин, и В. Распутин, как сегодня пишет и Н. Ольков, аналогично спрашивая самого себя о том, «когда же мы из населения станем народом?».

Именно такие перемены в умах, в настроениях народа происходят в повествовании Н. Олькова, деревенские люди хотят трудиться на своей земле. И. Ильин в свое время пророчески изрек: «Несчастье современного человека велико: ему не хватает главного — смысла жизни». Ищет смыслы, поддержку, доверие народа и герой книги «Хлеб наш насущный» Родион Бывакин, который возвращается к своим истокам, к своим глубинным корням. В убыток собственному агробизнесу он спасает соседние хозяйства от банкротства, закупает самую современную агротехнику, строит кормозаготовительные комплексы, жилые дома для тружеников нового колхоза, подбирает надежных людей, для которых слово не расходится с делом, расширяет хозяйство, какое переименуют потом в агрофирму с символичным названием «Бывакинская». Родион задумывается: «<...>зачем живет человек на свете? В муках рождается, потом всю жизнь мучается, не все, понятно, но народишко-то белого света не видит. Мать в колхозе с темна до темна...» — вспоминаются ему и детские годы, трудное время внутреннего одиночества, когда он, спасаясь от окружающей его враждебной действительности, уходил в себя. Поэтому сегодня и хочет он вернуть народу хорошую жизнь, чтобы человек мог гордиться своим трудом. В романе четко обозначается авторская прохладность какой-либо политической ангажированности, что подводит незримую, но определенную черту во всем «Сибирском романе» Н. Олькова.

«Незнакомые чувства испытал Бывакин, впервые войдя в свои хлеба. <...>Хлеб. Огромными волнами, похожими на колебания океана, колыхнется пшеница. Так было всегда, и дед его, наверно, при единоличной жизни вот так же выходил к полю и ждал, что оно ему даст. И он сейчас, неожиданный хлеботор, случайный крестьянин, полон этих страстей: что даст, что будет?» — необъяснимое состояние испытывает он, так же желая привезти сюда и своих сыновей, чтобы сохранить эту нераспавшуюся родственную связь времен. Важно, когда твой труд не рассеивается прахом, а может быть материализован и передан детям, что увеличит в будущем их стартовые возможности, когда накапливается не только материальный, но и духовный капитал, и земля, облагороженная человеческим трудом, становится настоящим достоянием народа. «Общение с природой, родство с нею, труд во имя нее — есть древняя, неизменная, самая, быть может, надежная радость в жизни человека», — вдохновенно писал В. Астафьев.

Вечные, вневременные ценности — земля и хлеб — были всегда спасительными для русского крестьянина. «Только хлеб — это жизнь... хлеб — он насущный, он каждый день нужен, без хлеба человек не сможет прожить», — убежден и наш герой. Вот он, «бывший эзк, народный мститель и крестьянин, верный земле, на которой родился», Родион Петрович Бывакин, с трепетной любовью бережливого хозяина собирает в поле золотые стебли пшеницы, вяжет крепкий сноп из зерна, чтобы стоял в его деревенском доме как самое большое богатство, как великий смысл человеческого бытия — этот искрящийся солнечным светом букет из хлебных колосьев. «Хлеб. На каждый день. И на всю жизнь», — какая надежная опора — земля, деревня!

И какие широкие крылья — история, память! В наш зыбкий, по-прежнему смутный час, как будто свыше даны они писателю эпохального «Сибирского романа»,

уверенного в величии русского пути, в возрождении России. Нам остается лишь оценить сделанное этим замечательным художником слова, поразиться его масштабности! Только человек, любящий свою землю, свой народ, человек, сильный духом, способен воссоздать такие мощные русские темы!

Пусть в завершение прозвучит проникновенное высказывание Василия Шукшина, русского человека с такой же, как и у Николая Олькова, бесконечно растревоженной совестью и душой: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту. Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами. Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

Александр Балтин
(г. Москва)

К 160-ЛЕТИЮ ЧЕХОВА

Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая собрание сочинений в 5 томах), свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Эстонии, США. Лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки.

Ни у кого из писателей не было столько «вторых имен», как у Чехова. «Фамилию я отдал медицине, с которой не расстанусь до гробовой доски. С литературой же мне рано или поздно придется расстаться. Во-вторых, медицина, которая мнит себя быть серьезной, и игра в литературу должны иметь разные клички», — писал Чехов литератору Билибину.

Псевдоним — подпись, которой автор заменяет свое настоящее имя. В переводе с греческого языка слово псевдоним (pseudos и опута) означает «носящий вымышленное имя». Многие писатели и поэты по разным причинам печатали свои произведения под псевдонимом. Самым изобретательным в придумывании псевдонимов был Антон Павлович Чехов, который писал литератору Билибину: «Фамилию я отдал медицине, с которой не расстанусь до гробовой доски. С литературой же мне рано или поздно придется расстаться. Во-вторых, медицина, которая мнит себя быть серьезной, и игра в литературу должны иметь разные клички» (из книги: Дмитриев В. Г. Скрывшие свое имя. — М.: Наука, 1980).

Ни у кого из писателей не было столько «вторых имен», как у Чехова. Всего известно свыше 50 чеховских псевдонимов.

В указателе псевдонимов Чехова встречаются такие: А. П.; Антоша; Антоша Чехонте; А-н Ч-те; Ан. Ч.; Ан, Ч-е; Анче; Ан. Че-в; А.Ч; А. Че; А. Чехонте; Г. Балдастов; Макар Балдастов; Брат моего брата; Врач без пациентов; Вспыльчивый человек; Гайка № 6; Гайка №9; Грач; Дон-Антонио Чехонте; Дяденька; Кисляев; М. Ковров; Крапива; Лаэрт; Прозаический поэт; полковник Кочкарев, Пурселепетанов; Рувер; Рувер и Ревур; С. Б. Ч.; Улисс; Ц; Ч. Б С.; Ч. без С.; Человек без селезенки; Ч. Хонте; Шампанский; Юный старец; «...въ»; Z. Юмористические подписи и псевдонимы Чехова: Акакий Тарантулов, Некто, Шиллер Шекспирович Гете, Архип Индейкин; Василий Спиридонов Сволачев; Известный; Н. Захарьева; Петухов; Смирнова.

Первое место в ряду использованных писателем псевдонимов занимает подпись Антоша Чехонте. Она стала основным псевдонимом Чехова-юмориста. Именно с этой подписью молодой студент-медик рассылал в юмористические журналы свои первые произведения. Он не только употреблял этот псевдоним в журналах и газетах, но и поставил его на обложке двух первых авторских сборников («Сказки Мельпомены», 1884, и «Пестрые рассказы», 1886). Исследователи литературного наследия писателя полагают, что псевдоним Антоша Чехонте (варианты: Антоша Ч***, А-н Ч-те, Анче,

А.Чехонте, Чехонте, Дон Антонио Чехонте, Ч. Хонте и т.д.) возник, когда Чехов учился в таганрогской гимназии, где законоучитель гимназии Покровский любил переименовывать фамилии учеников. Шуточное письмо в редакцию «Осколков» Чехов подписал «полковник Кочкарев» (гибрид полковника Кошкарева из «Мертвых душ» и Кочкарева из «Женитьбы» Гоголя). Происхождение псевдонима Брат моего брата исследователи связывают с тем, что с 1883 года Чехов стал печататься в тех же юмористических журналах, в которых до него выступал его старший брат Александр. Чтобы не создавать путаницы, Чехов на титульном листе своей книги «В сумерках» (1887) написал фамилию с уточненными инициалами: «Ан. П. Чехов». А потом стал подписываться Брат моего брата. Остальные псевдонимы Чехова были, как правило, недолговечны и применялись исключительно для комического эффекта: Макарь Балдастов, Врач без пациентов, Гайка № 6, Гайка № 9, Крапива, Прозаический поэт, Рувер, Шампанский и т.п.

И только псевдоним Человек без селезенки имел серьезную семантическую составляющую «медицинского» характера. Им Чехов пользовался более десяти лет. Под этим псевдонимом (и его вариантами: Ч. без С., Ч. Б. С., С. Б. Ч.) вышло 119 рассказов и юморесок и 5 статей и фельетонов. Необычный чеховский псевдоним, считают ученые, зародился на медицинском факультете Московского университета, где самым сложным курсом считался курс анатомии, с которым, возможно, и связано сочетание Человек без селезенки.

Несмотря на то, что свои произведения Антон Павлович подписывал разными именами, ни один из псевдонимов не «прижился» в его творчестве. Он вошел в отечественную и мировую литературу под своим именем.

ЧУДО ЧЕХОВА

Чехов входит (входил в более естественные, с меньшим технологичным и денежным избытком времени) в жизнь людей с детских лет — «Каштанка», отдельные юмористические рассказы...

Чехов открывал мир юмора доброго, и вместе с лукавым прищуром — как позже — саркастическим острием рассекал плоть социума: когда нельзя было оным отсечь больные члены...

Галерея подхалимов, корыстолюбцев, дураков выстраивалась, чтобы, заняв свои места на сцене общечеловеческого представления, показать, как не надо жить, как не следует вести себя...

Мудрая улыбка доктора обеспечивала точность изображения; если ранние рассказы Чехова еще не сверкали каждой фразой, то начиная со «Степи» создавалось магическое ощущение золотых словесных нитей, из которых составлялись практически все уже повести и рассказы.

Чехов показал, что для построения полновесного образа не обязателен большой объем: скажем, в рассказе «Супруга» персонажи столь мощно поднимаются со страниц, что не верится, что их всего несколько...

Прогуливается по набережной дама с собачкой, ожидая того, о чем и не догадывается еще.

Вздыхает, предчувствуя кончину, архиерей, счастлив напоследок уж тем, что познакомился с маменькой, пусть и родеющей перед ним, поднявшимся так высоко.

Скрипка Ротшильда будет рыдать, оплакивая Бронзу, всю жизнь разменявшего на гробы.

Все просто. Все страшно.

Лучшие люди города оказываются сумасшедшими, и паровозы двадцатого века разорят вишневые сады такой теплой, уютной, барской жизни...

Суммарно произведения Чехова созидают энциклопедию тогдашней российской

жизни: от деревни до городских дебрей, от любви, как физиологии, до вершин сияющих основного чувства; от делового напора до тихих углов нищеты.

Но если это энциклопедия нравов и быта, то образы, вписанные в нее, не имеют временных измерений: они давно живут среди нас, и можно увидеть даму с собачкой и Гурова на соседней улице, хотя одеты они будут по-другому...

Все теперь иначе, и, возможно, мало кому из детей читают «Каштанку», но короба метафизических драгоценностей, собранных Чеховым, остаются сверкать и переливаться, меняя к лучшему тех, кто прикоснется к ним.

СКРИПКА РОТШИЛЬДА

Каждая фраза стремится стать этапом жизни, являясь ее сгустком.

Вообще-то от «Скрипки Ротшильда» берет жуть — метафизического толка: почему все так устроено?

Кем?

Зачем?

Почему и зачем чудо жизни сводится к убогому, как старая изба, городишку, где, зажатый в тисках обстоятельств, коротает свой век основательный гробовщик?

Зачем простота жизни такова, что непременно вспомнится про воровство, которого она хуже?

Был ли у Бронзы музыкальный, исполнительский талант, который можно было бы развить, чтобы выдраться из болотистой яви?

Он записывает цену на гроб старухи-жены до того, как она скончается, — и делает этот гроб, обругав перед тем врача, отказавшегося лечить.

...лечить, похоже, надо общество, причем, любое, что невозможно.

Все сухо, точно, страшно, блестяще.

Да, фразы, точно прорезанные алмазом, блестят, или от них идет ровное золотое свечение.

Старуха умерла.

Она вспоминала девочку, но ей мерещилось это.

Яков умрет за ней, завещав свою хорошую скрипку Ротшильд.

Слезы, выступающие по окончании чтения, логичны — хотя отчасти это слезы бессилия: не помочь никому...

Хотя, как знать? Быть может, вписанные в своды бессмертия Яков, Марфа, Ротшильд обрели нечто, нам не доступное...

МЕХАНИЗМЫ ДРАМАТУРГИИ

«Вишневый сад», как вход в двадцатый век, и не способные устроиться в нем, будут перерезаны колесами налетающего поезда.

А чаек убивать нельзя.

Вам жалко Треплева, который с не меньшим, чем у Тригорина талантом никогда не добьется его положения, не добьется никакого, и доктору Дорну придется объяснять, что у него в саквояже лопнула склянка с эфиром.

Фирс, несчастьем познавший свободу, будет говорить о том, что человека забыли.

Забыли.

Скорее о нем.

Иванов тоже покончит с собой, как Треплев, словно зигзаги судьбы могут повторяться, или основные метафизические узлы завязываются в душах многих.

В жизни все просто, говорит граф Шабельский: потолок белый, сапоги черные, сахар сладкий.

В жизни все сложно, как в пьесах Чехова, в которых сам он видел комедии.

Вероятно, имея в виду человеческую комедию вообще.

ЧЕХОВ, КАК ПОЭТ

Этого я не знаю — так начинает статью «Что такое поэзия» Иннокентий Анненский.

Тем не менее, поэзия не только организованная определенным образом речь, подразумевающая соответствующий рисунок записи: поэзия — ощущение неба, наполняющего жизнь; и — некая таинственность, разлитая в ней — почти повсюду; поэзия — тонкость мировосприятия, и сострадание малым сим, чья жизнь, как правило, исполнена свинцовой необходимости, не объясненной никем.

Поэзия наполняет прозу Чехова в высшей мере: и слоюсь великолепно сделанным, всегда зримым, столь тонко играющим красками пейзажем; и пропитывая речь говорящих, и серьезно мерцая жалостью — будь то Бронза, обреченный на гробы вместо музыки, или Каштанка, утратившая привычную жизнь...

Поэзия прозы всегда связана с жизнью в большей мере, чем поэзия, созданная записью в столбик и с рифмами, ибо люди стихами не говорят.

Поэзия Чехова сумеречна, в несколько лиловатых оттенках, и связана, пожалуй, с осенью серьезнее, нежели с каким-то другим временем года.

...элегически падают листья, создавая необыкновенно красивый узор, и вода в пруду отливает чернотой и золотом.

Некто, сидящий с удочкой, ибо пойманный окунек подарит короткий зигзаг счастья.

Мисюсь больше никогда не увидеть — и в этом тоже поэзия.

Архиерей устал от церковной жизни — как и от жизни вообще, от карьеры своей, возраста: и никогда не вернуться в детство.

Корабль выходит из порта, чтобы прийти в новый.

Человек рождается, чтобы проделать свой путь, и родиться снова, только про это второе рождение нам мало что известно.

Или ничего совсем.

Что не исключает поэзию всего, происходящего с нами, столь точно переданную прозой Чехова.

ЧЕХОВ И ГОРЬКИЙ

Чехов, предлагая стилистику, близкую к понятию совершенства, золотому сечению, когда комбинация золотых нитей фраз, организующих панораму людского сообщества, и Горький, идущий из глубины народных гущ и перерабатывающий эту руду в словесный материал, — слишком разные для одного времени.

Тем не менее, история литературы, сохраняющая документы о неплохих их отношениях, свидетельствует о наличии и творческих точек соприкосновения двух классиков.

Точки эти: болевое ощущение человеческой жизни, отношение к человеку как мере вещей, и сострадание, множимое на сожаление, что сострадание это необходимо.

Человек всегда мал — даже если серьезно положение его в мире; человек всегда слаб, даже если стоит за ним духовная (не очень понятная, если по правде) сила.

Именно так: подспудно, подopleкой развертывающихся бытовых и бытийных панорам прослаивает метафизика книг Чехова и Горького; именно это сближает их.

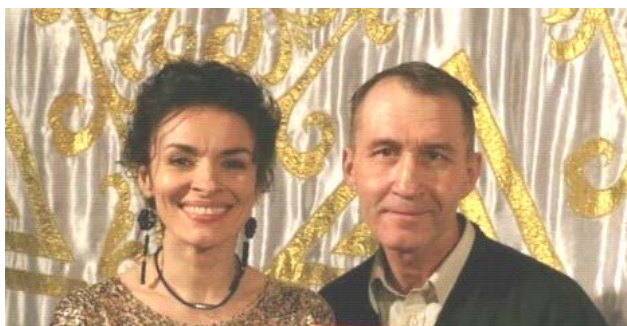
И еще — тоска по алмазно-прекрасной, безусловно, светлой жизни, которая так и не настала, увь.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Надежда Мейхер-Грановская:
«ВИА Гра» — важная часть моей жизни»

Сегодня мы предлагаем нашим читателям интервью **члена Союза журналистов России Николая Тимохина**, которое он взял во время личной встречи со звездой, на ее концерте в казахстанском городе Семее, специально для журнала «Приокские зори», где его новым собеседником стала украинская певица, актриса кино, телевидения и мюзиклов, телеведущая, продюсер, поэтесса и дизайнер, солистка украинской женской поп-группы «ВИА Гра» — **Надежда Мейхер-Грановская**.

Николай Тимохин:

Вы долгое время успешно работали в группы «ВИА Гра». Какие у Вас воспоминания остались об этом периоде? Нет ли ностальгии по тому времени?

Надежда Мейхер-Грановская:

«ВИА Гра» — важная часть моей жизни, с которой связано много и хорошего, и не очень. Надеюсь, полученный опыт поможет мне правильно выстроить свою дальнейшую судьбу. А если и были какие-то разочарования за эти годы — что ж, все мы по молодости набиваем шишки и учимся на ошибках. В общей сложности трижды покидала группу. Впервые — в 2002 году, когда рожала сына. Второй раз — в 2006-м, разочаровавшись в шоу-бизнесе. Три года не выходила на сцену, работала на телевидении, но продюсеры уговорили начать все сначала. Через два года я опять с ними попрощалась. А в 2013 году стала участницей телевизионного проекта Константина Меладзе «Хочу в «ВИА Гру»!» и в каком-то смысле снова вернулась в «родную стихию».

Николай Тимохин:

Считаете ли Вы, что лучшие друзья девушек — это все же бриллианты? А может кого-нибудь из них что — то более приземленное интересует? Или наоборот — Звезда с неба и точка?

Надежда Мейхер-Грановская:

Начну с того, что каждый из нас абсолютно со своими какими-то внутренними потребностями, взглядами на жизнь, позициями, и мы все очень разные. Конечно же, есть девушки, женщины, которым важнее материальные вещи. Но им ошибочно кажется, что они любят мужчину, потому что он о них заботится, но как только он вдруг перестанет о них заботиться, вся любовь как рукой снимется.

Если говорить обо мне, я из тех женщин, которым, конечно, важны чувства. Я не говорю о том, что мне не важен комфорт, мне не важно чтобы мужчина заботился обо мне, как само собой приходящее. Любящий мужчина всегда будет заботиться о своей любимой женщине. Но для меня важно, чтобы я любила, для меня важны чувства, для меня важно, чтобы я, скажем так, занималась любовью, а не сексом.

Для меня важно, чтобы я с удовольствием обнимала этого человека, или если он меня обнимает, то чтобы я получала от этого истинное удовольствие. Я даже не представляю, как это возможно, когда женщина пытается завоевать мужчину, потому что он такой-то, богатый или может дать ей ощущение комфорта, безопасности. Если мой мужчина хочет мне купить что-то материальное, и хочет мне это подарить, сделать приятное, мне, конечно же, это приятно принять, но для меня это никогда не было во главе всего.

Николай Тимохин:

Вы и певица, и актриса, и телеведущая, и поэтесса, и дизайнер. Как Вам удастся все это совмещать? И что из всего перечисленного для Вас важнее?

Надежда Мейхер-Грановская:

В первую очередь, слава Богу, все, чем я занимаюсь, не нужно проявлять одновременно. Если появляется вдруг какой-то проект, и я участвую, как ведущая, что-то отсекается. То есть, нет такого, что в моей жизни и кино, и тут же я веду какую-то программу, и тут же и гастроли. Я люблю все, чем я занимаюсь, и получаю от этого огромное удовольствие. А когда это все в одном, конечно, ты теряешь ориентир, очень много сил и, в конечном счете, само удовольствие. Если ты не делаешь что-то с удовольствием, ты не можешь дать качественную энергию зрителю. И поскольку я являюсь хозяйкой своей творческой жизни, то, в принципе, стараюсь все как-то так распределять. Правильная расстановка приоритетов мне дает возможность сэкономить свои силы и направить их на какие-то важные вещи.

Николай Тимохин:

Как Вы относитесь к современной поп-музыке? На Ваш взгляд, она заслуживает критику или вызывает уважение и интерес?

Надежда Мейхер-Грановская:

Вы знаете, я бы таким образом не расценивала музыку и ее не воспринимала — стоит ли она критики или не стоит. Я считаю, что музыку, в принципе, нужно чувствовать, и если есть люди, которым нравится поп-музыка, а они безусловно есть, они ее слушают, она их вдохновляет, эта музыка их настраивает на какой-то определенный лад. Музыка — это не политика, не юриспруденция — это та вещь, которую ты можешь воспринимать исключительно на ощущениях. Музыка — это то, что не нужно оценивать, это то, что нужно чувствовать, нравится, не нравится. Если нравится, я ее слушаю и мне становится хорошо.

Музыка — это же настроение, это энергия, которая в нас выделяется, когда мы слушаем тот или иной трек. Поэтому, если говорить обо мне лично и моем отношении к поп-музыке, оно достаточно разное, смотря какая поп-музыка. Конечно же, я в большей степени нацелена на европейскую поп-музыку, и в моем сердце навсегда остаются Джордж Майкл, Принц, Майкл Джексон, Луи Армстронг, Тина Тернер. Я выросла на этой музыке, и она так и остается в моей душе. Конечно, возникает что-то новое, очень интересное, например, певица-афроамериканка Iyeoka Okeowo с «Falling for you». Это невероятно красивая, просто завораживающая композиция, это не совсем поп-музыка, но все равно, около того, она меня совершенно вдохновляет, как-то для меня актуальна эта песня.

Понимаете, я исключительно музыку воспринимаю на ощущениях. Я могу складывать ее по полочкам. Потому что музыка — это определенные вибрации, это определенные ощущения. Она с нами сливается, та или иная песня для нас именно сейчас актуальна, проходит время — и эта песня становится не актуальна. Я с детства любила такую музыку, где есть смысловая нагрузка, наполнение, где можно драматически, драматургически себя проявить.

И сейчас я не отрешиваюсь от поп-музыки, тем более я в ней работала и продолжаю работать. И пою поп-музыку, иногда на каких-то мероприятиях, но в основном это мой спектакль, это мировая классика, которую я с удовольствием исполняю

на английском, французском, испанском, русском языках. Это романсы, русские романсы. Я обожаю русские романсы и знаю, что в них сказать.

В них я в полной мере могу раскрыть свои эмоции, глубину своего состояния. Через текст донести удивительную энергию, которую в себе несет романс и, соответственно, конечно же, отдать свою энергию. Но чтобы что-то дать, ты должен наслаждаться тем, что ты поешь, какие ты песни поешь, тогда ты можешь действительно дать качественную энергию зрителю.

Николай Тимохин:

С июня 2017 года Вы снимаетесь в многосерийном фильме «Ничто не случается дважды», у режиссера Оксаны Байрак, в прокат сериал выйдет в 2018 году. Расскажите об этом проекте. Вам нравится сниматься в кино, и будете ли еще планировать?

Надежда Мейхер-Грановская:

Как можно планировать сниматься в кино? Тут ты планируй, не планируй, если пригласят — ты будешь сниматься, и если понравится роль. Не пригласят — не будешь. Как ты можешь это планировать? Конечно, мне нравится сниматься в кино, мне бы очень этого хотелось. Хотелось бы сниматься в интересных картинах, но все зависит от режиссера. Если режиссеру подходит твой типаж, то он тебя пригласит, если нет, то нет. Это не зависит от тебя. Как бы я ни хотела сниматься в кино, все зависит от того, интересна ли я режиссеру как героиня, которую бы он увидел для своего фильма.

Так, собственно, произошло с фильмом «Ничто не случается дважды», когда Оксана искала себе определенный типаж для своей героини. И совершенно случайно вспомнила обо мне. И в общем-то меня пригласила. Я могу сказать, что это невероятно интересная роль, в которой можно, что касается эмоций, совершенно амплитудно себя ощутить с разных сторон. Потому что ощущение по моей героине, словно она проживает пятилетку за год. И когда я прочла сценарий, я моментально согласилась, не раздумывая, потому что такая роль, достаточно неоднозначная. Я не играю какую-то супер-красавицу, соблазнительницу. Эта такая роль, которую спокойно можно перенести в жизнь, где есть свои взлеты, падения и трагедии. И моя героиня, конечно, в этом плане абсолютно уникальный персонаж, который проживает столько всего за свою жизнь, столько терпит поражений и побед, что, наверное, нужно жизни две прожить!

У нас события происходят в Грузии, на заставе, в 90-е годы. Моя роль потрясающая. Я невероятно благодарна Оксане Байрак за такую честь, не побоюсь сказать такие слова. О такой роли можно только мечтать. Сейчас еще идет продолжение съемок, съемочный процесс не завершен, но мне очень интересно увидеть конечный результат. Посмотреть этот фильм и понять, насколько я себе верю как актрисе. Насколько я органична, насколько я передала характер моей героини. А с Оксаной Байрак очень интересно работать. Поскольку она сама пишет некий такой синопсис, и эту историю, знает, что она хочет от каждого актера. Оксана знает, каким должен быть каждый герой, который отображен в этой картине.

Николай Тимохин:

1 октября 2017 года состоялась премьера авторского спектакля «Historia de Un Amor» в России. Далее планируются показы в странах СНГ, в том числе по городам России. Как родилась идея его проведения?

Надежда Мейхер-Грановская:

Когда я участвовала в проекте «Лед и пламя» с Петей Чернышевым, мы попробовали танцевать аргентинское танго, и с этого момента я собственно его и полюбила. Поэтому в спектакле задействованы все три направления, которые меня в разное время невероятно увлекали. Спектакль состоит из поэзии, авторских стихотворений, из русского романса (известных композиций), песен на испанском языке и аргентинского танго. Что меня вдохновило? Это мои вышесказанные пристрастия, а если го-

ворить о человеке, то меня никто не вдохновлял из людей, скорее, это был творческий порыв. Я решила объединить то, что безумно люблю. И, конечно же, я опиралась на некую историю, которая родилась в моей голове. Она в какой-то степени имеет отношение к моей жизни, хотя это все-таки собирательная история, это просто в целом жизнь человека.

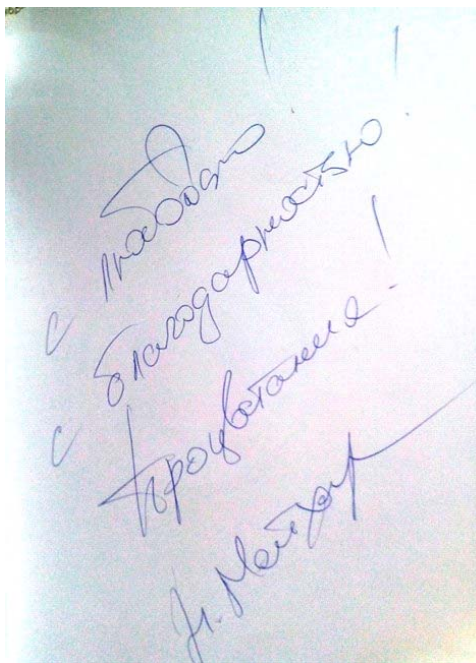
Николай Тимохин:

Осенью 2009 года у Вас вышел сборник стихотворений «Сиюминутное влечение». Считаете ли Вы себя поэтессой? Или это временное увлечение?

Надежда Мейхер-Грановская:

Я никогда себя не считала поэтессой и не имела желания постигнуть эту профессию. Вообще — это не профессия. Быть поэтом — это какой-то глубочайший порыв души высказать на бумаге то, что роится у тебя в душе. Какие ты испытываешь эмоции, тебе хочется это запечатлеть, тебе хочется это, скажем так, высокопарно — «канонизировать», чтобы то, что ты пережил, какой-то всплеск бурных эмоций, это все бы вышло на чистый лист бумаги, в виде стихотворения, и застыло.

И, конечно, для меня это был порыв, изначально я просто писала, потому что мне просто хотелось. Я не собиралась это никому показывать, я искала себя, свой почерк, искала, истинные свои какие-то ощущения в виде слов, то есть я искала все те обороты, что я действительно чувствую. Мне это очень сильно помогло в моей основной профессии. И, в конечном счете, стихи, которые я периодически писала, внесла в свой авторский спектакль «Historia de Un Amor». Поэтому я не считаю, конечно же, себя поэтом. Но это не значит, что я прекращу писать. Если я что-то хочу делать, я это делаю и не боюсь давать это слушать людям. Внедряю все это в те проекты, в которые возможно логично и органично внедрять свои стихотворения. То есть они имеют дальнейшую свою жизнь, мои детища продолжают дальше жить. И для меня это важно, я люблю делиться теми ощущениями и какими-то выводами в своей жизни, взглядами, чувствами, какими-то ситуациями, которые выражены в стихотворной форме.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласилось и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

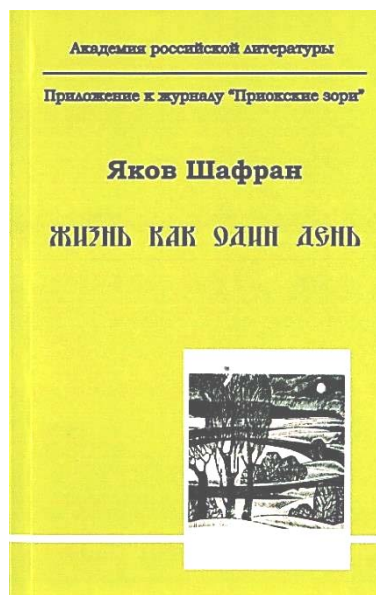
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2021.— № 3.
2. *Северо-Муйские огни*: Авторский литературный журнал.— 2021.— № 2, 3 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы — литературный альманах.— 2021.— № 1, 2 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
4. *Север*: Литературно-художественный и общественно-политический журнал.— 2021.— № 3 + 4 (опубликованы новеллы Алексея Яшина из цикла «Болдинское межсезонье»).
5. *Карлов И. В.* Том второй.— М.: Изд-во «Перо», 2021.— 458 с., ил.
6. *Шелейкова Н. И.* Пленники поневоле и добровольные затворники. В 3-х книгах.— М.: Беловорье, 2020.— Кн. 1.— 400 с.; Кн. 3.— 384 с.; 2021.— Кн. 3.— 352 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 11.— М.: «Новые Витражи», 2021.— 280 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *На крыльях Пегаса*: Межрегиональный литературно-художественный и музыкальный альманах. Вып. 19.— Тула: Изд-во PRINT 71, 2021.— 242 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Алтунина Л. Д.* Лики России. Книга 2: Рядовые Великой Победы (Кн. 1). Солдат войны полковник Кутепов.— М.: БИТ-ПРИНТ, 2021.— 422 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Алексей Яшин*. Страна холода (2): Под опекой Арктогеи: Повесть (одиннадцатая книга рассказов Николая Андреяновича): Академия Российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2021.— 409 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Вадимир Трусов*. Иронический оптимизм сожаления: тетралогия Алексея Яшина.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 85 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;
- поэзия;
- публицистика, включая историко-политическую;
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовав-

шие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2021-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Правление и коллектив Академии российской литературы сердечно поздравляют известного московского издателя, организатора культурно-художественных мероприятий и подвижника современной русской и зарубежной литературы **Марину ЧАЙКИНУ** с Днем рождения и желают доброго здоровья, новых больших успехов в издательской деятельности и всемерного благополучия!

Марина Юрьевна является бессменным издателем вестника Академии российской литературы — международного литературного альманаха «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС», а также многочисленных личных изданий современных литераторов — членов Академии российской литературы и других литературно-художественных объединений.

Правление Академии российской литературы

* * *

ИМУЩЕСТВО ВОЗВРАЩАЮТ ПИСАТЕЛЯМ

Решением Росимущества 30 апреля с.г. бывшее здание Союза писателей СССР по адресу: улица Поварская, дом 52/55 передано вновь созданной Ассоциации союзов писателей и издателей (АСПИ). В нем уже прошло первое заседание учредителей Ассоциации.

* * *

Яков Шафран

С ПУШКИНСКИМ ДНЕМ РОССИИ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Главным делом Александра Сергеевича было, кроме великой и прекрасной поэзии, создание современного литературного языка. Он завершил то, что было сделано до него Ломоносовым и Карамзиным, введя наиболее гармоничные, согласованные и благозвучные каноны русского языка.

Пушкину принадлежит утверждение роли мысли и свободы в жизни человека: «Да будет же мысль свободна, как должен быть свободен человек», писал он. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» — как еще было лучше сказать о духовном пути, ибо мысли определяют движение по нему, а страдание способствует развитию духа, в отличие от благополучия и покоя.

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

РОСС НЕПОБЕДИМЫЙ НА КОМСОМОЛЬСКОМ, 13

В начале марта председатель Союза писателей России Николай Иванов на очередном секретариате объявил об учреждении премии «Росс непобедимый» имени Валерия Ганичева, а уже в Дни торжества славянской письменности и культуры в Шолоховском зале на Комсомольском проспекте, 13 вручали дипломы первым лауреатам.

Награждение проходило в неформальной обстановке, а скорее это была встреча хороших людей в хорошем месте, под омофором образа святого воина Феодора Ушакова и скульптурных портретов классиков Александра Пушкина, Льва Толстого и Михаила Шолохова.

Народный артист России Юрий Назаров читал любимое стихотворение В. Н. Ганичева «Я убит подо Ржевом» Александра Твардовского, развернул перед нами и поэтическо-прозаическую панораму сопротивления славян западному миру, Геннадий Иванов, Татьяна Щорс, Марина Ганичева и Валерий Хайрюзов, Виктор Нефедьев, Александр Елисеев, Борис Виленский, Алексей Лазарев с любовью делились своими воспоминаниями о В. Н. Ганичеве, чье имя носит новая

историческая премия «Росс непобедимый», Полина Нечитайло пела казачьи песни, а Николай Переяслав рассказал о творческих достижениях первых лауреатов, режиссер Николай Раужин поделился рассказом о совместной работе с Валерием Ганичевым над документальным фильмом об адмирале Ушакове... Начало праздника освятил благодарственным молебном и окроплением всех присутствующих протоиерей Сергей Разумцев, вместе трудившийся с Ганичевым в обществе «Ихтиос»

Премией отмечены Сергей Богачев (Донецк) за серию книг «Ударная волна», «Графские наследники», «Богдан Хмельницкий: искушение», «Истории донецкого края», «Истории Дикого поля», Олег Этлухов (Карачаево-Черкессия) за романы «Звезды над Каиром», «Притяжение», «Далекое солнце», «Лунный свет».

Лауреаты сказали свое прочувствованное ответное слово, вспомнили о тех идейных векторах, по которым призывал двигаться Ганичев, рассказали о своих планах на будущие книги, назвали даже их героев. Нас ждет еще много интересного в их исторических расследованиях (Полина Нечитайло услышала среди героев и имя своего предка!) А направление их творчества — история, ее загадки, соединение историей разных народов и стран и неизменная любовь к Отечеству!

Юрий Сбитнев, к сожалению, недавно ушедший в Небесные обители, отмечен за книгу «Тайны родного Слова. Мое прикосновение к "Слову о полку Игореве"», которую он называл «духовным конспектом» к монументальному роману «Великая княгиня».

Приятной неожиданностью для Движения юных ушаковцев было услышать имя их организации среди лауреатов. Центр Федора Ушакова отмечен не за книги, а за продолжение начатого двадцать лет назад дела самого Валерия Николаевича Ганичева, сразу после прославления в лике святого праведного воина Федора Федоровича Ушакова, адмирала флота Российского. Именно Валерий Николаевич призвал создать духовно-просветительское, патриотическое движение юных ушаковцев, наслед-

ников великого адмирала, и обрести молодым людям «океаническое мышление», невероятно важное для гражданина России. Честь принять награду ушаковцы доверили Никите Кобылянскому (Макеевка, ДНР), сестрам Ульяне и Таисии Лотаревым... Ребята не только говорили слова благодарности, но и читали в преддверии дня рождения Александра Сергеевича Пушкина фрагменты из «Евгения Онегина», пели народные пасхальные песни... Татьяна Щорс наградила юных ушаковцев морскими медалями собственного производства, а руководителей движения аж орденом с якорем и «бриллиантами», чем произвела всеобщий фурор...

Словом, торжество продолжалось долго.

И надежда на то, что будет и новая, вторая и третья, четвертая... премии, что жить премии «Росс непобедимый» многие лета, крепла. Да будет так!

* * *

Иван Тараев

СОЗДАЕМ ДОМ-МУЗЕЙ РУССКОГО СЛОВА. ТРУДОВОЙ ДЕСАНТ В ДОМЕ РУБЦОВЫХ

Славные были денечки в Бирякове. Вот когда приходит понимание, что труд — песня. Слаженная, многоголосая, завораживающая. Объем работы на закладке дома-музея «Русского слова» имени Николая Рубцова — был огромен, но он таял на глазах. Около двух сотен рук добровольцев, приехавших на мой призыв на прародину Рубцова из Вологды, Череповца, Пошехонья, Красавина,

Москвы, Архангелогородчины, на глазах превращали захламленный пустырь и обветшавший родовой дом семьи Рубцовых в сказку.

Мы приехали сюда почти не зная друг друга, но расставались через два дня со слезами на глазах. Уезжать не хотелось, и хотя от усталости сводило спины, всех тянуло снова к работе. — Еще бы денек! Недельку! И мы превратили бы этот дом и сад в идеальное место, куда не стыдно пригласить народ со всего мира!

...Что ж, я предложил еще раз собраться в доме «Русского слова» имени Рубцова в сентябре... А пока за два дня установили в новом прирубе мощное языковое древо. Невероятно, но сложили в горнице большую русскую печь. Ошкурили и покрасили старые окна. Отмыли старинную крестьянскую утварь, расписали ее в народной традиции. Убрали мусор. Настроили скамеек. Разбили перед окнами клумбы с любимыми цветами поэта. Рассадку цветов подарил нам комбинат «Тепличный» из Вологды. Спланировали территорию, уложили камнем дорожки, поставили забор и замечательно красивую входную группу... А еще пели песни, читали стихи...

Надо сказать, что все эти события снимали две киногруппы — из Москвы и Санкт-Петербурга. Так что в скором времени можно будет увидеть одухотворенные лица участников помочей в Бирякове и наши труды.

Анатолий Ехалов,
председатель общественного движения «Вологодская деревня», писатель

Валентина Коростелева

Ушла из жизни **Майя Андреевна Полетова**, сделавшая очень много для сохранения памяти о Николае Рубцове, приложившая немало усилий для создания в столице музея его имени, активная участница всех мероприятий, проходящих в память о Поэте как в Москве, так и на вологодской земле. И это она — автор нескольких книг, посвященных любимому поэту, в их числе: «Пусть душа останется чиста... Н. Рубцов. Малоизвестные факты биографии» и «Душа хранит... Николай Рубцов. Малоизвестные страницы биографии».

За все то, что сделала Майя Полетова, было бы совершенно справедливо увековечить ее память перед зданием музея Николая Рубцова в Москве, помочь восстановить который или открыть новый вкупе с властями, на мой взгляд, — дело чести и нашего Союза писателей.

Я была с ней коротко знакома, она надписала мне свою книгу о Рубцове, и я тогда еще не знала, какие пласты каждодневной, упорной работы во имя русской литературы ей приходилось поднимать, с каким трудом давался каждый шаг, и, слава Богу, ей повезло: как правило, она встречала таких же подвижников истинной культуры. Отныне рядом с именем Николая Рубцова, я думаю, гласно или негласно, будет стоять и ее имя. Низкий поклон Вам, удивительная женщина, читавшая стихи Рубцова не хуже хорошего артиста, потому что в каждом слове Поэта пела и звучала в том числе и ее душа.

И мне кажется, что этот человек заслужил того, чтобы о ней узнало много людей, в том числе писателей и тех, для кого поэзия — это вовсе не рифмы, это тот свет, что ведет по жизни каждого человека, что родился в России и не мыслит жизни без нее. Светлая память Майе Андреевне!

* * *

Анатолий Бесперстых

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

110 лет со дня рождения советского писателя, сценариста Виктора Платоновича НЕКРАСОВА (1911—1987), участника Великой Отечественной войны, автора повестей «В окопах Сталинграда» (1946), «Маленькая печальная повесть», «Написано карандашом» и др.

В. П. Некрасов: «На войне узнаешь людей по-настоящему. Мне теперь это ясно. Она — как лакмусовая бумажка, как проявитель какой-то особенный. Валега вот читает по складам, в делении путается, не знает, сколько семью восемь, и спроси его, что такое социализм или родина, он, ей-богу ж, толком не объяснит: слишком для него трудно определяемые словами понятия. Но за эту родину — за меня, Игоря, за товарищей своих по полку, за свою покосившуюся хибарку где-то на Алтае — он будет драться до последнего патрона. А кончатся патроны — кулака-

ми, зубами... вот это и есть русский человек. Сидя в окопах, он будет больше старшину ругать, чем немцев, а дойдет до дела — покажет себя. А делить, умножать и читать не по складам всегда научится, было б время и желание...» («В окопах Сталинграда»).

* * *

ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ. ТЕПЕРЬ ЗА СВОИ?

В апреле этого года Союз писателей России выступил с заявлением — «ПИСАТЕЛИ РОССИИ ПРОТИВ ТОТАЛЬНОГО ДИКТАНТА».

В заявлении подчеркивалось, что из просветительского проект превратился в идеологический.

Писателей поддержало огромное количество людей, библиотек, учебных заведений. Против проведения диктанта на своих площадках выступило Россотрудничество.

И вот мы слышали недоуменный стон грандоедов:

«Фонд президентских грантов отказался выделить организаторам «Тотального диктанта» деньги на его проведение в 2022 году. Об этом в Фейсбуке сообщила директор Фонда поддержки языковой культуры граждан «Тотальный диктант» Ольга Ребковец.

Проект запрашивал у фонда грант на 25 миллионов рублей при стороннем софинансировании в размере 97 миллионов рублей, сообщает «Тайга.инфо».

Хорошие суммы? Только на то, чтобы кто-то из-за границы написал для русских людей некий текст, а затем филологи, библиотекари бесплатно на бесплатных площадках диктовали его согнанным сотрудникам или просто любителям русской словесности.

Не много ли для гонорара — 122 миллиона? Мы понимаем, что кормилась с этого лотка целая команда, но даже для команды — не много ли?

«Было это для нас неожиданным? Не очень. После диктанта этого года мы были готовы ко всему... Было ли это политическим решением? Я уверена, что да. За что потребовалось наказать диктант, объяснять, кажется, долго не нужно», — сказала Ольга Ребковец.

Глава «Тотального диктанта» отметила, что Фонд президентских грантов финансировал просветительскую акцию с 2017 года и проект «очень зависел от фонда в инфраструктурной части».

«Поэтому все это нужно будет сокращать, искать необходимый минимум финансирования из других источников. Для команды 31 мая был последний рабочий день, кто-то продолжает работать в усеченном режиме», — рассказала Ребковец. Она пообещала, что «Тотальный диктант» в 2022 году все равно состоится.

Ясно, что найдутся те, кто в пику возрожденному самосознанию людей подкинет деньжат организаторам. Бесплатно за идею о чистоте русского языка они и пальцем не пошевелият. Но теперь уже мы должны сказать свое окончательное «нет» личному участию в русофобском проекте.

* * *

Иван Тарасев

ГЕНЕРАЛ РАСХОДЧИКОВ: СПАСИ ПИСАТЕЛЯ

...Сегодня мы знакомим читателей «Спецназа России» с операцией по освобождению в 1996 году из ичкерийского плена полковника ФСКН, писателя и военного журналиста Николая Иванова.

За эту спецоперацию генерал Расходчиков награжден Орденом Мужества.

«Надо лететь обратно в Чечню»

Главный редактор газеты «Налоговая полиция» Николай Иванов попал в ичкерийский плен 21 июня 1996 года. В неволе, хлебнув лиха, ему было суждено провести четыре месяца, а могло быть — много больше! Исход дела решили четкие, выверенные действия группы Евгения Расходчикова.

Пленник, которого ему пришлось вызволять, — человек неординарный. Родился Николай Федорович Иванов в селе Страчево Брянской области в 1956 году. В 1971 году после восьми классов поступил в Московское суворовское военное училище. Окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища.

С 1977 года — в военной журналистике. Начинал с корреспондента солдатской газеты в Воздушно-десантных войсках. Не желая быть «белой вороной», за период службы в ВДВ совершил более шестидесяти парашютных прыжков.

Воевал в Афганистане, награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени, одним из первых журналистов в послевоенное время награжден медалью «За отвагу»; ЦК комсомола вручил ему знак «Воинская доблесть».

В отдел очерка журнала «Советский воин» Иванов пришел специальным корреспондентом, неоднократно вновь летал в Афганистан. В 1992 году он стал главным редактором этого издания. В октябре 1993 года, отказавшись публиковать материалы в поддержку расстрела Белого дома, личным приказом Министра обороны Павла Грачева был снят с должности «за низкие моральные качества» и уволен из Вооруженных Сил.

Службу Николай Федорович продолжил в органах налоговой полиции, создавал и редактировал газету «Налоговая полиция». Во время командировки в Чечню в июне 1996 года был захвачен в плен боевиками.

К тому времени город Грозный оказался в руках ичкерийских сепаратистов. После подписанного в Хасавюрте генералом Лебедем договора российские войска покидали республику, которая де-факто становилась независимым государством — Чеченской Республикой Ичкерия (ЧРИ). В этих условиях перед генералом Расходчиковым была поставлена задача — сделать все, чтобы освободить из плена полковника Иванова.

— Когда город отошел к боевикам, а слухи о взятии Грозного ходили за неделю до штурма, у нас оборвались все связи и наработки по освобождению, — рассказывает Евгений Васильевич. — Ведь мы действовали-то в контакте с местной ФСБ, их посредниками. Ничего не оставалось делать, как возвращаться назад, в Москву. И начинать все сначала.

Только и Москва не могла ответить на сотни вопросов, и главные из них — где находится Иванов, у кого и, вообще — жив ли? И азарт уже пошел, заработало чисто профессиональное самолюбие: неужели не вытащим?

Примерно через неделю я попросился на прием к директору ФСНП Алмазову:

— Сергей Николаевич, надо лететь обратно в Чечню. Из Москвы мы его не вытащим. Разрешите?

— Кого хотите взять с собой?

— Геннадия Нисифорова.

— Он в командировке в Тамбове.

— Завтра утром будет здесь, вечером вылетим.

— Давайте, действуйте. Разрешаю принимать любое решение, исходя из ситуации. Только осторожнее. Если еще пропадете и вы...

Так снова оказались с Геннадием в Чечне. Мы ее прошли с самого начала боевых действий, знали друг друга настолько, что на рискованные мероприятия, «стрелки» —

встречи с бандитами — ходили по одному: если что-то случится, допустим, со мной, Гена будет знать, каким образом и где меня вытаскивать. Точно так же он надеялся на меня.

На наше счастье, в списках мелькнуло село, около которого произошло пленение Иванова. Больше того — главарь банды оказался родом из этого же района. Подумали: а что, если родственники одного задержанного боевика, назовем его Муса, сами надавят на соседнее село и главаря? Проверили данные по Мусе — ни громких дел, ни убийств, ни насилия, ни участия в боевых действиях. Руководство ФСНП обратилось в Генеральную прокуратуру: просим рассмотреть возможность обмена Мусы на нашего офицера. Следователи приступили к оформлению необходимых документов...

В Грозный дорожка нам, конечно, оказалась закрыта. Стали подбираться к командирам отрядов самостоятельно, без посредников, которые частенько ради своей выгоды искажали информацию, задерживали ее. Ходили, конечно, в рванье, чтобы не привлекать особого внимания, ни о каких средствах связи или охране не могло быть и речи. Тем не менее по старым связям удалось выйти на главаря, который захватил Иванова. Он представился Рамзаном. С ехидцей посмотрел на меня:

— А ты не из налоговой полиции. Наверняка из ФСБ.

— Да, я бывший комитетчик. Более того, из «Альфы». Ну и что из этого?

— Вот тебя бы взять. Мечта жизни.

— Но это нужно еще попробовать.

— Ладно, давай попробуем поработать по Иванову. Ты уважаешь мои интересы, я попробую уважить ваши.

— Но Иванов жив? Мы не пустышку тянем?

— Жив. Даже что-то пишет, недавно листки отобрали.

— Мне нужно подтверждение, что он жив на сегодняшний день. И с этого момента начнем работу.

— Будет тебе подтверждение. Но только он давно уже не у меня...

ДОСТАЮ ГРАНАТУ, ВЫДЕРГИВАЮ ЧЕКУ

Тем временем родственники Мусы, которых мы разыскивали, сразу загорелись идеей обмена. Послали ходоков к Рамзану, отыскивали его, организовали нам новую встречу.

— А какая нам выгода отдавать Иванова сейчас? Мы его подержим еще месяца три — четыре, миску похлебки как-нибудь найдем для такого дела. А потом и назовем окончательные условия его освобождения, — стали набивать они цену.

А я чувствую: время уходит, ситуация в Чечне меняется не в нашу пользу, мы начинаем зависеть от любых случайностей. Время, как и боевиков, требовалось подталкивать, чтобы удержать инициативу в своих руках. Но каким образом?

Спасти ситуацию мог лишь Муса. Прошу привезти его из Владикавказа в Грозный. Когда «товар» перед глазами, с ним расставаться всегда тяжелее. Извиняюсь за такое циничное выражение, но тогда наш коллега Иванов и Муса шли как товар, куда от этого деться!

Мусу в наручниках доставила под конвоем наша физзащита. Понять руководителей можно: чеченца привезли в родные края, где практически не осталось федеральных войск. Сделает ноги — и как оправдываться перед Генеральным прокурором?

В то же время понимаю, чувствую: покажу родным Мусу в таком эскорте, полного доверия не вызову. А мне нужно только оно. Вспоминаю, что Алмазов разрешил принимать любое решение. Окунаюсь с головой в ледяную воду — принимаю: наручники — снять, конвой — в Москву, Мусу — к родным в дом.

Пробираемся в село окольными путями. Родители как вцепились в сына, чувствую, не отдадут больше никогда. А документы на его освобождение — это в случае

удачного обмена — у Саши Щукина, который из следователей остался один. Так и замерли перед последним прыжком: с одной стороны я, Гена Нисифоров, Саша Щукин и наш бессменный проводник Бауди, с другой... Да, в какую же мышеловку мы полезли!

Но интуиция не подвела. Додавили ведь Рамзана всем селом, всем родовым кланом. Не знаю, чего там было больше — просьб, угроз, но нам передали: обмен состоится в одиннадцать часов дня одиннадцатого октября.

В одиннадцать Рамзан стоял на «стрелке». Спрашиваю его:

— А где Иванов?

— Деньги утром, стулья — вечером. Сначала вы выполняете наши условия.

— А я с тобой буду говорить только после того, как напротив посадишь Иванова и я увижу, что он жив.

— Так не получится. Условия диктую я. Стулья...

— Условия будет диктовать ситуация. А она такова, что завтра я улетаю в Москву. Вместе с Мусой. И ты со своими проблемами можешь остаться один на один. И на сколь угодно долго.

— Ну ты крутой, размахался. Иванов жив, но далековато. Его надо еще привезти.

— Поехали, привезем вместе.

— А не боишься? — Рамзан вытащил пистолет, снял с предохранителя.

— Да вроде нет, — достаю гранату, выдергиваю чеку. — Если что, ни твоя, ни моя.

— Ну ты брось, брось. Еще нечаянно отпустишь. Нам надо еще кое с кем посоветаться. Подожди.

И исчез. Проходит час, второй, третий. Я дергаюсь, но больше не за себя, а за Москву и Моздок: знаю, все руководство во главе с директором ждут от нас вестей, а тут еще конь не валялся. И связи никакой, одна граната в руке. Гена, Саша и Бауди стоят чуть в стороне: если пойдет провокация, чтобы не уложили одной очередью. И с места ведь не уйдешь, другого раза может не повториться.

Мимо проскакивают машины, ясно — идет проверка. Убежден, что весь район оцеплен, и надежда только на родственников Мусы, которые пообещали по горскому обычаю не дать гостей в обиду. А тут уже и темнота подступает.

Рамзан явился в сумерках, с дополнительной охраной:

— Ладно, будет тебе Иванов. Но чуть позже.

Все ясно: они ждут ночи. Так и получилось. Встретились на перекрестке дорог — толпа женщин, боевики... Привели изможденного, обросшего бородой мужчину. Спрашиваю, чтобы уж наверняка:

— Как имя-отчество Алмазова?

— Сергей Николаевич.

— Ты — Иванов?

— Да.

— С возвращением. Поздравляю!

И обнимаю его.

— А вы... кто? — спрашивает Николай Федорович.

— Расходчиков. Из физзащиты.

В том человеке, которого вывели из машины, прежнего Иванова узнать было невозможно. Похудевший, заросший, в обмотках. Его фотографии имелись у каждого оперативника, но то, что увидели...

Потом сказал ему:

— А самая большая мечта у нас с Геннадием была — освободив, надавать, чтобы не лез, куда не надо. А увидели — и остыли...

Переночевали в селе. Под охраной «наших» чеченцев. Утром ехать было как-то безопаснее. Ночью могли перехватить или элементарно расстрелять машину.

— На каких условиях меня обменяли? — спросил Иванов.

— Тебе это сейчас важно? — пожал я плечами. — Главное, что вырвали. «Есть у Родины тайны, которые умирают вместе с солдатами», — так, кажется, сказал кто-то из поэтов. Потом сам все узнаешь.

Утром нас вышла провожать половина села. На трех машинах подъехали вооруженные с головы до ног боевики, взяли нас в середину кортежа.

Добрались до Моздока. Ночуем там. Утром по радио дали сигнал точного времени — восемь часов. Начались последние известия. И вдруг в эфире прозвучало: «В результате специальной операции оперативников Налоговой полиции России вчера освобожден из чеченского плена писатель, полковник Николай Иванов». Все, спецоперация завершена, финальная точка поставлена.

Военкор всегда на передовой

После подобных потрясений обычные журналисты, как правило, стараются не выезжать больше в горячие точки. Иное дело — военкоры! Николай Иванов вскоре едет на Северный Кавказ заместителем главного редактора газеты «Чечня свободная», издававшейся на освобождаемых территориях республики.

Затем у него будет организация выездного Пленума Союза писателей России в Гудермесе (2000 год), выезды на пограничные заста-

вы, организация и выезды в составе творческих десантов (писатели, художники, артисты) в Моздок, Шатой, Старые Атаги к землякам — сводному отряду брянской полиции. Руководством УМВД по Брянской области в 2013 году он награжден Знаком «За службу на Кавказе».

Опытom, приобретенным во время своих командировок в зону боевых действий, Иванов охотно делится с журналистами центральных и региональных СМИ, являясь одним из преподавателей курсов экстремальной журналистики «Бастион».

Во время наводнения на Северном Кавказе в 2002 году Иванов создавал в Ставрополе пресс-центр Росавтодора, итогом этой работы стала его книга «Кавказ. Укрощение стихии». На следующий год он отправляется в поездку от Читы до Хабаровска (2500 км) по строящейся автомагистрали «Амур».

За книгу «Амур» собирает Россию» Николай Федорович становится лауреатом «Имперской премии» имени Э. Володина.

Во время конфликта Грузии с Южной Осетией в августе 2008 года в качестве специального корреспондента журнала «Подмосковье» полковник Иванов выехал в Цхинвал с первой колонной гуманитарной помощи. После этой поездки он стал организатором и выездного Пленума Союза писателей России в Южной Осетии и Беслане: для Иванова делиться впечатлениями с коллегами по перу так же естественно, как и патронами во время боя. Еще раз в Цхинвал он поедет уже делиться опытом работы в экстремальных условиях с местными журналистами.

Потому не случайно в книгах Николая Иванова столько правды, эмоций и точных характеров, наблюдений. Полковник Николай Иванов — писатель, пришедший в литературу из военной журналистики, но никогда не оставляющий ее. И премия отечественного родоначальника «журналистских расследований» Юлиана Семенова стала достойной наградой военному писателю.

Николай Федорович — председатель правления Союза писателей России. Автор более двадцати книг прозы и драматургии, лауреат литературных премий имени Николая Островского, Михаила Булгакова, «Сталинград», ФСБ.

Драматические события 1996 года — захват, неволя и освобождение — стали сюжетом повести «Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре».

* * *

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» поздравляют:

Владимира Георгиевича Бояринова, замечательного поэта, видного деятеля литературы, председателя Правления московской городской организации Союза писателей России, сопредседателя Союза писателей России, заместителя Председателя Исполкома Международного сообщества писательских союзов, Заслуженного работника культуры Российской Федерации, лауреата многих премий с днем рождения! И желают новых творческих и организационных достижений на благо русской литературы и крепкого здоровья!

Романа Константиновича Тишковского, председателя Правления АРЛ, главного редактора вестника Академии — литературного альманаха «Московский Парнас», известного прозаика, поэта, публициста, литературного критика и деятеля культуры со званием лауреата премии «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы» и с днем рождения! От всей души желаем ему новых творческих успехов и крепкого здоровья на благо российской литературы!

Анатолия Юрьевича Аврутина, видного поэта, переводчика, публициста, литературного критика, обозревателя, главного редактора литературного журнала «Новая Немига литературная», члена редколлегии журнала «Приокские зори», члена Союза писателей Белоруссии, Союза писателей России, Международной Славянской Академии, Академии российской литературы с днем рождения! Желаем новых творческих свершений и доброго здоровья!

Евгения Марковича Скоблова, известного российского прозаика, постоянного автора и члена редколлегии «Приокских зорь», автора шестнадцати книг прозы крупных и малых форм, участника более семидесяти российских и зарубежных периодических литературных изданий, лауреата литературной премии им. А. П. Чехова (2010), литературно-общественной премии «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова (2012), дипломанта конкурсов МГО СПР «Лучшая книга 2008—2010» (им. А. И. Куприна «Гранатовый браслет») МГО СПР, неоднократного дипломанта Германского международного конкурса «Лучшая книга года», члена СПР, МГО СПР, члена Правления, заместителя председателя Правления и главного редактора альманаха «Московский Парнас», администратора информационных ресурсов группы «Академии российской литературы» в Фейсбуке и в «VK» с ЮБИЛЕЕМ! От всей души желаем новых творческих и организационных успехов, крепкого здоровья, семейного благополучия!

Сорокина Валентина Васильевича, известного талантливому поэта и публициста, руководителя Высших литературных курсов при Московском Литературном институте, члена редколлегии «Приокских зорь», лауреата премий имени В. Федорова, А. Твардовского, Д. Мамина-Сибиряка, С. Есенина, Н. Гумилева и ряда других, открывшего читающей России имена многих замечательных поэтов и писателей, с днем 85-летия! Желаем В. В. Сорокину творческого и жизненного долголетия, новых замечательных литературных достижений и благодарности читателей!

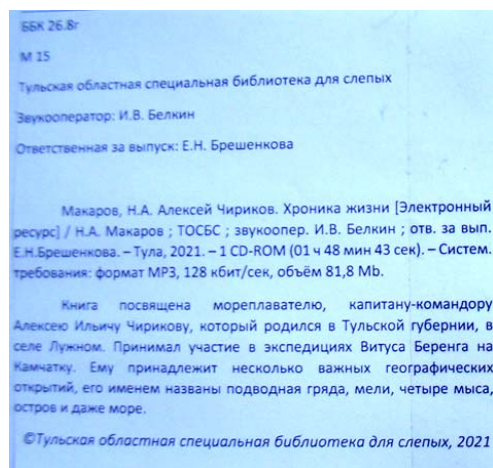
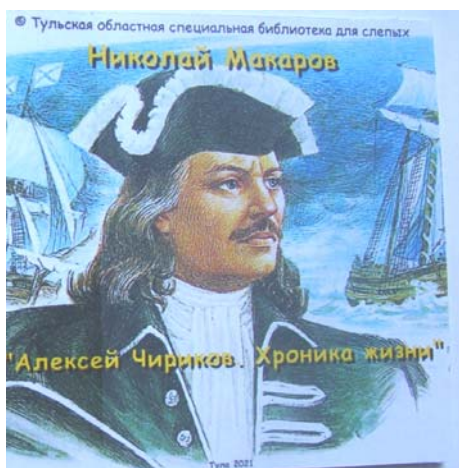
* * *

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

Тульская областная специальная библиотека для слепых выпустила аудиодиск книги «Туляки — кавалеры императорского ордена святого Александра Невского» в авторском исполнении члена Союза писателей России, Российского союза ветеранов Афганистана **Николая Макарова**

Тульская областная специальная библиотека для слепых выпустила аудиодиск книги в авторском исполнении члена Союза писателей России, Российского союза ветеранов Афганистана Николая Макарова «Алексей Чириков. Хроника жизни»

* * *

**СОЮЗНОЕ
ГОСУДАРСТВО**

Официальный сайт Постоянного Комитета Союзного государства

Почетный Генконсул Республики Беларусь в РФ Владимир Шугля выступил на конференции «Православные истоки славянской письменности и культуры».

© 2020

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14, — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.
- 5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;
- 6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;
- 7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэмы объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже, левее фотографии, выравнивание по левому краю (шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);
- 4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;
- 5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru — секретарю редакции Елизавете Михайловне Барановой.

С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

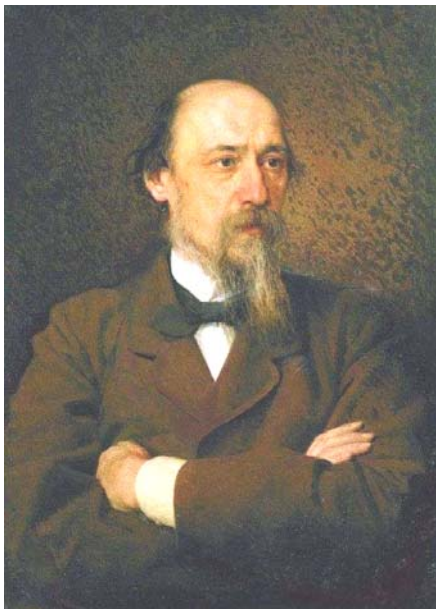
В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.09.2021
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

**К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА
НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА НЕКРАСОВА**

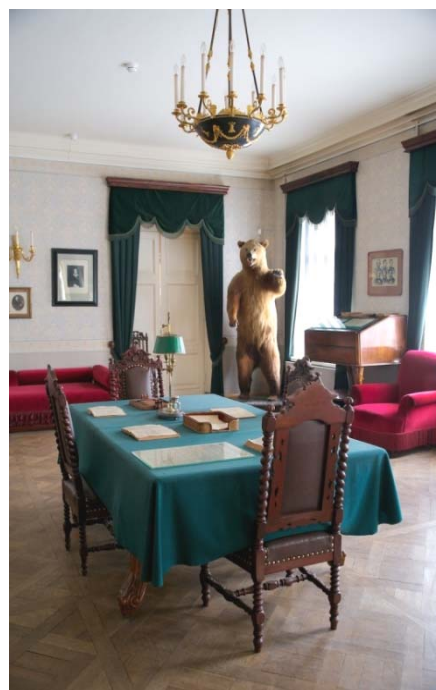
И. Н. Крамской «Портрет Некрасова»

*Аллея Верхнего парка в усадьбе
Карабиха*

*Карабиха. В Большом доме. Интерьеры
конца XVIII — начала XIX вв.*

*Мемориальный Музей-квартира
Н. А. Некрасова в С.-Петербурге*

**НАСТОЯЩИЙ НОМЕР «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ» ТРАДИЦИОННО
ПРЕДСТАВЛЕН ПИСАТЕЛЯМИ БРАТСКОЙ БЕЛОРУССИИ, КЛАССИКИ
КОТОРОЙ СМОТРЯТ НА НАС С ПОРТРЕТОВ: ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО
ЛИТОВСКОЕ — РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ — РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ —
СССР — БЕЛОРУССИЯ**

Франциск Скорина

Франциск Казимирович Богусевич

Янка Купала

Иван Петрович Шамякин